

ЛЮДИЛА
СУРСКАЯ

Машка

ЖЕНСКИЙ

РОМАН

Книга о том, как жить рядом и победить такой загадочный объект, как мужчина. Книги о дружбе и любви всегда интересны и главное не уходят из моды. Мы можем родиться в разных местах, жить в разных городах, идти к дружбе и любви разными тропами, но чувства приобретения и потери мало отличается одно от другого у всех.

Мы рождаемся, а судьба уже подстерегает наше появление на свет за углом. Никто не ведаёт, куда она его выведет и за какой бок цапнет. Правда не ведёт на верёвочке, а даёт каждому шанс. Воспользоваться им наша задача.

Машка поспорила бы с каждым, кто предположил, что солист, с приляпавшегося к её сапогу ветром рекламного плаката популярной группы, будет её судьбой... "Что за чушь!" — польхнёт гневом её лицо. Пошутила же так, ради прикола. Ан нет, всё не так!...

Две подружки с жаром помогали друг другу в поисках любви и преуспели в этом. Любую вершину можно одолеть, если есть желание и цель. Лёгкий и весёлый женский роман. Куда ж от него денешься, особенно, когда душу пощипывает потеря, печаль или ядовитой змеёй ревности опалит сердечко. Осенью тоже не сладко, она как правило и давит, и жмёт. Женщине тогда непременно нужна отдушина, передышка и она её получает, взяв в руки мою книгу.

Сурская Людмила

Машка, или Ключи от счастья

Жизнь гоняет нас по кругу. Зиму сменяет весна. Весну лето. Лето осень и опять планета пошла на новый виток, и так год за годом. День торопит ночь, солнце, заходя, тянет за собой звёзды и луну. Дождь когда-нибудь даже затяжной кончается, выпуская из плена радугу. Мы привыкаем и понимаем, что по-другому просто не будет. Так и будем крутиться, как на карусели, от рождения до смерти. Почему в природе всё размерено, рассчитано, в общем, кругом правильно, а человеческая жизнь сплошная аномалия. Разве не так?

Зима — снежок, морозец, кусающий нос и щёки и, конечно же, сказка для любого возраста Новый год. Дед Мороз с мешком подарков и чудесной девочкой Снегурочкой перетягивает всех. Детвора за одно это уже любит зиму, а если ещё обломились поездки на лыжах или посчастливилось разбить нос, катясь с горы, — вообще красота. Ёлка перевешивает холод и неудобства многочисленной одежды, нанизанной на каждом.

Весной — весёлое солнце, звонкая капель, хрупкие льдинки на лужах с упрямством, и мужеством борющиеся за жизнь первые цветы — подснежники. Именно весной, словно просыпаясь вместе с природой, кружит головы любовь.

Летом — жара, подставленные под загар спины, земляника, ромашки и сплошные отпускные удовольствия.

Осень, что с неё взять, она и есть осень. Холодное солнце, умирающая листва, ни цветов, ни любви. Грязь. Дождь.

Шальной осенний ветер кружил сорванные листья и оборванные детворой, ради забавы, объявления и рекламные плакаты, бросая их под ноги. Рваные пакеты носились по улицам, надуваясь грязными воздушными шариками. Дождём холодным сыпала осень по разноцветным зонтам, согнутым плечам и сторбленным спинам торопящихся убежать от непогоды людей, не глядя под ноги расшвыривающих, безжалостно топча этот некогда яркий, а теперь унылый ковёр. На улицах куда не глянь стоят лужи воды. Солнце чуть подёрнуто туманной пеленой. Почему-то именно эту пору тоска выбрала для своего пира, змеёй вползая в душу, болью и безнадёжностью, сжимая сердце, питая подушку горячими слезами. Безумно хочется остановить этот сумасшедший листопад. Наполнить жаром и огнём солнце, каким-то чудом вернуть красоту деревьям, траве, перекрасить всё яркими красками жизни и непременно распустить цветы. Если б Земля, имея такой запас любви, могла это делать, мы бы точно любили на всю мощь. Стараясь во всю силу раскалить солнце, высушить холодные лужи на дорожках и распустить подснежники. Но хозяйка осени — тоска — опутывает всё своей крепкой паутиной, сомнения на стороже, и мы понимаем, что это тупиковый вариант. Нельзя затормозить или пустить вперёд часы, отмеряющие наше время, как бы нам не хотелось увидеть ландыши в октябре. Они раньше конца апреля или начала мая не появятся. Жизнь не сказка. Что, интересно, им снится под таким плотным ковром из осенних листьев, укрывших их на зиму? Похоже, весна, солнышко, а может девушка, которой со словами любви подарят их. Листопад при любом раскладе полыхнёт и уйдёт в бытие. А голенькие деревья будут ждать нового наряда, чтоб прикрыть свою незащищённость и наготу. Первый щедрый снежок накинёт на них кокетливые шубки. Белые

краски закрасят опавшую в грязь листву и выбелят дорожки. Нарисует мороз свои сказочные узоры на окнах, скуёт сердца и заморозит души. Всё опять будет спать, поклёвывая носом до весны. Но это потом, а пока кружит по улицам листья ветер и безжалостно поливает мерзкий, плюхающий крупными холодными каплями дождь.

Две девчонки, прижавшись друг к дружке, бежали под одним зонтом. Лужи фонтаном разлетались из-под их высоченных каблуков. Мерзкий, холодный дождь не испортил их настроения. Барышни, без умолку болтая, даже не замечали его, треща о своём девичьем, сокровенном. О чём могут стрекотать так девчонки, не видя луж и брызг, разлетающихся на плащи, тут и думать нечего, только о любви и об успехах. Все любят ругать девичью дружбу. Эти две готовы поспорят на что угодно — те, кто так говорят, совершенно ничего не понимают. Юля и Маша. Они росли вместе в одном дворе, ходили в один садик, одну школу и даже в один класс, высиживая уроки за одной партой. Летом их запикивали в один пионерлагерь. Ничего удивительного: родители работали до развала Союза на одном предприятии и были очень дружны, а теперь занимались одним бизнесом. Что поделаешь, жизнь разделилась на два цвета, до развала — красный и после — полосатый. Когда-то смешно было слушать стариков с их "до революции" и "после революции" и вот допрыгались сами до этих "до" и "после". У нас нет просто истории, непременно добегая до чего-то и бросаема на амбразуру. И почему в нашей стране непременно так? Но всё уже решили и свершили без нас, так что остаётся только принимать мир таким, каким он есть. Давно закончена школа, а девчонки так и не потеряли дружбы. Щебеча под зонтом подружки, похоже, радовались даже непогоде. Их объединяли детские годы и почти родственные отношения. Девчонки наряды умудрялись носить одинаковые — так им хотелось. Что их отличало, так это характеры и, пожалуй, ещё талант. Юля имела хорошие голосовые данные, подавая в плюсе с "баксами" отца большие надежды, а Машка — нет. Девочка пыхла с удовольствием только над изучением языков, на большее, к великому сожалению её мамы, она не тянула. Певица, музыкант, художник или, тем более, фигуристка с гимнасткой, куда её тоже пытались засунуть, из неё не получились. Отчаявшись найти у дочери хоть какой-то талант и пристроить в творческие круги, мама махнула рукой на несказанно обрадованную Машку, и та, облегчённо вздохнув, стала жить своей серенькой жизнью, болея и страдая за бурлящую успехом да страстями Юлю. С замиранием сердца, слушая песенку о том, что журавлик в небе лучше синицы в руке, она не горевала. В заоблачных высях не летала. Что ж тут поделаешь, если такая родилась серая, хотя лично ей и так не плохо. Её удел знания. У Юлии- чувства. Кто тут прав? Никто. Маше хорошо было с книгами. И взбалмошную непоседу Юлю она тоже любила и никогда не выискивала в ней недостатки. Не завидовала. Для подружки модные и дорогие композиторы писали песни, на отцовские щедроты снимались клипы, устраивались выступления в престижных залах. Крутило талантливую мордашку и TV. Для малой куклы это с головой. Мама Маши, глядя на всё это, страдала, промокая слёзки на плече мужа за своё бесталанное чадо, но с природы спроса нет, какое родилось, такое и люби. В двенадцать Юлька со всем этим музыкальным свистоплясом влюбилась. Стрела впиалась в танцора из её же подтанцовки. Отобранный туда бдительной мамочкой студент-первокурсник Максим, стал её головной болью, даже не подозревая о таком несчастье. Девчонка бегала за ним хвостиком, заглядывая в рот и глаза. Но не тут-то было. Парень малышку в цель свою не забивал. Чихал на её чувства, а она жестоко страдала. Случается и так. Народ вокруг, видя такое дело, посмеивался и был прав — детсад. Но куда деться от этого, случилось и смейся не смейся, а ничего с таким винегретом не поделаешь.

Рослый, хорошо сложенный парень, естественно, не принимал её в серьёз. Ребёнок есть ребёнок, что с него возьмёшь. Тем более то был ребёнок людей на которых он работал. Они платили ему зарплату. Танцы для него, это всего лишь способ подработать к стипендии. Когда-то ещё в школе мама заставила его заниматься под прессом, а сейчас это помогало иметь подработку. Юлька безмерно мучилась, но вырасти быстрее своих календарных лет, не могла. Предмет её любви и восторга делал ей, как малышке ручкой, не желая воспринимать всерьёз. И против этого тоже не попрёшь. Жизненный цикл неизменен, зеркало отражало маленькую девочку и всего лишь. "Но почему всё так неправильно и несправедливо? — страдала Юлька. — Ведь к тому времени, когда я подрасту, он будет женат". Ей объясняли, что те, кому так сегодня она завидует и с которыми, не жалея, готова сию же минуты поменяться бы годками в той её взрослой жизни, будут зрелыми тётками. Но что ей её будущее, когда Максим в этой, и Юлька отдала бы всё за годочки, чтоб быть вровень с ним сегодня. Машка искренне жалела подругу, сочувствовала ей, но годков добавить не могла. А вообще-то, Машка относилась к этому, как к кино. Какая любовь, когда куклы они с Юлькой ещё рисуют, выдумывая и вырезая к ним наряды и всё такое прочее. Нет, Маша понимает, что она та любовь есть, но у взрослых. С ними хотя бы всё понятно, объяснимо и вздохи, и поцелуи, и слёзы. Словом "ля-ля", "лю-лю", как в кино, а тут у Юльки годочков — смех один. Но перечить подруге Машка не хотела. Пусть страдает. Может, это игра у неё такая. Творческая натура, их просто так не понять. Всхлипывания и вздохи дочери не прошли мимо глаз её мамочки. Юлька постаралась всё отрицать, ни в чём таком секретном не признаваясь, но сведущей женщине не составляло большого труда докопаться до истины и понять природу нервных скачков в поведении дочери. Максима, недолго думая, выперли из танцгруппы, тем самым, лишив заработка. Сколько он не убеждал о своей непричастности к Юлькиным соплям, это мало кого интересовало. Рисковать никто не собирался. Юлька после таких родительских контрмер совсем пала духом. Машка была единственной отдушиной, кому она могла часами рассказывать о Максиме. Как гуляла с ним по парку, каталась на аттракционах и лакобилась мороженым. "А что, интересно, ещё могла она с ним делать", — думала Машка, бестолково поглаживая подружку по голове. Она никак не понимала её чувств, твердя одно:

— Ну, вот... я же говорила... Юла, для него ты маленькая. Ребёнок ты, подружка. Он и обращался с тобой, как с маленькой, но когда ты вырастешь, он состарится и женится, у него будут дети. Надо забыть.

Та совершенно не обращая внимания на чьи-либо советы, в том числе и Машины, злилась.

— Машка, ты дура, — ревела Юля, — это навсегда.

Жалостливая Маша соглашалась:

— Я верю, конечно, "навсегда", пока не вырастешь.

— Чего бы понимала...

— Живи, как хочешь!

После последней взбучки Юла обещала маме и заверяла отца стать паинькой и не быть столь наивной. Ей попробовали поверить, но слежку приставили. Только Юля не была бы собой, если б не облапошила их... Как-то, сбежав из дома и охраны, она пришла к Максиму в общежитие, забралась на его кровать в ожидании хозяина и уснула. Пришедший с занятий парень был ошарашен и напуган. Тягаться с отцом Юльки у него кишка тонка, да и причины не было, девчонка не в его вкусе и мала совсем. Из-за этой избалованной козявки уже у него

было достаточно неприятностей. Чего же нарываться-то ещё. То просилась погулять с ней, то покатать, а козлом отпущения сделали его. Макса просто лишили доходной подработки. А как откажешь ей, если на неё и работали. Водил куда попросит, кто же знал, что у неё не всё в порядке с головой.

— Что ты тут делаешь? — растолкал он её без церемоний.

— Тебя жду-у...

— Ну, что от меня тебе надо, глупая? — жалостливо смотрел он на неё.

Юлька плакала спростонья, не врубаясь в ситуацию. Не помня, который час и как оказалась у него. Жалея, на чём свет стоит, себя разнесчастную, надеялась, сама не зная, на что. Забравшись с ногами на одеяло, она тихонько поскуливала, размазывая по лицу кулаком сопли и обиду.

— Молчишь, горе луковое? — ворчал парень, ища номер телефона её отца в своей записной книжке.

— Не надо, — ныла Юлька, враз сообразив, что её ждёт.

— Дудки. Больше я с тобой не лопухнусь, — пригрозил ей Макс.

— Пожалуйста, — всхлипывала она.

Только дело её не поправлялось, Макс на сей раз взял правильную линию и на её нытьё не поддавался.

— Ой, слушай, на черта оно тебе надо?... — это Юле, причём старательно избегая смотреть на неё, не сводившую с него виновато умоляющего взгляда, а в трубку:- Станислав Иванович, Максим Терехов беспокоит, вспомнили? Вот и ладушки. Вы Юлю не потеряли случаем? Есть такое. Заберите, у меня в общежитии на кровати сидит. Зачем пришла? Удочерить просится. Не до шуток мне. Вернулся с лекций, а тут такой сюрприз. Я её постерегу до вас, адрес записывайте.

Отключившись, он выдохнул, словно сбросил тяжёлый груз, и посмотрел на неё вполне весело.

— Ой, а мне пополам... — взвилась, умываясь слезами и соплями она, и в знак полного неодобрения отвернулась к стене.

Юльку забрали, хорошо ввалили и отправили учиться в Англию. Машка поскучнела. Новых подруг не завела, а с Юлькой стали видаться всего ничего на каникулах, даже наговориться не успевали.

Часики тикали. Девчонки выросли и кончали теперь уже каждый свою школу. Юлькины родители купили большую квартиру в другом районе, а Машкины расширились здесь и подружки вынуждены добираться друг к другу по нескольку часов, торча в пробках. Тихая Машка без своей предводительницы и бойкой подружки совсем растворилась во взрослеющем классе. Даже выпускной год не изменил её. Получив аттестат, Маша пошла в университет, наотрез отказавшись образовываться за границей, а Юлька, естественно, продолжила учиться уму разуму там же в Англии. Машка учила языки, Юлька — психологию. В доме Маши она по-прежнему свой человек. Когда-то Машка смеялась над Юлей за смешную детскую любовь, теперь время поменяло их местами, и уже Юля хихикает, веселясь над бестолковым Машкиным чувством. Та убогая подобрала оборванный осенним ветром рекламный плакат, прилипший к её модному сапогу вместе с листом клёна. На её беду это оказался не просто плакат, а групповой портрет какой-то известной музыкальной группы. Правда, до этого она о них слышать не слышала. Но раз дают

концерты, значит, кто-то на них ходит. Притащив зачем-то домой находку, совсем уж непонятно для себя повесила на стену, над своей кроватью. "Пусть висит, — разглядила она порядком помятый плакат. — Последний привет от осени. Сам напросился в гости, приляпавшись к сапогу. Виси теперь". Ну, повесила и ладно, нет же, надо было ляпнуть пришедшей навестить её подруге, что влюблена в солиста. "Вот этого", — ткнула она пальцем в первого же наглого. Язык, конечно, без костей, но надо было всё же прикусить его, чтоб не болела потом голова и не ломило от бестолковой беготни ноги. Сочинила ж просто так, чтоб отделаться от вопросов о "друге", которым та постоянно мучает Машку и подразнить Юлиану. Отсутствие у Машки кавалеров не на шутку беспокоило деятельную Юльку, с каждым новым приездом она доставала её более упрямо, решительно не понимая, почему у Машки до сих пор никого не завелось. А теперь во всём полный порядок. Плакатное враньё, всё объясняло, ставя Юльку на место, а Машке определяя роль мученицы. Нагло улыбающийся белозубый парень с мятого и немного грязноватого плаката, отрабатывал с лихвой своё висение на Машкиной стене. А что, мы тоже не лыком шиты. О, какой! Какой он она разглядела в последний момент, но Юлиана не знает же об этом.

— Вот, — показывала она на портрет, — делаю скорбное лицо. — Провальный вариант. Я и Он. Рядом не поставишь. Ты, подруга, понимаешь моё состояние.

Юлька, подозрительно посмотрев на грязноватый плакат и на несчастную подружку, не сразу, но поверила в Машкину осеннюю сказку. "Зачем же тащить эту старую рвань домой, если не из-за любви", — решила, как всегда с жаром, она.

— Ты смешнее меня, Машуня.

— Почему это? — обиделась за свой выбор Машка. — Вроде ничего. Парень, как парень. Нос кривоват, но это ж не главное, а может, его вообще от полосы сгиба перекривило.

— У меня хоть реальный человек был. Понятно, перекося, пацанка в мужика влюбилась, а у тебя вообще ни в какие ворота — плакат.

— Что поделаешь, любовь зла, — вздыхала Маша, изображая печаль и искренне удивляясь тому, как это умная Юлька приняла всю эту Машкой насочинённую чушь близко к сердцу. — Да, вот такие дела, ну ты сама всё знаешь, как это бывает.

— Это вот на что? — постучала вдруг деятельная Юлька больно по Машкиной, не ожидающей ничего подобного, голове.

— Голова, — опешила Машка, почёсывая доставшееся руке подруги место.

— Слава Богу, соображаешь. Думать надо ей.

— Ну и что. — Не сдалась Машка, — какая разница, нравится он мне. Подумаешь, плакат, зато погладить и поцеловать можно, а у тебя даже фотки нет... вот! — показала она слишком привередливой подруге язык.

— Вот дурра, — злилась Юлька. — Реальных что ли парней мало. С чего тебя так занесло? Ты б ещё в виртуального влюбись.

— Что поделаешь, судьба такая, любить — не капусту шинковать, — водила дальше за нос подругу Машка, радуясь, что такая классная заморочка получилась.

— С шариком в обнимку случайно не летала?

— А что такое? — засуетилась Машка.

— Ты точно сдурела, — крутила пальцем у виска Юлька. — Я хоть по малолетству свихнулась, а ты с чего так слетела...

— Ничего, мне и такой в кайф, — упёрлась Машка. Вид у неё был какой-то особенно

неприступный. — Где тебя так изъясняться учат? Сдаётся мне, твой отец спускает на ветер деньги обучая тебя в заморских университетах... Ай, я — яй!

Она утвердительно кивнула.

— Тоска зелёная. Пяться, не пяться, а признать придётся. Ведь по большому счёту с любовью нам не повезло. Причём обеим.

Машка доброжелательно настроенная на весь белый свет, посмеиваясь, легкомысленно отмахнулась:

— Да, ладно тебе, если у нас завал, то кому-то двойное удовольствие за нас.

Юлька не нашлась что ответить. Внимательно посмотрев на подругу и не став спорить, задумалась. Та промолчала, сопя себе в кулачок, решив вплотную заняться устройством Машкиного счастья, если уж своего не получилось. Если б Маняша знала о её спонсорских планах и туда, куда они заведут... Но, не ведая о такой перспективе, она радовалась приезду подруги, возможности общаться и говорить с ней. А Юлька, не откладывая в долгий ящик, со всем своим пылом занялась плакатным Машкиным героем. Первое, что сделала, это навела справки, где вечером выступает эта "головоломка" подруги. Тут же купила билеты за ближайший столик к сцене и с жаром взяла курс на победу. Только вперёд, на покорение. Она крутилась со всем пылом, удивляясь, почему Машке это не пришло в голову самой. Хотя, что с неё взять, кроме изучения языков, ни в чём никакой расторопности.

— Эй, подруга, — кричала она в трубку, — собирайся, мы едем.

— Куда?

Та с пылу жару заверила:

— Неважно, поторопись. Твоё влюблённое сердечко обрадуется.

— Не поняла? — возмутилась Маша.

Подруга уточнила, но до сути не довела:

— Чего в том непонятного. Я лечу к тебе, попроворнее там со сборами. Обещаю, довольная будешь.

— Едем далеко? — попробовала прояснить ситуацию ничего не понимающая Машка.

— Увидишь. Ну, ничего... пройдут и по нашей улице танки.

— Какие танки, ты чего? — пробовала разобраться Маша, но на том конце уже отключились.

Маша убеждала себя в том, что отказать подруге она не могла. У неё не было причин для отказа. Юлька налетела быстрее, чем Маша успела собраться. Покрутив подругу и буркнув — "сойдёт", она потащила её за собой, по дороге заскочив в цветочный магазин. Юлька расщедрилась на корзину диковинных дорогуших цветов.

Маша задумалась над её словами и помрачнела: "Сейчас вытащит на какое-нибудь официальное мероприятие, которое я страх как не люблю". Обычно она читала мысли подруги. Стоило ей о чём-то подумать, а Маша уже могла повторить её мысль вслух. К этому они обе привыкли с самого детства и уже не замечали, а в этот раз такого не получилось. Туманная завеса. Про всякий случай попробовала прощупать обстановку:

— Цветы-то зачем и ещё какие-то официальные, не люблю такие.

— Тебе их и необязательно любить, — отмахнулась Юлька. — Это не тебе. И вообще какие-то холодные у тебя рассуждения, подруга.

"Про что холодное это она? — изумилась Маша. — Ох, уж эта Юля". Пробуксовав рискнула расширить вопрос:

— Мы же в клуб какой-то едем или ты приврала и везёшь меня к кому-то из своих

знакомых на празднование чего-то?

Но Юля, не собираясь раскрываться, берегла сюрприз и продолжала в прежнем духе.

— Не гадай на кофейной гуще, не поможет, — поцокала она языком.

— Не люблю твои сюрпризы, не знаешь, что от них ждать, — проворчала недовольная

Маша.

Подруга хихикая заверила:

— Потерпи, сейчас увидишь. Только не умри от счастья.

Маша вздохнула и вздох тот был тяжёлым. С крученной и вездесущей Юлой смерть могла подстергать где угодно. Лишь бы мгновенной. Правда, Маша очень надеялась на то, что после Юлькиных фейерверков она выживет. Для той не существовало невозможного, когда задавалась какой-либо целью. Маша всегда ей завидовала, по-доброму. Пробравшись к столику, корзину притулили сбоку, у стены. Маша не сразу в полутьме узнала ту несчастную группу, рекламный плакат которой прилепил расшалившийся осенний ветер к её ноге. Ей запомнился из всего коллектива только один и то потому, что дольше других пришлось разглаживать, помялась больше остальных именно его физиономия. Случайно она именно в него ткнула пальцем, сочиняя сказку для подруги. И этот солист с наглой ухмылкой, высокий и хорошо сложенный. В белой накрахмаленной рубашке на выпуск, очень элегантных брюках и туфлях на тонкой кожаной подошве, теперь стоял в нескольких метрах от неё. "Обалдеть! Нет никаких сомнений, — бросило в жар Машку, — на сцене стоял именно тот парень, в которого я неосмотрительно ткнула пальцем, показывая Юльке, как свою любовь. Ой, мамочки, лучше б я выбрала кого-то другого, с этим нахалом точно не договоришься, если припрёт". — Нервничала она, отхлёбывая большими глотками вино.

— Не волнуйся, — по-своему оценила состояние Машки подруга. — Всё под контролем.

Он будет наш. Смотри какой ураган. Только не строй из себя скалу неприступную.

— Ещё чего! Я не желаю никаких знакомств. И заявляю тебе это... Обещаю, моей ноги около него не будет... Да чтоб мне провалиться на этом месте, — паниковала Маша.

— Не будь дурой и эгоисткой. К тому же, где ты набралась такой пошлости.

Юлька выпалила это и сразу надула губки, увидев округлившиеся глаза подруги. Мол, я стараюсь, а в тебе ни на самый маленький ноготок благодарности.

Машке стало стыдно, и она нырнула глазами в тарелку с фруктовым салатом. Сама же затеяла всё это с плакатом. Подруга из сил выбиваясь старалась... Надо терпеть. Первые минуты коллектив работал без него, вот Машка и опростоволосилась. Слишком поздно она поняла медвежью услугу сердобольной подруги. "Уже никуда не деться, придётся сидеть, иначе она поймёт, что я её обманула и тогда неизвестно, что хуже... Мать Божья, во что я влипла?"

— Где ты про его выступления пронюхала, — подалась она к Юлии, задав мимолётный вопрос, перед этим пару раз оглянувшись: не слышит ли кто.

Та перекинула через плечо свои красивые волосы и тут же ответила:

— Ой, слушай, лучше не спрашивай. — И быстро перевела разговор на другое:- Машка, а у тебя губа не дура. Он вживую поинтереснее, чем на плакате твоём зачуханном. Возьми хоть рост, хоть статью. А плечи-то, плечи. Рожа — картинка, а голос обалдеть. — Завела свой неугомонный моторчик Юлька. — Главное не зевай.

— Это как, ты о чём? — забеспокоилась Маша, зная темперамент подруги, способный запросто её сейчас втянуть в какое-нибудь безобразие.

— Не прикидывайся пельменем, не люблю. Бери цветы и дуй к нему. На, — решительно плюхнула ей корзину на колени Юлька.

Маша, пытаясь избавиться от неприятного сосущего ощущения где-то в животе, убеждая себя, что ничего страшного с ней не произойдёт, если всучит она ему тот букет, всё же не двинулась с места.

— Зачем, я думала, ты сама подарить, — заюлила она.

Юлька с такими эмоциями взмахнула руками, что чуть не снесла бокалы.

— Приехали. Кто в него влюблён, ты или я? Топай, давай.

— Я не могу, — заупрямилась Маша, устремив на неё умоляющий взгляд. — Ещё подумает, что я безумная фанатка.

Юля пристукнула ладошкой по столу.

— В чём беда-то. Опять у тебя телега посреди дороги. Пусть себе думает о чём хочет, только думает о тебе. Иди. — Подтолкнула её Юла, смягчив свой неожиданно резкий тон, прикосновением к её руке.

Маша заметила, что на них поглядывают со сторон. Выбухи подруги зацепили посторонний глаз. Самое время промолчать, но удержаться без уточнения не смогла:

— Я что должна отдать это именно ему?

Но та уже ничем ни стучала и не махала, а зловеще произнесла на ушко:

— Нет, мне. Поторопись. Совсем от любви мозги в шоколад превратились. Какая тебе разница, что он подумает, лишь бы заметил.

Всё ж и так понятно, но Машка, надеясь не понятно на что, тянула время. Авось пронесёт!

— Получится, как с приветом. Давай, я вон тому, толстенькому подарю. Вполне симпатичный парень. А этот, мой, позавидует. По-моему это ход...

Обессиленная борьбой Юлька едва удержалась, чтоб не дать ей под зад пинка. Маша и глазом не успела моргнуть, как она выдернула подругу с места и зашипела змеей:

— Пошло, поехало... Петрушка с укропом. Зачем нам упитанный... Вот колбаса с глазами... Шевели ногами.

— Колбаса с глазами — рыба, — шмыгнула обиженно носом Машка. Ситуация становилась отчаянной. Она видела из неё только один выход — сбежать. Впрочем, есть и ещё один — признаться. Какой лучше трудно сказать. Советы всегда легче раздавать.

— Что? — вытаращила глаза деятельная подруга. — Если ты струсишь, — голос её то дрожал как натянутая струна, то чеканил как барабанные палочки, — я больше никогда... Слышишь, никогда не буду с тобой разговаривать!

Машка поняла, что припёрта. И из Юлы сочувствия не дождалась. Тяжело, словно собравшись на казнь, вздохнула:

— Не ругайся и не принимай к сердцу, я пошла...

Краснея, доплелась до полукруга олицетворяющего сцену и замерла, держа корзину на вытянутых руках. Пуча глаза, как рыба, выкинутая на весы, раскрывая беззвучный рот, постояла так около парня, совсем не соображая отдать ему это в руки или просто поставить и уйти. Окинув её сухим быстрым взглядом, певец попробовал выправить ситуацию.

— Это мне? — забрал он цветы у ожившей от включившегося дыхания Машки, догадавшись пожалуй безъязыкую девицу.

"Юлька, несмотря на то, что недипломированный пока ещё психолог, а рассчитала всё верно. Он, бесспорно меня запомнил, только вот под каким соусом?" — Плюхнулась Машка

на стул рядом с неугомонной подругой.

— Ничего подруга, это неважно, — притворно-бодрым голосом убеждала, не сдаваясь, та, — главное, вы пообщались.

— Да, уж. Особенно я, — вздыхала расстроенная Маша. "И чего я пристала к бедному парню?"

Как бы там не было и кто из них был прав, но певец в следующий свой выход на сцену едва заметно поклонился ей, как бы персонально выделяя её из зала. Приветливая улыбка осветила его лицо.

— Ооо! — ликовала Юла. — А что я говорила!

Девчонки досидели до конца выступления. Не смотря на то, что поклонов больше не последовало, Юльке было интересно, а Машке нельзя выходить из придуманного образа. Вот и хлопали глазами до победного. "Юльке, похоже, понравилось делать меня счастливой, так что её запросто уже невозможно остановить". — Переживала Машка. А подруга, действительно обрадованная успехом (интересно каким?), трещала без умолку, берясь сразу же за разработку нового плана. "Это ей скучно и она так развлекается, — с тоской думала Маша, — а что же делать мне, несчастной?"

— Зачем тебе план? — разозлилась она на подругу.

— Будем влюблять в тебя этого лапочку.

— Он же тебе не понравился? — с надеждой заглянула ей в глаза Маша. — Я могу разлюбить...

— Я передумала, — заторопилась та с ответом.

— Ты же смеялась над плакатной любовью? — поддела Маша.

Подруга посмотрела на неё с недоумением, мол, ты чего, когда это было, и с энтузиазмом заявила:

— Мы картинку сделаем реальностью. Будем стараться, по крайней мере.

О! то не входило в планы Маши.

— Сама подумай, ну зачем мне эти трудности? — взмолилась она.

Только Юлька не собиралась складывать крылышки.

— Машуня, ты меня поражаешь, своей забывчивостью. И вообще, не надо меня пытаться учить. Слышала: учёного учить- только портить.

— Больно надо... А на память пока не жалуюсь, — хмыкнула Маша на всю эту её эмоциональную чушь.

Подруга аж зажестикულიровала руками.

— А сказки, вспомни сказки?

— Вот только не надо ещё и сказок...,- отмахнулась Маша.

Но азарт Юлы так просто ручкой не смахнёшь. Она развязала бантик своих алых губ, на два конца.

— Нет, послушай. Ведь все герои, все! Прежде чем дотопают до счастья проходят испытания и борются с трудностями.

Маша просто так брякнула:

— Да? Неужели?

О! Для подруги это уже повод для разговора и психологического эксперимента.

— Ты вспомни, вспомни. Золушку оттесняют от туфельки. Иванушка и жар птицу ловил и за красавицей ездил, даже в кипятке варился...

Маша поняла, что попалась.

— Можешь, не продолжать... Я поняла, от тебя не отвязаться и ты непременно прогонишь меня через "огонь, воду и медные трубы".

— Вот и умница. Там тоже все боролись, — облегчённо вздохнула Юлька. Но Маша просто так не сдалась. Пусть не думает...

— Ты упустила главное.

— Не сочиняй, — Юлька тут же отмахнулась. Себе она такое позволяла.

Но Маша продолжила:

— В каждой сказке был волшебник. У Золушки — крёстная, у Ивана — Конёк Горбунок...

— Подумаешь, можно и без цирка обойтись, — не собиралась отступать от своего она.

Маша вызывающе широко развела руками.

— Как?

— Выработать позитивный взгляд на любую ситуацию, — выпалила Юла.

— Всё? — почти рычала Маша.

Пожалуйста, раз так хочется Юлия добавила ещё:

— Заставь обстоятельства работать на тебя. К тому же у тебя есть я.

— Только не надо никого в меня влюблять. — Пыталась ещё взбрыкнуться Машка. —

Он взрослый парень, у него наверняка есть жена, дети, любовницы. Зачем мне эта канитель. Хватит с меня и портрета.

— Ни фиги! Завтра я всё о нём узнаю и тебе доложу. Готовься в случае чего к следующему походу. Кольца у него нет. Хотя в шоу бизнесе это ничего не значит, — возразила она сама себе. — Могут быть три жены и пять детей, а зрителям гнать, что девственник.

— Вот видишь, — уцепилась хоть за что-то Маша. — Ты что хочешь опустить меня до роли любовницы?

Юлька откликнулась скоренько:

— Я ж сказала, сначала узнаю.

"Хоть бы у него был гарем и куча детей", — отбивалась Маша в надежде, что повезёт.

— И потом, ты сама подумай, всё с ног на голову перевернуть нельзя. Девушке, бегать за мужчиной, не то, чтоб неприлично, а просто аморально. Меня мамочка убьёт.

— О, не смейся. Всё давно изменилось, теперь молодые люди ждут, когда их приласкают. А мамочке такие вещи уже в детских садиках детки не позволяют себе болтать.

— Ты говоришь ерунду. Чему тебя только в той Европе учат...

— Сейчас выясним, — вытащив из сумочки маленький магнитофончик, изображая борзую корреспондентку, она направилась к группе молодых людей.

Через пять минут она приложила его к Машиному уху. И та услышала, как на провокационный вопрос подруги: "Когда они собираются отчалить отсюда?" Последовал ответ: "А мы вообще-то здесь обычно до тех пор, пока нас девочки не снимут! Так, что дерзайте!".

— Ну, как тебе мои доказательства?

Машка закатила глаза.

— Я перевариваю твою информацию.

Юлька, празднуя победу, поторопила:

— Переваривай её быстрее. Инициатива — это теперь не мужская прерогатива.

Маша завела за ухо прядку волос, провела ногтём по подбородку, и не придя к согласию

с собой, возмутилась:

— Ненормально это всё, неестественно.

Но Юлька как будто только этого и ждала, чтоб получить дополнительную дозу вдохновения.

— Ха! Теоретически вся та мура, о которой мы бестолково спорим, звучит так:—"Идеальная инициатива — это хорошо спланированное предприятие, которое в глазах мужчины должно выглядеть, как счастливое стечение обстоятельств". Ты поняла. Твой козёл должен не сомневаться в том, это благодаря судьбе, а ни твоим стараниям, вы встретились на одной половине, в один час.

Наконец Мария поняла, что так ей просто от Юлы не отбиться и, чтоб перевести с неприятной Машке темы разговор на ещё более нежелательную для Юльки, вредничая, спросила:

— Как же с Максимом?

— Никак, — сразу же потухла подруга, забыв про Маняшу. — Где его искать, кто знает, страна большая.

— Может, поискать как раз и стоит. Мало ль. — Посоветовала Машка глупость, боясь, что Юлька опять возьмётся за неё.

Та нехотя поддержала разговор.

— Наверное, при желании можно всё. Даже такое безрассудство. Но часики не останавливали свой бег и, скорее всего, у него семья, дети, жена.

Маша поддакнула:

— Тогда у него уже была девушка, я помню. Он приходил с ней на репетиции.

— Ты права, Машуня, была. Пока я выросла, у него мог пионерский отряд детишек родиться.

— Мог.

— Значит, не моё это. Так бывает. Болит у одного, а у второго нет. Я ж просила его подождать, когда подрасту. Не поверил, не заинтересовался даже. А женатый для меня табу. Табу!

Маша согласно закивала.

— Ты права Юла, ох, как права.

Закивать-то закивала, а подумала: "если отнять у неё эту сумасшедшую любовь, то что же ей останется в жизни? Отчего ж мы ненормальные-то такие". По-человечески ей было жаль подругу.

А Юла неслась в своих рассуждениях дальше. Больше это предназначалось её ушам. Воодушевляло, давало надежду и силы жить...

— Да, если судьба, то дорожки наши пересекутся. А нет, это будет только моя боль.

Видя, как кривятся её губы и маска боли уродует её лицо, Маша уже была не рада тому, что свернула разговор в старое, старое русло.

— Да. Наверное, оно, так. Мало ль в кого мы влюбляемся детьми, но чтоб это перекинулось на взрослую жизнь, не довелось слышать о таком. Может, это болезнь у тебя такая? — обняла подругу Маша. Ведь Юла имела полное право на счастье, которое почему-то так же как и Маше не желает улыбаться. Ну, почему не может сбыться Юлькина заветная мечта. Кто в небесной канцелярии ведаёт за это и так бездумно раздаёт подарки.

— Может и так, ты приехала Машенция, выходи. — Открыла она дверцу машины. — До завтра я всё узнаю, и мы его возьмём, — подмигнула она, обнадёживая Машку.

— Давай Юла, найдём себе не таких красивых и шустрых, чтоб голова болела, а? Говорят, жизнь с такими мужьями бывает размереннее и спокойнее, — ляпнула под настроение Маша.

— Посмотрим, — усмехнулась та.

"И дёрнул меня чёрт приколоться с тем плакатом, — ругалась Маша на себя, поднимаясь по лестнице в квартиру. — Кто б мне объяснил, зачем я его домой припёрла". Придя в комнату, плюхнулась на кровать, со стены ей подмигнул ставший её головной болью парень. "Чтоб тебе одними лягушками питаться, чтоб тебе на постели из листьев спать и одни копейки в кармане таскать, — выпалив ругательства, отвернулась она от него. — Чего тебе скажи, непременно нужно было, именно к моим ногам приклеится. Проблемы теперь от тебя налезает одна на другую".

Ни раздеться, ни отвести душу не успела.

— Мария, ты, где была? — постучавшись, вошла мамочка. — Поешь, я разогрею.

Маша не тронулась с места и даже не подняла на неё глаз, чтоб та подумала, как она занята делом. Может быть, та не решится её отвлекать. Предстояло объяснение, а объясняться не было желания. Но мамочку не провести. Она подошла вплотную и положила руку дочери на плечо.

— Юля возила музыку слушать, — солгала Машка, не говорить же правду. Хотя почему солгала, музыка же там точно была, если считать то, что они слушали, музыкой.

— Зачем ты эту дрянь тут повесила? — ткнула родительница презрительно в плакат. Маша понимала, что родительница не одобряет её увлечения, хоть и не препятствует глупостям.

Плечи пожались сами собой: "И что от меня все хотят?"

— Не знаю, — выдержала маменькин изучающий взгляд Маша. — Осенью ветер с листочком клёна принёс. А вдруг на счастье.

— Если б тебе мешок для мусора прилип к сапогу, это на что по твоей теории?

На такое сразу не ответить.

— И что вам всем этот плакат дался, — обиделась Машка. — Висят себе баксов не просят. И вдруг поняла душой то, что в первую минуту такой рьяной защиты куска бумаги ей было ещё не понятно самой. Она билась за него, как за члена семьи. Напугалась не без того. Забеспокоилась: вдруг мама всё поймёт... — Ой,- выдохнула она раздражительно, — не доставай, мамочка.

А та горько вздыхала:

— Всё это противоречит правилам хорошего тона, и узнай они, потрясёт всех наших знакомых.

"Хорошо, что она ничего не знает о предпринимаемых сумасбродной Юлой усилиях", — с ужасом подумала Маша.

Чтоб прервать непонятный обоим разговор, поспешила скрыться от матери в душе.

Надо отдать Юльке должное, она честно и упорно искала способ "случайного" знакомства с героем Машкиного сердца. Оказалась задача не так проста. С ходу не выгорело. Но Юла не отступила. Тогда она резко сменила тактику. Юльки не было дня три. Позвонила, что снимается в новом клипе. Машка обрадовалась, авось закрутится и забудет о её сказке. Но подруга примчала к вечеру, на парах и вся при плане. Она ворвалась к ней в комнату с такой стремительностью, словно её подхватил вихрь и швырнул прямо под нос оторопевшей

Маше. Она сникла. Значит, потащит сейчас опять куда-нибудь. Так оно и вышло:

— Собирайся, бегом.

Огромные глаза Маши вспорхнули птицами.

— Куда?

Торопясь, словно не успеет, подруга выдохнула:

— Они в казино. Вот так удача! Я всё заказала.

Машка опешила. "Не может быть!" Пока переваривала информацию, молчала. Потом уже не молчала. Сначала до хрипоты отстаивала своё право, потом поняв всю бесполезность слов, перестала. Подруга смотрела на неё равнодушным взглядом. Поняла: надвигающееся предотвратить не в её силах. Она сходила на кухню. Налила в стакан минеральной воды. Выпила её и неуверенно проныла:

— Может не надо?

Юла оглядела Машу критическим взглядом и заметила:

— Мне не нравится твой гардероб. — Дальше началось перетряхивание её шкафов. Не слушая Машу, она перебрала всё. — Надо завтра прошвырнуться нам по бутикам. Самый раз тебе обновиться и поднять настроение. Поверь — это так бодрит.

"Ещё и магазины...", — Машенция схватилась за висок. Придя в полное уныние, она всё же сделала попытку выкрутиться:

— Француженки считают, что чем меньше гардероб, тем лучше, — объявила Маняша несколько озадаченная прытью подруги.

— Чепуха! Большинству из них вообще глубоко наплевать на свой внешний вид, — тут же парировала Юла. — Но мы же не они. Поэтому всегда должны быть при гардеробе и параде.

Прежде чем что-то сказать, она в отчаянии подняла глаза к небу.

— Знаешь, у меня голова болит, — искала причину, чтоб остаться дома и просто поболтать Маша. — Я не осилю никаких мероприятий.

— Ничего с твоей тыквой не будет, — носилась подруга по комнате. — Увидишь любимого, послушаешь, как он поёт и порядок. Давай, торопись, клуша. Надо заехать букет купить.

— Опять? — подпрыгнула Машка, — я не пойду с веником к нему. Хоть режь.

Юла, не забывая о деле, подошла к трюмо, чтоб полюбоваться собой в зеркале. Улыбнулась: "Хороша!"

— Я лучше знаю, что делать и как кадрить. Тем более он холостяк. Вот такой перец. — Выставила она свой большой палец. — Девками обвешан, как баба кошёлками с рынка.

— Вот, — обрадовалась Машка, — зачем мешать, пусть висят. С меня происшествий вполне достаточно.

Юля ещё раз улыбнулась своему отражению: "Просто неотразима!"

— Только пожелай... Он будет наш, не сомневайся. Описываю в двух словах...

Маше захотелось её укусить, но в последнюю минуту вдруг осенило:

— Стоп! Ты, что, решила на мне дипломную работу обкатать?

— Зовут его Кирилл, фамилия Таран, — не моргнув глазом на Машкины колкости, докончила она. — Мировой парень.

Маша, покусывая нижнюю губу, молчала. Её смущало предчувствие чего-то непонятного, от чего ныло сердце, и рвалась в боли душа. "Лучше ничего не начинать, чтоб потом не кусать себе локти".

Дорога, несмотря на старания Юльки, быстрой не получилась. Машины больше стояли, нежели ехали. "Это даже хорошо, что застряли в пробке и опоздали к началу", — радовалась Маша, прихоращиваясь перед зеркалом в дамской комнате, вызывая своей нерасторопностью раздражение у деятельной подруги. Однако, сколько не тяни, а всё равно пришлось пройти к своему столику.

— Провозилась квочка, — ворчала Юлька. — Пару песен пропустили. На цветы, тащи, не дрейфь. — Подтолкнула она к сцене замешкавшуюся Машку. Всё повторилось до мелочей. Маша опять тормознула с цветами, застряв около него. "Просто наказание какое-то!" И опять он шутками выручил её, проводив глазами до места, не узнав сидящую к нему спиной Юлиану. Та жалеючи погладила подрагивающие Машкины руки.

— Оботрёшься...

Машка почти застонала.

Этим походом всё не кончилось. Правда, Юлиана на какое-то время пропала. Маша не могла вызвонить её даже по телефону. Но наполненная заботой подруга, сама напомнила о своём существовании и очень скоро. Каким уж способом неизвестно, но подруга достала примерный план их концертных выступлений и работы на несколько месяцев вперёд. Немало подивившись этому обстоятельству, она постаралась напрочь забыть о нём. Певец мало её тревожил: у неё было по горло своих дел. Но подруга не отставала:

— Вот смотри!...

— С ума сойти, как тебе это удалось? — не верила своим глазам Маша. "Вот влипла, так влипла, ещё заставит по всем пунктикам ходить. Ни за что, только уедет, сразу поставлю на этом безумии точку. Жаль, конечно, таких титанических усилий подруги, потраченных впустую, но балаган надо прекращать".

— Будешь ходить на всё, — тем не менее, давала инструкции Юля. — Я уеду, а ты темпов не сбавляй. Поняла, а то придётся начинать всё сначала.

— Есть! — с воодушевлением пообещала Маша, взяв под "козырёк", а на ум кинула совершенно иное.

Терзаясь стыдом за враньё, думала абсолютно о другом: "Больно оно мне надо. Ты уедешь, я Тарану прощальный марш сыграю". Но на десятое посещение "объекта" Машка со страхом почувствовала, что втянулась. "Этого ещё не хватало!" — ужаснулась она своему открытию.

— Машка, с каким чувством он забирает у тебя цветы? — оттачивала на ней свою профессию подруга, мучая вопросами.

— Со всем не с тем, что ты ожидаешь, — прижав руки к горевшим щекам, буркнула без восторга та.

Но опыт для Юльки превыше обиды и она требует:

— Давай по — порядку.

Ну хорошо, если ей так хочется для повышения профессионализму, Маша ей расскажет.

— Каждый раз по-разному он смотрит на меня. Было непонимание, презрение, усталость и даже, "а не пошла бы ты куда подальше". Может, Юла так и сделаем?

Подруга вытаращила глаза, но не сдалась.

— Брось ерундить. Сегодня как смотрел?

— "Чего тебе детка надо, ты мне до смерти надоела?" Сунув ему цветы, я трусливо сбежала. Всё, эксперименты самое время кончать Ты уезжаешь, у меня успехов ноль.

— Ни в коем случае, всё идёт прекрасно, — заверила она Машку.

И вот Юлька уехала, а Машка, всё время размышляла о её инструкциях, тихо ненавидя и презирая себя, ходила. Понимая, что можно уже спокойно бросить игру, остановиться не могла. "Не могу, — наконец призналась она сама себе. — Теперь безумно хочется его видеть, слышать его голос. Ловить каждое движение губ, глаз. Я знаю, как он поворачивает голову, как улыбается. Каждый взмах руки, шаг по сцене, я могу предугадать. Закрыв глаза, попробовала вспомнить его огромные глаза, какого они цвета? Кажется зелёные. Такие же, как мои, — обрадовалась она. Я влипла в любовь, — сев на колени в кровати, погладила его лицо на плакате Маша. Играла, играла и доигралась до бессонницы. Надо признать, что он нравится мне до дрожи в коленях и животе. Придётся посмотреть, где они выступают на этой неделе, а то соскучилась. Ой, в Питере! Почему бы и нет? Куплю билет и прокачусь". И прокатилась. В деле любви главное решиться полюбить, а потом уже несёт, как по накатанной колее. У Тарана чуть не выпал микрофон, когда он увидел её на том концерте.

— Кирка, смотри, — доставали его друзья, — Эта твоя лопухнутая незнакомка и сюда припёрлась.

— Сам на сцене еле устоял, — отмахнулся тот реагируя на болтовню друзей кислой усмешкой.

Друзья поддразнивали:

— Чего она хочет от тебя, спросил бы?

— А я знаю, дарит цветы и сидит себе или исчезает, — бурчал певец, явно удручённый происходящим.

— Что ни письма, ни записки, ни приглашения на свидание? — удивлялись ребята.

— Ни-че-го, — выпалил он.

— Посмотрим, что сегодня отчудит, пой. Нет, припереться в такую даль, она точно с приветом, — гудели ребята дразня его.

— Ну, я ей...,- цедит сквозь зубы он.

Ничего нового она не изобрела, подарив букет села на место досматривать программу.

— Это уже наглость, — подтрунивала над Тараном группа, — завалить тебя цветами и ничего не просить.

— Сами же сказали с приветом, — Отбивался тот, решительно ничего не понимая. Вот это-то непонимание и заводило, зля Кирилла. "На фанатку не похожа, на сумасшедшую тоже. Влюблённая? Совсем не из той оперы, те лезут с поцелуями, со свиданиями и прочей ерундой. Так кто она и что ей надо?"

Маша сняла номер в отеле на два дня. На завтра запланировано ещё одно выступление коллектива, и она хотела побывать на нём. Но случилось непредвиденное, ей не повезло с билетом. Разобрали всё, даже дорогие места. "Купленные цветы придётся как-то передать ему, не выбрасывать же, в самом деле. Хорошо бы придумать как. У Юльки бы даже не возникло такой проблемы, а я не рыба не мясо". — Страдала она. Не придумав ничего оригинального, стала ждать их приезда у служебного входа. О приезде кумиров известил визг несущихся поклонниц. Машка, спрятавшись за чужие спины, пропустила Кирилла с висящими на нём девицами и тормознула шедшего последним гитариста. Узнав Машку, парень тарачил, не стесняясь на неё глаза.

— Извините, — мне неловко, — лепетала она. — У меня нет билета на ваше выступление. Я не смогла купить. Отдайте цветы Кириллу. Простите за беспокойство. Спасибо.

Машка, всучив букет решила пойти — осмыслить пережитое и попробовать разобравшись понять чего она всё-таки от него хочет. Но гуляние по Питеру мало прояснило ситуацию, корни которой надо было искать совсем в другом месте. То есть не в голове, а в сердце. Только Машка об этом старалась не думать.

А гитарист ничего от изумления не сказав, лишь кивнув в знак согласия головой, получив букет с трудом освоил происшедшее. Обернувшись у входа он уже не нашёл девушки.

— На свой веник, — пхнул он огромный букет Тарану. — Оранжею тебе уже перетаскала.

— Не понял, — удивился тот, — откуда?

— Твоя, чокнутая, передала. Выяснилось, что у неё на это выступление нет билета. Чтоб лично сунуть тебе его в морду.

Его тёмные глазки зажглись не то огнём, не то радостью. Он помучил своё ухо.

— И ничего не сказала?

Ребята со смехом развели руками и пожали плечами.

— Ни-ни. "Извините, простите", и испарилась, даже рассмотреть, как следует, не успел.

Таран просто не мог не пробурчать:

— Ненормальная какая-то.

Ребята хмыкнули:

— Может и так, только, похоже, девочка не бомж и не вешалка с гардеробом.

— Не знаю, — покачал он головой.

Группа не собираясь притухать приводила ему новые аргументы:

— А ты прикинь. Букеты, посещения клубов, ресторанов и казино, а теперь ещё и поездки за тобой. Билеты везде дяди за денежки продают, не говоря уж о том, похавать требуется и всякую мелочь приобрести. К тому же на шее не виснет, к груди не припадает и в подъезде не караулит.

Таран, недовольный таким участием ребят, возмутился:

— У меня, что мало богатых баб, эка невидаль.

— Такая, с гербарием в голове, впервые, — сгибались от смеха ребята.

В Машке, без поддержки подружки, вели борьбу сразу несколько женщин. Одна, — сгорала от стыда за развёрнутые боевые действия. Другая, — таяла от любопытства, желая идти только вперёд. Третья металась между этими двумя, мешая обоим. "Цветы, это же не преступление, а удовольствие тому, кто дарит. А так же для того, кто принимает такой дар?" — убеждала себя Машка и новые букеты летели на сцену. Её борьба с собой закончилась тем, что она ходила уже почти на все его выступления и даже отважилась ездить за группой, пока правда, по большим городам. Клятвенно убеждая себя и мать, что чисто с экскурсионной целью. Кирилл попривыкнув к наличию на переднем крае ненормальной, начинал скучать, не найдя её на привычном месте. Обшаривая глазами зал, кривясь в усмешке, тянул:

— Наверное, цветы кончились.

Он тоже изучил уже её график преследований, хорошо зная, где можно увидеть, а куда она ещё не рискует добираться.

Юлька, прикатившая на рождественские каникулы, сразу включилась в борьбу за счастье подруги. В первый же день, прилетев к ней, развела бурную деятельность,

забраковав враз всё, что делала Машка. Она прочитала там какую-то новомодную статью и желала её немедленно на ней испробовать.

— Как дела подруга, на том же месте застряла, где я тебя и оставила?

— По-моему он принимает меня за дурищу фанатку или за сумасшедшую.

— Сонная жизнь твоя кончается с моим приездом. Я её запрещаю.

— Я догадалась. Валерьянкой надо запастись.

— Будем выводить его из заблуждения. Покажем что ты не из этих, то есть не из тех.

Черт, тебя саму покажем. — Носилась она по Машкиной комнате не в силах присесть.

— Юлька, ты меня со своим адским моторчиком впутала в г... Непонятно во что, — докончила Маша нейтрально, удержав себя от нехорошего слова.

— Не ной. — Не обиделась Юлька. — Перед Новогодними праздниками певцы нарасхват. Деньгу зашибают. Узнаем, у кого они распеваются, и пойдём по гостям. Главное — не переиграть и не напугать его.

— Как? — вспыхнула Маша.

— Не проблема, — погладила её обнадеживающе по плечу Юла.

Но Машку это только распыхило.

— Юлька, почему ты через любую кочку перешагиваешь, а я у маленького камешка торможу?

— У каждого свои тараканы. И опять же кто на что учился. Не тяни время, собирайся.

Маша вынуждена была согласиться с таким подходом.

На ближайшее же число Юлька не только узнала, где они работают в концертной программе, развлекая коллектив крутого офиса, но и заимела приглашение на эту вечеринку. Старалась на всю катушку. Хотя признала — познакомиться с этим субъектом оказалось намного труднее, чем она себе представляла!

— Как-то не совсем удобно, перед хозяевами, — сомневалась Машка, подкрашиваясь перед зеркалом.

— Там будет море людей, жёны, дети, любовницы, до тебя никому нет никакого дела. Представь себе, у них праздник, не до нас. Нам след остерегаться на своём пути кретина, положившего на нас пьяный глаз, чтоб в семейный скандал не попасть.

— О, я не пойду, — напугалась Машка. — Зачем мне неприятности.

— Пойду, не пойду... Букет не забудь.

"Я ж ничего такого от него не хочу, подумаешь, посмотрю, не убудет с парня, целые залы глазуют и не сглазили пока". — Утрясала она свой поход со своею душенькой. Услышав про букет, она встрепенулась:

— Это, как шампанское на похоронах будет, Новый год же.

— Не отвлекайся от своего сердца, остальное, моя забота и моей голове решать, но ты права, надо подумать. Придумала, — прыгала она через минуту, — придумала! Возьмёшь большую бутылку шампанского, завяжешь на горлышке бант помасштабнее, золотой, яркий и поставишь у его ног. Оригинально. Разве я не умница!

— Господи, это наказание какое-то. Кто меня за язык тянул. Могла ж про гаишника с жезлом пошутить. Что тебе в Англии своей не сиделось, зачем ты меня мучаешь, — разнервничалась Машка, представив себя с таким бочонком.

— Ну, Машунечка, — поглаживала она её по плечу, — Мы возьмём такую, что ты дотащишь. Машенька, котёнок, собирайся, я ж для тебя стараюсь.

— Зачем ты ко мне пристала только...,- сдавалась Машка на милость подруги. — Ты

психолог, конечно, но, по-моему, мужики плохо понимают намёки, ничего не смыслят в женской логике, если разбираются то с трудом в наших фантазиях, но вот фальшь чувствуют всегда.

— Пристаёт жвачка. — Тут же взяла инициативу в свои руки, почувствовав слабинку Юлька. — Шевелись, время уходит. Берётся рассуждать в чём ничегошеньки не смыслит. Что там мужики могут понимать, когда они себя-то и то не понимает. Да нам и не обязательно это. Мужик, как снег, либо есть, либо его нет. Понятно?

— Чего б тебе самой не влюбиться в кого-нибудь и старайся для себя, на мне уже дорожку накатила, у тебя, как по маслу пойдёт.

— Это удар ниже пояса.

— Прости. — Обняла подругу Маша. — Я влезаю всё глубже и глубже.

— Отсюда и твоя паника. — Обрадовалась она.

Машка с трудом доволокла ту огромную бутыль, обвязанную у горлышка бантом до импровизированной сцены. Кирилл потерял дар речи, когда бутыль бухнулась ему под ноги и, не устояв, покатила к ребятам. Машка под смех танцующих, пробежав марафон на четвереньках, выловила ее, приткнув к инструменту. Умирая от стыда, и прикрывая ладошками покрасневшие щёки, заторопилась улизнуть подальше. Шла, кляня себя убогую, Юльку такую разумную и ветер, принёсший тот плакат. "Уж лучше б то был мусорный мешок". — Глотала она тут же навернувшиеся слёзы, а ведь так хотелось быть сильной. Кирилл смотрел ей в след, было от чего обалдеть. Оказывается, ненормальная проникла и сюда, на закрытую вечеринку, плюс эта бутыль. Как она ещё сама не разлеглась на сцене рядом с такой бочкой. Полазив на карачках за катающимся по сцене подарком, опять же молчком уползла себе куда-то. "Нет, она меня точно добьёт", — охал он, отбиваясь от хохочущих ребят.

— Мне в какой-то миг показалось, что, ты озверел Таран, — смеялся барабанщик.

— Я точно больше не могу так, пойду, найду эту чебурашку и всыплю, чтоб не повадно было.

Друзья не соглашались с такой постановкой вопроса:

— Интересная особа, очень интересная...

Но Машку не так просто было сейчас найти. Она сопливилась в Юлькино плечо, прячась в женской комнате. Интересно, где ещё-то? Переживая свой провал и кляня свою несообразительность, она икала от слёз.

— Не переживай ты так, — утешала подруга, — не рассчитали размеры маленько. — Велика важность. Опять же ищем плюс... Ищем, ищем. О, нашла! Теперь он тебя разглядел всю. По крайней мере, зад твой при ползании просматривался на все сто. А он у тебя...

Договорить она не успела. На Машку такое успокоение подействовало потрясающе, она завывала:

— Господи, ну почему я дура такая-я... Ты вон остроумная, находчивая пользуешься фантастической популярностью у мужчин. В поклонниках недостатка не было никогда. А я... одно недоразумение.

Юла тут же принялась обкатывать на ней полученные знания.

— Машка, кончай меня промокать и айда, веселиться. Всем нам свойственно ошибаться и даже самые успешные порой терпят неудачи. Помнишь, модельер выплыл на сцену с расстёгнутой ширинкой и ничего не умер, только очков себе набрал. Потом опять же истина гласит. "Неудачи — это не что иное, как опыт, а он никогда не бывает отрицательным". Ну,

закругляйся с терзаниями.

Маши ничего не оставалось как глубоко и тяжело вздохнуть.

— Спасибо утешила. Стыдно же на него смотреть, а она мне про модельера толчёт.

Юля тут же принялась бурно возражать.

— Вот ещё, из-за такой мелочи портить себе вечер. Хотя сама виновата, чего сунулась ловить её, катится и фиг с ней. Умывайся и пошли. Что за дела, весь праздник торчат в туалете.

— Я больше не могу-у...

Юла категорически не была с ней согласна.

— О! Что за канитель. Хватит заниматься самоедством. Мы сюда пришли отдыхать.

— Какой отдых после того, что я натворила.

Подруга теряя терпение прищкнула:

— Машка, нельзя всё время возвращаться к ошибке и обвинять себя. Забуди.

— Как? Психолог посоветуй... — потребовала Маша.

Юлька в два счёта оседлала своего любимого конька.

— Закрой глаза и представь себя под струями воды, смывающими с тебя все твои неприятности. Помогает. На себе пробовала.

Машка не удержалась от ехидства.

— Экспериментируешь?

Юлька не отнекивалась.

— Это не эксперимент, а применение знаний на практике. Не хочешь это, то есть и ещё способ. Ты замечала, что если тебя кто-то обижает, ты сразу сгруппировавшись, задерживаешь воздух в лёгких?

— Как это? — опешила она.

— Перестаёшь дышать...

Маша ничего не помнила, но на всякий случай сказала:

— Ну?

Юльке и не требовалось её согласие.

— Так вот я тебе дам разъяснение и профессиональный совет.

— Опять глупость какая-то, — с осторожностью подошла к совету Маша.

— Обижает... Дыхание — это то, что связывает душу и тело. Поняла?

Маша подняла одно плечо выше другого, что означало:

— Туманна твоя заморская наука.

— Когда твои нервы натянуты, как струна, подумай: "Я вдыхаю радость, выдыхаю грусть. Вдыхаю энергию, выдыхаю слабость"

— Глупость... — брякнула рассерженная Маша.

— Не перебивай, — продолжила не смутившись Юла, — и сделай пять глубоких вдохов.

Маша бурча подчинилась.

— С тобой не соскучишься и своей смертью не помрёшь.

— Я серьёзно, — пригрозила Юлька.

Боясь обидеть подругу, Маша сдалась.

— Ну, хорошо. И зачем всё это?

— А вот в этом-то и вся соль. Это помогает сохранить спокойствие и уравновешенность. Чего тебе сейчас и не хватает. Давай попробуй. Ты ж ничего не теряешь.

Машка тяжело вздохнула.

— Тут ты права. На все сто процентов. Я уже ничего не теряю. Но от пяти вдохов я сдохну.

Подруга деятельно возразила:

— Ты обижаешь свои лёгкие.

После психологических тренингов, Юлька опять её вывела на люди, окунув в общее веселье. Когда Таран вытащил её из круга народного топтания, развернув к себе, у Машки подкосились ноги. Опомнившись, первое, что она сделала, это постаралась вырваться и исчезнуть.

— Куда, птичка, — прижал он её к себе, ловко уводя в танце из людской гущи.

— М-м... — мычала девушка не в силах выдавить из себя ни слова.

— Ты зачем за мной бродишь, а? — грозно припугнул он её.

Машка тупо молчала, не пытаясь даже выдавить словцо. Достаточно уже и того, что примитивно плясая на парня сопела.

— Немая? — остановился он, изображая поцелуй её потной от напряжения ручки.

Она почувствовала себя ужасно.

— Не немая, всё глупо и нелепо, извините, — расстроенная Машка, не оглядываясь, пошла на выход.

Держащая всё под контролем Юля, бросив своего недовольного партнёра, догнала её уже у двери.

— Куда ты шалая? Видишь, мы продвигаемся вперёд.

— О чём ты? — огрызнулась Маша даже не поворачиваясь к ней.

Юля с готовностью выпалила:

— Вы уже танцуете.

Маша встала. Её руки застыли в мольбе на груди. Она просто молила подругу о пощаде:

— Зря это всё, Юла. Он ненавидит меня. И чего я этот плакат подобрала дурища. Надо выкинуть его из головы вместе с плакатом на помойку. Как ты там советовала: вдох, выдох и пока. Не спорь, это будет правильно.

Подруга обняла её за плечи, чмокнула бодря в щёку. По правде Юлии было жаль Машку и она решила сделать ей небольшую уступку. Погладив по плечу, сказала:

— Ты устала.

Маша кивнула:

— Насильно мил не будешь, это из мудрой старины идёт.

Юлька тут же возразила:

— Под лежащий камень вода не течёт, это тоже оттуда же.

— Не знаю.

— Ты уже сегодня кайф от его рук получила, — загорячилась на её упрямство подруга, — помнишь, ты говорила с самого начала, что ничегошеньки не получится, а ведь он держал тебя за руки. И вообще, отступить поздно, я договорилась с их директором, догадайся о чём?

Машка чуть не подпрыгнула, но у неё подвернулся каблук.

— Ты с ума сошла.

— Правильно, они будут петь в новогоднюю ночь, в нашем элитном клубе, я их за хорошие бабки перекупила. Представляешь. Разве я не молодец!

— На меня не рассчитывай, я не пойду, он так на меня смотрел...,- всхлипнула Машка.

— Пойдёшь куда ты денешься. Семейный выход. Наряд приготовь повыкрутастее. Одно

плохо мамочкины глаза кругом, но, будем надеется, что они будут смотреть на другое. Как никак широкий выбор развлечений, от нарядов дам, до их драгоценностей и мехов. Мы приехали, вылезай, сопли подбери, чтоб раньше времени не волновать маман, — напутствовала она Машку, подогнав автомобиль к самому подъезду.

Как не крутилась Машка, а ехать пришлось. Она вошла в клуб в вечернем платье, купленном вчера с Юлькой для сегодняшнего вечера, при перчатках, сумочке из той же ткани что и платье, а ещё под руку со старшим братом Александром. Родители хотели блеснуть. Маму, при полном параде, вёл следом отец. Машка умерла бы со скуки, если б не Юлька, утащившая её тут же в противоположную от родителей сторону.

— Мама смотрит на меня, как милиционер. Словно подозревает в чём-то нехорошем, — пожаловалась подружке Маша, — представляешь, что будет с ней, когда она увидит на сцене оживший плакат.

— Подумаешь проблема, я её уведу на тот момент, вот ей ничего и не покажется.

Маша тут же съязвила:

— Эта твоя новая идея, намного удачнее предыдущей.

— Какой?

— С бутылкой шампанского, — хмыкнула она.

Юлька не обиделась и приняла обучать дальше.

— И вообще, Машенция, относись-ка к этому житейскому перекоосу проще. У матерей миссия такая следить за дочерьми. Не переживай.

— Что ты, какие переживания, я веселюсь. Видишь, ха-ха. — Растянула улыбку Машка.

— Не кривляйся, он уже тут. Пошли к ёлке, поближе к сцене. Какая красотища, веселись. Подружки вертелись у зелёной красавицы, участвуя во всём, что предлагали затейники. Затем и пришли. Юлька, хлебнув "запада", отдыхала на полную катушку. Праздник набирал силу. Дамы блистали нарядами и драгоценностями, "случайно" сталкиваясь, охали и ахали над прикидом друг друга. Смокинги, дорогое шампанское, экзотические закуски и болтовня заполняли вечер.

"Жили же без этой ерунды раньше, — скучала Машка, всю стараясь "веселиться", чтоб не испортить настроение подружке. — Светский бал и танцы до утра, зачем мне это нужно. Улыбаться всем подряд за "будь здоров". Тем не менее, цвела улыбкой, показывая Юльке, как ей хорошо. И только тогда, когда тоска подступала к глазам, готовая брызнуть водопадом, бежала в какой-нибудь укромный уголок отсидеться. Опутанная тащившимся за ней серпантинном и обсыпанная конфетти Машка, торопясь в заветное местечко, налетела впопыхах на человека, выбив у него из рук бокал с шампанским. "Что ж мне так не везёт-то". Разлетевшееся на множество осколков стекло играло у неё под ногами всеми цветами радуги.

— Ой, извините, — сдёрнула она с лица на шею маскарадные очки. Я не хотела... Нечаянно. Подняв виноватые глаза на парня, проглотила язык. Перед ней стоял разъярённый Кирилл.

— Это опять ты, сумасшедшая...

Маша со всем усердием залепетала:

— Простите, пожалуйста, я нечаянно.

— Можешь не утруждать себя повторением, я не глухой. Чума болотная, что тебе надо, в конце-то концов?

Не слушая его шипения, она присела, собирая осколки: "Ещё поскользнётся и порежется кто", — торопилась Машка, не оставляя Тарану выбора, как только помочь ей.

— Давайте сюда, — протянула она ладошку, — я знаю, куда это можно отнести. Не ругайся так, я не нарочно.

Сорвавшись, сгорая от стыда, унеслась всё равно куда, лишь бы подальше от него. Такого вредного и злого. Кирилл даже ничего не успел сказать... "Вот шурупчик", — удивился он, поднимаясь на сцену. "Сейчас сама вернёшься, иначе, зачем ты тут", — думал он, собираясь петь. Таран не ошибся, услышав его голос, Машка появилась вновь. Спрятавшись за ёлкой, не сводила со сцены замаскированных маской глаз. Для себя она вдруг сделала открытие: его песни тревожат, волнуют и заставляют думать. Они, как глоток свежего холодного воздуха. У неё всегда держался комок в горле во время их исполнения. Народ танцевал и Машку тоже увёл в круг брат. Кирилл заметил за собой, рождающуюся где-то в глубине и поднимающуюся к самому горлу злость: "Этот хлыщ уже не первый раз крутится около неё". Он кипел, артистично улыбаясь веселящемуся народу. "Какое собственно мне до этой малявки дело", — убеждал он себя, уходя вглубь сцены. Но не думать не получилось. Девчонка занозой сидела в груди. "Надо пообщаться с ней", — решил он всё же, не в силах справиться с нарастающим любопытством. Только запросто поговорить не получилось. Стоило группе сойти со сцены, как испарилась и Заноза.

— Люди, мне кто-то объяснит, какого рожна ей надо? — вскипел Таран.

— Занятный экземпляр, — подтрунивала группа. — Она тебя точно укатает Кирюха.

— Ладно, болтать, отработали и пошли в народ. Новый год, как ни как, надо получать хоть какое-то удовольствие от загубленного вечера.

Около Кирилла постоянно крутились женщины, он общался, танцевал, давал автографы, но всё время ловил себя на том, что ищет Занозу, как он окрестил странную девчонку. Только гостей был столько, что искать затерявшуюся девочку в огромном клубе было бессмысленно. И всё же посчитал, что лично ему это надо. Где-то тут промелькнула Юлиана, знакомая ему по концертной "солянке". Может спросить её. А что он скажет, ведь ничегошеньки о той попрыгуньи не знает. Постаравшись с мыслями и по подсказке этих самых мыслей проследив за Юлианой, он нашёл её в "Зимнем саду". Девчонка сидела над каким-то цветком и плакала.

— Ты чего хлюпаешь, дед Мороз подарком обделил? — подошёл он тихо сзади, разглядев её среди цветущего великолепия. — Машка испуганно вскочила, спешно вытирая кружевными перчатками слёзы. Она стояла перед ним, опустив лицо на грудь, как нашкодивший ребёнок. "Как он меня нашёл, и за что сейчас будет воспитывать?" — Опять молчишь? Тебя обидел кто или ты обиделась так жутко на меня? — попытался он быть терпеливым. Но Машка упорно молчала, с трудом сдерживая дрожь, чем совсем уж dokonала парня. — Что ж ты дикая-то такая, — притянул он её к себе за локти. Почувствовав Машкин колотун, Кирилл взял в плотное кольцо своих рук. Такая резкая перемена в нём ещё больше разволновала Машку. — Э, да, ты не объезженная ещё кобылка. — Усмехнулся он, обжигая, её ушко горячими губами. От неё повеяло нежным ароматом незнакомых ему цветочных духов, и он, чтоб ещё раз вдохнуть этот запах, прикоснулся к её виску.

Закипевшая в Машке обида, подтолкнула к действиям. Освободив руку, попыталась двинуть ему оплеуху. — "Тише, не делай себе больно, — перехватил он, её ладонь, не дав повторить удар. — Интересно знать, зачем же ты меня пасёшь, если бежишь и дерёшься, а?"

Машка, сжавшись, молчала, совсем не готовая к такому вопросу. Пойманная Кириллом

на военных действиях рука затекла. Он ждал, когда же она попросит пощады, но девчонка упорно терпела, морща нос и отводя глаза. "Ну, подожди", — усмехнулся он, крепко сжимая её в объятиях, прижался к её щеке, волнуяще коснулся губ, скользнув по ним, закружил Машку в глубоком поцелуе. Она, задохнувшись и теряя под собой опору, прижалась к нему, а, опомнившись, забила в его руках пойманной птицей. Не отпуская, а только отстранив полюбоваться на результат своей мести, он медленно и нежно целовал её в губы, нос, глаза: — Заноза, ты никогда не целовалась. Дикость какая.

Он говорил серьёзно и нет... Разве понять эти насмешливые глаза. Вот они рядом, но поди ж ты разберись в нём. Её сердце совсем было подкатившееся к горлу, забулькало и ей пришлось сделать судорожный глоток, чтоб оно не выскочило наружу. Обрадовалась дура, а он куражился. После такого вывода, вознесённая на облака Машка, плюхнулась на землю. Опять этот хлыщ над ней потешался.

— Сам Пятница для Робинзона Крузо. Отпусти. — Прорезался голос у неё.

— Какой прогресс, ты ещё и разговариваешь. — Опять коснулся он ушка. — Детские книжки читаем?

— А-а-а...,- попробовала отвернуть голову от его губ Машка, отмалчиваясь.

— Уже алфавит изучаем. Сколько ж тебе лет, мартышка?

— Двадцать второй. — Пролепетала она вместо того, чтоб, обидевшись, молчать дальше, держа марку. "Тоже мне укротитель обезьян нашёлся".

— Да, ты старушонка уже, — потешался, прищурившись, он, — что ж так слабо в твоей головке с романтическими грёзами. Певец, актёр, это ж первая ступень детской романтики.

Машка опять дёрнулась, пытаясь вырваться из его железных объятий.

— Пусти.

"Ну уж нет! Ты запомнишь эту встречу надолго", — мстительно думал он. Нагнувшись к ней и легко касаясь её тёплых дрожащих губ, парень провёл своими, хранящими запах шампанского и чего-то ещё, по Машкиным. Делая скольльзящие движения из стороны в сторону, как бы дразня её. Машка притихла, не понимая происходящего, и потом ей страшно понравились его поцелуи, как впрочем, и объятия тоже. "Права Юлька, мне его рук никогда не забыть", — сидело гвоздём в её голове. Прижавшись губами к её рту, он замер на секунду перед тем, как начать нежно, но не слишком напористо целовать её губы. "Это ведь он меня целоваться учит, — дошло до неё. — Как котёнка тычут в молоко, приучая есть с блюдца, так и он меня. А я то раскатала воображение...".

— Заноза, с любовью-то у тебя ещё хуже, чем с романтикой. Запущенный вариант, — усмехнулся он, явно заводя её.

И Машка, заглотив крючок, опять задёргалась. Развязывая ему руки и давая возможность заломить её и так кружащуюся каруселью голову для головокружительных ласк. Отстранив обмякшую на его руках девчонку, Кирилл посмотрел внимательно, оценивая способности ученицы. Но, получив свободу, Машка, не собираясь потакать его игре, вырвавшись, сбежала. Она плохо ещё разбиралась в случившемся, поэтому хотелось немедленно сбежать и подумать. Уставшие родители, уступили настойчивым просьбам дочери покинуть клуб. Заказав машину, с удовольствием поехали домой. Поэтому все поиски, организованные Тараном Занозы не привели к успеху. По дороге домой, да и весь следующий день, она размышляла об умопомрачительном своём приключении.

"Ничего, дорогуша, на ближайший же концерт заявишься", — успокаивал Кирилл себя,

грозь непонятному противнику войной. Таран ошибся, Машка не появилась ни на ближайшее выступление, ни позже. "Кажется, напугал", — пожалел он. Она объявилась вновь перед его глазами только весной. Болела, потом писала дипломную работу и госы. Всем существом своим она тянулась к Тарану. Воспоминания о его поцелуях, жгли губы и калиной перезрелой горели на щеках. К тому же распирало от желания поведать всему миру о своём маленьком счастье. Но она молчала, не проболтавшись об этом даже Юльке. Надо было всё обмозговать самой и пережить. Она толкла это в своей голове каждый день. Ей безумно хотелось продолжения. Непременно серьёзного. А память, как нарочно возвращала в действительность, напоминая ей о том, что это всего лишь игра и авантюра, выставляя серьёзный заслон. И тогда она начинала трезво рассуждать, на время отказываясь от опасной игры, сулившей ей одни неприятности. Вот и обходила стороной его выступления, скрываясь за деловой завесой и стараясь заглушить голос сердца и отвлечь свои мысли от Тарана. Но весеннее солнышко припекало. И Машка только сейчас обратила внимание, что в город пришла весна. И не утерпев, сорвалась с места и погнала по списку Юлианы. В минуту, когда она толкнула дверь в кассы, она уже не рассуждала, как ночные бабочки над огнём, опасно или нет, просто летела на него. Нет, не совсем же ненормальная, сознавала умом, что летит в какую-то бездонную пропасть, в которой разобьётся в лепёшку, всё же неслась, не в состоянии сдерживать себя. Купив билет, отправилась на выступление группы. Они работали в середине концертного времени. Ребята заметили её, ещё находясь за кулисами. И сразу к Тарану:

— Кирюха, смотри, твоя пропажа нашлась, сидит как всегда на том же месте, в тот же час и гербарий при ней.

Забывшись от такого обалдения, Кирилл не успел разыграть равнодушие.

— Где, — ринулся он, — не вижу?

— Наш выход, сейчас разглядишь, — поторопили добродушно посмеиваясь ребята.

— Главное слова не забудь, — хихикали они.

Он пел, рассматривая Машку, всё время стараясь держаться с её стороны, чем несказанно вгонял девушку в смущение и краску. "Ничего же особенного, девчонка, как девчонка, а впилась занозой", — билось в мозгу. Дослушав песню до конца, поплелась к нему. Не поднимаясь на сцену, положила цветы на край сцены ему под ноги. Но уйти не удалось, как это она планировала. Ловко наклонившись, перехватил её руку, опускавшую букет, он прошептал в самое ушко:

— Опять пришла, подожди меня.

Отпрыгнув, Машка, пятась раком и стараясь не плюхнуться к кому-то на колени, пробралась к месту. Потрогала горящие щёки: "Мама родная. Костёр. Надо убираться отсюда. Дальше для меня уже ничего интересного нет. Непременно уходить", — заторопилась она к выходу. Напрасно Таран осматривал, бегая по фойе и площади перед входом дворца, после окончания концерта. Её не было.

— Идиотка, что она хочет? — его увесистый кулак лупил собственную же ладонь.

— Ты не очень-то усердствуй, — рекомендовали, перемигиваясь, ребята, — без лап останешься. Микрофон привязывать придётся к шее.

— Нет, вы видели такое чудо. — Психовал он, задетый за живое. — Хладнокровная стерва...

— Чтоб Тарану отказывали, да никогда. Кукиш она тебе солидный вывернула. Может, она поспорила с кем, что ты ныть о ней будешь?

— Смейтесь, смейтесь, шутники, что я впрочем, обижаюсь-то, по сути, предельно на дурачка тяну. Зачем мне этот минус на голову. Пойдёмте, пиво раком откроем, я угощаю.

— Естественно, такое редкое событие надо отметить, когда ещё попадётся такой экземпляр, что наставит тебе рога. — Веселились над ним ребята, ловко используя с пользой тот повод.

Ей было невдомёк, что он истолковал её поведение по-своему. Машка очень переживала свою трусость. Она с большим трудом настроилась на цветы. Ей ничего не надо от него лишь бы взял. А тут события резво стали выходить из-под контроля. Поцелуи в новогоднюю ночь, а сегодня ещё и это его: — "Подожди меня". "Надо всё обдумать и на что-то решиться, а то и правда какое-то ребячество получается. Но сначала надо сдать госы и защитить диплом. Иначе вся учёба пойдёт кувырком. Я итак с ним в облаках летаю. Провала допустить нельзя. Зато свой после дипломный отпуск использую для поездок и походов за концертными гастрольями группы. А что, вполне необычное проведение отпуска и с пользой, и с удовольствием". — Оправдывала она себя. Всегда насторожённая Машкина мамочка слишком запоздало поняла, откуда растут ноги у дури дочери к плакату, портившему дизайн в комнате. Прятанья по душевым кабинам на этот раз не помогло Маше. Понятно было, что разговора не избежать.

— Маша, девочка, — не дала она отвертеться Машке, — это ж несерьёзно. У нас есть хорошая партия для тебя, если есть напряг в общении с противоположным полом, только скажи.

— Мамуля, ты сама-то слышишь, что говоришь? У тебя есть кандидатура в мужья для меня. Бред какой-то. Не хочу. Тебе тоже папу бабушка в мужья нашла или в порядке исключения разрешили сделать это самой?

— Я женихов, валяющимися плакатом, на дороге не искала. Опять же, плакат на ночь не целовала...

Маша живенько её перебила:

— Мам, ну я же плакат притащила, а не живого мужика. Обойдётся.

На что мама вытаращила глаза.

— Машка, у тебя ум есть?

О пошло поехало...

— А что так заметно его отсутствие? — упёрлась она взглядом в мамочку.

Та же размазывая крем на руках, болезненно вздыхала:

— Почему у всех дети, как дети, а ей мужика с картинки подавай.

Маша осторожно отбивалась:

— Кому, какой вред может причинить этот плакат? Мне лично непонятно. Если у тебя другой подход объясни мне тёмной.

О! У неё именно этот другой подход и был.

— Маш, картинка она и есть картинка, а в жизни он может оказаться маленьким, щупленьким или, наоборот, с увесистым пузом, кривым и рыжим.

Маше это всё не понравилось, особенно намёки на пузатого и рыжего. "Придумала ж такое".

— Ты так говоришь, как будто я замуж за него собралась? Могу я просто помечтать?

Мамочка покончила с руками и принялась за лицо. Вооружившись ватой, она принялась снимать с него крем. Чтоб не терять времени мамочка воспитывала занимаясь собой. Последнее восклицание дочери ей пришлось по душе.

— Бог с тобой, если так. Мы с отцом вынуждены будем по делам уехать на год, два, а возможно и дольше в Европу. Бизнес переходит туда. Открывают там филиал. Как я могу тебя здесь оставить одну, скажи?

Маша аж перестала дышать, она не могла поверить в своё счастье. Теряя голос от волнения, она принялась убеждать:

— Нормально, без проблем.

Но вот мамочка сомневалась.

— Я надеялась, институт закончишь, поумнеешь, а ты чем дальше, тем хуже... Сказать кому стыдно. В плакат влюбилась.

— Всё будет тип-топ, — подластилась Маша к ней. — Скоро я получу диплом. Отдохну и выйду на работу в офис Саша. Брат загрузит меня делами. Александр молодец, уже пять лет живёт один, и заметь, не пропал без мамочки. А мне никакого доверия. Обидно.

— Маша, он мужик, а вот что придумать с тобой, ума не приложу. Может, взять тебя с собой. Что тебе собственно здесь делать?

— Даже не мечтайте об этом, — ужаснулась она такой перспективе не видеть его месяцами и годами. — Юля вернётся скоро. Нам вдвоём не скучно будет. Мамуля, не смотри так, я не поеду ни за что. На что мне Европа. Дайте шанс попробовать жить самой. Не получится, я ваша.

— А это? — махнула она презрительно на плакат.

Захлёбываясь принялась объясняться.

— Всего лишь плакат, бумажка. Как любимая книга, песня, картина, фильм. У тебя же были любимые фильмы, которые ты ходила смотреть тысячу раз или актёры? Ты наверняка влюблялась в актёров, все влюбляются? "Посмотрим, чья чаша перевесит..."

— Ты права, "Чёрного тюльпана" раз десять смотрела.

— Вот, видишь, — победно возвопила она.

Покончив с косметическими действиями, мать собрала косметику в сумочку и с надеждой вздохнула:

— Ох, хочется верить тебе. Очень надеюсь, у тебя хватит ума пережить эту картинку детства и заняться устройством своей личной жизни.

Маша не могла её в своём убеждении не дожать.

— Сама подумай, как наши с ним дорожки пересекутся, никак.

От самой двери матушка заявила:

— Это только и вселяет надежду на покой.

"Ура! Ура! Ура!" — разрывалось радостью сердце девушки.

После Машкиной защиты, весело и со вкусом отметив это событие, родители уехали. Машуня ликовала. "Наконец-то сама себе хозяйка!" Рассчитав лишнюю службу, примерила на себя работу Золушки. Не впечатлило. Поняв, что проба заняться хозяйством самой с треском провалилась, вызвонила экс прислуге и, оставив только одну, нравившуюся ей женщину занялась собой. Теперь всё встало на свои места. С нетерпением ожидая приезда Юльки, которая непременно достанет новый график их гастролей и посоветует, как же ей вести себя с Тараном дальше, она коротала время, гуляя по старой Москве. О, эти маленькие особнячки в арбатских переулках — с колоннами, портиками, арками-нишами, с барельефами, эмблемами воинской доблести и прочей, прочей прелестной чепухой, — как они привлекательны и милы. Машка готова день-деньской бродить, любуясь ими! Они

напоминают ей декорации-обманки или рисунки с открыток. Дав волю фантазии, она запросто представляет себе убранство комнат: люстры, канделябры, мебель непременно красного дерева и расписанные на классический манер потолки. Здесь бушевали балы, и писались поразительной красоты письма... случайно набрела на уютное кафе. Перешла улицу, толкнула стеклянную дверь. Пахло мятным чаем, цитрусовыми цукатами и ещё, кажется, корицей. Смешно, но ей показалось, что повеяло удивительной атмосферой её сегодняшнего настроения — ничегонеделанья. Неповторимое ощущение, когда никто никуда её не подгоняет, а время становится на пример только что вымешенного теста, тягучим. Она села на стул у стойки, заказала эспрессо и принялась рассматривать прохожих за окном. Потом заказала кусочек торта и чашку чая. Поблагодарив и запросто осилив всё это, пошла гулять дальше.

Набродившись, Машка приходила в пустую квартиру, заставляла себя что-то проглотить, искупаться. А, закрывая глаза, она как наяву чувствовала опять его страстные губы на своём лице. "Это наваждение какое-то", — мотала головой она, стряхивая видение. "Только глюков не хватало...". Но ему, видно, даже видением доставляло удовольствие измываться над ней и всё повторялось вновь и вновь. Иногда придя домой, забравшись с ногами в любимое кресло напротив плаката, просиживала в нём до рассвета. Припомнив запах его туалетной воды, Машка оббегала с десятков магазинов и перенюхала сотню флаконов, прежде чем нашла, то чем он пользуется. И теперь этот флакон стоял у неё на столике. Иногда она брызгала им лишнюю подушку, чтоб организовать иллюзию его присутствия. Засыпая и просыпаясь под него. "Мало ль лежал и ушёл", — фантазировала она. Шла на это хорошо понимая, что на иллюзии долго не протянет. Накупив музыкальных дисков крутила его песни, но и этого становилось с каждым днём мало. "Я знаю, в каком ресторане они работают, почему б и не пойти хотя бы на полчаса. Ну не так уж это и неприлично одной, — уговаривала она себя на безумство. Я только посмотрю минут пять не больше и уйду. С образованием покончено и я вольная птица". Главная сложность как всегда в принятии решения, а, приняв, повеселела. Позвонив в ресторан, заказала место поближе к сцене. В темпе, одевшись и вызвав такси, заехала в цветочный магазин. Купив красивый небольшой букет на свой вкус, отправилась смотреть выступление группы. Устроившись за столиком, заказала фрукты сок и бокал лёгкого вина. Он пел, время бежало, а уходить совсем не хотелось. Наконец заставив себя встать, она подала ему букет, он, отвернувшись, не взял. Машка, на этот раз не растерявшись, положила на край сцены и пошла на выход. Шла, боясь споткнуться и упасть, лихорадочно соображая, чем вызван такой резкий разворот в его настроении.

Кирилл давно заметил её в зале, одиноко кукующую за столиком, но, решив изображать обиженного не прикоснулся к её цветам, равнодушно отвернувшись. А до этого старательно отводя глаза от неё, пел в другую сторону. Заметив такой его фокус, группа хихикала: "Чем, интересно, все остальные слушатели провинились с этой стороны зала? Зачем ты над ребёнком куражишься Кирюха?"

— Сколько можно надо мной выделываться, — буркнул он.

Это было бессердечно.

Добравшись домой, расстроенная Машка проплакала полночи. Квартира без родителей сделалась, не только пуста, но и холодна. Вот ведь как бывает. Так хотелось пожить одной без контроля, самой по себе, а осталась, враз повеяло холодом и одиночеством. Никто не ждал, не донимал, не приглашал по десять раз покушать, не рылся в её вещах, перетряхивая и

сортируя. Получается для теплоты и покоя всего этого, как раз и не хватает сейчас. "Это всё из-за тебя, — погрозила Машка улыбающемуся с плаката Кириллу. — Ты меня так раскиселил, ты, ты... Не настоящие вы все, из шоу бизнеса. Что с вас взять, сплошная игра во всё, легкомысленные особы. Одно слово это чего стоит "шоу бис". Тьфу".

Растормошила её лежащую поперёк кровати утром Юлька. Шум стоял не вероятный, как будто ни она одна орала над Машей, а целый оркестр.

— Звоню, звоню ни гу-гу. Испуг уже прошиб. Мало ли что, одна живёшь. — Кричала она как глухой Машке, трясая её на всё силёнки. Не выспавшаяся Машка, плохо понимая происходящее, глупо моргала.

— Ты откуда? — тёрла она глаза.

Та неопределённо махнула.

— Оттуда. Сашу сорвала с работы, — продолжала она объяснять подруге ситуацию. — Он и открыл. Вот чудилка, спишь без задних ног, оказывается.

Машка недовольно раздирала никак не желающие открываться глаза кулаком. Уснула под утро, жалея себя несчастную. Просопливилась в подушку почти до утра. Вместо объяснений недовольно спросила:

— Который час?

— Обед прошёл, я задерживаюсь по твоей милости, — подсел к ней брат. — Дрыхнет, а ты панику бестолковую устроила Юлька.

— Кто ж знал, что она живая, — оправдывалась та.

Он легко щипнул её за руку. Машка ойкнула.

— Живее не бывает, опять, наверное, всю ночь по своему балалаечнику убивалась? — заметил брат.

— Отстань, — отмахнулась от него Машка.

— Саш, не перегибай палку, — попробовала влезть в воспитательный процесс Юлька.

Она получила такой взгляд, что отвернулась, но этим не обошлось.

— Не лезь, — отбрил он её.

— Братец, это чересчур жестоко, — пропищала несчастная Маша.

Саша огляделся ища причину такой хандры. Взгляд его скользнул по плакату, потом по туалетному столику заставленного всякой всячиной.

— Оп-па, это серьёзно, — расшвырял он стопку дисков и кассет. Смотри-ка, и видео достала или сама записала? Ах, ах, какие мы ранимые, не кривись. Всю ночь уши напрягала. Ума ноль. Зачем тебе это кино.

Маша негодовала.

— Это моя жизнь...

— А моя головная боль, — похлопал по своей голове ладонью Саша.

— Не трогай меня. Лучше сделай кофе, — огрызнулась она на брата.

Тот пошёл на попятную, сменив гнев на милость. Теперь его занимал её желудок.

— Ты вообще-то ешь? Я проверил, холодильник пуст. Одни глаза на бледном портрете остались. Смотри, допрыгаешься, матушке наябедничаю.

"О! только не это!"

— Сашенька, миленький мой братик, ты не сделаешь этого, — метнулась она к нему.

— Если дальше так пойдёт, запросто, — пригрозил брат, отбиваясь от её объятий. — Ладно, поеду я, дела жмут. Деньги есть, не растрывкала ещё?

— Есть, — кивнула обрадовано она.

Но при волшебном слове — "деньги", оживилась скучающая от нотаций Юлька, которую воспитательным процессом оттёрли от подруги.

— Саша ты такой тормоз, ну совсем никакой, с кисточкой, денег всегда мало, тем более для молодой девушки, — не смотря на Машкины протесты, протянула Юля к нему руку. — Позолоти бриллиантовый. Мартышкам и вешалкам своим не жалеешь, а на сестре экономию развёл.

Собравшийся было выходить Александр встал, как вкопанный.

— Ещё одна с пальм голос подаёт. Вас обоих на цепочках надо к дереву привязывать. О чём матушка думала, оставляя тебя одну. На вот, — кинул он на стол пачку. — В счёт будущей зарплаты.

Выпалив:- "Ты прелесть!" Проводив Сашу, Юлька накинулась на подругу.

— Ты чего так раскисла Машуня?

Та с глубоким всхлипом поведала:

— Он даже не смотрит на меня, вчера цветы не взял.

— Надеюсь, ты там не упрашивала его...,- напугалась Юля, вспомнив историю с катающейся по сцене бутылкой.

Маше вспомнила тоже самое.

— Оставила у ног...,- уткнулась в грудь подруги она, наконец-то появилась и у неё своя стена плача. — Там таких, как я, сотни бегают. Я видела. Серьёзного ничего не получится.

Что могла сделать в такой ситуации верная подруга? Правильно — уговаривать.

— Не накручивай себя подруга. У каждого свой интерес в этой жизни. Они это они, а у тебя сердце болит, любовь у тебя, это открывает все двери и замки. Встряхнись. Вечером будет тебе график их гастролей. Давай сегодня со мной проветришься, я пару старых песен своих пою. Юбилейный вечер поэта песенника, у меня есть два пригласительных. Собирайся. Вся богема подвалит, я тебе обещаю. Походим, пообщаемся. Твой — тоже там участие принимает.

— Зачем надоедать, всё равно ничего из этого не сложится, — засомневалась Маша.

Юля сразу всё расставила по местам:

— А при чём здесь он, на людей посмотришь, себя покажешь. Поехали. Совсем закисла без меня. Каблук высокий не примеряй, — остановила она Машку, выкинувшую из шкафа пару туфель на высоком каблуке.

Такому Маша не могла не удивиться, Юлька буквально каждый раз заставляла её выражаться в каблуки невозможного размера.

— Почему?

Подруга не сделала из того тайны.

— Сходим потом в одно место, мне советовали посетить, посидим недолго, потанцуем.

Машка катилась с ней по вечерней Москве удивляясь, как подруга ловко управляет с автомобилем. Машке никогда не научиться этому. Вместе же учились вождению на курсах, но Юля водит, а Машка нет. "Куда не глянь везде кулёма", — обругала она себя. Переключившись на подсказывающего Юльке водителя и телохранителя, который, уступив руль хозяйке, приглядывал всё же за ней, она отвлеклась от своих невесёлых дум. Машке было смешно и удивительно смотреть на то, как Юльке вдруг посадили на хвост водителя и телохранителя. Раньше они разъезжали одни. "С чего бы это такие меры", — гадала Маша. Прервав её бестолковые мысли, подруга тормознула у цветочного базара.

— Зачем? — рассердилась Маша.

— Юбиляру.

Машка поверила, а та притащила целый вагон цветов.

— Обманула?

— На половину. Один юбиляру, один мне подаришь, один тигру своему.

— Тебе-то зачем?

— За пиаром, — брякнула она бестолковой Машке.

— У вас всё от верблюда, — ворчала Маша, — не настоящее.

Подруга выгнула бровь.

— Я тебя умоляю.

Но на сей раз так быстро договориться не получилось. Подруга проявляя упрямство отказалась.

— Не пойду к нему с букетом, не проси. Не хватало ещё, подумают люди что-то.

Юле пришлось проявить характер и прищипнуть.

— Машка, взрослей. Окружающим совсем не важно, что ты делаешь. Значение имеет только то, как ты из этого выкручиваться будешь. Тут уж будь добра постарайся.

Получив от Юльки пригласительные и "увидимся", Машка, пройдя в зал, пристроила цветы на пока свободное место подруги. После своего выступления, та на какое-то время спустится к ней. Она пела пятой, Машка поторопилась на сцену с вязанками белых роз. Шла и молила Бога, чтоб цветы не перетянули её: "Ничегошеньки не видно из-за торчащих в разные стороны кустов. Растянуться только не хватало на его потеху. Бутылку уже по сцене ловила." Корзину для юбиляра Юла забрала сразу с собой и вручив ему после исполнения песен вместе с комплиментами, принимала сейчас свободными руками от Машки с улыбкой и расшаркиванием букет. Шлёпнув на плечо подруги пиарные розы, приложившись к щёчке Юльки, ещё раз подивилась её артистическому таланту. У Машки всегда всё на лице написано, а подруга сплошная загадка. Юлька обожала белые розы, даря их всем, кому придётся, и, покупая себе. Опять же в отличие от Маши, предпочитающей: васильки, ландыши и ромашки, что попроще, а душу греет. Юлька, отпев своё и избавившись от концертного костюма, спустилась в зал, заняв место около подруги. Наблюдавшие из-за кулис ребята, ждущие объявления своего выхода, подтолкнули Кирилла под локоть:

— Кирюха, посмотри, кто рядом с чокнутой твоей сидит?

— Юлиана!

— Точно она! — наперебой предупреждали ребята.

— Кто?

— Включи телевизор и увидишь.

— Теперь понятно, откуда у неё график наших выступлений. Бабё наше похлеще ЧК.

— Не говори Кирюха, страшная вырисовывается картина. — Хихикали ребята.

Он, принципиально двигаясь по сцене, не смотрел в их угол. Поворачиваясь спиной и уходя на другую сторону. Демонстрируя этим двум, что они для него ничто, ноль, пустое место. Так старался, что Юлька, не выдержав, прыснула в колени.

— Маш, а ты точно его зацепила, даже не верится. — Смеялась она над военными манёврами Кирилла. — Смотри, как старается тебя не замечать. Всё верно, не сомневайся.

— Ты просто меня жалеешь.

— Сама подумай, зачем ему спиной к тебе стоять. Он бы просто сделал из тебя пустое место, а так... он тебя заводит.

— Не знаю, что и сказать.

— Ничего говорить не надо, думалку включи. Почему умные люди, когда касается их собственной любви, глупеют.

Кирилл красный и злой на хихикающую Юльку раскланивался, когда припозднившаяся Маша сунула ему под нос букет. Ему ничего не оставалось делать, как только принять. Пройдя рискованную церемонию с цветами, Машка с облегчением плюхнулась в кресло:

— Уф, думала, двинет по букету ногой и полетит он мячиком в зал. Обратила внимание, как у него перекосило лицо от чувства безысходности. Проморгал ситуацию.

— А каким неудовольствием горели его глаза, ты заметила?

— Я больше на руки и ноги смотрела, чтоб не получить.

— Много потеряла, это он сообразил, откуда у тебя маршрут их работы.

— Юль, а он тебе не того, фейс не подпортит.

— Остынь подруга, что он мне сделает "не того", "того", — передразнила она Машу. Руки короткие. Забыла телохранитель у меня. Скажу, близко не допустят.

Зная, что папенька около Юлианы держит охрану, горевший негодованием Кирилл, даже не сделал за кулисами и попытки подойти. Но на прощальном выходе всех участников концерта, на который отправилась попорхать ещё разик и Юлька, ребята взяли её в кольцо. Охрана бесполезно металась за кулисами, не имея возможности двинуть за хозяйкой.

— Какие люди, — злое зашипел Таран рядом.

— На верблюде. — Не заржавело за ней. — Отвали.

Таран вытаращил для устрашения глаза и перекосил в злое маске рот.

— Не крути головой на охрану, не поможет. Колись уже. Мозги мужиков далеко не женские.

Ишь как икру мечет, покосилась она на Тарана. Только её голыми руками не возьмёшь и на мякине не проведёшь и на чём-то там не объедешь.

— Ага, — скорчила гримасу Юлька, — ваши на меньший вес тянут.

— Ты не юмори давай, я не в том настроении, — прищемил её бок Таран.

— Ой, мама, — взвизгнула она совсем не к месту, получилось как раз вместо слов прощальной песни, чем привлекла к себе ненужное внимание коллег.

— Тихо ты, — зашипел Кирилл, — девчонка ненормальная твоя работа?

— Подружка моя, — сдалась она, почёсывая бок.

— Чего ей от меня надо?

Юлька, чтоб не быть предательницей благоразумно решила отмолчаться. Но Тарана это не устраивало.

— Не молчи, хуже будет, — нажал на ноющую косточку он.

— Умирает по тебе.

Таран почесал свою макушку.

— Хм... Странно она умирает. Говори правду... — дёрнул он её за волосы.

— Ай!... - вырвалось из неё. — Как умеет, болван.

Большого из неё при таком скоплении народа не выжать. Потеряв к ней интерес, Кирилл отпустил. Юлька скоренько перебежала на другую сторону сцены. За кулисами Юльку тут же закрыл собой, оказавшийся только что не удел телохранитель. Сунув Кириллу под нос кулак, он готов был тут же реабилитироваться перед хозяйкой. Но перекошённое злостью лицо и бойцовский квадратный вид не напугали Тарана.

— У меня свой такой же имеется. Во, — махнул он перед охранником Юлианы, проходя

мимо. — Допрыгаешься коза.

— Бревно, — смело выглянула она из-за широкой спины своей охраны.

— Да?! — шагнул к ней Таран.

— Да! — показала она ему язык.

Машка ждала её у машины. Юля вернулась не довольная всем светом и красная от негодования персонально на Тарана... Охранник нёс цветы и Юлькин концертный костюм. "Не лень им головы людям морочить, таская букеты туда и обратно", — удивлялась подруге и её шоу бизнесу Машка.

— Представляешь, он ещё Валерику кулак под нос сунул, — пылала гневом шоу дива.

— Значит, мне не показалось, и нападение всё же было. Я видела, как они тебя зажали на сцене, — посочувствовала Маша.

Она не просто возмутилась, а выбухнула.

— Какого чёрта показалось, так и было.

Обрадованная Маша ей тут же напомнила:

— Вот! Я же предупреждала тебя...

А Юлька, не признавая своих просчётов, ябедничала:

— Понимаешь, подумать не могла, что твоё разлюбозное бревно, применит ко мне прямо на сцене допрос с пристрастием.

— Это как? — открыла рот Машка.

— Щипался, во, — показала она "вещдок", красную кожу, — полюбуйся, чего ради тебя приходится терпеть.

Маша смутилась.

— Это он явно перестарался.

Но Юла, не умеющая на одном долго месте крутиться, перевела стрелки:

— Всё, забыли и поехали в одно место, мне отец советовал посетить этот ресторанчик. Любопытно посмотреть, что конкретно его в нём околдовало.

Им повезло, оказался свободным столик. Пристроились в сторонке за колонной. Стараясь не шуметь и не очень пока смотреть по сторонам, подозвали официанта и сделали заказ.

— Обычно у нас аншлаг, — улыбнулся им выхоленный парень. — Все столики на заказ. Постоянных клиентов уже знаем в лицо.

— Посмотрим, посмотрим, — зевнула Юлька, демонстрируя равнодушие, но пробегая глазами перечень блюд и напитков.

— Вы к нам случайно попали или по рекомендации? — улыбнулся опять официант, стараясь бороться с её таким пренебрежением.

— По рекомендации, если вас это утешит.

Юлька с видом светской львицы осмотрела зал. Маша почувствовала, как подруга напряглась. Над чем-то подумав, Юла резко развернулась вправо. И, когда она развернулась, на Машу глянули сумасшедшие её глаза. Помяв в руках салфетку, она бросила её не думая, Машке на колени. И что-то решив для себя, пошла к сцене, откуда только что ушли на отдых певцы. "Какая её муха укусила", — крутила головой по залу Маша, ища источник такого непонятного поведения Юльки. "Мамочка моя. Упасть не встать", — зажала рот ладошкой она. За два столика от них лениво потягивал вино Максим. "Скорее всего, деловая встреча. Рядом с ним мужчина лет сорока, вот это номер", — кумекала Машка, не спуская глаз с подруги. Та

пела, стараясь попасть в такт за подыгрывающим ей музыкантом, песни из своего репертуара десятилетней давности. Не обративший никакого внимания по началу Максим, постепенно заинтересовавшись присматривался к ней сейчас. "Вероятно, вспомнил её репертуар. — Поняла Маша, кося на него глаза. — Прыгал же под них в подтанцовках" Маша видела, как нелегко подруге петь. Слезы, заволакивая глаза, сжимали горло, мешая ей. Машка, сигналивая руками, "кончай" старалась достучаться до неё, но Юлька ничего и ни кого не замечала. "Хорошо хоть вернувшиеся с перерыва певцы потеснили её", — обрадовалась такому повороту Маша, встречая недовольную подругу. Но та, выпив бокал вина и стрельнув в Машу огненной стрелой горящих безумством глаз, отправилась приглашать на танец свою боль. Максим предусмотрительно поднялся с её приближением. Юлька какое-то время молча изучала подзабытое лицо, потом, вцепившись в руку, повела к танцующим парам. Устроив голову на его груди и закрыв глаза, она в такт музыки старалась передвигать ногами. "Ничего себе посидели", — волновалась Маша за подругу, со страхом наблюдая за этой, казавшейся для несведущих, обычной сценой. И только Машка знала, что происходит сейчас с её душой. "Как же она жила всё это время, пряча от всех правду и такую чудовищную боль..." Машка сама с трудом сглотнула заполнившую горло горечь и слизнула сбежавшую по щеке слезу. "И ведь никому ни-ни. Даже ни полсловечка". Их танец пошёл уже на второй круг. Юлька не желала отпускать, а он всё говорил и говорил ей что-то на ушко. "Усилия затрачены вхолостую. Она же его сейчас совсем не слышит. Почему мужики такие ослы", — страдала за подругу Маша не в силах помочь. "Слава Богу, идут, на третий круг не пошли", — обрадовалась она их возвращению к столику. Юлька спешно знакомила его с Машей, плохо понимая происходящее. Маша помнила его, принимая участие во всех съёмках клипов, репетиций и выступлений подруги, но парень тогда не обращал внимания на маленьких девочек носящиеся под ногами. Извинившись, он вернулся к своему столику. Помолчав и глупо уставившись в свою тарелку, Юлька вдруг опять поднялась. Напугавшись, Машка, не церемонясь, толкнула её обратно, на место. Подруга, окинув её ненавидящим взглядом, прорычала:

— Оставь меня.

"Ого. Ничего себе заявочки", — напугалась Маша, боясь не справиться с ситуацией.

— Успокойся. Ты же умница. Кольца у него на пальце нет, я посмотрела. Может и холост. С нас глаз не спускает, — комментировала она происходящее за его столиком. — Поднимаются, выходят.

— Замолчи, я его не отпущу, ни за что больше не потеряю. Ты не понимаешь, как это больно, страшно жить так, как я живу. Пусти, — рванулась она. — Я утону в этом омуте, чтобы жить. Пойми, у меня нет другого выхода.

Отпихнув не совладавшую с ней Машку, она выбежала за удаляющимися мужчинами. Маше ничего не осталось, как пойти следом. Но Юлькины страхи не оправдались. Проводив партнёра, Максим возвращался в зал. Юлька со всего своего разгона влетела в него. Мчащаяся следом Машка, еле успела затормозить, увидев предостерегающий жест парня. Придерживая обливающую его грудь слезами Юльку, он отошёл к окну. — Иди, мы через пять минут подойдём, — просигналил он смущённой Машке. Это его "пять минут", она ждала полчаса. Перейдя за столик девчонок, Максим, озадаченно улыбался, осторожно поглаживая, держащую его Юлькину руку. Маша видела, — парень растерян. "Что-то не так. Надо выпутываться", — забеспокоилась она. Помучившись, решила пригласить его на танец и поговорить. Извинившись, так и сделала. Юлька не понимающе долго смотрела на неё, но

руку отпустила. Отведя парня в танце подальше от подруги, она в упор спросила его.

— Что дальше?

— Не знаю, я думал, детская блажь прошла.

— Женат?

— Нет.

— Чем занимаешься?

— А вы не в курсе?

— Почему ты решил, что мы должны быть в курсе?

— Работаю в фирме её и твоего отца. Он сам меня нашёл и забрал ещё, когда на предпоследнем курсе учился.

Машин рот раскрылся, демонстрируя удивление.

— Вот это номер! — выдавила из себя она.

А Макс продолжал своё повествование:

— После института отправил в Европу. Учился ещё и там. Полгода как вернулся.

Маша опомнившись выбрала главное — Юля. А выбрав переключилась на неё.

— Она тебя ждала. Ты должен знать об этом. У неё никогда, никого не было. Не отпустит она тебя сегодня. Давай сделаем так. Я отправлю её охрану, заверив, что она ночует у меня. А ты подъедешь попозже и заберёшь её. Юлька девочка теперь взрослая, совершеннолетняя. Если она тебе интересна, конечно, и у тебя нет на другую женщину серьёзных планов. Предположим, что всё не так, тогда доводишь нас до машины, она стоит, ждёт нас у ресторана, сажаешь и машешь ручкой в след. Желательно подольше, чтоб мы с ней там как-то управились. Понятно моё предложение?

Он не улыбнулся, но кивнул.

— Вполне.

Маша вскинула подбородок.

— Так как?

Он сглотнул преграду в горле и выдал совершенно по Машиным меркам несуразное:

— Меня убьют за неё.

— Подумаешь. Один раз все когда-нибудь умрём. А, может, и как раз, нет. Вернули же тебя для чего-то назад, отменив казнь. И ещё не маловажный факт, сюда её отправил тоже отец. Поверь не всё в вашей истории просто, — прищурилась Машка.

— Хорошо, делай, как сказала, — сдался он.

Вернувшись к столику, Машка, собрав свои и Юлькины вещи, потянула за собой неменяемую от любви и такой встречи подругу.

— Юла, мы уходим.

— Идите, я расплачусь, — успокоил Максим, искавшую официанта Машу.

Увидев такое дело, Юлька упрямо замотала головой, отказываясь подчиниться Машке. Полные слёз её глаза, держали в плену Максима.

— Иди, — шепнул он, — Маша в курсе, я приеду.

Она не хотела верить. Ему пришлось коснуться уголков её губ.

Юля замерла и поддалась уговорам. Машка разыграла всё, как по нотам, никак не ожидая от себя таких способностей. Юлькин охранник довёз Машу до подъезда, но та вместо того, чтоб попрощаться и выйти, начала уговаривать подругу остаться переночевать у неё. Валера связался с отцом Юли, получив добро, отпустил.

— Оставляй, — разрешил Станислав Иванович. Машке действительно скучно. Пуст

поболтают. Давно не виделись. Новостей, поди, накопилось чемодан и тележка.

Пропустив машину с охранником на выезде со двора, въехал Максим.

Девчонки ждали, мучаясь нетерпением в гостиной. Услышав подъём лифта, Юлька рванула дверь. Махнув от переполнявшей её радости на шею парню, она как маленькая взвизгнула. Маша, направляющаяся к двери при таком гарцевании подруги, остановилась и, хлопая глазами, наблюдала.

— Юлька, ты совсем не повзрослела, — проговорил он извиняющимся тоном, подхватив её на руки.

— Увези меня, скорее, — прижалась она к его щеке. — Я без тебя не жила.

Маша выгнула бровь. Подруга слишком рисковала.

— Маша, — повернулся он к хозяйке, — вот визитка. Там телефоны мои и адрес, если что пойдёт не так...

— Я ж говорила, а ты не слушала. Счастливо, — помахала им Маша в след. Как там Юлька говорила когда-то, вспоминала она: "Искать не буду, если судьба сведёт, то уже навсегда". "Вот и всё. Юлька дождалась своего счастья, а у меня один плакат. Правда, судьбу можно подтолкнуть", — сморщила Маша носик и приложила губами к ухмыляющемуся со стены Тарану.

К назначенному часу Юля не приехала. Ребята безнадежно опаздывали. Машке приходилось врать Валере, приехавшему за ней и грозно топтавшемуся на пороге. Покрывая подругу, придумывая на ходу всякую чепуху, она несла:

— Уехала срочно по звонку, будет ждать у метро на... Таганской.

Когда закрылась за ним дверь, бросилась, наткнувшись на мебель, к телефону.

— Гоните к метро, — шумела она в трубку, — отправила твою машину туда.

— Машка ты молодец, а то я всю свою связь поотключала. — Звенела счастьем подруга. Только надо было станцию самую дальнюю придумать. — Добавила она весьма обеспокоенно. Машка улыбалась представляя счастливую подругу.

— Сумасшедшая, какая уж на ум пришла. Торопись...

— Увидимся.

— Увидимся, увидимся... — шептала Маша, прижимая горячую трубку к щеке.

"Похоже, увидимся не скоро", — всё же оценила действительность Маша. Юльку теперь калачом к ней не заманишь. Занята подруга любовью. Не найти сейчас силы способной оторвать её от Макса. "Проехаться, что ли за тобой, — ни нашла она ничего лучшего, как разговорить портрет. — А что, это неплохая идея, прокачусь хотя бы недалеко". В одну минуту потребность видеть его сорвала её с места и погнала к нему. В эту минуту она уже не рассуждала. Побросав в небольшую сумку смену белья, Машка помчалась не сдерживая себя в городок предполагаемых гастролей. Пять часов скорым поездом, и она в провинциальном городке. Гостиницу долго выбирать не пришлось, одна на всех приезжающих в центре города. На верхних этажах номера, а внизу ресторан игральные автоматы и всякая ерунда. Сняв номер, купила билет на концерт. Она уже усвоила, что дорогие первые ряды всегда имеются в продаже. Хотя цены, не в пример столичным, тут были смехотворные. "Наверное, зарплаты тоже", — решила она. Побродив по городку, закупила на ужин фруктов, лотки с которыми торчали через каждые тридцать метров. Приятным сюрпризом было наличие в номере работающего пусть маленького и тархтящего, но холодильника. Можно положить всё в него и о завтраке не надо ломать голову. Свободное время посвятила осмотру города.

"Как люди в таких местах живут, — вздыхала она, бродя по улицам. — Скучища, но ведь живут и незаметно, чтоб были от этого несчастны". Утром проспала почти до двенадцати. "Это уже не утро, а обед", — удивилась она, посмотрев на часы. Воздух не столичный, спится без задних ног. Куда собственно спешить-то, город уже вчера обошла весь. Валялась бы и ещё, но поднял шум таскаемых вещей и мужской хохот. "Ага, приехали соколики, — поняла причину беготни Маша. — Персонал, похоже, летает. А как же столичные знаменитости пожаловали". Соблюдая меры предосторожности проследила, когда они, побросав вещички, отправились в клуб, что было не таким уж сложным делом. Так, как уходили они не с меньшим топотом, нежели пришли. Машка, приведя себя в порядок перед концертом, поспешила к гастроному за букетом. Надо же придерживаться традиции. Вчера с пользой гуляя по городку, высмотрела место продажи цветов. Ни о каких цветочных магазинах тут не слыхивали. Бабки сами себе и художницы и продавщицы, собирая букеты за разговором, вяжут, какую хочется им бумагу, ляпая банты. Тут тебе и вкус, и дизайн в одном лице. Покопавшись и выбрав, что получше, Машка, с трудом уговорила обиженную бабуся сменить яркую бумагу и убрать бант.

"А, что было ярко и красиво, а теперь никакого вида". — Не одобрила она Машину переэкипировку цветов торговка. Расплатившись и не слушая бурчание женщины, поспешила в клуб, куда уже валил валом народ. Любой приезд артистов для таких мест событие. Вошла в зал почти последней. Люди тут приходят пораньше, себя показать и пообщаться. Ребята на сцене работали, не обращая на неё внимания. Им и в голову, естественно, не могло прийти увидеть Занозу в таком месте. Кирилл появился только спустя минут двадцать после начала. Как всегда, отцепив микрофон, пошёл гулять по сцене, кося глазами в зал. Наклонившись со сцены к первым рядам, обращаясь к зрителям песней, он проглотил слова, увидев её сидящей перед собой. Чтоб не лезть ему на глаза, она старалась укрыться за цветами, но именно они и привлекли его внимание. В провинции не очень-то дождёшься благодарного цветочного бума. Поняв, что раскрыта, поднявшись на цыпочки, положила букет на краешек высокой деревянной сцены, не рискнув уже идти туда самой. Слишком красноречива была его реакция. "Ты?!" — выдохнул он потрясённым тоном. Из лучших побуждений, она покачала головой, словно пытаясь его разуверить, мол, это не я, а кто-то другой. Стараясь смотреть мимо него, досидела до конца. Торопиться-то всё равно некуда. Гостиница. Толпа сама вынесла её на мокрую улицу. Пока баловали себя концертом, над городом пронёсся ветер, небо, укрытое неизвестно откуда взявшимися стаями туч, исчезло бесследно, и разразился дождь. Летний, вроде не очень холодный, но, как из ведра. "Судьба, а может быть, силы небесные ополчились против меня", — решила она. Машка, прикрыв голову сумкой, побежала на автобусную остановку. "Вот Маруська, — ругала она себя, — зонт не взяла. Хотя кто знал, что небо продырявится, да ещё и так безобразно". Малочисленные такси расхватили первые, выкатившиеся из клуба зрители. "Придётся помокнуть", — вздыхала она. На первый автобус тоже не попала, оттеснил местный проворный, привычный к такому обороту люд. Правда, народу с его отходом стало поменьше. "Ничего в следующий влезу обязательно, — не теряла надежды она. — К тому же всё равно промокла". Время шло, а автобус не торопился их спасти от дождя. А тот лил уже ливня. Настроение упало почти до нуля. Мокрая, продрогшая, она готова была уже потащиться по опустевшим улицам пешком, лишь бы попасть восвояси. "Похоже, они здесь ходят в час по одному или и того хуже", — запаниковала Маша, отбегая в сторону от брызг тормознувшего около неё микроавтобуса. Выскочивший из открывшейся двери человек,

затолкал её вовнутрь машины. Она даже не сообразила, что ей стоит сделать: испугаться или обрадоваться, как машина понеслась по городу. Вытерев лицо ладонью, от бежавшей с волос воды, чтоб хоть что-то видеть, обомлела. Она мчалась с группой Тарана к гостинице. На пол и сидение натекла с одежды приличная лужа. Маша, смутившись, извинилась перед водителем.

— Ничего высохнет, — улыбнулся мужик и пожелал:- счастливо!

Машку трясло от мокрой одежды и пальцев Кирилла, крепко сжимавших локоть, но она расслышала:

— Какой номер?

— Пятьдесят, — пролепетала она в волнении в ответ.

Поглядывая косо на Машу, ключи ему отдали. Проведя её по коридору, он, открыв дверь, подтолкнул девушку в комнату и тут же скомандовал:

— Бегом под горячий душ. С собой полотенце есть?

— Нет.

— Я банное и коньяк принесу, — пояснил он. И тут же вспомнив спросил:- Переодеться есть во что?

— Нет, — помотала головой, о таких природных катаклизмах, как дождь она не подумала. И отправляясь на один день, захватить хотя бы ночную рубашку не догадалась. От того и оправдывалась сейчас:- Я думала сегодня в ночь вернуться в Москву.

— Значит, прихвачу свою футболку. Не вздумай запираяться, — уверенным тоном, с металлическими нотками предупредил он.

Маша и не собиралась. Вернувшись и принеся всё необходимое, постучав в душевую, просунул в приоткрытую дверь полотенце. Но Машка не торопилась выходить на его глаза.

— Что ты там ещё плюхаешься, ночевать, что ли в душевой собралась? — проявил он нетерпение, уже зная её фокусы.

— Постирушки, сейчас....,- оправдывалась она.

— Кинь, я сам постираю, выползай.

— Уже иду. Отвернись, — попросила она, высунув замотанную полотенцем голову.

— Ну, не зависай, перемотана же вся. Всё-таки достирала. Давай развешу. На, переоденься, — подал Таран свою футболку.

— Я сама, — вцепилась Машка в одежду. Развешивая костюм на спинки стульев, а бельё, пряча на батарею под штору.

Наблюдавший сию картину Таран с иронией предупредил:

— Цирк кончай, переодевайся, я отвернусь.

Но Маша, схватив футболку, спряталась опять в душевой. "Ого, чего он захотел!"

Высушив феном волосы вышла на его глаза.

— Сойдёт, — оценил он на ней наряд при её появлении.

— На безрыбье и рак... — Скривилась она.

— На, пей, — перебил её болтовню, налив полстакана коньяка Кирилл.

— Нет, — сопротивлялась, отпихиваясь от стакана, Маша. Смеша Тарана выпученными глазами.

— Хватит колбаситься, пей, а то заболеешь, — подошёл он к ней совсем близко. — И в постель.

— Я никогда такое не пила, не настаивай, не буду, — упёрлась руками ему в грудь она. Кирилл, ухватив её сзади за волосы и ловко запрокинув голову, поднёс стакан к губам.

— Пей.

Делать нечего, пришлось подчиниться. Машка, хлебнув, закашлялась. Из закрытых длинными ресницами глаз, покатались слёзы.

— Не глотается.

— Давай, давай, не останавливайся, — настаивал парень, торопясь вылить в неё огненный напиток. — Вот и молодец. — Слизнул он с её подбородка текущие пьяные ручейки. А теперь на закуси шоколадом. — Разломав плитку, он принялся отправлять ей в рот горьковатые кусочки. — Беда с тобой, слёзы капают, как у крокодила, — горячие губы парня осушили слипающиеся от слабости глаза. У Машки подкашивались ноги, а по телу торопясь, растекался обжигающий огонь. Колени не выдержали такой нагрузки и подкосились. Пошатнувшись, она поплыла. Сильные руки парня, подхватив девчонку, уложили в кровать.

— Спи, я спущусь в ресторан, у нас там ещё работа. Тебе принести чего-нибудь? — укрыв одеялом обещал он. Лицо его источало растерянность, а вот глаза напоминали топлёное масло и удовольствие. Вот-вот облизнётся и скажет- мяу!

Только Маше было не до его изучения. Да и верила ему. Вот почему-то знала, что он не сделает ей ничего плохого.

— Не знаю, — прошептала она, закрывая глаза. Комната качалась, как на качелях, страшно хотелось спать.

Укрыв девушку, он, забрав ключ, запер номер. Торопясь в ресторан, всё же завернул к администратору. Было страшно, как интересно узнать её имя. Получался парадокс. Она знала о нём многое, он даже не знал, как её зовут. "Чего бы у Юлианы не спросить перед тем как ругаться с ней!?" — покаянно копошилось в голове. Правда, чего жалеть о том, чего уже не ухватить!

— Вообще-то это не по инструкции, но ради вас, — улыбалась женщина. Она просмотрела документы и с новой улыбкой, что была краше прежней, объявила:- Маша Дмитриева.

— Я так признателен, — приложился Кирилл к ручке администраторши. — Вы мне так помогли.

"Надо же имя простое и смешное, как сама она. Было бы неправдоподобно и неправильно, если б её назвали, как-то по-другому".

С рестораном у них был договор до двух часов ночи, развлекать местную публику. Поэтому, у кого водились в городе деньги все сидели здесь, от чего в зале ни только негде было яблоку упасть, но и дышать. Не помогали и кондиционеры. Разношёрстная публика, от денежных людей до братвы, просаживала сегодня деньги, получая удовольствие от общения со столичными знаменитостями. Работать музыкантам в такой духоте было нелегко. Молодёжь толпами бродила мимо ресторана, осажая перекрытый вход. Облепленные с улицы телами окна, угрожали обвалиться. Отработав до закрытия, Кирилл, набрав с собой еды, естественно, под насмешки и потколы ребят, с видом победителя отправился в противоположную от них сторону. Должен же был он, воспользовавшись случаем, реабилитироваться перед друзьями и этой мартышке насолить. Открыв Машкин номер, и осторожно передвигаясь в полумраке, но, стараясь не включать свет, подсел к девушке на край кровати. Она спала, разметавшись по постели. Просторная футболка завернулась, оголяя затянутую в кружево загорелую попу и красивые ноги. Потрогав лоб, успокоился,

кажется, температуры нет, просто развезло так с коньяка. Жаль будить, но уснула на голодный желудок. словно почувствовав на себе взгляд чужого человека, Машка открыла глаза и, схватившись за края футболки, села в худосочные подушки. Поёрзала, оторопело глядя спросонья на него, пытаюсь изо всех силёнок найти одеяло и натянуть его на ноги.

— Маш, я тебе еду принёс, покушай. — Полушёпотом, чтоб не напугать, предложил он ей. — Свет включить?

— Не надо, — испугалась Маша за свой растрёпанный вид.

— Ты поняла, что я тебе сказал?

— Про свет? — переспросила испуганно она.

— Про еду, — хмыкнул Кирилл.

— Я не хочу, — потянула, всё же найдя одеяло, на колени озадаченная Машка.

Кирилл явно буксовал не зная, что делать с ней дальше. Не было решения и у Маши. Он представлял себе всё проще, раньше ему не приходилось сталкиваться с такой бестолковщиной. Тратить драгоценное время на разговоры, уговоры и объяснения — не в его правилах, а тут вот:

— Как ты сюда попала?

Она, подумав, махнула в сторону вокзала:

— На поезде.

— Это я догадался, — хмыкнул он. — Зачем?

— Не скажу, — отвернулась она.

Он решился откровенно поговорить.

— Понятно, Маш...

— Откуда ты знаешь, что я Маша? — перебила, заинтересовавшись, она его.

— Всё проще простого, не только вы с Юлианой у Штирлица радистками стажировались, — оживился он, поближе подсаживаясь к ней. — Мы тоже не лыком шиты, что-то умеем...

Маша при упоминании Юлианы скисла.

— Юльку не трогай больше. Она не причём. Это я...

О! Получив зацепку, Таран придвинулся ближе и ринулся в атаку.

— Если та коза не чирикала, то колись, какая такая сорока про меня натрещала?

Она решила не кривить душой и выложила всю правду матку:

— Осенний ветер с кленовым листочком ваш рекламный плакат к моему сапогу приклеил, — отвела глаза Маша.

Вот такого он не ожидал и даже не поверил.

— И прямо моей рожей, — развеселился Таран, — Это что байка такая?

— Нет, — замотала она головой, уколотая недоверием в самое сердце. — Так и было.

— Коряво как всё, — присвистнул Кирилл. — Неужели всё же мой профиль целовал твой сапужок?

Машка улыбнулась, ещё раз подтвердив правильность хода его мыслей. А он с энтузиазмом принялся развивать их:

— И ты решила, значит, судьба. А, если б там чья-то другая харя была?

— Но был ты, — всхлипнула Машка, которой разговор перестал нравиться. Сейчас она не рассуждала, как надо было, а защищала свою правоту. К тому же её душу переполняла безумная любовь.

Он не настаивал на продолжении темы. О чём-то думал, потирая лоб. Маша заметила,

как он сам ужаснулся какой-то своей мысли. В его глазах застыло отчаяние. Но она ничего не поняла. А он вспомнил, о чём хотел поговорить с самого начала и приступил, наконец, к этой не простой миссии:

— Маш, ты только не пугайся... Это точно не так уж и страшно... — Поняв что довёл её почти до обморока, выложил сразу:- Маняша, можно я на той половине кровати лягу. Если сейчас вернусь в свой номер, ребята засмеют. Ты ж не маленькая, понимаешь.

Она понимала. И готова была разделить с ним любую участь, а не только номер в гостинице. Но съёжилась не только от мысли, что придётся это сделать с ним, но как объяснить ему завтра своё бессовестное поведение. Она просто не знала, радоваться этому обстоятельству или огорчаться. Опять же, много времени на раздумья у неё не осталось. На всё про всё несколько минут. Не скажешь же ему, чтоб ушёл, ей надо подумать. Она едва сумела заставить себя бросить мимолётный взгляд на его лицо и встретиться с ним глазами. И, оценив его виновато просящее лицо и умоляющий взгляд, Машка согласно кивнула, покорно отодвигаясь на теперь уже свой край. Совсем, естественно, не представляя, каким в реальности получится такой отдых и во что он выльется.

Он улыбался, но не сказал ни слова благодарности. Зато вздохнул с явным облегчением и даже похлопал себя по бокам, словно ища чего-то. На глаза попалась опять еда.

— Может, всё же поешь? — предложил опять повеселевший, чувствующий себя увереннее Таран. Всё-таки, как не крути, а поспокойнее теперь. Облома такого перед друзьями не будет. Откуда им знать, как он провёл ночь. Главное, что у неё.

— Что у тебя есть? — вытянула совсем по детски шею Маша. Решив видно, что объесть его будет не так зазорно, если уж она сдаёт ему на ночь полкровати.

— Вот. — Разложил он перед ней лотки с едой. — Ассортимент в наличии. Голодной не останешься.

Она подумала-подумала и сдалась. Почти свои люди. Он подал ей персик. Она взяла его.

— Ладно, — не захотела она его обижать и улыбнулась застенчиво и благодарно.

А он устроил на куске батона кусок цыплёнка и, подсовывая одноразовый стаканчик, подсказывал:

— Соком запей. Я взял наугад. Апельсиновый. Ну, как?

— Вкусно, — облизала пальчик она.

О! Сразу заметил такой непорядок. Вытерев ей руки влажной салфеткой и поставив всё оставшееся в холодильник, он выключил ночник. — Спи.

Маша растянулась под одеялом солдатиком и даже руки сложила поверх одеяла и груди. Сбросив джинсы и рубашку, бросил на приткнутый к кровати стул. Как это по-мужски всё раскидать в разные стороны. Машка предусмотрительно отвернулась в свою сторону, разглядывая пляшущий свет уличного фонаря на стене. "Чтоб не подумал чего. Больно ей надо за ним подсматривать". Жалобно застонавшие под его весом пружины известили ей, что кровать уже поделена.

— Сервис на грани фантастики, — проворчал он, укладываясь, умудрившись при этом задеть её рукой и ногой. Понятно, что полуторка не позволяла далеко раскатиться друг от друга.

— Прости, — извинился он.

Вот теперь она осознала, на что отважилась. Машка лежала, что мумия, ни жива, ни мертва. Он тоже полежал бревном, но оказалось то бревно говорящим.

— Чем ты занимаешься? — не утерпел Кирилл от вопроса.

Маша решила тайну из этого не делать.

— Отпуск последипломный отгуливаю, через три недели на работу.

— Молодой специалист и кто мы?

— Языки.

— И сколько?

— Много.

Кровать скрипнула и чуть не перевернулась.

— Чего ты такая дикая, не разговорчивая, — повернулся к ней Таран.

— Какая есть, — тут же отвернулась она от его губ и дыхания, обжигающего огнём. Но вдруг вспомнив горячие поцелуи в новогоднюю ночь, она замерла захлёбываясь паникой и любопытством. "А что если всё повторится и он поцелует снова?!"

Ткнувшись, с её поворотами ей в затылок, раздосадованный парень, спросил:

— Машка ты боишься меня? — Она молчала, поджав ноги и вся скукожившись. — Зачем же ты бегаешь за мной, не понимаю, хоть убей такой сад-огород? — Но Машка не собиралась откликаться, лежала себе, молчком, боясь пошевелиться, а то кровать ещё не дай бог заскрипит. — Похоже, этот ребус не для меня, — вздохнул он отворачиваясь.

— Юлька и говорит, что ты бревно, — прошептала еле слышно Маша, скорее для себя, чем для него.

— Это она так говорит? — сел он в кровати, стащив с Машки одеяло, — ой, извини, что с тобой?

— Ничего.

— Как ничего, тебя трясёт?

Девчонка дрожала под его рукой, как последний осенний листок на ветру.

— Это от тебя, — простучала она зубами, спуская ноги на пол.

— Куда? — успел поймать её за край футболки Кирилл.

Машу охватила паника.

— Пойду под горячей водой погреюсь. Пусти, — попробовала она вырваться из его цепких рук.

— Прямо сейчас и побежала, — волнуясь, подтянул девчонку к своему большому горячему телу парень.

И тут она разговорилась:

— Я боюсь, — выдохнула она, ткнувшись губами в его шею.

Таран аккуратно подвёл к волнующему его вопросу.

— Скажи только одно, хочешь или нет, ты этого и всё.

— Да, — помедлив, прошептала, пугаясь себя и своей смелости, Машка.

Покусав её ушко, он улыбнулся. "Действительно бревно", — вспомнил он слова Юлианы. Заскользив по её горевшим щекам и поиграв нижней пухленькой девчоночьей губой, он, прижавшись кончиком языка к её губам, попробовал пробиться внутрь. Упирающаяся Машка, подчиняясь, на сей раз, открыла рот. Обрадованный парень, дразня язычком, устремился в глубь. Нацеловавшись вдоволь осторожно уточнил:

— Маш, у тебя точно никого не было?

Она, совсем смутившись, покачала головой.

— И ты хочешь, чтоб это был я?

— Не мучай меня, — скатилась слёза по горячей щеке. — Если не хочешь, оставь.

"Вот ещё! Я что дурак! Оставить кому-то... Да никогда!" Одним рывком, он разорвал трикотаж, давая свободу дрожащему Машкиному телу. Его нетерпеливые, горящие огнём губы скользнули, по ноющей груди, играясь с набухающими сосками, пощипали подрагивающий животик и нырнули в кружево маленьких трусиков. Машка сжалась.

— Тише детка, тише. Расслабься. Я только поглажу тебя тут, вот так, — приподняв бёдра, сорвал, отбросив на пол её кружево, он. Впервые ему не хотелось торопиться. Желание, сделать всё так, чтоб девчонке понравилось, и она запомнила этот день навсегда, овладело им. — Не бойся малышка. Наклоняясь над её лицом, сыпал поцелуи, впиваясь всё жарче в её дрожащий рот. Маша металась. Одна волна накрывалась другой, более горячей и жаркой, нося по телу невероятной силы пламя. Не давая опомниться, он завоёвывал новые отрезки её тела. Его руки, сжимавшие грудь жгли, мечась с жаром за спиной опалая грудь и бёдра. Язык, дразня и лаская, нырнул в такие места в каких ему по Машкиным прикидам делать было нечего. Машка опять заметалась. Уловив разливающую по девственному телу истому и подсунув руку под бедро, вошёл в неё. Расслабленная девушка, пропустив тот момент, резко дёрнулась, пытаясь уползти от боли, и жалобно застонала.

— Машуня, всё, уже всё. Больно? Потерпи, мышка. Другого способа сделать тебя женщиной, нет. — Горячий шёпот горел на щеках.

"Господи, было так хорошо, зачем он всё испортил, — думала Маша, терпя над собой неприятную процедуру. — Но что с этим поделаешь, кажется именно там ему и хорошо". Разгадав её мысли, он улыбнулся, прикусывая горевшее ушко и шепча:- Подожди, детка, будет ещё и тебе это в радость. Машка, смутившись так ловко прочитанным мыслям, не очень веря ему, согласна была на всё и так. Но потихоньку сладкий огонь возвратился, поднимаясь из глубины, он, нарастая, опалив живот, ударил в грудь, растекаясь по телу, долетел до головы, взорвавшись в ней ярким фейерверком. Тяжело дыша, Кирилл упал рядом. Его горячая рука проскользнула по её жаркому телу. Секунда отдыха и он повернулся к ней. Губы, нежно лаская атласную кожу, блуждали в бровях, глазах, почмокали маленький носик. Одной рукой прижимая девчонку к себе, другую, пустив в свободное плавание по её разгорячённому телу, гладил ставшие податливыми ножки и бёдра, пылающую грудь и попавший в плен его пальцев сосок. "У девчонки, бесподобное тело и обалдеть какая грудь", — заметил он, топя Машку в новом потоке ласк. Бедная же Машка, уткнувшись в его плечо, плавилась от счастья.

— Мышонок, как ты? — его губы коснулись её плечика.

Вывернувшись, она зарыла своё горевшее смущением лицо на его груди.

— Теперь не страшно и умереть. — Прошептала она.

— Дурёха, это только начало.

Сопровождая слова, его губы покусали её нежную шейку. Защищаясь, от нового потока ласк неловкая рука девушки упёрлась совсем не в то место, которое бы ей хотелось.

— Ой, — отдёрнула она, словно обжёгшись.

— Глупышка, — поцеловав дрожащие пальчики, Кирилл вернул Машкину ладошку к огню.

Задышав не ровно, Машка разволновалась. Ей вдруг захотелось всё начать сначала. Повторить тот сладкий миг, но попросить об этом она не могла. Под её рукой ожила его плоть. Машка напугавшись, не смея шевельнуть рукой, замерла. Её встревоженный взгляд искал ответ в его смеющихся глазах.

— Большой ребёнок, — прижался он к её рту губами.

— Если тебе хочется или надо, то ты можешь повторить...,- промямлила она, заливаясь краской и не глядя на него.

— Ну, спасибо, пожалела, — смеялся он, — и хочется и надо, но для тебя на сегодня клубнички уже под завязку. Спи всё утром.

— Утром я уеду.

"Что за дела! Это не в моих расчётах... Было бы недопустимым потерять такую девушку. Надо решительными действиями её удержать".

— Ты же сказала у тебя ещё три недели отпуска?

Маша и не отказывалась.

— Да.

— Поедешь с нами. Чего сидеть в душной Москве. Сибирь посмотришь, Байкал. — Он сам не ожидал от себя такого. Никогда, никого он не возил с собой. Зачем, когда кругом баб навалом, заикливаться на одной.

— Я утром решу, — не торопилась она с ответом.

Какое ещё утро ему надо знать сейчас.

— Машенька, поехали, почти месяц вместе. Мне не безразлично, где ты: рядом или далеко от меня. Другая окраска чувства. Ты рядом и краски одни. Всё обретает иной смысл. Ты далеко — всё сереет.

— М- мне надо подумать, — не решалась на такой простой шаг она. Конечно, они, после того, что произошло уже родные люди, но...

— Я научу тебя быть настоящей женщиной. Покажу, как надо любить мужское тело, — напирал Таран, пустив в уговор второй пунктик. И это подействовало больше.

— Хорошо, — страхась того, что она делает, всё же согласилась Маша.

Обрадованный Таран с жаром, подгребя её под себя, закружил бедную Машкину голову страстным поцелуем. Забыв о наставлениях матери и угрозах брата, Машка, переступив через мораль и запреты, счастливо спала около любимого мужчины. Проснулись от шума выбиваемых дверей.

— Не дрожи, — чмокнул её в раскрытые от ужаса глаза Кирилл, — это наверняка ребята меня ищут.

Кое-как прикрыв наготу, он приоткрыл дверь. Таран не ошибся. Так и было, за дверью ухмылялась группа. Не позволив сунуть носы в номер, но переговорив, вернулся к Маше.

— С добрым утром, детка. Идём купаться и собираться в дорожку. — Он не оставлял ей лазейки на отступление. Ни тебе "что ты решила?" "ни передумала ли?" собираемся и всё. — В поезде доспим, подбадривал он, вытягивая, прячущуюся, под одеяло Машку на свет божий.

— Ой, — прикрыла она ладошкой расплывшееся по простыне красное пятно, стараясь не смотреть на улыбающегося Кирилла. Его действительно рапирало удовольствие. Девственницы в его списке побед не было.

Не удержавшись, шепнул ей на ушко:

— Жалко?

Маша покраснела.

— Нет. Просто не хочу это оставлять на злые языки гостиничных кумушек. Это только моё дело.

— Значит, мы выкупим у них эту простыню, — притянул он её к себе.

— Как?

— Скажем, что потеряли. Я тебе обещаю. Побежали купаться.

Побежал он, а она на его руках поехала. Она никак не могла привыкнуть к его и ещё больше своей нагоде. Выдернутая из уже освоенного гнёздышка Машка, прикрываясь, где руками, где полотенцем, потрусилась до душа. Стараясь при этом смотреть себе под ноги, и ни в коем рази на него. "Со вчерашнего вечера многое со мной происходило впервые, — делала Маша для себя открытие, — провела ночь с мужчиной — раз, теперь принимаю с ним душ — два".

— Машуня, — сбросил с неё полотенце Кирилл, — сколько можно тормозить. Ты теперь уже взрослая женщина. Иди сюда. — Втянув девушку в душевую, он принялся её купать, не забывая умело сыпать ласками на тлеющие угольки вчерашнего костра, шёпча на ушко вольности и пожирая её наглыми глазами. Машка вспыхнула, как свеча и, полыхнув огнем, расплавилась сгорая. Всё повторилось вновь, она опять неслась на раскалённых жаром облаках к сжигающему всё на своём пути солнцу, умирая от нестерпимого жара и возрождаясь вновь.

— Какая сказочная страна, — шептала она на его губах, упираясь ладошкой в грудь. — А эти жаркие кони несут и несут не спрыгнуть, не остановить.

— Машка, ты порох, — удивлялся он. Зажигаясь сам от её спички. "Похоже, я въехал в любовь", — обожгла неожиданно пришедшая мысль.

Потом разлив по чашкам пили кефир. Таран доел вчерашнее и её припасы тоже. А она, поглядывая на него, отпивала по глоточку кефир и была счастлива.

Счастлива от просмотра поедания его крепкими зубами продуктов! Наверное, бабы рождаются уже дурами. Кирилл ушёл. А Машка, собравшись и в ожидании его от нечего делать, смотрела в окно. Лёгкая дымка тумана ещё висела на домах. "Последствие дождя, но день обещает быть ясным. Вон туман уже сдаётся и потихоньку опускается. Повис рваными, смешными клочьями, а верхушки деревьев хорошо просматриваются, рвань в небо. Правда, наверное, немного прохладно. Дождь прошёл тот ещё. А что, если он посмеялся и не придёт за мной", — напугавшись такого поворота, она зябко поёжилась. Но он вошёл не стучась. Чмокнув в щёчку забрал сумку и поймав её руку, потянул за собой. Сжатое в тиски сердце заколотилось. Случайность или судьба? Впрочем так или иначе, весь остаток вечера и ночь они провели вместе и сейчас... Уходила, провожаемая, недобрым взглядом администраторши, cedившей сквозь зубы о морали и разложении. "Ах, пусть. Какая мне от этого беда. Я не знаю её, она меня. — Не расстроилась Маша. Прощая женщинам и несправедливые взгляды... — О подробностях им век не догадаться, эти самые подробности касаются только нас двоих и никого больше".

Подробности им, конечно, не достать, но фантазии... Вот те применив их осуждали и разбирали по косточкам только почему-то Машу, ещё и как. Хотя чего бы и горячиться ведь жизнь просто изобилует подобными ситуациями, так что не они первые, не они последние. Оно-то так, только женщины, не претендуя на оригинальность, авторитетно говорили:

— Девки пошли, Зин, ни в какие ворота. Дрянь на дряни. Ночь знакомства и в круиз поехала мужиков обслуживать, — сверля накрашенными глазками девичью спину.

Напарница вторила:

— А с виду и не скажешь. Зачем она приезжала к нам, посмотри карточку, Тонь?

Та сунула свой нос в бумаги, хотя и так всё знала наизусть:

— В гости написала.

— Знаем этих гостей, их и пасла, чтоб бабки срубить.

Обе сошлись на грустном:

— До чего дойдём с такой-то моралью.

Ничего этого не слышавшая, счастливая и немного смущённая, Машка садилась в микроавтобус, приехавший за группой, чтоб доставить к поезду. Разве можно было думать о ерунде, когда рядом с ней сидел лучший мужик в мире, обнимая и жарко дыша ей в щёку. Страстные поцелуи украдкой сейчас ей подаренные и волнующий шёпот приводили Машуню в трепет.

— Кирюша, не удобно, — то и дело одёргивала она его, — ребята же смотрят.

— Глупости. Им дела нет до нас. Вру, они мне безумно завидуют.

— Кирилл, а как я поеду, на меня же нет билета? — хотела знать Машка, вдруг сообразив такое дело.

— Это не твоя забота. Поедешь. — Лучились смехом его глаза. — На худой конец прикреплю в сетке, за окно, знаешь, такие капроновые, в которых лук возят.

Чувствуя, что он шутит, она не обижалась. Оказалось всё проще. Они выкупили три купе и у них, естественно, были свободные места. Машка тихонечко сидела в уголке, у окна, никому не мешая. Только сейчас, в мчащемся поезде, начиная понимать, куда её занесло. Одна с чужими мужиками, которых она совершенно не знала. Висение их портрета на её стене — ни в счёт. Они уж точно не подозревают, что стали ей через тот плакат почти родственниками. Как бы там ни было, а она утром говорила им "доброе утро", а вечером желала "доброй ночи" и это изо дня в день... Вошедший в купе Таран перехватив затравленный взгляд девчонки, подсел рядом. Взяв в кольцо своих сильных рук, жарко целуя, притянул к себе.

— Всё будет путём, мышонок. Не волнуйся. Тебя никто не обидит. Ребята нормальные все.

— Я поспешила, — смущённо прошептала она.

Таран был вовсе не согласен с её страхами и переживаниями.

— Ты моя женщина, считай, что за тебя решение принял я сам. — Тяжело и безнадёжно вздохнув, она прильнула к его груди. — Давай постелю тебе постель, а я у ребят пока посижу, в соседнем купе. Чёрт, забыл, что у тебя не во что переодеться. Впереди большой город, думаю, есть приличные магазины, купим всё необходимое. На, тебе мою рубашку, переодевайся. Кушать хочешь?

— Нет. — Помотала она головой. — Совсем аппетита никакого.

— Маш, я принесу фрукты, не упрячься.

Под стук колёс девушка уснула. Кирилл, часто наведываясь через открытую дверь, наблюдал за ней. Убедившись, что всё нормально, возвращался к ребятам.

Те непременно пытались уколоть.

— Проверяешь, как куры яйца несут, чего ты бегаешь, ничего с ней не случится? — ворчали ребята.

— Головную боль себе на все гастроли обеспечил. Какой дурак в гости со своим самоваром ходит. — Ругался директор- Первый раз тебя глупым вижу.

— Я тоже, — ухмыльнулся Кирилл.

— Что тоже? — не понял тот.

— Первый раз себя глупым вижу.

— Приехали. Ты сам-то понял, что сказал?

— Оставьте его, — вступился Стас. — Не видите что ли, клетка захлопнулась и он

попался.

— Во что? — не дошло до директора.

— В любовь. Всё. Хана. Влюбился Кирюха!

Директор почесал нос: "Что за ерунду они несут?!"

— Не смешите меня, Таран и любовь.

— Случаются ошибки природы, — потешались ребята.

— Прения закрыть, это моё дело и моя голова. — Не выдержал Кирилл.

Директор стукнул ладонями по обтянутым джинсой коленям и поднялся.

— Ну-ну, смотри не влипни в болото с крокодилом.

Коллектив дружно встал на его защиту, хоть и не отказался от подковырок:

— Он золотым ключиком обойдётся, — смеялись друзья. — Кирюха, чего она всё время молчит, плохо развита речь что ли?

— Хватит вам, в самом деле. Умная девчонка, языки знает, — защищал Машку Кирилл.

— Откуда?

— Университет в этом году закончила.

О! Коллектив оживился:

— Так она не малолетка?

— Успокойтесь, погони милицейской не будет. Переросток уже. И вообще вечер вопросов и ответов закончился. Давайте отдыхать. Я что-то устал.

— Ещё бы такую ночку одолеть... — хихикнул бас-гитарист.

Дальнейшие дни ехали, не касаясь этой темы. Обсуждали предстоящие гастроли, играли в карты, решали кроссворды. Машка, так и не проснувшись, ушла в ночь. Утром бухал в двери проводник, будя не торопящихся выходить пассажиров:- "Приехали. Новосибирск". На вокзале ожидающий их автобус доставил без мытарств в пробках в отель. Таран поселился с Машей. Приведя себя в порядок и предупредив группу, отправились по магазинам. Машка торопилась купить самое необходимое. Двинула же в путь с одной парой трусов. Первое, что Маша накупила это белья, крошечную ночную рубашку с маленьким халатиком, тапочки. Она опять же впервые ходила по магазинам, роясь в пикантных вещах не с мамой, Юлькой или одна, а с мужчиной. Что ей тоже до невероятности понравилось. Джинсы, пару блузок простенькие для постоянной ходьбы туфли приобрели в маленьком уютном, оставившем её не равнодушной бутике. Если за первое удалось расплатиться самой, то за всё остальное выкладывал деньги Кирилл, легко гася сопротивление Машки шантажом. Поняв, что она нигде не захочет устраивать шум он, играючи покусывал её ушко, спускаясь к губам или ныряя к шейке. Маняша, краснея, поглядывала на смущённо переглядывающихся продавщиц и уступала от греха подальше, пока не придумал ещё чего-нибудь горяченького. Она ездила с ними на все концерты и встречи. Помогая переодеваться и гримироваться. Время опять же прошло с пользой, посмотрела сибирские города. Сама бы она в такую даль ни за что, никогда, не приехала. Зачем ей это. А так поездка получилась интересной. Вылазки в тайгу, на Байкал, привели Машку в восторг. "Обалдеть, как красиво, — рассказывала она брату. — Точно тебе говорю. Вот озёра спят, а он нет. Если б ты слышал, как тихо, ласково шелестит вода у песчаного берега и ухаёт под скалой. А вечером убегает по воде вдаль лунная дорожка. С берега, кажется, что идёт поток серебристых рыб. Но это иллюзия. Если присмотреться, то можно увидеть, как настоящие рыбы бесшумно выпрыгивают из воды и играют в прохладном свете луны. Он окружён старыми, мудрыми горами. Которые тоже не

спят, а только насторожённо замирают. А по берегам дремлют в чутком забытьи величавые кедровые и стройные красавицы сосны. Мы сидели у костра, я тоже слушала, как и они лес. И Байкал, и горы, и лес вокруг него всё словно живое, дышит и разговаривает. Мне очень хотелось увидеть рассвет на Байкале и я поднялась пораньше. Представляешь, ночь уже ушла, а утро только, только вползало. Потихоньку темнота отступала и стал вырисовываться мыс, из-за которого, по словам рыбаков из посёлка и должно выныривать солнце. Я ждала. Небо укрывали перистые облака, они показались мне мрачными, и я уже подумала, что чудам мне не дожидаться, а день будет ненастным. Но, представляешь, всё меняется в один миг. За мысом вспыхнуло золотое мерцающее сияние. В изгибах гор разгорелся огонь. Тёмные облака становятся тёплыми и лохматыми, наливаются жизнью. Самого солнца ещё не видно, а по воде побежала сверкающая дорожка. Солнце, заглянув в Байкал брызнуло разноцветными искрами. Море стало голубым, а песок на берегу жёлтым и чистым. Вода у мыса становилась красной, и это меня уже не радовало, а страшило. Такое чувство, что вспороли брюхо гигантской рыбе и бьющая фонтаном кровь, залила всю поверхность. Мне всё время кажется, что солнце утром разговаривает с травами и деревьями очень необычно исчезает на них роса или поднимают свои головки цветы. Слышала легенду о Байкале, и его возлюбленной Ангаре. Она сбежала от него, и он в гневе швырнул ей в след огромную скалу. Представляешь, её и теперь ещё видно в воде. Я видела, как под утёсом носились чайки, взмывали и, высмотрев добычу, отчаянно срывались вниз, раскалывая синее стекло воды. Они проносились надо мной, кося любопытным глазом, затем уходили за скалу. Мы были в лодке, когда на меня опустилось белое перо, но поймать я его не успела, оно упало рядом, вода взбурлила, мелькнул хвост не малый рыбины, и моё пёрышко тью-тью, исчезло. Но видно ей не пришлось по вкусу, она его выплюнула, а я мокрое и потерявшее привлекательность не захотела брать. Да ещё и пахнущее, скорее всего, рыбой. Фу! Всё, кажется, выдохлась!" Слышав её восторженные бредни, Саша, никак не мог понять, за каким шоколадом её туда занесло. Сказочка, о безумном желании сестры, посмотреть по путёвке места проживания декабристов, его мало устроила. Как Маша не плела ему складно кружево, Саша не поверил. Она вспыхнула:

— Хочу посмотреть. Имею право знать историю. Кому Арабские Эмираты, а кому Курилы. — На вкус и цвет..., не плети лапти, вернёшься, и немедленно, разберёмся с декабристами и Магаданом дома, — не собирался верить брат.

— Саша, тебе тоже надо посмотреть Байкал, это так красиво. — Не сдавалась Маша.

И наконец то услышала, то чего желала её душа:

— Бог с тобой, — сдался братец, услышав приглашение, — чуди дальше. Позванивай хотя бы. Очень прошу, не пропадай.

Юлька же, к которой Машке с большим трудом удалось дозвониться, знала всё.

— Дерзай подруга, — кричала трубка её голосом, благословляя Машку. — Супер! Отдыхай и расслабляйся.

— Угу. Я пробую.

Юлька не была бы Юлой, если б не подковырнула:

— Надеюсь, он тебя не разочаровал?

Если б могла она даже бы замахала руками.

— Нет, Юла, что ты, наоборот, — захлёбывалась счастьем Машка, и простодушно спросила: — а тебя?

— Ещё чего, приедешь, пощебечем.

Маша напомнила:

— Александру только не проговорись где меня искать.

— Могла бы и не напоминать.

Вышедший из душа Таран, откинув полотенце, подсел, обняв, к ней на диван. Они были вдвоём. Припечатав ей нос поцелуем спросил:

— С Юлой сорокой трещишь?

— Это плохо? — напугалась она, нажав отбой. — Я не должна говорить, где я и с кем?

Он не мог не улыбнуться своей потрясающей улыбкой.

— Да, ради Бога. Я просто так сказал. Чудная ты Машенька.

Её брови взлетели вверх.

— Почему?

Не удержавшись от нежного успокаивающего поцелуя, улыбнулся:

— Ты же взрослая, самостоятельная уже.

— И что?

Он с чувством превосходства взялся вразумлять её:

— Надо уметь отстаивать своё право на жизнь. А ты, Машуня, по любому поводу лапки вверх.

Понадобилось пару минут, чтоб прозвучал её ответ.

— Но у тебя тоже своё право на жизнь и я могу помешать, бесцеремонно вторгнувшись в неё. Я понятно объяснила свою позицию.

Кирилл чувствовал себя почти ослом. "Попробовал поучить малявку и получил жирный вопрос, кто ещё кому преподавал урок", — посматривал он на неё, не зная как выплыть из этого. Но Машка, откинув телефон, залезла на его колени, поёрзав, пристроилась на плече.

— Я люблю тебя Таран. И мне нельзя было путаться под твоими ногами, но раз уж я нахожусь постоянно около тебя, очень боюсь какой-то глупостью испортить тебе жизнь.

Он во все глаза смотрел на девчонку, для которой его жизнь имела большее значение, чем своя собственная. С таким ему ещё не приходилось встречаться. Прижав легонько девушку к себе, он потёрся о, её пахнувшие ромашкой волосы, щекой. — "А девочка не так проста, как кажется с первого взгляда. Главное — сохранить спокойствие". Он надел наушники и попробовал послушать музыку. По крайней мере сделал вид, что увлечён ею. Но сквозь прижмуренные веки он следил за девчонкой. "Какая же она ладная! По крайней мере смотрится клёво! Двигается, как пантера грациозно и совершенно бесшумно. Мягкая и по-кошачьи ласковая. Сквозь тонкий трикотаж майки бесстыже проступают упругие соски... Чёрт, о чём думал, когда покупал, надо выкинуть сегодня же эту тряпку. Не хватало, чтоб так-то пялился на неё ещё кто-то. Но тогда что же делать с этой её соблазнительной попой, обтянутой тугими джинсами. А её загорелый животик с маленьким пупком словно нарочно попадает на глаза. Купить немедленно, что-то подлиннее и попросторнее. Да, Кирюха, займел ты себе болячку. Под покрывало ты её не спрячешь. Похоже, она сама не понимает чем обладает".

За время, проведённое вместе, она привыкла к нему, его росту, голосу, привычкам, характеру, достоинствам и недостаткам. Маша просто пыталась быть нужной, стараясь не думать о том, что её ждёт по возвращению в Москву. Группа тоже смирилась с тихой девушкой, влюблёно смотрящей в рот Кирилла, с готовностью исполняющей все его просьбы и прихоти. И только Таран знал, какие метаморфозы происходят с ней, стеснительной и не заметной среди чужих людей, оставшейся с ним наедине. Она менялась, как хамелеон.

Вспыхивая от маленькой искорки, горела рядом с ним заревом, зажигая и уводя его на вершины удовольствия. Вот и сейчас она полыхала зарницами в его руках, теряя рассудок сама и сводя с ума его, Тарана.

— Ты, малышка, как лампочка Ильича горишь. За месяц из тебя обалденная любовница получилась.

Счастливо улыбаясь, довольная похвалой Маша, прижималась к его широкой груди. Воспринимая даже это, носившее с детских лет слово "любовница" плохой негатив, как похвалу. Кириллу нравилось в ней всё и то, что не лезет вперёд него, как это было с одними. И то, что не ревнует к поклонникам и фанатам, как это было с другими. Ни его прошлое, ни будущее, её абсолютно не волнует. Спокойно относится ко всем остальным закидонам шоу бизнеса. Ему было впервые спокойно и надёжно с женщиной. Машке же просто в голову не пришло отделять всей этой бабьей толкотни, визга, трепотни и возни около него от самого концерта, надо признать с другими Таран не раз переживал неприятные минуты. А Машенция хоть бы хны. Она никогда не поехала ни на один из банкетов, на которые отправлялась группа. "Ради Бога, — складывала она на груди руки, — это часть твоей работы. — Не надо меня с ней мешать. Мне там делать нечего. Я пока почитаю". "А чего собственно бесится-то, — улыбнётся после его ухода Машка, своему отражению в зеркале, — всё равно он возвратится ко мне, даже приползая под утро на рогах". Но тур подошёл к концу, и они кружили на борту воздушного лайнера над Москвой, идя на посадку. Над ними над обеими будет одно солнце, одна ночь, но не на двоих, как это было раньше, а на каждого.

То, чего так отпихивала Машка на задний план, со страшной скоростью надвинулось на неё сейчас, с посадкой лайнера на аэродромные плиты, грозя расплющить, придавив не посильным для неё пока весом. Сердце сжимала тоска, но Маша весь полёт прятала грусть, не желая портить последние часы маленького счастья. Полдороги она задумавшись делала вид, что крепко спала, хорошо устроившись на его плече, но ближе к дому не выдержав, залезла на его колени.

— Тебе будет неудобно, малышка. — Оправдывался он. — Мои длинные ноги с трудом умещаются в этом сервисе.

— Мне всё едино, я хочу ближе к тебе. — Ластилась она. Короткая юбка оголила больше чем надо её ноги, на которых Кирилл остановил свой взволнованный взгляд. Воровато оглядевшись, не заметил ли кто, Таран, выдернув свою куртку с колен из-под неё, торопливо накрыл их. "Что-то с Машкой твориться, — беспокойно подумал он. — Надо приглядеть за девчонкой".

— Юбки короткие нечего покупать, не ребёнок уже, — недовольно пробурчал он, заметив застрявшие на её круглых коленях взгляды мужчин. Его охватил внезапный гнев. Он готов был наругать поглядывающим, но держа себя в руках, лишь тяжело дышал.

— Мне длинные не идут, — разволновалась оправдываясь Маняша, одёргивая края куртки. Ей не хотелось его сердить.

Увидев двухэтажное сидение, стюардесса поджала губы, но для начала ничего не сказала. "С этими артистами только свяжись, сам не рад будешь. Вечно балаганят". Но перед посадкой всё же потребовала выполнять инструкцию по технике безопасности полётов.

— Мы подчиняемся, не шумите, — успокоил Таран, сажая Машу на место и даже пристёгивая, чтоб совсем по инструкции. — Вот.

Та, вильнув красиво обтянутыми узкой форменной юбкой бёдрами, исчезла за занавеской.

В полёте, когда он находился рядом, легковёрная и мечтательная девушка ещё строила воздушные замки. В аэропорту у Машки запасы оптимизма сошли на нет и не в силах больше сдерживать тревогу, она поскучилась. Ведь он ничего ей не обещал. У неё уже не хватало сил скрывать стремительно надвигающуюся тоску.

— Машуня, ты стала похожа на кефир...,- здесь он споткнулся, прочистил горло, досказал:- Ну, не куксись, детка, я позвоню. — Обещал он, усаживая её в такси. — Езжай, у нас с ребятами много работы. Пойми, не могу, всю разгрузку свалить на них, а сам слинять. Ты и соскучиться не успеешь, как я буду рядом.

Она всё понимала, но сердечко предательски сжималось и щемило. Получается так, что оно запрятанное там внутри, видит больше, чем глаза. Вернувшись, домой, она первым делом позвонила брату, а потом Юльке и смыв дорожную грязь, забралась в постель. Таран не позвонил. Машка расстроилась. Голова отказывалась слушать сердце. Она знает, естественно, не могла, что он пожалел девчонку, давая ей время и возможность отдохнуть. Утром, приведя себя в порядок, она отправилась на работу. Саша уже не просто злился, а ультиматум поставил. Но долго гореть трудом не довелось, прилетела распираемая новостями, повидаться и перекинуться словцом, Юлька.

— Прискакала, — вместо приветствия буркнул Александр, чмокнув дежурным поцелуем.

— Саша, отпусти нас в кафе, отметить начало трудовой деятельности и поболтать, — ластилась подруга. Машка, учитывая свои проколы, скромно молчала, не осмеливаясь ещё и на такое нахальство.

Тот посмотрел на часы, потом жестким взглядом на них.

— К обеденному перерыву даю час и баста.

Девчонки переглянулись, это были крохи. Что там час.

— Саша, она молчит, я прошу, — умоляюще складывала на груди руки Юлька.

— Хм! У вашей трескотни часики не тикают, — отрезал он.

— Какая ты жадина, — надулась Юлька.

Он поморщился. От Юлы держался всегда на расстоянии, побаиваясь её языка. И сейчас, чтоб не попасть под более мощный обстрел, старался как можно быстрее избавиться.

— Я директор и трудовую дисциплину нарушать нечего. До вас тут был порядок, а вы всё поломали.

Юлька возвела холёные руки в звенящих браслетах к потолку.

— Это уж совсем несправедливо. Она не успела вчера прилететь и уже сегодня вся в трудах.

Александр в суровую складку свёл брови.

— Была, пока ты не привалила.

Их дружные вопли мало помогли.

— Саша, Сашенька....

Хозяин кабинета указал на дверь:

— Брысь из кабинета. Вы мне мешаете.

Не дожидаясь повторного разрешения, понеслись на выход. В кафе, найдя столик в уголочке, решали, кому первому откровенничать.

— Давай ты, — уступила, как всегда, покладистая Маша.

— Ну вот, — начала Юлька. — У него есть приличная двухкомнатная квартира. Не большая, но в хорошем районе. Мы поехали туда. Ой, подружка, что было... Ты не представляешь.

— Теперь представляю... — смущённо улыбнулась Маша.

— Не перебивай, а то я запутаюсь. Он такой мужик, такой... Чего ты смеёшься? — отмахнулась она от посмеивающейся Машки.

— Ничего, давай дальше.

— А, что говорить, фейерверк, я только подкачала. На язык-то огонь, а так никакого опыта. Одна теория, да фильмы. Но в принципе нельзя и девственность сохранить и опыта набраться. Ничего, я быстро учусь. За неделю своё нагнала. Представляешь, он в филиале фирмы отца работает.

— Максим мне говорил.

— Когда?

— В ресторане, помнишь, танцевали.

— Мне сейчас приходится по работе бывать в том филиале и делать вид, что не знакомы с ним. Каково?

— Ты может и психолог, и в крутом вузе училась, но ни черта в людском нутре не смыслишь.

— Как это понимать?

— Мне, кажется, отец твой вам нарочно эти встречи устраивает. Ошибку свою старую исправляет, а что он тогда в принципе-то мог с вами поделаться. Не выдавать же тебя замуж в двенадцать лет. Макса, думаю, не зря все эти годы держал около себя.

— Ты так считаешь?

— Прикинь сама. Ресторан он тебе рекомендовал? Он. В филиал должно быть тоже он тебя отправляет, угадала? Думаю, хочет посмотреть надо тебе это или уже нет, прошла любовь, завяли помидоры или по-прежнему по тебе клиника плачет.

Так оно в принципе и было. После никуда не приведшей, устроенной им встречи в ресторане и на работе, отец решил, что Юлька всё давно забыла и даже не узнала Максима. "Ну и хорошо, — обрадовался он. — Значит, моей вины нет, а в лице Максима приобрёл хорошего работника. Пока начальник отдела, а там жизнь покажет". Отец успокоился, но не надолго. Её водитель и охранник Валера сообщал странные вещи, крича в трубку.

— Станислав Иванович, она заказывает каждый раз один и тот же маршрут. Доезжает до универмага и исчезает на полдня в нём.

— Действительно странно, полдня трепаться по примерочным, это не для Юлы. Она что-то покупает?

— Вот! Почти ничего или так мелочь.

В отличие от водителя отца такие метаморфозы с дочерью насторожили.

— Валера, последи, пойдёшь за ней. Только так, чтоб не заметила, — велел он.

Валера прошёл и был очень удивлён, когда девчонка, даже не заходя в универмаг, понеслась на другой выход. Оглянувшись, Валерка еле успел отскочить к стенке, поспешила к стоянке машин, где её ждал молодой мужчина. Охранник обомлел. Страстный поцелуй, и аккуратно поддерживая девушку под локоток, он, подведя её к машине и открыв дверь, усадил в авто. О! — заметался водитель ища по карманам мобильный, который он сжимал в руке. "Вот дела!"

— Мне что делать? — запрашивал он хозяина, прокомментировав ситуацию.

Напротив, тот не паниковал, а лишь посмеивался.

— Номер колёс запиши. Сфотографируй его, если получится. Похоже, провела меня стрекоза. Какой он на вид?

— В смысле?

— Молодой, в возрасте?

— Не совсем пацан, но мужик на хороших колёсах уже. Мне-то что делать? — повторил он вопрос не получив ответа.

— Жди, как всегда и ни гу-гу. Номер машины давай.

— Понял.

Естественно, узнав хозяина авто, Станислав Иванович удивился выдержки и хитрости любимой дочурки. Снимок, предоставленный охранником, только подтвердил данные автоинспекции. Его дочь целовал Макс. Валера получил команду и в дальнейшем потакать её желаниям, возя к универмагу. — Главное вида не подавай, что раскрыта она, посмотрим, куда это их заведёт. — Просил Станислав Иванович охранника.

Всё это и имела в виду Маша, слушая трескотню специализированного психолога Юльки.

— Может быть, ты и права подруга, спасибо за подсказку. Я признаться об этом не подумала, но рисковать пока не буду. — Нервничая, закурила она длинную дамскую сигарету.

Машка терпеть не могла когда подруга, при ней, курила. А, тут вообще, глотнув дым, закрыв рот салфеткой, понеслась в дамскую комнату.

— Боже мой, что с тобой Машуня? — догнала её Юля.

— Не знаю, выбрось эту гадость, меня тошнит.

Юля грохнула себя по лбу.

— Машка, ты предохранялась?

Та растерялась.

— Ты ничего об этом не рассказывала... У меня с собой ничего не было... Ты думаешь это?...

— А сама дойти до тямы не могла. Фильмы, книги журналы, на что? В школе учили пестики, тычинки, наконец. Вот Маруська, так Маруська.

— Не ругайся, мне плохо. Что теперь будет?

Юлька разошлась не на шутку. Она забыла, что психолог и ни шуточно вопила:

— Явление Христа народу. Ты сама не догадываешься. Ребёнок будет.

Машка слабо оправдывалась, против такого напора Юлы...

— Я обо всём забыла, даже про ремень папы с мамой. А ты говоришь о таблетках.

Юлька проникнув к ней жалостью вдруг опомнилась.

— Не переживай, сейчас поедем к врачу. Приводи себя в порядок.

Маша порылась в сумочке, достала салфетки, вытерла в подтёках косметики лицо. И ладно...

— Забыла зарядить телефон. Кулёма. — Расстроилась она, услышав предостерегающие гудки. — Может, он звонил, а я...

Юлька отмахнулась: тоже, мол, причина.

— Подумаешь, сама позвони, ты же знаешь его номер.

Маша разволновалась:

— Нет, сейчас не могу навязываться. Хотя, час назад, не дождавшись звонка, так бы и сделала.

— Ты точно прибацаная, — ругалась Юлька, толкая её в машину. — Валера, давай в больницу.

— Что у вас?

— Машка съела что-то несвежее, — тут же нашлась Юлька.

Валере крутить баранку без разницы куда. Больница, значит, поедем туда. Врач подтвердил их догадки. — На учёт ставить?

— Нам подумать надо, — ответила за проглотившую язык подругу Юлька.

— Ставьте, — ожила Маша. Её пульс учащённо бился. Тревожные мысли не позволяли ей говорить громче, чем шёпотом: — Что уже теперь, буду рожать.

Вытаращив глаза, Юлька с изумлением смотрела на одевающуюся Машку. В её голове была такая сумятица. Но поборов в себе страх, минуто спустя, отмерев, болтала:

— Вот и хорошо, правильно. Для чего же баба ещё создана. Рожай подруга. Так тому и быть. Клёво как. Представляешь, будет маленький. Я ему коляску куплю. Катать будем.

Маша шла с опущенной головой. Юлькина болтовня не доходила до неё. Вдруг она остановилась и развернувшись к подруге взяла её за локоть.

— Юля, родителям своим не говори ничего, прошу. Страшно представить даже, что будет со мной, если дойдёт такая сногшибательная "радость" до моих.

— Но, не смелют же на кофемолке, — нерешительно возразила та. — Как же оно будет?

— Не знаю, не знаю. И Саше пока тоже не проболтайся. — Умоляла взволнованная Маша.

— Как скажешь подруга, как скажешь, но ребёнка не скроешь. Тарану сообщи.

— Надо ли. Наверное, это не правильно.

Юлька возмутилась, но, приглушив азарт как можно равнодушнее взяв её под локоть, попробовала настоять на своём.

— Сообщить правильно, а там, как знает.

Машка подумала и согласилась: "Да, так, пожалуй, будет правильно".

— Хорошо. Только я сама скажу. Ты не лезь.

— Ясное дело, — вздохнув кивнула Юля.

Таран был, как на иголках. До Маши добраться так запросто, как планировал, не получилось. Телефон не отвечал, номер домашнего он не знал. Не дозвонившись за день до неё, Кирилл принялся искать номер мобильного Юлианы. Получив заветный номер, тут же бросился звонить.

— Юля, это Таран. Рада, а я-то как. Номерочек, как твой раздобыл? Тем же способом, что и ты мой для Машки. Из-за неё и потревожил тебя. Никак не могу дозвониться до неё. С ней всё в порядке? Ясно. Телефон разряжен был. Понятно. А я — то звоню, звонок наяриваю... Что меня ждёт? Сюрприз. Уже заинтригован. Интересно, аж, жуть. Хочет сообщить мне что-то важное. Буду ждать. Весь в гадалках говорю.

Но с сюрпризом тоже не сложилось сразу. Маша неделю продолжала не отвечать ему на звонки мобильного. Трубку городского телефона кидала, когда выяснялось, что на проводе Таран. Видя на экране мобильного его лицо, предпочитала отмалчиваться. Ситуация с ребёнком всё изменила. Она уже не могла так запросто навязываться. Сообщив ему, как советовала Юля о ребёнке, Машка боялась увидеть страх или презрение в глазах любимого

мужчины. И защищаясь оттягивала ситуацию, как страус, пряча голову в песок. Пока не привыкла и не утрясла сама с собой сложившуюся ситуацию, решила вообще не говорить с ним. К тому же у неё было плохое предчувствие. А интуицией она обладала какой-то особой. "Навязалась сама, ещё и ребёнка повешу, как-то не так всё получается. А с другой стороны он его отец и Маша не вправе красть у него ребёнка. Значит, остаётся сделать так, как сказала Юля. Сказать, а там пусть решает". Меряя шагами комнату, утаптывала пушистый ковёр, без дела переставляла стулья и по несколько раз перекладывала с полки на полку бельё в шкафу. Перекручивая по сто раз в голове ситуацию, валялась без сна всю ночь на кровати. Мучилась не зная, как правильно поступить. Саша, наблюдая за притихшей Машей, удивлялся: "С сестрёнкой что-то происходит. Надо бы поговорить, но как?" Однако, согласовав всё с собой и успокоившись, Машка попросила Сашу сопровождать её в ресторан, где сегодня работала группа. Было бы, конечно, правильнее пойти с Юлей, но она именно сегодня отправилась куда-то с Максом. Маша не стала уже ничего менять, тем более, Саша, покочევряжившись, согласился. Они заняли тот же как и в первый раз здесь с Юлей стол.

— Сколько уже можно умирать из-за этого Паваротти, — доставал он сестру, придирчиво разглядывая приборы перед собой. — Посмотри на себя красивая, умница, богатая невеста...

— Комсомолка, спортсменка ещё не сказал. — Отвернулась, всматриваясь в полумрак сцены, Маша. — Зубы и язык показать.

— Не ломайся. Вон выкатился твой жеребец.

Машка оглянулась. Она села сегодня специально в полуоборота. Чтоб увидеть его выход издалека и подготовиться, но всё равно просмотрела. Кирилл удивлённо сверлил её глазами, никак не ожидая застать за столиком, беседующим с женщиной. Память услужливо напомнила ему, как она на вечере в клубе не раз танцевала с этим субчиком. Его раздражало, что тот мужик, вроде бы, чувствовал себя чуть ли не её хозяином. Он почувствовал надвигающуюся на него опасность. Топчась и безнадёжно запаздывая за музыкой, он был явно не в своей тарелке. Улыбался, но скулы свело от этой натянутой улыбки. Он стоял сбоку от столика и старался на него не глядеть. А когда пел, то обращался к кому угодно, только ни к Маше. Александр торопил, поджимали свои встречи, посидев с полчаса, Машка поднялась, направляясь с букетом к сцене. Увидев, её Кирилл нарочно отошёл в глубь. Поняв, что он сбежал, сглотнув комок, попросила подойти. Избегая скандала, он взял букет. Проскрипел сквозь зубы:

— Чего тебе?

Окончательно смутившись от его грубости, она с трудом пролепетала:

— Мне надо поговорить с тобой.

Но он тут же в грубой форме отрезал:

— Я не слепой всё понял. Спасибо за сюрприз.

— Кирюша! — поёжилась от такого не понимания она.

— Видеть тебя не могу.

Бестолково потоптавшись, потому, что Таран ушёл в глубь сцены, не желая с ней продолжать беседу, она отошла. Думать о том, что Таран отдал своё сердце так быстро другой, было противно и больно. Саша, с которым она под руку выходила из зала, видел, как расстроена сестра, со всем старанием пытался успокоить.

— Маш, ну не плачь. Хочешь, я куплю его тебе на целую ночь, пусть поёт, заливаются вместо испортившейся в часах кукушки. А куда ему деваться — то, заплаченные деньги

отрабатывать придётся.

— Господи, что ты несёшь. Ведь ничегошеньки не понимаешь, — прятала слёзы она, всё же чуть всхлипывая. Сейчас она понимала лишь одно то, что ей отказали, причём жестоко и раздражённо.

— Через неделю юбилей нашей фирмы, делаем праздник. Артисты, фуршет то, да сё. Будет и он. Я тебе обещаю.

— Он не придёт... — покачала она головой.

— Откуда он узнает, к кому нанят. А вообще-то вот что я тебе птичка скажу. Пока ты не начнёшь ценить себя больше, чем мужчин, у тебя точняк ничего не получится. Прислушайся. Я знаю, что говорю. Перестань носиться с ним как курица с яйцом. Научись думать о себе, тогда и твой петух общипанный с тобой считаться будет.

— Милый братик, я и сама это хорошо знаю, просто сейчас у меня не тот случай.

Всю ночь Маша проплакала, мысли одна выпихивая другую, роились в голове. "Что вообще-то произошло со дня посадки самолёта в аэропорту? Почему всё пошло не так? Откуда он знает о ребёнке? Так злился. Ну и пусть. Я сама выращу. Телефон. Кто ещё звонит так поздно? Он? Наверяд ли... Юлька. Кто ж ещё". — Поняла она, добравшись до аппарата.

— Юла, ничего не получилось, — всхлипывала Машка в трубку.

— Ты вообще-то с ним говорила?

— Он даже не захотел слушать.

— Как?

— Вот так! Откуда он может знать о ребёнке. Ты ни-ни?

— Не обижай подруга. Он, правда, нашёл меня, справляясь о тебе. Твой телефон не отвечал, я уверила его, что у тебя всё тип-топ. И ты ему готовишь сюрприз. Может, вы просто не поняли друг друга? — переживала Юля.

— Не уверена, но я попробую ещё раз. Через неделю они будут петь на празднике в честь юбилея фирмы.

— Маша, давай, я ему в лоб всё скажу, а то ты опять ничего не сделаешь.

— Нет, не лезь, подруга, как ты говорила: "Судьба сведёт, тогда навсегда".

— Ну, как знаешь, — обиделась Юлька.

Обиделась, обиделась, обиделась... Какая роскошь. Маша знала же с самого первого раза, что нельзя так, но цеплялась... На всё надо иметь права, она на него не имела. Она с трудом дождалась, пока пронесётся эта не лёгкая неделя. Продолжая ждать появления на экране телефона любимое лицо, металась на каждый звонок, но чуда не произошло, Кирилл не позвонил.

У Маши не оставалось надежды на успех и сегодняшней встречи. Таран только к концу вечера понял, на чей пир попал. Машка пряталась до конца, не мешая ему работать. И Александр еле отыскал её, чтоб отправить к зарубежным партнёрам и гостям. Там многие не знали языка, и не хватало переводчиков. Обняв сестру, он представил её гостям. Увидев такое бесстыдство, Таран позеленел: "Эта избалованная дрянь удовлетворила свою дурь, завоевав его, а теперь, по всей видимости, устраивает свою жизнь с богатеньким Буратино. Да ещё и наняла его петь... А что, парень молодой и привлекательный бизнесмен, не то, что он, Кирилл. Нет, возраст у них равный с ним, рожа тоже не хуже, вот только с бабками не так фартово. Есть, конечно, но с этим парнем не вровень. Всё и так козлу понятно, — накручивал он себя. — Поэтому и телефон её молчал, но не мог же он быть отключенным

больше недели, и в ресторан своего суженного притащила, чтоб посмотрел и не донимал". — Не просто злился, а разрывался от злости страдая, он.

Маша не раз задерживала взгляд на нём, желая узнать, что ей от него сегодня ждать. Но вид у него был особенно мрачный. Это не предвещало ей ничего хорошего, но что же делать, если выбора нет. Она поймала его у стола, налив в бокал вина он жадно пил.

— Таран, мне надо тебе что-то сказать важное, — подойдя тихо сзади, попросила она его, вцепившись в руку и пытаясь увести подальше от людей.

— Не утруждай себя, я обо всём догадался, — нахально, глядя ей в глаза, заявил он.

— Откуда? Ты не мог этого знать, — расстроилась Маша. Ничего не успев сказать в своё оправдание. Ей вдруг стало жутковато.

— Пошла вон, — стукнув по держащей его руке, оттолкнул он девушку, освобождая себе путь.

На этом и расстались. Маша отвернувшись тихо плакала. Она стояла не в силах двинуться с места. Рука ломилась, но та боль не была основной, она не чувствовала сердца и не находила мыслей в голове. Ясно одно, больше она за ним не пойдёт ни сообщать, ни упрощать. Что ж бывает и так, был красивый месяц, жаркий шёпот и всякие милые глупости, а сейчас — пшик! От пылающего костра страсти остались одни угли. Похоже жизнь разводит их всё дальше и дальше. Зажав руку, она спряталась в свой кабинет, зализывать боль и думать, как жить дальше: "Всё глупо, больно и непонятно..."

— Эй, подруга, открой, — стучала Юлька. — Ты чего забаррикадировалась, я, аж кулак отшибла. — Дула, она на кулачок, демонстрируя Маше свои потери. — Видела я всё. Он как взбесился. Чёрт его разберёт. Что теперь будешь делать?

От сочувствия подруги она заплакала ещё горше, слёзы потекли уже потоком.

— Больше ничего, рожать, — прорвался сквозь всхлипы её голос. Она была сильная и слабая одновременно.

Юлька тут же принялась воспитывать. Характер очень противоречивый: настырный, и с тем же колкий — щиплет как гусь. У Маши же наоборот: всепрощающий, гуманный и способная, но немного с ленцой. Могла запросто не довести дело до конца, что ей в этом мешало и чего не хватало непонятно.

— Ты проявляешь малодушие, слабохарактерность. По правде говоря, мне самой ничего не понятно, я сейчас...,- выскочила Юлька из кабинета.

Она никогда ни перед чем не пасовала, не теряла присутствие духа, когда, казалось бы, всё было уже на грани провала — всегда находила выход! Юлька нашла Кирилла грузившим с ребятами из группы свой музыкальный скарб уже в автобус. Заметив её, он отвернулся. Но девушка, подлетев со всех силёнок, дёрнула его к себе, пытаясь развернуть.

— Ещё одна ненормальная. Чего тебе? — огрызнулся он на её попытку взять его за локоть.

— Ты знаешь кто... бревно. — Выпалила она.

— А ну пошла отсюда, сука, — оттолкнув её, он, хлопнул дверь.

— Какая дубина, — плюнула вслед отъезжающего микроавтобуса разъярённая Юля и машинально докричала всё что она о нём думает до конца. Она с ужасом осознала то, что он ушёл навсегда. А как же Маша и её ребёнок?!

Выбежавший, следом за ней Максим и ставший свидетелем таких боевых действий со стороны Тарана, был несказанно удивлён, только что увиденным. Поняв, что от вопросов не отбиться Юля, отведя его в сторонку, выложила всё. Попросила только об одном, молчать.

Машка сама должна решить перед кем и когда открывать карты.

Всё, дальше тупик. Она понимала это хорошо. Вину во всё только себя. Сама затеяла ту игру с плакатом... Втянула его, по уши утонула сама. Естественное желание рядом с таким мужиком. Только началось всё не правильно и дальше пошло поехало в том же духе. Даже с беременностью у Маши всё шло не так, как надо. То переболела гриппом, то сильный токсикоз превратил Машу в тень. Месяцы летели, ребёнок в ней набирал силу, торопясь увидеть жизнь бил ножками. Машку это радовало и огорчало. Радовало, что, несмотря на неоднократные угрозы выкидыша, он жил и развивался в ней. "Жаль, что этого никогда не узнает Кирилл. Не почувствует тихие биения его сердца и буйный пляс ножек. Конечно, жаль, что у ребёнка не будит отца. Пусть простит маму не разумную, так получилось. Эта любовь с самого начала была неправильной. Принесённый ветром плакат. Моё преследование Тарана. Его вины в том нет. Я сама решила свою судьбу и рожаю теперь тоже для себя. Просто тот парень с плаката, в которого я влюбилась, оказался не таким, каким бы я хотела, чтоб он был. Значит, придётся их разделить плакат и реального Кирилла. Мне остаётся плакат, с него всё и началось. Так, что я ничего не потеряла, а только приобрела". — Помахала она, засыпая улыбающемуся ей со стены Тарану. Тот пренебрежительно кривился ей с портрета.

Кирилл не появлялся. Концерты, выступления, поклонники и новые увлечения, — видимо отвык от неё, потерял интерес, если он был, конечно, у него. Она ждала и уже нет. Всё-таки надежда у дураков умирает последней. Без этого, наверное, легче было бы жить. Как не тяни, а Саши пришлось открываться. Когда скрывать уже было невозможно, выложила на одном дыхании всё. "Как гвоздь молотком в голову забила", — остолбенел он. Новость эта по-другому и не скажешь, прибила его. С большим трудом удалось уговорить его Маше, даже прибегая к шантажу, не сообщать о случившемся родителям. Потом были тяжёлые роды и больной ребёнок. Машка, вылезая из одной больницы, тут же попадала в другую. Пока определили причину недуга малыша, от постоянных рыданий и переживаний над беспомощным тельцем сына, на неё больно было смотреть. Как страшный приговор прозвучало — сердце. Ребёнку шёл уже седьмой месяц, когда Машу с сыном положили в институт и назначили день операции. При подготовке, выяснилось, что нужен донор. Кровь матери ему не подходила. О чём прямо и сообщил врач. Он и разложил всё по полочкам:

— Надо пробовать отца. У нас есть запасы, но маленький ребёнок... Лучше и надёжнее пользоваться кровью родных. Сейчас всякие метаморфозы с донорской кровью случаются, сами ж знаете, телевизор смотрите, газеты читаете.

Это все понимали, но уставшая и чёрная от горя Маша не способна была соображать. Ребята на свой страх и риск думали, гадали, как решить эту задачу. Деятельная Юлька на сей раз пасовала.

— Что тут думать, пойду, попрошу, куплю у него кровь, в конце-то концов, — вспыхнул Саша.

— Надо узнать здесь ли этот осёл? — остудила его деловой пыл Юля. — Могут быть гастроли.

Саша потёр шею, покачался с пятки на носок и рывкнул:

— Так узнай.

— А, что по-твоему, я делаю, — отошла с телефоном от них в сторонку Юля.

Не вытерпев долго, Саша вырос за её спиной.

— Где он, не томи?

— Здесь. Не пыли Саша, в нём гонору не меньше чем у тебя, ты всё только ещё больше запутаешь. Пойду я. Хотя мне этого гада видеть не в радость, но делать нечего, ради ребёнка и в клетку с тигром войдёшь. Как не крути, а женщине проще. Если не получится, делай, как знаешь сам. Хоть вылови, свяжи и волоком притащи, — вздохнула Юля.

— А что это идея и, пожалуй, самая правильная, — покашлял в кулак, обняв Юльку Макс.

— Хорошо, пусть Максим тебя сопровождает, — сдался Александр.

— Договорились. Я иду. Максим меня страхует. Мало ль действительно, чего в его музыкальной башке ворочается. Ты тут ждёшь. У него запись сегодня, я узнала, поторопимся Макс. Поехали, поехали, — потянула за рукав она парня.

— Мы не вернёмся, пойдёшь ты, — попробовал пошутить Макс, но Саша отмахнулся, не до шуток сейчас, когда бедная Машка изводит себя вконец над больным ребёнком.

Не смотря на пробки и заторы, они подъехали, как раз вовремя. Да, это был он. Кирилл, посадив девицу в такси, пытался влезть туда и сам. По сторонам он не смотрел, а зря.

— Поговорить надо, — поймала его за рукав подлетевшая Юля, не давая парню сесть в машину. Она не стала ходить вокруг да около, сразу взяла быка за рога.

При виде Юлианы его лицо перекривилось точно от лимона. Появление девушки явно не вызвало у него прилива нежности или радости.

— Я в ваши игры больше не играю. Не о чем мне с тобой говорить, отвали, — стукнул он её по руке, всё же удивившись такому неожиданному появлению.

— Я тебе сейчас такой бенц устрою, — взвилась Юля, собираясь вцепиться ему в лицо.

— Эй, лихач, поосторожнее на поворотах, — подоспел на выручку Максим. — Просят, значит надо. Уважь, пообщайся...

"Да одной бы мне точно не справиться с ним, — промелькнуло у неё во всклоченной голове. — Ж- жик! Только б я его и видела..."

— Что ещё? — нехотя вылез он обратно. — Я спешу.

— Твоя спешка на снегурочку не очень похожа, не растает, — намекнула Юля на девицу. Её голос от негодования дрожал.

— И всё-таки?... Говори или я поехал, — взялся он за ручку, намереваясь залезть обратно.

Юля, стараясь смотреть мимо него, чтоб не заводиться, выпалила:

— Машке помощь твоя нужна.

Его брови, несмотря на старания, взлетели вверх. Он гадал о причине её появления, и теперь всё стало так реально, что пробудило в нём давно дремавшее чувство ревности.

— Вспомнила баба, как девкой была! — стукнул он в сердцах дверцей.

— Эй, машину не ломай, — возник недовольный таксист.

Юлька с Максом с этой стороны, девица и таксист внутри ждали каждый своего.

— Чем я могу ей помочь, свадебный марш сыграть или фату некому нести? — куражился он.

— Какую фату, бревно, — заорала Юлька, хватая его за грудки. На её глаза навернулись слёзы.

— Забери её, — повернулся он к Максиму, — или я уйду. Напилась иди, прочухайся!

— Что? Что? — заверещала Юлька, рвась из рук крепко и вовремя перехватившего Максима.

— Не нарывайся и не выпендривайся, — насупился Макс, — ребёнку помощь нужна, крайний случай, а то бы не пришли.

Юльки удалось освободиться от рук Макса и она опять запрыгала перед Тараном:

— Что ты этому кретину объясняешь вокруг да около, с ним в лоб надо, а то всё пропало, убежит не выслушав. Операция у малыша, — сорвалась она.

Тот изобразил кривую усмешку.

— Как скоро у неё это...

— Не быстрее других, сколько природой запрограммировано. Кровь нужна, идиот. — Буркнула выдохшись Юля. Ей очень хотелось по поводу его поведения высказаться вслух, но выяснилось, что у неё остались ещё кое-какие запасы самообладания. И она решила воздержаться пока.

— Я то причём, — искренне удивился Кирилл. И покрутил пальцем у виска. Зрительныс намекая на то, что в Юлькиной голове зашли шарики за ролики.

Это было уже слишком.

— Ты действительно не понимаешь? Ты?! У тебя как с головой? — завопила Юлька голосом сумасшедшей пытающейся ухватить его за грудки.

— Что ещё не так? — отшатнулся он от её наскоков. — Ты пришла на мне своё говённое настроение срывать. Я тебя столько не видел и ещё сто раз по столько видеть не желаю.

— Нет, ты слышал, — призвала она Макса в свидетели. — Я хочу понять, этот кретин полный идиот или у него есть шанс на реанимацию? Как у тебя ума хватило такое нести на Машку...

— А что такого? Отца попросите... — пожал плечом Кирилл. — Успокойся истеричка!

Теперь Юлька подбоченилась и пошла боком:

— Не глупее тебя, вот и стоим, просим. Сволочью отец оказался или круглым дураком, я уж и не знаю на что больше сейчас это похоже. Забыть бы тебя на веки вечные. Нас обстоятельства прижали. С паршивой овцы хоть шерсти клок. — Она ковырнула носком сапога снег и выпалила:- Чего тарацишься, твой ребёнок-то у неё. И уж лучше быть сумасшедшей или истеричкой, чем конченным болваном, которому на собственного ребёнка начхать.

Под самый конец орала она во всё горло, но её ни Кирилл, ни Макс не остановили.

Поморгав на них и с трудом приходя в себя, обалдевший Кирилл, наклонившись в салон, переговорил со спутницей и, кинув деньги таксисту, вернулся к Юле с Максом.

— Пошли. Куда ехать. Что с ним?

— Мы на машине, — предупредил его обрадованный Максим. — В институт. Завтра у малыша трудный день. Сын у тебя.

— Сын? я тащусь.

— Ты что не знал? — удивилась Юля.

— Откуда?

Взбешённая Юлька трахнула его кулаком в плечо.

— Ты же сам уверял Машку, что в курсе. Слово ей бедной не дал сказать. Ничегошеньки не понимаю.

— Я не больше твоего. Почему мне никто не сказал, что она беременна. Кто-то мог сказать, — злился Кирилл, ища в том колесе непоняток виноватых.

Юлька делала попытки защищаться.

— Тебе пробовали, но ты то толкаешься, то дерёшься.

— Ничего кикимора сделать не можешь, — пробурчал он, вспомнив, как толкнул, обозвав Юлю от микроавтобуса.

— Что ты говоришь...,- собралась она до победы спорить с ним. Но, почувствовав на колене руку Макса, заставила себя замолчать. "Чёрт с ним, ребёнок важнее. Хотя, что-то подсказывало ей, что он не уйдёт и беспокоиться нечего". И возмущение её по поводу его равнодушия и безразличия к собственному ребёнку сползает до жирного вопроса.

У входа в институт, Кирилл почесал лоб и пробормотал загадочное: "Это судьба!" Юля подозрительно покосилась, но в разговор не ввязалась.

Всё шло хорошо до холла. Увидев Александра в холле, Таран заартачился:

— Этот, что тут делает?

— Где же ему быть, как не тут, — удивилась такому повороту Юля. — Это же старший брат Машки.

— Как брат? — оторопел Таран.

— Так брат. По отцу и матери. Ты действительно бревно и ещё обижаешься. Кое-что из случившегося проясняется, — покрутила пальцем у виска она. — Мы бы все посмеялись над этим, если б для бедной Машки твоя глупость не была так горька. Ты приревновал её к Александру, а никому из нас такое твоё озарение, в голову не пришло.

— Не болтай сорока, раз не понимаешь, — спрятал глаза он.

Кивнув по ходу Саше, Кирилл отправился в ординаторскую. Там ничего не изменилось. Распивающие там чай медики удивлённо поднялись.

— Ба, Кирюшка, какими дорогами тебя занесло к нам?

Не отвечая на поставленный вопрос, он попросил:

— Кофе сделайте, и кровь возьмите для лаборатории.

— Не так быстро и по — понятнее, — пытались сбить с него спесь женщины.

Не в силах устоять на месте он подошёл к окну. Уперев в батарею руки и повернувшись к застывшим женщинам, объяснил:

— Моему сыну завтра переливание потребуется, не тяните резину.

Женщины переглянулись.

— У тебя, что дети есть, мама ничего про внуков не говорила.

Теперь он, словно пытаясь согреться, обхватил руками грудь.

— Я и сам час назад узнал. Семимесячный мальчик у вас лежит.

— Да что ты говоришь? — воззрился на него персонал.

Он уточнил:

— В реанимации.

— Это ж Машин ребёночек, — переговаривались между собой женщины.

— Да. Его мать Мария Дмитриева.

— Так и есть. Павел Кириллович Дмитриев.

Кирилл вспыхнул:

— Не Дмитриев, а Таран он будет носить фамилию. Чего вы рты трубочками округлили. Делайте свои анализы. Я матушке позвоню. Что-то не берёт свою трубу, — раздосадовано отложил он телефон.

Старшая подала неуловимый знак молодой. Та, оставив чашку, поднялась.

— Не дёргайся, Верочка сбегает за ней, ей всё равно нести кровь в лабораторию. Посиди пока, попей кофе. Печенье дать?

— Нет, я б туда коньячку добавил, — подсел он к столу.

— Чего нет, того нет.

Болтая с женщинами, он вспоминал, как клял Машку, со всеми её причудами. Доставал в отчаянии оставшуюся у него ту гостиничную простыню, тыкался лицом в неё и скрежетал зубами: "За что эта пичужка такое со мной сотворила?" Потом забрасывал её в дальний ящик, с глаз долой, до следующего случая. Который долго не заставлял себя ждать. Всё опять повторялось с не меньшей яростью. Сколько раз пытался поехать хотя бы посмотреть на неё, но каждый раз одёргивал себя. И что теперь получается? кругом осёл. Ведь взрослый же мужик мог разобраться в девчонке. Нет, пылил, рвал концы... А выходит, Машка его не бросала, да ещё и наоборот, пострадавшая сторона, осталась матерью одиночкой с его ребёнком... Ладно, локти нечего кусать, пользы от самобичевания никакой. Жизнь назад не перекрутишь. Начнём всё сначала. Теперь мой ход.

Через пять минут в кабинет, где он сидел, влетела встревоженная женщина в беленьком хорошо крахмаленном халате, и с хода наскочила на Кирилла.

— Ты чего тут делаешь, у меня приём. Всё бросила, Вера сказала, несусь сюда. Кровь зачем?

Он не готовился к этой встрече, всё получилось спонтанно. Но он не ради себя здесь, а ради сына, которого он никогда не видел, но он вот за этой стеной и Маша рядом.

— Мать ты летишь, глаза впереди тебя скачут, опасно для сердца, — ехидничал Кирилл, отхлёбывая из чашки. Я жив и здоров. А в реанимации лежит мой сын. Я хочу всё о нём знать. Подождёт твой приём. Историю болезни неси. Не надо вытянутых щёк и сжатых губ. Я давно не мальчик. Кто будет оперировать, отчим?

Он выложил всё враз и сейчас ждал ответа. Уже то, что он пришёл и не куда-то, а именно сюда повергло её в состоянии шока, чего уж говорить о каком-то его сыне...

— Не ори, — пришла в себя она. — Я сейчас всё узнаю.

Проводив её глазами до двери, он опять отхлебнул кофе. — Горячее.

Женщины переглянулись.

— Кирюша, зачем ты так с ней, да ещё при посторонних. Доктор наук же она. Не надо было при нас, — засуетились женщины.

Он пожал плечами.

— Нормально. У нас с ней предельно всё ясно. А наши отношения прописными буквами прописанные, в рамочке давно висят.

Следующий их вопрос пригвоздил его к стулу.

— Не пожалел, что бросил медицину. Из тебя же не плохой кардиолог получался. Отец бы расстроился.

Тяжело вздохнул, криво улыбнулся.

— Отца нет. Всем теперь в его институте заправляет отчим. Друг мне тоже называется... Отец в гробу не иначе как переворачивается.

Старшая постукивая ладошкой по столу заговорила:

— Горяч ты парень. Живым жить надо. Не ложиться же ей было с отцом в одну яму. Ты же взрослый уже мужик. Сколько можно мучить её. Понимать должен. Сам вон отцом стал.

Кирилл усмехнулся:

— Да уж, как колотушкой по голове, до сих пор звенит, как пустой турецкий барабан, в себя прийти не могу. Одним словом, бревно.

Мать вернулась не одна, а с отчимом и ещё двумя кардиологами.

— Вот Владимир Семёнович, всё расскажет. — Сообщила она, уходя в тень.

Отчим первым протянул руку, и она какое-то время висела в воздухе, но Кирилл поднялся и после раздумий пожал её. Кирилл краем глаза заметил, как она отвела насторожённый взгляд. Отчим же положив руку на его плечо говорил:

— Собственно, Кирилл, страшного-то ничего нет. Мы такие операции сотни переделали. Кровь, как я понимаю, тоже есть. Не волнуйся, через несколько месяцев, всё забудется, как страшный сон. А ведь точно, Татьяна Анатольевна, малец на Кирюху похож. Самое главное, чтоб у неё молоко не пропало.

— Грудное молоко, это целебная сила. Как оно у неё до сих пор не перегорело загадка. Извелась девчонка на нет. Одна тень. Есть, её заставляйте, спать. Совсем, духом пала. Чёрная вся. — Втолковывала ему мать.

— Что там с анализами, отправили? — поинтересовался Владимир Семёнович.

— Ждём. Должны позвонить с минуты на минуту. Просили срочно. Извините, — подошла хозяйка кабинета к телефону.

— Кто?

— Владимир Семёнович, это лаборатория.

Тот от нетерпения пошевелил пальцами:

— Ну?

— Всё в порядке, это то, что нужно.

Таран шагнул к двери.

— Все формальности соблюдены, теперь я вам больше не нужен, отведите меня к ней, — попросил Кирилл.

Все помалкивали, кроме матери.

— А, тебе нужен такой поворот? Кровь, это одно, а отношения, совсем другое, — встала на его пути Татьяна Анатольевна.

— Мать, не волнуй меня, куда не крути, когда пошли дети все тропки сходятся у загса. Он уже носит не мою фамилию. Надо выскакивать из этой болотной жизни. Я всё маялся, как? Теперь знаю. Уверяю тебя, нет тяжелее борьбы, чем борьба с собой. И нет врага страшнее себя самого. Пока ребёнок маленький, есть шанс ему ко мне привыкнуть. Я не желаю его терять.

Обычно в минуты его рассуждений мама становилась доброй, мягкой и покладистой. Но сегодня её не смягчила его речь. Она тут же заявила:

— Удивил. Если б ты думал, что десять раз отмерить надо, а раз отрезать, то...

— Мы не портные, а жизнь, не ровная, гладкая ткань, — отрезал он.

— Ты к себе с особыми мерками подходишь, — съязвила она.

Только Таран не смутился.

— Кончай заседание, здесь не дума. Веди.

Кирилл шёл, а волнение, теребя сердце, сжимало грудь. Он не видел её почти полтора года. Расстались, благодаря его стараниям, тоже не на радостной волне, он хамил, как большинство эгоистичных мужиков. Но как всё пройдёт сейчас?... А вдруг она пошлёт его куда подальше и перед его носом захлопнет дверь.

Машка сидела у прозрачной стенки детской кровати, упёршись в неё лбом. Она даже не среагировала на вошедших. Смотря в одну точку, думала о своём. Плохо причёсанная, убитая горем женщина, мало походила на ласковую, нежную Машеньку. Ребёнок,

беспокойно подёргивая опутанными проводками ручками, спал. Кирилл, увидев мальчонку, не мог не улыбнуться: "Как интересно развернула жизнь, у меня есть сын и он ни где-то там неизвестно где, а тут вот, перед ним".

— Машуня, — присел он на корточки рядом. — Всё будет хорошо.

Узнав голос, встрепенулась, безумными глазами глянув на парня, разжав спёкшиеся губы, попросила:

— Помоги. Я умоляю, помоги.

У него зашло сердце.

— Маш, успокойся. Завтра сколько надо, столько и возьмут той крови. Это обыкновенная рядовая операция для кардиохирургов. Я сам в прошлом кардиолог. Сейчас посмотрел его карту...страшного ничего нет. Поверь. Детка, я понимаю, ты устала, но надо взять себя в руки. — Она молчала. Он не понимая, что его не слушают, продолжал: - Успокойся, пожалуйста, — погладил её по голове. На другое пока ума, от навалившегося на него за несколько часов груза, не хватило. Вот познакомься, — насильно развернул он её к матери. Это мама моя. Она смотрела твоего...,- запнулся он, поправляясь, — нашего малыша. Оперировать будет мой отчим Владимир Семёнович.

Машка кивнула головой, плохо соображая, не понимая совсем того, о чём он с ней говорил.

— Помоги, прошу, помоги, дай кровь, — вцепилась она в него, зацикленная именно на ней.

Он вцепился в её плечики, потрянул.

— Машенька.

А она опять умоляюще о своём. С именем Тарана в её голове была связана сейчас только кровь.

— Я сделаю всё, чтобы ты не запросил. Для тебя это не опасно. А я умею быть благодарной...

Пугаясь, он огляделся вокруг себя, словно ища помощи. Мать и хирурги отвернулись. Его взгляд вернулся к Маше, и он сделал попытку ещё раз достучаться до неё:

— Маша...

А в ответ тоже:

— Заплачу, сколько захочешь, — слабо повторила она.

Кирилл запаниковал.

— Машка, — встряхнул он её опять за плечи, пытаясь объяснить...

Но девушка перебив и не теряя времени, боясь, что он исчезнет, говорила о своём:

— Мне ничего от тебя не надо. Ничего. Только кровь, — торопилась она сказать всё, чтоб опять не ушёл. — Не люби, презирай меня, но спаси его...

Основное содержание этой речи, дошло до него не сразу.

— Мышонок, очнись, — проныл он дрожащим голосом, попробовав притянуть её к себе. — Беды не будет. Вообще-то потери бывают, но очень редко.

— Умоляю, помоги, — упала она ему в ноги, ужом выскользнув из его рук и думая только о своём.

Кирилл покраснел и растерялся. Ещё бы! Пульс стучал невообразимыми толчками.

— Сделайте же ей что-нибудь, пусть поспит, — попросил он упавшим голосом, по ходу недобро зыркнув на мать. — Вы, что не видите в каком она состоянии...

Конечно, видели, но не очень пропитывались этим. Татьяна Анатольевна, сконфуженно

отвернувшись, махнула стоящей на страже медсестре, та выскочила за укол. Не выпуская Машу из рук, он сердито предупредил:

— Я тоже здесь заночую. А ну-ка пошли, мышонок, — отнёс он её на притулившуюся в уголке сиротливо кровать.

Татьяна Анатольевна, не смотря на попытку задержать её мужем, прошла следом.

— Тебе чего здесь делать, мы проконтролируем? — опять недовольно сморщилась она.

Кирилл осёк:

— Я вижу, как вы контролируете. Сам разберусь со своим семейством.

Татьяна Анатольевна выгнула насмешкой брови:

— Про семейство прямо сейчас придумал?

— Жизнь придумала. И это только моё дело. Понятно?

Она давно не обижалась. Привыкла. В последние годы сын, если встречались, был резким и грубым. Теперь же он готов был принести в жертву свою свободу, ради какой-то девчонки. Держа руки в карманах белого халата, она недовольно покачала головой и потрясённым тоном протянула:

— Ну-ну...

Что они там говорят, о чём говорят, Маша не слышала. Она безучастно смотрела в одну точку.

— Давай детка ручку, — забрал он в свои лапищи безвольную руку ища вену.

— Я сама, — подсунулась медсестра. — У вас руки дрожат. Не попадёте, расковыряете...

Кирилл отступил понимая, что она права.

— Здрожат тут... Коли уже, — поторопил он замешкавшуюся сестру. И целуя в висок Маше: - Сейчас ты поспишь, чуток, а я рядом посижу. Любовь моя, как же ты измучилась.

Посидев, около Маши и подождав пока она уснёт, он опять подошёл к кроватке мальчика.

— Кирюша, прав Владимир Семёнович, он на тебя похож, — улыбнулась Татьяна Анатольевна, наклонившемуся над кроваткой, сыну. Сердце смягчилось.

Он встретился со взглядом матери.

— Неужели я таким был.

Она примирительно улыбнулась.

— Покрепче только. Слабенький он, болезнь не давала набраться сил. Вот сколько держала его в руках, а нигде не шевельнулось, что это внук. Хотя говорят кровь, кровь чувствует. Может ошибка?

Устало обрезал:

— Мать, не сочиняй кино.

Отодвинув вопрос с Машей на потом, она по-бабьи запричитала о ребёнке:

— Ах ты маленький бедняжка. Болячка привязалась. Надо же такому случиться... Бедный ребёнок, бедный ребёнок! — повторяла она срывающимся голосом.

Кирилл же, глядящий настороженно, аж опустил руки, поглядывая с удивлением на неё: "Что это правда, крик души или цирк?" Но в следующую минуту понял, что его сын принят и то заговорила кровь, а мать ведёт себя сейчас ни как доктор наук, а как бабушка. На её глазах он заметил слёзы. Конечно, он достоин лучшей судьбы. Но чувственный эгоизм отступил. Ей было жаль и внука, и сына. Она на всё мешающее этому решила закрыть глаза.

Мать причитала. Кирилл прислушивался. На него, ни с того ни с сего, нашло какое-то

странное волнение.

— Ничего, после операции всё изменится, пойдёт мужик наш на поправку, — сказал очень серьёзно, взяв под локоть жену, желая успокоить Владимир Семёнович.

И тут Таран запаниковал:

— Владимир Семёнович, — развернулся Кирилл с побелевшим лицом к отчиму, — спасите малого. Не помогли отцу, сделайте всё возможное и невозможное для малыша. Хотите на колени встану. Прощение вот прошу. Помогите...

У матери перехватило дыхание. Изумлённый отчим разволновался, но старался держаться. Они были столько лет в ссоре...

— Так дела парень не делаются, ты ещё в истерику не впадай. Маша на грани срыва... Девчонке поддержка нужна, — обнял Кирилла отчим и заверил его: — Обойдётся всё, я думаю. Случай-то рядовой. Правда, заоблачных надежд я тебе не даю... Сам бывший врач, всё понимаешь, риск всегда присутствует...

При виде сына Кирилл содрогнулся. Ни кровинки в лице и провода... Он горой навис над ребёнком, на глазах навернулись слёзы: "За мои грехи страдает. Маша беременная была, а я идиот доводил. Башку мне в самый раз оторвать. Господи пощади его, накажи меня паскудного. Из-за меня малец мается".

— Ручки малюсенькие, пальчики крошечные, — пробовал Таран погладить сынишку. — Вся ладошка с одну фалангу моего пальца.

Отчим похлопал по плечу.

— Ничего, завтра подремонтируем моторчик, и будет расти, и драть папку за космы.

— Надо поговорить с ребятами, — вспомнил о брате и друзьях Маши Кирилл, — они волнуются.

— Надо так идём, поговорим.

Поговорить было в самый раз. В приёмной действительно уже доходили до точки кипения, в нетерпении ребята. Таран ушёл и пропал. Непонятно с чего засуетившиеся медики молчали. Они несказанно обрадовались появлению в окружение врачей Тарана.

— Что? — метнулась Юлька. — Это нельзя больше терпеть!

— Сейчас мы покончим с нетерпением... Познакомьтесь, — слегка вздохнув, представил им своих спутников он.

Макс и Саша не в силах скрыть удивление молчали.

— Ооо! — издала Юла протяжное. — Ты нас не разыгрываешь, обормот? — ущипнула его осмелев она.

— Не то время. Хотя что-нибудь этакое у меня большое желание с тобой сделать, за твоё молчание, присутствует во мне. Но так и быть отложу разборки на потом. — Скорчил маску он на Юлиане. — Страшного ничего нет. Обычная плановая операция. Сделают всё, как надо. Машу усыпили. — При этом все вскинули на него тревожные глаза, а он продолжал: — Поспит, успокоится. Я отработаю в клубе и заночую тут, а вам думаю здесь уже больше делать нечего. Лучше поехать домой.

— Кирилл, — окликнул, предупреждая, уходя Владимир Семёнович. — Спиртного ни-ни.

— Я понял, не маленький, — бодро промолвил в ответ тот.

Холл опустел. Убралась даже Юлька. Они остались вдвоём Кирилл и Александр. Молча и сосредоточено сверля противника глазами, стояли друг против друга. Постепенно взгляды

обоих потеплели.

— Саш, — подошёл первым Таран, решив попробовать объясниться. — Я не знал о ребёнке. Как увидел тебя с ней в ресторане щека к щеке, башку заклинило. Тормоз. Никогда себя ревнивым не считал, даже не подозревал, что на такое способен. А тут, как зонтом накрыло. Глаза закрою, вы перед глазами, счастливые, улыбающиеся. Год с довеском такой свистопляски выходит, сам себе организовал.

Саша, пробивая застывшее горло, прокашлялся.

— Это на данный момент не так уж и важно. Лишь бы ребёнок выжил, иначе мы Машенцию не спасём. Сам видишь, ребёнок для неё всё сейчас. Или в "дурку" попадёт, или в петлю. Ты же видел её... Раз уж остаёшься, присмотри за сестрой, очень прошу. Надо, я заплачу тебе за всё?

Кирилл, соглашаясь со всем кивнул, а на "заплачу" не обижаясь улыбнулся и ничего не сказал. Не пылить же, в самом деле, на Машкиного брата.

— Не волнуйся, всё будет под контролем.

У Александра не было возражений на этот счёт. Голова болела о другом о чём он тут же и поделился:

— Не знаю прям, что и делать, — продолжал поражённый Саша, почувствовав родственную душу. — Родителей может вызвать? Но что будет с ними, даже предположить боюсь, ведь они не знают, что Машка родила. Боюсь как бы Юлиана не проговорила своим родителям. Те непременно сообщат нашим, тогда скандала не избежать, — пояснил он. — Плохо, что не знаю чем помочь ей, сам растерялся. Маленькая сестрёночка и вдруг такой снежный ком. Одиночество. Тяжёлая беременность. Больной ребёнок. Операция на сердце... Может, аппаратуру, какую надо купить или лекарства для отделения, я денег дам. Только скажите.

— Родители где? — спросил Кирилл вместо ответа, вопросительно посмотрев на Машиного брата.

— В Европе, уже второй год. Они ничего о Машке не знают. Она просила, я дурак согласился. Наезжали, но прокатило. Машка, то на сохранении лежала, а я врал, что в тур умчалась, то рожала. Пронесло. А сейчас нагрянут, даже не соображу, что и предпринимать, кровати, коляски, ползунки, куда это спрячешь?

— Вот и не беспокой их, всё обойдётся. Приедут, увидят здорового внука...

— И в обморок упадут, — брякнул Саша и поморщился.

— Устаканится всё, — сделал попытку утешить его Кирилл.

— Твои бы слова, да Богу в уши, как говорят. Спасибо, что не отказал. Не бойся, мы не будем принудительно тебя женить на сестре. За это можешь быть точно спокоен. Ребёнка вешать на тебя тоже не собираемся. Она так решила. Кровь твоя нужна только была, вот ведь, как получилось, взял пацан твою. За остальное, можешь не волноваться. Как жил, так и дальше будешь жить.

Кирилл, подбирая слова, переступил с ноги на ногу и почесал за ухом.

— Саш...

Но тот перебил:

— Подожди, всё уж сразу скажу. Я твои паспортные данные выкупил. Извини. Не хотелось в графе "отец" прочерк ставить. Жизнь пацану ломать. Но уверяю, это ничего не значит. Тебя никто, ни к чему не притянет... Она совершеннолетняя и это её жизнь и её выбор.

Таран кипел.

— Ты всё сказал? Вот и отлично. Теперь меня послушай. Я Машку люблю, как выяснилось до сумасшествия, а ребёнок вообще завёл мой холостой корабль в гавань, — признался он. — Кончай переживать. Утрясётся всё, поженимся, если она, конечно, простит мою дурь. А за сына, я тебе вообще в ножки поклониться должен. Пришлось бы дундуку усыновлять своего ребёнка. Надо было и фамилию мою вписать...

Александр не хотел да улыбнулся. Всё-таки не один и в беде рядом такое мощное плечо Тарана.

— Ну, уж это ты сам, если решишься на такой официальный зигзаг. Машка тебя безумно любит. Ругался, не помогло. Когда вы только успели сойтись. Превратив портрет в реальность... Непонятно совсем, тем более, что она абсолютно не продвинутая в этом вопросе.

— В Сибири.

— Теперь понятно чего её туда понесло. А то кедр, омуль, Байкал, турпутёвка... Ясно теперь какая это была путёвка и что за тур.

Смущённый Таран принялся оправдываться:

— Я занимал отдельный "номер" и она была со мной.

Он никак не ожидал, что на Сашу это произведёт совсем не то впечатление, которое бы ему хотелось. Тот вспыхнул:

— Чёрте что. Я понимаю, мужик, надо... Мне тоже надо, но я любовниц оплачиваю. Покупаю баб на худой конец. У меня в голове не укладывается, что кто-то мог трахать мою сестру.

Кирилл выкинул ладони вперёд, словно останавливая его гнев.

— Стоп, стоп..., я её не трогал, она сама захотела.

Немного успокаиваясь, Саша всё же огрызнулся:

— Мне только не рассказывай про это "сама".

— Ну может ты и прав, но я, её люблю. Ты разницу улавливаешь. Любовниц своих я тоже чёрном теле не держу, но Машуня, это другое.

Вымученный Саша махнул рукой.

— Разбирайтесь сами, ваша жизнь и ваш малец.

Кирилл протянул ему ладонь.

— Спасибо.

Тот помедлив ответил на рукопожатие тем самым закрепив дружбу.

— До завтра. Хотя дать бы тебе между глаз для верности, — проворчал он прощаясь.

— Ты просто Сашок не встретил ещё свою половинку.

— Пошёл ты, — отмахнулся Саша, шагнув в лифт. — У меня из-за вас пол головы седые.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да и как тут с такой сестрой не посидеешь. Не одно, так другое. Утром Машка не смогла спустить ноги на пол, что-то мешало. Голова, оторванная от подушки, гудела. На придвинутой к кровати раскладушке спал Кирилл.

Разбуженный Таран потянулся.

— Осторожно, ты меня раздавишь, — пошутил он, поймав её не послушные ноги.

Машка села и закрыв глаза, потёрла веки, потом виски, но ничего не изменилось, Таран лежал опершись на локоть перед ней... И он не просто смотрел на неё, а открыв рот своим безумно красивым голосом, которого ей не спутать ни с чьим другим проговорил:

— Мышонок, прости меня. Я бревно, тормоз, колбаса и всё что хочешь. Приревновал тебя к Саше. Обалдел совсем...

— Ты дашь кровь, да? Я не ошибаюсь? — не слушая и перебив его, начала она с того, на чём закончили вчера.

"Видно для неё это сейчас важнее. Пусть так и будет. Сосредоточимся на ребёнке", — решил он.

— Зачем же я малышка здесь, — отпихнув раскладушку, подсел он к ней.

— Спасибо, — расплакалась она, уткнувшись ему в плечо.

— Надо вставать, — поцеловал он её руки, поняв, что полез рано с разговором о себе и своём прощении. — Врачи сейчас приходят будут. Я тебе горячего чая детка приготовлю. У тебя что-то болит? — спросил он, заметив, как она кривится от боли.

Она смутилась, но прошептала:

— Так. Грудь ломит.

Он действительно хлопнул себя по лбу.

— Вчера тебя усыпили, надо молоко сцедить, — говоря это, Кирилл думал о том, что мать права, непонятно как при таких выбросах нервных клеток у неё вообще оно сохранилось.

Помедлив, спросила полушёпотом:

— Что со мной было?

Он объяснил:

— Усталость, я попросил ввести тебе успокоительного.

Она пожаловалась:

— Голова тяжёлая. Беспокойство в груди. Что с ребёнком?

Таран поспешил заверить и объяснить.

— Нормально всё. К операции готовят. Примешь душ, и голова пройдет. Сейчас я тебе помогу, — заторопился он, вспомнив слова матери и отчима о пользе грудного молока.

Наскоро собрав постель и нырнув в одежду, Кирилл занялся Машей. Но напоролся на её:

— Отвернись.

Кирилл уже понял, что сейчас не лучшее время для споров и разборок.

— Хорошо, я не буду тебе мешать. Пойду, посмотрю ребёнка и приготовлю завтрак.

На это она не возражала. Через двадцать минут, он отвёл её в душ. Пропуская мимо себя в открытую дверь, напутствовал:

— Мойся детка. Я покараулю дверь, не мучайся там с придумкой, чем бы закрыть, — услышав, как Машка пытается пристроить швабру, добавил. — Не дёргайся. Я не буду смотреть.

— Точно? — уточнила она.

— Видишь, стою спиной, — успокоил он.

Машка молча ковырялась в своих вещах, потом спросила:

— Почему здесь нет запоров нигде?

Он, вспомнив, как это было в годы его работы тут, принялся рассказывать.

— Пять лет назад одному пациенту после операции стало плохо в душе. Хорошо хоть заметили, куда пошёл, и что его долго нет. Пока вытащили замок...

Маша, перекрикивая потоки воды, поинтересовалась:

— Обошлось?

— Тогда да. Но с тех пор все места пользования без запоров.

По тому, как забарабанили крепкие струи о пол. Понял — моется. Покупавшись, появилась перед ним. Смущаясь, выдавила из себя:

— Спасибо. Я всё.

Он отметил ожившие глаза на её бесцветном лице.

— Легче стало? — обнял он её. — Позавтракаем, детка. Поторопимся, я соорудил тебе кое-что.

Он сам расставил на столе чашки, разложил по тарелкам омлет с колбасой. Сам не ел и не пил. Но и Машка, выпив чай, не притронулась к еде. Так и сидела, глядя в одну точку.

— Ешь девочка, — обнял он её сзади, вложив вилку в руку, — тебе Пашку кормить. Я тебя расчесать попробую и феном волосы подсушу, да?

Не откликнулась, но вдруг подняла глаза.

— А он выживет, — закапали слёзы, как горох в тарелку. — Что если это последний мой денёк.

Таран засуетился, но тут же взял себя в руки.

— Выживет, не сомневайся, — прижал он к себе девочку. — Вырастит здоровый и красивый. И будет за девочками бегать, мамку свою не слушаться, хулиганить, и пойдёт по его попе гулять отцовский ремень.

Она всхлипнула, прошлась ладонью по щекам собирая слёзы и прошептала, повернувшись к нему лицом:

— Он очень похож на тебя.

Кирилл осмелился поцеловать её в глаза.

— Так уж заведено в нашем роду. Сын повторяет отца.

Она вдруг обхватила его шею руками и забормотала:

— Как я хочу, чтоб он поправился. Он же такой малюсенький, что ещё ничего не понимает, но уже столько выстрадал, пропуская через себя боль. Он же не виноват ни в чём... Не виноват... За что его Бог вместе со мной наказывает...

Сердце его скакало. Вот ведь жил себе не тужил и вдруг такое...

— Не переживай, эту кочку мы перескочим, — с присущей ему трезвостью заявил он.

Смущённая Машка, опустила руки себе на колени и впервые за последние месяцы улыбнулась: "Конечно, всё будет хорошо! Как она смеет думать иначе".

Чтоб не обижать его, Маша всё-таки поела. Собрав посуду, она сама, не смотря на его возражения, помыла её.

Кирилл ушёл вместе с хирургами в операционную, оставив Машку на руках Юли. Строго настроено наказав:- "Следи в оба. Если что скажешь сестре. Сделают укол. Они в курсе". И потянулись долгие тревожные часы. Пробегающие мимо врачи и сёстры отказывались вступать в беседу и что-либо сообщать. Только через три часа вышла Татьяна Анатольевна, с ходу успокаивая обомлевшую от страха Машу:- "Обошлось пока, не дрожи, конец операции уже не за горами". Чтоб чем-то отвлечь Машу, организовала переезд её в послеоперационную палату. Испугавшаяся сначала Маша, что её положат отдельно от сына, после объяснений Татьяны Анатольевны, успокоилась. Действительно таская скопившийся за время пребывания здесь скарб, забыли о времени. Так тяжело ждать. Хотя пока ждёшь, всегда остаётся надежда. И всё равно ждать невыносимо трудно. По усталым, но улыбающимся лицам появившихся из операционной врачей Юля поняла, что действительно всё обошлось.

— Две недели и пойдёшь домой, — похлопал Машу по плечу хирург. Главное забудешь,

что такое больницы. Много значит человеческий мотор. Маленькая деталь в нём не тянет и всё, человек чахнет.

— Доктор, скажите, а что могло спровоцировать такое несчастье? — не утерпела Юля.

— Это один создатель знает. Мог грипп, нервы и мало ль от чего, такие нарушения случаются.

У Кирилла ходили желваки. Он знал, что сынишка страдает из-за него. Именно это хочет заострить противная Юлиана. Но та, чтоб успокоить его, как раз вывела совсем на другое:

— Она действительно переболела и очень сильно. Даже угроза выкидыша была.

Юля видела, как Таран вздохнул отведя глаза.

— Разрешите, мы пойдём, отдохнём, и вы все успокойтесь, — прошли к себе хирурги.

Воспользовавшись ситуацией и оттеснив Юльку к лифту, Кирилл выпроваживал её домой. Он с помощью лица, языка и рук объяснял ей, что самое время ей это сделать. — Что должно случиться, случилось, нечего тут торчать.

Но та со всем старанием упиралась.

— Не командуй, она моя подруга.

Рассерженный же голос Тарана доносил до его ушей:

— Подруга не мать и не муж, топай отсюда.

Та сразу ухватившись за это, взяла слово в оборот:

— Муж, объелся груш. — Наткнувшись на стену, взяла задний ход. — Дай хоть с полчасика побуду.

Почувствовав слабину, Кирилл мигом напустил на себя грозный вид.

— Ни баба, а рулетка. Не нарывайся окороком на проблему.

Она не осталась в долгу:

— Вредина.

Выдыхаясь он готов был вышвырнуть её или упрашивать. Остановился на втором. Всё-таки подруга Маши.

— Александр, звонит каждые полчаса, ты под ноги валишься кулём, иди не мучайся.

Юлька враз сменила тон. Она почти пропела:

— У Саши сегодня важная встреча, отменить которую или перенести нельзя, потому и беспокоится, не ворчи собственник, — погладила она его руку, подлизываясь. — Принимаю заказы на завтра, чего вашему величеству хочется?

— Поесть вези. Как ты поняла, я с Машей остаюсь. В палате имеется СВЧ печь можно разогреть. С остальным, я справлюсь сам. Нужна будет помощь, я позвоню. Без толку толкаться тут нечего.

Чмокнув его в щёку. Услышав от Тарана. — Без кошачьих лизаний не можешь. И сморщив носик от смеха, по ходу буркнув ему. — Ты прелесть! Юлька умчалась. А удовлетворённый проделанной работой, Таран отправился в реанимацию, где уже сидела на коленях у кровати сына Маша. Обернувшись на стук двери, метнувшись по-кошачьи, схватила Кирилла за ноги.

— Спасибо, что не отказал, — горячим шёпотом лились из неё слова. — Всю жизнь молиться за тебя буду. Ты не бойся, мне ничего от тебя не надо. Я его себе рожала. Не хотела тебе жизнь усложнять. Извини, пожалуйста, так получилось.

У Кирилла разорвало грудь. Она ещё за него, Тарана, волнуется. "Усложнила жизнь..."

— Машенька, дорогая, — поднял он её, — всё, мышонок, проехали. Скажи, что я козёл,

осёл, чучело огородное и забудем это недоразумение. Давай пойдём, поесть надо. У меня у самого мушки перед глазами бегают от голода. А тебе Пашку кормить завтра надо будет.

Она постояла, упершись лбом в его грудь. Кажется, пришла в себя, потому как сказала:

— Кирюша, если тебе надо куда идти, ты иди, не мучай себя.

— Сегодня я буду с тобой, не беспокойся, ребята отработают без меня. Мы обсудили это с ними. — Он притиснул её к себе и поцеловал в лоб. — Манюня, ты большая девочка, возьми себя в руки, не могу я тебе колоть уколы постоянно. Ребёнку грудь нужна, — попросил умоляюще он, нежа её лицо в ладонях. Не удержавшись, рванул, прижимая со всей силушки к своей вздымающейся груди. Его губы ласково погладили щёку, пощипали уголки рта, но жёстко целуя губы. Отпуская, не ощутил никакой ответной реакции её тела. "Неужели Машка охладела ко мне, через пережитое, не мудрено после такого. Или это просто усталость и переживание за сына? А может быть женская месть за обиду. Нет, Машуня не такая..." - гадал он. Покормив девочку и заправившись сам. Перебрался с ней на диван. Пристроив голову Маши к себе на грудь, он гладил волосы не жалея поцелуев от макушки и до ушка. Рассказывая всякие глупости и гоня чепуху. Машка, на удивление сидела тихо, закрыв глаза и не сопротивляясь, слушала.

— Умница, хорошая девочка, пойдём спать, день кончился, звёздочки в окно подмигивают, а месяц, позёвывая, колыбельную поёт, — поднял он её на руки направляясь в сторону кровати.

В её широко открытых глазах полоскался испуг. Её огромные глазищи смотрели на него, не мигая.

— Я рядом лягу, — поспешил с объяснениями он. — Кровать широкая, поместимся. Ты к стенке под одеяло. Я с краю и поверх. День тяжелый был. Давай отдохнём. Устал немножко. С малышом всё в полном порядке. Я проверил.

Заставив его отвернуться, Машка переоделась, и, забравшись на кровать, спряталась под одеяло, прилепившись к стене. Твёрдо решив, что больше она ему надоедать и мешать не будет. Но Кирилл, пристроившись рядом, подсунул свою руку ей под голову, потихоньку подтягивая к себе. Так лёжа на его руке, она и задремала. Нежность переполняла его. Ему хотелось беречь её, помогать, заботиться о ней, быть хоть чем-то полезным. "Всё такая же покорная и молчаливая, только замученная и повзрослевшая", — прошёлся он губами по её виску. Молоденькая, хрупкая, а сколько уже пережила. Он же козёл был не вдалеке и не удосужился заглянуть в её жизнь. Упустил из жизни её беременность, она должно быть была смешная, рождение Пашки и его первые месяцы развития. Тешился с не греющими душу бабами, когда был дозареза нужен ей. Какими обидами это можно оправдать, если не эгоизмом. Впервые женщина влепила ему щелчок, вот и заело. Самобичевание прервал стук в дверь. Он приподнял голову. Постучавшись, вошла мать.

— Как вы тут?

— Не додумайся ты разбудить, уже спали бы. — Осторожно высвободив руку, Кирилл поднялся. — Ты чего домой не ушла. Рабочий день давно кончился.

— Глупый вопрос. Владимир Семёнович тут. Ночь. Всякое может случиться. Сам знаешь, по любому события могут развиваться. Главное вовремя меры принять. Будем около малого до тех пор, пока опасность не минует. Пельмени хочешь?

— Откуда?

— Купили да наварили. Кирюша, там брат её пришёл, выйди, поговори. Так пельмени

нести?

— Я вообще- то ел, но думаю, лишними они не будут, неси. Жаль, Маша спит, но будить не буду.

Саша мерил шагами коридор, с неудовольствием поглядывая на дверь палаты.

— Ну, как? — взял он Тарана за грудки, сразу же, как только тот появился у дверей.

— Не лезь на стену, всё путём. И Маша, и сын.

— Не врешь?

Он развернул его к мелькающей в коридоре Татьяны Анатольевны.

— Видишь мать тут, отчим и хирурги. Все страхуют. Машка спит.

Саша, снимая напряжение, отёр ладонью застывшее лицо, возвращая его к жизни.

— На. Я вам еду принёс, — сунул он ему в руки пакеты. — Мозги разбегаются, может, что и пропустил.

— Ничего, завтра сам стогаяю, постираться надо. У неё пакет грязного нашёл. Я второй день без смены хожу. Заеду на обратном пути в супермаркет скуплюсь.

— Возьми ключ от квартиры, — протянул он Кириллу связку ключей. Вдруг Машке, что привезти надо или малому. Постирать опять же. Там хорошая машинка у неё с сушкой.

Кирилл оторопел от такого жеста.

— Я даже адреса не знаю. Никогда не был. Да, и что я там, в чужой квартире делать буду, она даже не Машина, — упирался Таран.

— Бери, она, как раз её и есть. У меня своя. Комнату её по дурацкому плакату с твоим изображением на стене узнаешь.

Кирилл ухмыляясь кивнул:

— Она рассказала. Я, честно говоря, не поверил.

Саша двинул ему в плечо:

— А, говоришь, чужая квартира, ты давно уже там прописался. Висит тот плакат на месте и даже мухами не засижен. Будь он не ладен. Надо же было прилепиться именно к её сапогу. Чушь какая-то.

— Из этой чуши Пащунчик получился, — улыбнулся Кирилл.

— Против этого не попляшешь. Адрес сейчас напишу и даже нарисую, как добраться.

— Пельмени хочешь, могу поделиться? — предложил Кирилл, заметив матушку, шествующую по коридору, с тарелкой.

— Обойдусь, вам тут труднее выкрутится, а я в ресторан заскочу, поужинаю. День сегодня чумной, запарился. Сплошные нервы и беготня. Ужинайте, я пошёл. До завтра. Если что, звони!

Редко видевшая сына, Татьяна Анатольевна, подставив кулачок под щеку, с грустью, смахивая слезу, наблюдала за Кириллом сейчас. Их ссора из-за её второго замужества затянулась. Бросил профессию, дом, ушёл неизвестно куда, вынырнул на сцене, что меньше всего ожидала. А что она такого сделала, просто хотела жить.

— Знаешь что, — потянулся, наевшись, он, — если уж ты тут, присмотри заодно за девчонкой.

— Куда посвистал?

— Помыться схожу, слово-то какое придумала, не дождёшься. Я на жёрдочку сел. Поняла?!

— Надолго ли? — ядовито заметила она.

— Навсегда.

Она сморщила в неудовольствии носик.

— Я должна в это поверить...

Его ответ был резким:

— Это уж как захочешь. Присмотришь за Машкой? — ещё раз спросил он.

Она не отняла кулачок от щеки.

— Куда от тебя денешься.

— Сразу бы так и сказала, а то завела воспитательную шарманку. Поздно спохватилась, у меня у самого есть, кого воспитывать.

Она опять не удержалась, чтоб не куснуть его:

— Одно другому не мешает. Хорошо если один. Ты уверен, что больше не объявятся?

— Уверен. Девки сейчас наглые, если что, сразу пузо вперёд и права качать. Это одна дуручка попалась, скрывала, что б мне жизнь не усложнить.

— Чудеса.

— Представляешь, два часа тому назад мне ещё доказывала, что я свободен и ничем ей не обязан. Ноги целовала за кровь для ребёнка. И ты хочешь, чтоб я от неё отказался...

— Действительно дуручка. Её об стенку головой не стучали. В наше время любовью одни только они и живут. Бежать бы ей от тебя надо. Замучаешь ты её. В кого уродился только ухарь такой.

Кирилл запил пельмени соком и гася смешинки воззрился на мать.

— И такое родная мать говорит. Ты ей ещё додумайся подсказать это.

Та отмахнулась.

— Иди, мойся балалайка.

Вернувшись, он застал мать, дремлющей в кресле. Тихонько постоял рядом, вглядываясь в родные черты. Постарела. Как он скучал по ней. Когда совсем уж было невоготу, украдкой караулил её у института. Посмотрев, не объявляясь, уезжал. Обида за отца не отпускала. Это вот Пашка их примирил.

— Я прибыл, — прикоснулся губами он к её рукам, — иди, отдыхай.

Она потянулась. Сладко зевнула.

— Уже? Спит она. Даже не шелохнулась. Где ты раздобыл такую девочку?

— Тебе всё расскажи. Ребёнку что-то делали?

— Всё по плану. Ещё в двенадцать часов зайдут.

— Хорошо.

Раздевшись, заполз под одеяло к Маше, дрожащей у стены, несчастным котёнком.

— Вот глупышка, — чмокнул он в её тёплую щёчку.

Проснувшись с первым проблеском рассвета в объятиях Кирилла, Маше не хотелось даже шевелиться. Тепло и уютно лежалось ей убаюканной колыбелью его рук. Идиллию нарушила Татьяна Анатольевна, привёзшая кормить орущего малыша. Кирилл сел, протирая глаза.

— Что, уже утро?

Не обращая внимания на его потягивание, она направилась к Маше.

— Машенька, давай корми ребёнка, только понемножку начинай, не торопись. Вылезай из-за этого медведя. Выпусти её, — хлопнула она сына, не церемонясь по крутому плечу.

— С чего с утра шум такой и драки...,- пробовал, позёвывая, шутить Кирилл.

— На халатик, — командовала растерявшейся Машей Татьяна Анатольевна. Не бойся ты

проводов этих, они не отпадут от него. Корми.

— В кресле не очень удобно. — Крутилась, никак не приспособясь Маша. — И пусть он отвернётся.

— Возвращайся на кровать. Кирилл отодвинься к стене и побыстрее, — приказала она сыну. — Видишь, малец есть хочет.

— Не смотри, — покраснела Машка, прося Тарана.

Татьяна Анатольевна перекинулась.

— Господи, что за родители тебе достались. Тебя сострипали, не стесняясь друг друга. А теперь краска на них напала, — ворчала она.

Кирилл тут же прищелкнул на неё, встав на защиту Маши.

— Мать, прикрути фитиль. Не трогай её.

Почувствовав руки матери и сосок, ребёнок затих. Открыв глаза, удивился на мир обиженными за боль глазёнками и горестно вздохнув, принялся сосать. Воспользовавшись занятостью Маши, Кирилл развернулся, наблюдая за ребёнком. Тот вцепившись ручонкой в её грудь, сосал раздувая щёки сосок. Машкина грудь, какую он не раз ласкал, принадлежала сейчас другому мужичку, и он должен смириться с тем, ведь то его сын. И он вместо Кирилла ласкал её сосок, почмокивая своими губками. Ну что ж, он не ревновал, но завидовал... Его-то Машенька ещё неизвестно когда допустит к себе. О том, что такого не случится никогда, он думать не хотел.

— Вот заморил червячка, маленький, чуть попозже, пюре с мясом подкормлю и яблочко потру, — поцеловала ручку внука Татьяна Анатольевна. — Иди к бабушке. Не волнуйся Машенька. Он сейчас всё, что надо получает в кровь. На второе кормление тебе не будем беспокоить, подкормим кашами. Бананчика покрошим, да, золотко!?

— Нет, нет, я сама.

— Договорились. Он сегодня проспит ещё весь день. Памперс мы сменили. А ты отдохни, — погладила девушку по голове она. Сегодня ты лучше выглядишь.

Слова про себя пропустила мимо ушей.

— Бедненький весь в ниточках, трубочках, — целовала пальчики ребёнка Маша.

— Ничего заживёт. Зато больше донимать боли не будут. На Кирюшке в детстве живого места не было. Вон, какой мерин вымахал.

— До меня добрались, — хмыкнул тот, играясь с ручкой ребёнка.

— Не спит, хлопает глазами. Кирюш, а глазёнки-то твои. Губки кривит, обидели маленького. Больно сделали мальчику. — Улыбалась внуку Татьяна Анатольевна.

— Просто, чужие кругом, он, не привык, боится. — Поправила кофточку на спинке ребёнка Маша.

— Не знаешь бабули ещё. Будем знакомиться. Это папка твой бяка виноват, обделил нас всех радостью.

— Он не виноват, — прошептала Маша, опустив на грудь голову. — Так получилось.

— Ангельская девочка тебе досталась, — бросила на сына недовольный взгляд мать. — Ты ему Маша ещё крылышки на спину приклей...

— Так, ваш разговор свернул не в то русло, это уже агитация против меня. Дайте, я оденусь, — взбрыкнулся Кирилл. — Машку надо покормить, а то этот хомяк высосет её всю.

Маша, смущаясь, прикрыла грудь детским полотенцем от его глаз. Насосавшись, ребёнок уснул, отпустив сосок.

— Слаб ещё, быстро устаёт, — поцеловала в щёчку, забирая внука, Татьяна

Анатольевна. Я ухожу пока. В реанимации под присмотром побудет. А вы позавтракайте.

Приведя себя в порядок, они так и сделали. Приготовив и покормив Машку, Кирилл стоял за спиной моющей у раковины посуду девушки, не зная как приступить к разговору. Обняв и поиграв губами порозовевшим ушком, прошептал:

— Маш, давай без паники. Мне надо уехать совсем не надолго. Куплю упаковку памперсов для малого, а то немного уже осталось. Оставь это, я сам вытру, — отложил он чашки, посадив её сразу побелевшую, к себе на колени, продолжив не лёгкий уговор. — Машенька, я вернусь, постираюсь, себя приведу в нормальный вид, а то заросший хожу, — провёл он её рукой по своему подбородку. — Тебе или малому чего-то привезти?

А она точно не слышит. Смотрит куда-то мимо его головы. Потом очнулась переспросила и отказалась:

— Мне, привезти? Не надо, езжай...

— Маша. Посмотри на меня, — развернул он её к себе. — Я еду только потому, что надо. По делу, понимаешь? Давай твою стирку, заберу с собой. И давай выкладывай, сколько тебе комплектов белья привезти?

— Я сама перестираю, — вцепилась, спрыгнув с колен, она в пакет.

— Машуня, не надо глупить, — обнял он её опять, начав терпеливо забалтывать по новой. — Главное сейчас это Пашка. Ты должна быть около него. Я могу помочь тебе, детка. И потом стирает машинка, я только брошу туда тряпки. Давай своё бельишко, давай, давай, — потянул он пакет на себя.

— Но там штанишки ребёнка перемазанные, моё тоже, — сопротивлялась она ещё.

— С моего сына говнюшками я как-нибудь разберусь. Ты мне тоже не чужая. И посмотри, может, ещё где завалилась стирка? Ты так, мышка, не сказала, что тебе привезти из белья?

— Я Юлю попрошу.

— Мальш, я в трусах и лифчиках твоих разберусь без консультантов. Сам, без посторонних рептилий всё найду. И потом подруга не муж.

— Кирюша, — сдалась она, — я дам тебе ключ от квартиры, малышу захвати..., я тебе список напишу.

— Давай, — обрадовался он, — а тебе?

— Всё то, что перестираешь, привези назад и захвати мне тёплые носки. Ноги мёрзнут. — Не смело попросила она, никак не среагировав на "мужа".

— Ключ у меня имеется. Не ищи. Мне Саша дал. Пиши свой список, пока я оденусь. Постараюсь всё найти, если начну плутать по твоим шкапам, то позвоню. Телефон не бросай куда попало.

Уходя, прижав её к себе, одарил нежным поцелуем сжатые Машкины губы. — Не скучай, мышонок, я быстро. Одна нога тут другая там и наоборот, — улыбнулся он.

Приехав, домой, Кирилл первым делом, закинул стирку в машинку. Потом, оседлав стул, раскалил разговорами до красна телефон объяснениями с группой. Времени катастрофически не хватало, минуты утекали ручейками. Развесив на просушку бельё и приведя себя в порядок, поехал искать Машкин дом. Квартира оказалась огромной, состыкованной и перепланированной из нескольких, когда-то отдельных. Машину комнату нашёл действительно по плакату. Его лицо прикрывал пересохший кленовый листочек, пришпиленный булавкой к его лицу. "Вот чудо, это с листиком она круто придумала,

наверное, чтоб не плевать в мою рожу за глупость", — улыбнулся он, приступив к перетряске шкафов. Собирая по списку трусы, лифчики, носки и Пашкины вещички был застигнут домработницей. Бдительная женщина, приняв его за вора, подняла шум. Пока разобрались, поговорили, выпили кофе, ушло время. Только позвонив Саше и получив инструкции в отношении парня, она успокоилась, а, поняв, что это ещё и отец Пашки, обрадовалась. — "Наконец то, у девочки будет всё, как у людей". — Повторяла она, поя его кофе. Пока поговорили ещё и об этом, долетел до себя уже в темноте. Перегладив высохшее бельё и собрав вещи в отдельную сумку для себя с необходимым скарбом, заторопился в путь. В делах и не заметил, как на улицы путая дорожки, спустилась уже ночь. Цепочка машин продвигалась вперёд, выматывая нервы, черепашьям шагом. Вырвавшись из этого плена, проскочив через дворы, перевёл дух:- " Кажется, удалось не влететь в пробку. Что там с Машей?" — нёсся он дальше, стараясь объезжать заторы. По ходу, заскочив в супермаркет, накупил ребёнку смесей, каш, соков, пюре и памперсов, не забыв про продукты для себя и Маши. Заглянув за одно уж в газетный киоск, прихватил Машенции пачку журналов. "Пусть отвлекается, от свалившихся на неё дум". Загрузившись, передохнул, позвонив ей.

— Как ты, детка, Справляешься, Пашку кормила? Молодец, я на пути к тебе. Не скучай, мышонок.

Ошарашенные, таким разворотом событий ребята из группы, звонили без конца, предлагая свою помощь. Кирилл замучился прижиматься к обочине, выхватывая телефон.

— Старик, — гудели они, — вот, как оно вышло. На девочку гнали, а зря. Как ты мог брата за жениха принять, не иначе с газированной воды. Говорили тебе, не запивай ей водку.

— Шутники, я на дороге. Хватит развлекаться.

— Вот балда. И мы тоже козлы в яблочко, называется, попали. Ослепли все, словно куриной слепоты нанюхавшись. Помощь нужна, звони, тормоз. Как она там?

— Как всегда молчит и плачет. Дня через три можете навестить. Надеюсь, это её растормошит немного.

— Мы даже не поверили тебе сначала, думали, прикалываешься.

— Пацан, семимесячный, точняк, что за прикол мне вас разводить. Мать моя рада, не надьшится на малыша.

— Забыли тебя спросить. Ты сможешь работать?

— Да.

Если учесть, что он ещё час проторчал в пробках то приехал уже довольно поздно. Машка спала, опять свернувшись калачиком. "Что за кошачья привычка?" — не довольно поморщился он. Как не старался, не шуметь, разбудил. Она села к стене, поджав ноги под себя, кутаясь в расплзающийся халатик.

— Малыш, привет, — прикоснулся он губами к её порозовевшей ото сна щеке. — Разбудил, прости. Давай разберём пакеты. Помоги.

— Я уснула, — оправдывалась она.

Он чмокнул её в носик и успокоив поторопил:

— Это полезно. Включайся. Здесь, стирка и вещи по твоему списку. Продукты, я сам в холодильник разложу. Это пакет с Пашкиным питанием и памперсами. Журналы тебе.

Помолчав, она тихо произнесла:

— Ты долго.

Понимая её состояние Кирилл, занимая её делом, объяснялся:

— Так получилось. Меня в твоей квартире взяла в плен домработница.

— Как же ты выбрался, кто устраивал побег? — улыбнулась она.

— Саша выручал, — чистосердечно признался он.

Разложив детские вещи, она повернулась к нему:

— А потом?

Объяснял всё по- порядку. Понимал, что девочка давно уже живёт другой жизнью, жизнью больниц, аптек и тревог и ей всё интересно. И пытается она его не потому, что не верит, а потому, что именно интересно. Просыпается она от спячки. От того и рассказывал всё подробно.

— Из её цепких лапок оказалось не так просто выбраться, разговаривали и пили кофе с печеньем. Заезжал в супермаркет. Народа туча, время такое, все спешат после работы быстрее отовариться и домой. От этой спешки и наплыва везде, заторы, будь они не ладны.

Маша соглашаясь, кивнула и рассказала про то, что происходило у неё.

— Юля принесла пакет продуктов. Сказала, ты заказал.

Он рассмеялся, вспомнив как выпирая Юлиану, озадачил её делами.

— Так и есть. Не волнуйся, не пропадёт, я слопаю всё.

Помучив в пальчиках уголок полы халата, она с насторожённой спросила:

— Ты не уйдёшь?

Кирилл бросил все дела и, пересадив её к себе на колени, обнял.

— Маш, зачем бы мне такая прорва продуктов.

Она порозовела и, отвернувшись, прошептала куда-то в пол:

— Саша звонил. Я просила не приезжать.

Кирилл чмокнул её в плечо и поддержал:

— Правильно, он и так выматывается со своими фирмами.

Дальше произошло то, чего он ожидал, конечно, но так скоро не надеялся испытать. Маша важно посмотрела на него, так же важно обняла. В его голове настойчиво забились мысль: "Меня непременно что-то сейчас ждёт!"

— Спасибо тебе, — вдруг прильнула она к нему. — Вот так живёшь, живёшь один и привыкаешь, но случилась беда и одной не прорваться. Важно, чтоб рядом был кто-то сильнее тебя.

У Тарана зашевелился в горле, царапаясь колючками ёжик.

— Ну-ну, не надо пургу по душеньке крутить. Ты, мышонок, не одна, я рядом теперь буду всегда.

Маша, даже не посмотрев на него, горько вздохнула, пытаясь оторваться и отойти. Этот вздох полоснул по его душе, и он со всей дури, прижал её к себе. Но этого показалось мало для её переубеждения и он, найдя её губы, впился шальным поцелуем. Маша не оттолкнула, но и ответной волны он не почувствовал опять. "Что же всё-таки происходит. Разлюбила, устала, не верит или из-за сына не до меня?" — терялся он в догадках.

— Ты обедала, — спросил он, чтоб хоть что-то сказать.

Она вскинула на него свои большущие глаза и как что-то обычное проговорила:

— Тебя ждала.

У него опять перехватило горло:

— Мышонок...

— Не хочется, — заторопилась она с объяснениями, боясь услышать что-то насмешливое или неприятное ей.

Но то что он ей говорил и в чём убеждал сделало её счастливой.

— Машенька, так нельзя детка. Ты ребёнка кормишь. Я ж только себя, один свой живот. Единственно, смущающее её звено это то, что он молчал о ребёнке. Неужели ему всё равно?

— Кирюша..., ты ничего не спросил о малыше.

Теперь Таран понял, что за напряжение её держало. "Она думает, что я холоден к мальчику. Надо срочно выводить её из этого заблуждения".

— Первое, что я сделал, войдя в отделение, это у дежурной медсестры справился о Пашке. Потом поговорил с мамой. Они опять остаются тут ночевать с нами. Машка, какая же ты глупышка.

Она потупилась.

— Прости.

— Ну-ка садись, — усадил он её за стол. Сам же развив бурную деятельность, носился по палате, особенно досталось микроволновке. Ему хотелось сделать для неё что-то доброе, чтоб убрать эту стену недоверия до себя. "Каким же жаром, девочка, растопить твой лёд?" — кувыркалось в его голове. Кирилл, перебрав пакеты с едой и разобравшись с холодильником, остановился на принесённом Юлей картофельном пюре с жареной рыбой. Открыв малюсенькие с ноготок огурчики, подвинул ей. Подумав, позвонил матери с отчимом, пригласив составить компанию поужинать с ними. Надо забывать обиды и сближаться.

— Ешь, детка, не жди нас, — поцеловал он её шейку. — Я до своих дотерплю. Пусть поедят нормально, а то они с нами второй день маются.

Долго родных ждать не пришлось, отложив медицинскую рабочую писанину, они заглянули к ребятам.

— Нам неудобно вас обедать, — всё же стеснялись они.

— Нормально. Наши запасы полк потянут, — подвинул им стулья смущённый, но довольный Кирилл. — Класс, получился семейный ужин!

— Пожалуй, — улыбнулась, нерешительно, не веря своим ушам мать. Может, сын не так выразился или он простил её, приняв отчима.

А тот не отводя глаза смотрел прямо и даже улыбался.

— Соус сегодня на пробу купил с чесноком и базиликом, — подал он отчиму. — Мам грибочки попробуйте с картошечкой само то. — Ухаживал он за ними вовсю.

Татьяна не смела верить в такое счастье. Тихо просила:

— Не суетись.

— Мы сами, — кричал в кулак разволновавшийся отчим.

Кирилл и так зная ответ всё же спросил:

— Вы что ещё на ночь остались?

— Подстрахуем для верности, внук же, — посмотрела на Машу Татьяна Анатольевна так, словно боялась, что та отнимет у неё право бабушки. Привыкнув за три дня к мальчонке, она боялась его потерять.

— Я не знаю, как благодарить, — одними губами прошептала Маша и вдруг сорвавшись, обняла её. И так же стремительно, застыдившись своего порыва, унеслась на кровать, отвернувшись к стене.

— Маш, ну ты чего? — подсел к ней Кирилл, бубня затасканные слова. Ничего умного просто не приходило в голову.

— Пройдёт, простите, нервы, — оправдывалась она за свой порыв.

Кириллу надо было как-то сказать Маше о сегодняшней ночной работе, но он всё

оттягивал эту минуту, надеясь на чудо или обстоятельства. Ночёвка матери и отчима в отделении, делала его ночной уход более спокойным, конечно, сын и Машка останутся под контролем. Вероятно, его дума была написана на его лице, потому что мать завела разговор как раз о работе:

— Ты опять сегодня не работаешь, может, решил вернуться в медицину? — насторожённо спросила Татьяна Анатольевна озадаченного сына.

— Работаю, — кашлянул в кулак он, поглядывая на Машу. — Машенька, ты спишь, не жди меня. Я приду под утро. Работа в ночном клубе. Ребят не могу подвести.

— Без проблем. Иди, конечно, — засуетилась Татьяна Анатольевна, — мы приглядим за ней.

Постучавшись, не ожидая ответа и разрешения, в палату просунулась кругленькая девичья мордашка. Поиски пропавших родителей привели младшую сестру Кирилла в больничную палату.

— Что тут у вас за пчелиные сборы? — облетела она всех, целуя, притормозив только вопросительно изучая Машу.

— Просто Тася для своих. — Представил её Маше Кирилл. А по ксиве Наташа. Она маленькая всем представлялась именно так, — Тася. Проглатывая первые "на" и вместо "ш" произнося "ся". Вот и получилось, вместо Наташа, Тася. Так и осталось для семьи. Тоже будущий кардиолог. Домучивает мединститут. Семейный подряд. Я один отщепенец. Откололся не заметно для себя и неожиданно для них. В шоу-бизнес ушёл.

— Про меня ты всё рассказал, давай уж про другую сторону намекни. — Кивнула она на Машу.

Кирилл встал и представил официально.

— Наташа, это Маша, моя жена.

Татьяна Анатольевна, поперхнувшись чаем, извинилась: - Крошка попала.

— Стрелки моего прибора "удивления" зашкаливают от твоих дивных речей. Я чего-то ещё не знаю? что за семейные сборы у вас в институте? Второй день родители не ночуют дома, по телефону несут что-то невразумительное, пригоняю сюда и "бац", застаю вас всех в одной палате, а брата с вами за одним столом ещё и женатым, — покосилась она на невзрачную девчонку.

— Внука оперировали, — перебила её красноречие мать, огорошив новой новостью.

Наташа быстро справилась с удивлением.

— Ну, это я уже много пропустила. Жена, внук. И большой?

— Седьмой месяц доходит, — глаза матери сверлили её, приказывая заткнуться.

Маша безучастная ко всему, сидела на краешки кровати, в объятиях Кирилла.

А Наташа приплясывая молила.

— Хочу взглянуть на него. Папка покажи мне его.

— Тася не егози, — прицкнула мать, искоса посматривая на Машу.

Но на дочь все эти угрозы и предупреждения не произвели никакого впечатления.

— Что вы так реагируете... Интересно же, я оказывается тётка и у меня давно есть племянник.

Отец легонько похлопал ладонью по её руке и тихо сказал:

— Не торопись торопыжка. Сейчас мама привезёт его на кормление, и ты посмотришь.

У Наташи это вызвало новую бурю эмоций.

— Маша, ты его ещё и кормишь? Очуметь. Я потерплю, но давайте побыстрее.

Наташа доставала всех до тех пор, пока Татьяна Анатольевна не ушла за ребёнком. Она ждала, суя свой маленький нос в приоткрытую дверь. Её вопль известил о прибытии малыша.

— О, как на Кирюху похож. Какой миленький, такой же мазунчик будет, — прилипла, она к прозрачной стенке кровати.

Кирилл, когда сестра добралась до него, не утерпев, дёрнул её за свитер.

— Язык не ложка пусть отдохнёт немножко.

И тут же получил сдачи.

— Не пихайся, больно- то не напугалась? — отошла она всё же подальше от брата.

Но брат ответил ей новым террором.

— Вышли все, пусть Маша спокойно Пашку покормит, — выразительно посмотрел Таран на Натку.

Но её голыми руками не возьмёшь и не голыми тоже. Поставив руки в бока, она бойко заявила:

— Вот вы с папой и идите, а я посмотреть хочу. Интересно же. Ты любовался, я тоже не рыжая.

Таран полез с упрёками:

— Не девка, а Яга на метле.

— Бобик! — выпалив, спряталась она за мать.

— Кирилл, ты старший отступись, выйди, — вынуждена была влезть в их перебранку мать.

Показав сестре кулак, Кирилл отправился за дверь. Пашка сосал не просыпаясь, чем умилил ещё больше Наташу. Расплывшись в улыбке, она попросила:

— Маш, можно я ему что-нибудь подарю?

"Можно", — кивнула та, не открывая рта и не спуская счастливого взгляда с чмокавшего сынишки.

— Нет, Кирюха, всё же гад. Как можно скрывать от нас было такую прелесть, — не унималась Натка.

— Он не знал. — Ясно произнесла Маша, чем не сказано удивила сестру Кирилла.

Та расправив кофточку на ребёнке не сдержалась:

— Я думала ты немая. Молчишь и молчишь.

Маша ответила опять односложно:

— Слушала.

И тут до Наташи дошло, она даже не пыталась скрыть своё удивление.

— Как не знал, он же сказал, что ты его жена.

Татьяна Анатольевна пнула дочь по ноге, пытаясь остановить разговор.

— Он пошутил, — отвернулась Маша. — Я ему никто. Это он так сказал под настроение.

— Подожди. Кирюха не такой, — отпихнулась от матери Наташа, продолжая разборки, — если он сказал "жена", значит, так и есть и в другую дудку не надо дудеть.

— Ох, Тася будет тебе на орехи, не лезла бы ты, куда тебя не просят, — погрозила мать.

Но Натка почувствовав натянутость для Маши разговора сама перевела тему.

— Папка оперировал?

— Папка, папка. Как ты поздно так добираться будешь, на чём. Переживания с вами одни. Взрослые уже, а покою нет, — разворчалась Татьяна Анатольевна.

— Кирилл же поедет, он вернулся на своей машине, пусть завезёт сестру, — подсказала Маша.

— Пойду братца умасливать, — выпорхнула в коридор Наташа.

Подождав пока за дочерью закроется дверь, Татьяна Анатольевна вздохнув, произнесла.

— Они от разных отцов.

Маша кивнула:

— Я догадалась.

А та вдруг открыла ей свою боль.

— Муж умер, когда Кириллу было восемь лет. Отец его очень любил и баловал, конечно. Что значит для взрослого мужчины ребёнок, тем более единственный. Игрушка. Он был почти вдвое старше меня. Я у него студенткой практику проходила. Талант, знаменитый учёный и один. Было от чего потерять голову. Но счастье не было, как ты догадываешься долгим. Удар случился в институте. Тромб. За его жизнь боролись, но не спасли. Я вышла замуж за его любимого ученика и друга. Кирилл, не захотел понять и мне этого шага не простил. Я надеялась что взрослым поймёт, но нет...

— Вы ошибаетесь. Просто он не нашёл повода сказать вам об этом. Повзрослевший парень давно понял свою детскую ошибку опалившую ещё и его юность. Тем более, после беды с малышом.

— Ты, правда, так считаешь? — вспыхнули надеждой глаза Татьяны Анатольевны. — Мне тоже показалось, но страшно ошибиться.

— Я вижу.

— Дай Бог, дай Бог. Может внучек нас и примирит всех. Так тяжело быть в разладе с детьми и повод не имеет значение.

Потихоньку больничная жизнь для Маши, пересказанная словами смешливой Наташи, утряслась и, утрамбовавшись, пошла продвигаться к двери на выписку. Правда, не легко было с мальчишкой, но общими усилиями новых родственников и старых друзей справлялись. Измученный уколами и болью Пашка не сползал с рук матери и не менее понравившегося ему отца. Не желая лежать в кровати ни минуты, как только раскрыл глаза, он требовал к себе постоянного внимания. А при приближении людей в белых халатах или голубых костюмах проявляя беспокойство, начинал орать во всю мощь.

— На века враги, — смеялись медики. — Улыбаясь зарёванной Пашкиной мордашке. Каждый день теперь заскакивала Наташа, давая возможность Машке и Кириллу передохнуть. То забирала в свой кабинет или гуляла с ним по коридору Татьяна Анатольевна, предварительно сняв свой белый халат, который действовал на него страшилкой.

— Весело у вас тут, народу, как на распродаже. Помощники, похоже, не требуются уже, — трещала Юля, тормоша подругу, — нянек рота.

— Пока не жалуемся, — чмокнул в щёчку её Кирилл, — кофе будешь?

Она кокетливо поправила причёску и отказалась.

— Нет, спасибо. Таран, у вас, как я посмотрю все медики. Ты как в шоу-бизнес попал?

— В знак протеста, — буркнул тот.

Юлиана расхаживая по палате, хихикнула.

— Туманно, но ответ принимается. Как после больницы с этим ребёнком будет Машка справляться, для меня загадка.

— Почему? — покосился на неё Кирилл.

— По кочану. Набаловали на руках и по первому же зову "слонёнка" летите, а дома столько няnek ну никак не наберёте. Две Машкиных лапки и всё, — проводила Юлька несчастным взглядом вышедшую из палаты Машу.

Кирилл, качая хлопающего глазами малыша, запротестовал:

— Чего одна, а я. Справимся. Лишь бы поправился. Через неделю выписать должны.

Юлька в знак вопроса сморщила носик:

— А Машуня знает, что ты собрался жить у неё?

Кирилл поулыбался сыну пускающему пузыри и пристроившись на стул вернулся к их с Юлианой разговору.

— Пока, по-моему, не очень. Узнает, когда вещи свои перевезу, а то ещё сочинит мудрёный отказ. Думай, гадай, как выкручиваться, а так поставлю перед фактом и вся премудрость.

— Флаг тебе в руки, — пожелала удачи та.

— И звезду в лоб, — добавил он.

Юлька аж подпрыгнула.

— Звезду-то Таран зачем, чтоб легче прицеливаться в тебя было, стреляя?

— Вот это, да. Придумала. Звезда, чтоб дорогу к Машке подсветила. Психолог, дипломированный с западной печатью, — не удержался он от ядовитых уколов.

Юльку это завело. Спокойный её вид вмиг испарился. Она на него почти рычала:

— Ох, Таран, как по мне, так я б на твоём лбу точняк поставила печать, чтоб бабы издалека просматривали и близко к тебе не подходили.

— Смотря, что за печать?

— А я не сказала, нет?

— Упустила потрясающий момент.

— Сейчас скажу, — подошла она к двери, чтоб скоренько улизнуть.

— Ну?

— Козёл. — Выдохнув и выскочив, она чуть не сбила Машу, взявшуюся за ручку двери.

Вылетевший следом Кирилл пытался достать Юльку из-за спины, крутящейся между ними Маши.

Пришедшая к внуку Татьяна Анатольевна, усмехнулась. — Раз пошло такое веселье пора на выписку, Папа твоих родителей готовить. Безобразничать стали, балаган устроили.

— Это не я, это вот эта коза, — достав, дёрнул за драгоценную причёску Юльку Кирилл.

Та завопила на всю злость:

— Машка, зачем тебе такой варвар.

— Смотри к Максиму общипанной приползёшь, — пригрозил он, обнимая Машу, горячо целуя, и шепча в маленькое ушко. — Не слушай её, сороку, маленькая моя. Лучше меня нет никого, это она из-за зависти напраслину наводит.

— Ага, прямо мечтаю несчастной стать, — помахала она им рукой, шагнув в лифт, чтоб уж без новых потерь и погони.

Дома Машу ждали. Домработница ко дню выписки навела порядок. Сделав во всех комнатах влажную уборку, приготовила обед. Забирал Машу и перевозил Кирилл с сестрой. Предупреждённые о мероприятии Саша и Юля не мешались. Подогнав машину под самый подъезд, Кирилл попросил девчонок, чтоб шли налегке, вещи он сам принесёт, но

непослушные барышни схватились за сумки и пакеты.

— Тася, Маша, — повысил голос он на них, — кому я сказал, не берите тяжёлых сумок. Я отнесу Пашку и вернусь за вещами. Таська брось, — уже ругался он, — взяли девчонки мелочь, и пошли вперёд меня. — Глаз спускать нельзя. Ветер в голове гуляет.

Свою поклажу в квартиру он занёс последней, но чересчур расторопная Тася влезла в неё раньше намеченного им времени. Разбирая вещи и раскладывая их по полкам. — Это Паши. Это Маши, — бормотала она. О, а это Кирюхины, куда их Машенька? Какой уголок ты им уделаешь?

Машка вздрогнула, как от удара, развернувшись к вошедшему с Пашкой на руках Тарану. Сердце забилося у горла. Голос пропал. Разволновалась.

Поймав её сумасшедший взгляд, Кирилл немедленно стал действовать.

— На, ребёнок репей, пойдёшь, пройдишь на кухню с Полиной Ивановной поговори, это не так опасно, — вытолкнул он сестру.

— Да, пожалуйста, — забрав племянника, убралась она. — Что я такого сказала? Пашка, птенчик, тебе достался с нотами отец вместо мозгов.

Кирилл подошёл к замершей Машке. Она не решалась, точнее, боялась поверить в такое. Подумала, что Наташа случайно, по глупости распаковала его сумку и начала выкладывать вещи бывшие с ним в больнице и вот сейчас он не знает, как выкрутится из этого щекотливого положения. Машка, очнувшись и решив помочь ему, так будет легче, принялась запихивать вещи назад, в сумку. Вот так!

Кирилл, решив опередить её обнял и развернул к себе. Она не смотрела на него, сверля взглядом ковёр на полу.

— Машуня, разреши мне остаться, прошу тебя, не делай ты мою вину бревном способным меня раздавить. — Напугался он, перехватив её руку, что вылетит сейчас отсюда, не успев и поздороваться с плакатом на стене.

— Нет, нет, — застыла она с вещами, не зная, что ей делать теперь с ними дальше. — Ты не виноват. Я сама.

— Боже мой, Машенька, ты меня доконаешь. — Его сильные руки подняли её на уровень губ и крепко прижав, впились в неё жарким покаянным поцелуем. — Я остаюсь, детка.

— Хорошо, — кивнула Маша, слизывая влагу с губ.

— Малыш, я тебя люблю, — теперь уже нежно целуя, прошептал он в её горевшее ушко. — Безумно люблю. Мне труба без тебя.

Их примиряющий поцелуй прервала влетевшая с новостью Наташа.

— Тпру. К вам пришли, — смутилась она. Но, поняв, что на неё даже не обратили внимание. Осмелела. — Эй, хватит лизаться, слышите, что я вам говорю.

— Стучаться надо, — погрозил сестре Кирилл. — Кто там?

— "Пришли", это я, — вошёл Александр. Собственно, а это кто? — смерил он, оценивая Натку. И тут же потерял к ней интерес. Такие барышни были не в его вкусе.

Кирилл представил:

— Моя сестра Наташа, а это брат Машеньки, Александр.

— Понятно, — попробовала сдуть со лба непослушную прядку Наташа.

— Взаимно, — усмехнулся Саша, смерив уже без азарта взглядом круглолицую с кудряшками девушку.

Постояв. Посмотрев друг на друга. И обменявшись: кто изучающими, а кто и

необходимыми взглядами, и церемонными приветствиями, они разошлись. Маша с Наташей, забрав Пашку, ушли на кухню, а ребята остались в Машкиной комнате. Кирилл, раскладывая в Машкин шкаф свои вещи, искоса поглядывал на Сашу.

— Зашёл посмотреть, как вы тут, — оправдывался тот.

— Без проблем. Перебрались. Натка помогла, — заверил Кирилл.

— Встреча за встречей сегодня, только освободился. — Говорил он ни о чём, не решаясь спросить Кирилла о главном. А именно, что будет дальше с их отношениями с сестрой.

— Идёмте обедать, всё стынет, — заглянула Ната, — Полина Ивановна ждёт.

— Мчим уже, — пообещал Кирилл.

В столовой Таран, забрав малого у Маши, давая ей возможность перекусить, сам пытался есть с ним вместе с одной ложки, потешаясь его старанию выловить капусту из борща крошечными цепкими пальчиками.

— Кирилл, кажется, малой ожил, поправляется, — не утерпел Александр, с комментариями понаблюдав за тем, как выловленная капуста исчезает в маленьком ротике, а пальчики опять исследуют тарелку. Кирилл предусмотрительно предлагал ему тот же ассортимент овощей, но в ложке, он с кряхтением и визгом отвергал. Только сам и только в тарелке.

— Нашли потеху, — посмеивалась и Наташа. — Сплюньте или постучите, чтоб не сглазить.

— Скажи Паша дяде, как нам та больница осточертела. Манали, мы её. М-м, золотко, — чмокнул Кирилл сына в розовую щёчку. — А ну-ка давай супчика поедим, а то у тебя, как в той присказке по усам текло, а в рот не попало. Один кулачок облизываешь. Мужик должен, всё есть, а не одну капусту. Давай, ложечку за маму, теперь за папу.

— Может, не надо его пока ко взрослой пище приучать? — засомневалась вседозволенности брата Наташа...

— Нормально, сколько он там съест, оближивает больше.

— Тебе, конечно, виднее, ты его отец, но всё ж у Маши разрешения спросил бы, — не удержалась от яда Натка.

— Маша молчит, значит, не возражает.

— Психолог, Юли на тебе не хватает.

— Цыц, а то накликаешь.

Выходя из столовой, Саша, поймал Кирилла за ремень.

— Притормози Поваротти.

— Ну?

— Скажи-ка мне, ты остаёшься у Машки?

— Я уже и вещи привёз. А ты сомневался?

Саша поковырял складочки своих брюк и без злости сказал:

— Спросил для уверенности. Теперь мне за сестру спокойно. Сдал с рук на руки. Разбирайтесь сами с родителями, если что.

— Не захотят же они внука сиротой оставлять, — заметил Таран.

— Это, смотря под какую руку ты моей мамочки попадёшь. Машка её уже раз кинула. — В тон ему объяснил Саша.

— То есть?

Сказал "А" пришлось рассказать и про "Б", вздохнул Саша и ввёл Тарана в круг

семейных тайн.

— Юлька певицей балуется, за границу поехала получать образование. А наша, на Европу наплевала. На певицу не потянули голосовые связки. И с мужем теперь вот облом. Ни банкир, ни бизнесмен, а певец. Да не просто певец, а Машкина дурь с плаката. Маменька будет в шоке.

Кирилл поиграл своими мышцами и самодовольно заметил:

— Справлюсь.

— Не просчитайся смотри в силёнках, она цепкая дама, — не отказал себе в язвительности Саша.

— Меня не достать. Волосы на голове чуть длиннее, нулёвки. Ей не под силу будет ухватить.

— Зато у неё до другого руки на тебе дотянутся. Следующего спиногрыза уже не потянешь.

— Не каркай.

— Она заездить тебя может.

— На меня, как сядешь, так и слезешь.

— Похоже, у маменьки в семье достойный противник появился. — Хохотнул Саша, прокатив претендента на зятя родимой маменьке по всем ступеням и впаяв в него все занозы.

К ужину гостей прибавилось. Приехали Юля с Максом. Так что напярк в няньках для Пашки у ребят, пока не чувствовался. Ужинали весело, Пашку опять пробовали кормить с общего стола, что ему было явно в удовольствие, хотя и от своей миски с кашей, не отказывался, держа всё время бутылочку с компотом под рукой. Он болтал ложкой, пытаясь хоть куда-то попасть в рот или тарелку, пил из чашки не упуская случая подсосать из бутылочки. В общем, развлекал всех и домашних и гостей.

— Вот такой компот, — смеялся Кирилл, — Барабек, ещё б и мамину "титю" прихватил.

Маша с Кириллом в больнице намуштрулись ловко управляться с ним. Один держал и отвлекал, второй кормил, потом менялись местами. Малой сидел у отца на коленях попинывая крышку стола, и, пытаясь, ухватив за скатерть потянуть её на себя. Не достигнув успеха, принялся лупить ложкой по столу и тарелкам. Попытка Юли лишить его этой забавы, вызвала рёв.

— Хватит с него, мня-мня. Маша, ты ешь, а я с ним по комнатам похожу. Иначе он тут всё перевернёт.

— Давай я тебе компанию составлю, — присоединилась к брату и Наташа.

Только Таран не оценил такой щедрости, тут же возникнув.

— За каким рожном увязалась?

— Да, ладно тебе братик бурчать... Какая шикарная квартира, — озиралась она, наступая брату на пятки.

— Наверное, я не заметил.

— Ну, да. Как можно тут не заметить. Максимум возможного. Скажи, сколько на твой взгляд, жилплощади здесь объединили?

— Тебе зачем?

— Интересно.

— Тогда ты обратилась не по адресу, спроси у Маши.

— Зануда. А брат с ней?

— Нет. У него своя квартира.

— Ничего себе живут. Хотя ты у нас тоже не бомж.

— Тебе на язык надо серьгу вдеть.

— Обойдусь. Не моё направление. А он женат?

— Кто?

— Александр.

— Кажется, нет. Только тебе это зачем? — спохватился он. — Тася, он взрослый, занятый мужик и ты точно не в его вкусе.

— Насколько я помню твоих лошадок, Маша тоже не по твоему вкусу попалась.

— М-м. — Закрутил головой Кирилл, не слышит ли кто. — Замок на рот повесь. Он деловой парень. У него голова другим занята.

— Значит такой же лопух, как и ты. Любовниц держит. Да, проституток снимает.

— С чего ты взяла. Может, у него есть женщина постоянная.

— Я и говорю, любовница на содержании, как у тебя были. Жанночка, Ларисочка, Светочка, кого забыла, кто там ещё.

— Тише ты щелкунчик. Маша услышит. Двадцать второй год тебе, а ты всё хихоньки, да хаханьки. Парня бы нашла себе. Замуж пора. Детей рожать.

— Ты кое-что пропустил между "нашла" и "замуж".

— И что это за зверь?

— Любовь. Я хочу, как твоя Маняша, в омут с головой.

— Я тебе покажу омут. Завтра же матери скажу, чтоб мозги тебе вправила.

— Ага, Маше можно по любви страдать, я тоже хочу.

— Чего ты несёшь, девчонка, дура.

— Поеду я, пока не разругались. Съел, наверное, что-то не то, — заторопилась на выход Наташа.

Завернув на кухню она помахала прощаясь им рукой.

— Машуня, пока. Маленький мой чмок-чмок, — почмокала она вытянув губы трубочкой и символично уложив поцелуй на ладошку сдула его обрадованному малому Пашке, — пойду я. У вас тут целый дворец. Заблудилась, пока вас нашла.

— Мне тоже, пожалуй, пора, — поднялся и, поймав умоляющий взгляд сестры, чисто с благотворительной целью и чтоб угодить Машке, предложил Саша. — Могу подвезти Наташу. Холодноовато транспорт ждать.

Маша с улыбкой смотрела на дверь поглотившую ребят. "Хорошая пара. Только Сашка навряд ли догадается об этом. Тася полненькая, круглощёкая с длинными кудряшками. Копия своей мамы. А у Александра девицы длинноногие, гонорные модели, красотики без царя в голове. Умишка и желания не хватит ему, чтоб оценить Наташу".

— Приятная у тебя сестра, — забрала она малого у Кирилла. — Симпатяшка.

— И, правда, Таран, ты, почему ей женишка подобрать не догадался? — деля с Максом мандарин, поцокала языком Юля.

— Она барышня на любителя. Сколько пытался знакомить её, матушка просила, забраковала всех моих кандидатов. Не нравится, видите ли, ей никто. А сама со своими заскоками найти не может. Её и тем более не разбежались схватить...

— Естественно, вам вешалок подавай. Это вы потом, когда рога обломаете и ошибок настрогаете, понимаете, что жить с человеком, — прошептала Маша.

— Тпру, разошлась лошадка, — поймал он её, смеясь.

— Ой, это уже без нас, — поднялась Юлька. — Макс целуйся с хозяйкой под моим присмотром и отваливаем.

Когда уходят гости у хозяев поднимается настроение. Проводив друзей. И не имея возможности уложить спать разгулявшегося Пашку. Кирилл, занимая ребёнка, принялся объяснять сыну технику поцелуя.

— Поцелуй сынок маму, вот так, — учил он Пашу, которому целовальная процедура явно понравилась и они зачмокали Машу вдвоём.

Разыгравшегося мальчишку еле уложили в кроватку. Ребёнок тёр глаза, но спать не собирался, требуя дальнейших развлечений. Когда он, наконец, уснул, уткнувшись носом в подушку и гнусаво убалтывая себя, они в изнеможении упали на кровать.

— Дети, это адский труд, — покряхтел Кирилл, подозрительно глядя на смеющуюся Машку. — Ты чего? — засмеялся и он, заражаясь её весельем.

— Вспомнила, как ты его сначала разгуливал, а потом с не меньшим рвением уботывал.

Закинув её себе на живот, поцеловал в смеющиеся глаза и впервые за время, проведшее около неё в больнице, почувствовал желание. Оно нарастало, разливаясь по телу, туманя голову и рвясь огнём наружу.

— Маша, Машенька, девочка моя, — сгрёб её в охапку, перевернув зажёгший его предмет на спину, покрывая безумными поцелуями. — Машуня, как я соскучился по твоим бархатным ручкам, жарким объятиям и этим сладким губкам. А твоя грудь просто рвётся в мои губы.

— Нет, нет, нет. — Отбивалась она.

— Почему, я тебе стал неинтересен? Не хочешь меня? Разлюбила? — вспыхнул Кирилл.

Она была с ним откровенной.

— Прости. Дело совсем в другом. Юлька предупреждала о каких-то таблетках. А я так и не приобрела их. Когда она мне про них упомянула, я была уже беременна. А потом тебе я была уже не нужна.

— Машенька, ты меня когда-нибудь сделаешь кровожадным крокодилом. Я тебя съем. Ты боишься забеременеть. Поэтому и даёшь мне от ворот поворот. Правильно тебя понял?

Машкин кивок головы, означал именно такое направление ее мысли.

— Разве Юлька не права?

— Глупышка, завтра я тебе их куплю, а сегодня всё сделаю, как надо сам. "Всё-таки мы, мужики- подлецы! Думаем только о себе. Для меня она просто женщина. А она думает ещё и о детях. И она права".

Машка любила с жадностью, забывая обо всём, отдавая и беря, а потом долго лежала, остывая поглаживаемая его рукой. "Он рядом, сильный, как всегда спокойный и любящий, разве я могла надеяться на такое счастье. А то, что произошло сейчас, это вообще безумие, я бы ещё любила и любила. Жаль, не устроен на бесконечность мужской организм".

— Роды сделали тебя тёплой и по-бабьи мягкой. Я таял в тебе, как язык в сгущёнке. — Прервал он её мысли. Ввергнув Машку в краску, его слова заставили спрятать горевшее лицо на его груди. Зарывшись в шёлк его волос, она напугалась горячей волны подобравшейся к ней изнутри. Как будто в неё продрогшую влили в раз несколько чашек горячего шоколада. Разлившись теплом по животу, поток понёсся в обратную сторону. Покрутил, растекаясь горячей волной по груди, и разбился в голове, переливаясь через все мыслимые и не

мыслимые отверстия живительным водопадом. Машка, перестав себя контролировать, развернулась к нему. Её руки змеями обвив его шею, понеслись по телу, устремляясь к цели. Таран охнул и растёкся расплавленным воском по ней.

Они б лежали ещё долго, если б не рёв Пашки, приученного в больнице к позднему кормлению и купанию. Их надежды на то, что сегодня пронесёт, не оправдались. Поспав своё, он поднялся, вполне настроенный на мытьё и еду. Сидел и ныл, перемежая рёв побряхтыванием, а, не дождавшись внимания опять песнями.

— Я труп, — простонал Кирилл, зарываясь в подушку. — Чего бы ему не пожалеть меня и не поспать. Маняша, детка, ты вывела меня из строя. Я точно не боец.

— Наскреби силёнок, чтоб помочь мне его искупать, улыбалась Маша, — накручивая на пальчик поросль на широкой груди его. Я боюсь этого его страшного шва.

— Ох, сейчас поднимусь, — рисовался он, удерживая её, около себя. — Приготовь воду и захвати детское полотенце.

— Пелёнку на дно стелить или уже не надо, как ты думаешь?

— Машуня, я таких тонкостей не ведаю, но думаю, он уже большой. Игрушки возьми, чтоб плавали.

Маша и сама знала всё про пелёнки на дне ванны и про игрушки, просто хотелось, чтоб он поскорее входил в их с Пашкой жизнь главным членом и лучше это начинать с мелочей.

— Сколько наливать воды?

— Чтоб по пупок ему было. Ещё минуточку потерпи малыш. Я приготовлю всё необходимое на обработку шва. Мама, ты готова? мы идём. — Через пару минут кричал он ей. — Дрожит, как студент на зачёте. Бедненький, мучили тебя. Но зато теперь ты здоровенький мужичок. Покупаемся, грязь смоем больничную, запах вытравим. Ах, какой ладненький у нас мужичок получился. Всё при нём.

— Кирюш, ну я прямо не знаю, чем у тебя голова забита, что там, у маленького можно разглядеть. — Смеялась Маша, брызгая шутя Тарана водой.

— Всё что надо для мужика просматривается и сейчас. — Не сдавался он. — Маш, смотри, на голове бабушкины кудряшки вьются. Обычно у нас пацаны на отцов похожи, а этот ещё и от бабки захватил. Машенька, твои обидятся, от них ничего не досталось, всё в мою породу. Придётся к их приезду ещё одного сделать. А чего, на фиг те таблетки, давай ещё девочку, а?

Маша улыбалась, слушая его. Ей было хорошо. Просто от его голоса и не важно, что он там болтает, лишь бы стоял рядом, улыбался и говорил, говорил. Ох, этот голос его с хрипотцой, как ей было плохо без него.

Не желающий поначалу залезать в большую ванную Пашка, скоро расчухал прелести обступившей его воды. Привыкший в больницах к тазику, сейчас он вовсю хулиганил. Вися на руках отца и плескаясь ногами каждой по отдельности и обоими вместе, малец визжал от удовольствия.

— Вот чертёнок, — умилялся Кирилл, пытаясь смахнуть с лица капли. — Маш, вытри мне лицо, ничего не вижу.

— Низко голову свою не опускай, — промокнула Маша его полотенцем.

— Машуня, аккуратнее. Видишь, ему не нравится, как ты помыла ему ручку. И последней, давай мой ему голову. Я наклоню. Смачный рёв оповестил, что мытьё достигло конца. Запакованного в огромное полотенце Пашку, уложили на кровать.

— Маша, приготовь бутылочку и выйди отсюда, — предупредил Таран.

Сдёрнув под усиливающийся рёв пластырь, и обработав, заживающий шов, наклеил новый. Так надёжнее не расцарапает.

— Маш, заходи. Ну, вот и всё, а ты ревёшь, — поиграл он губами, щекоча низ животика. На свою кормилицу. — Вложил он в его руки бутылку с компотом.

— Памперс надень, — положила пакет перед ним Маша.

— Пусть отдохнёт без ерунды этой. Смотри, как ему так хорошо.

— Сейчас будет тебе удовольствия на полотенце целая куча, а если повезёт, то и по полной программе.

— Велика беда, постираю. Зато пацану такой кайф. Всё-таки знатный жених будет. Всё на месте. Давай детка, во что его одеть, а сама иди, покупайся. Я уйду работать, он тебе не даст освежиться.

Машкины глаза испуганно замерли на его лице.

— Заказ у нас сегодня такой. Спи, я скоро вернусь.

Кирилл вернулся часам к трём ночи, Маша не услышала, а почувствовала, как он лёг рядом. Потянувшись, нырнула ему на грудь.

— Ой, ё-мое, как горячо, — прошептал он. — Что ты, детка, со мной делаешь. Я не хотел тебя будить, но не могу. Ты сама виновата. — Бормотал он, скользя губами по шейке к мирно сопящему носику. Не контролируемая горячая рука сжала выскочившую из расстегнувшейся рубашечки тёплую грудь. Потёршись носиком о его подбородок Машка чихнула и заманчиво потянувшись закинула ногу на бедро. Кирилл с новым жаром припал к её пахнувшей ребёнком и травами коже. Машка недовольно заёрзала, не желая просыпаться, но, вдохнув жар его дыхания, несвязный горячий шёпот, нетерпеливое брожение рук, открыла губы для поцелуя, впуская рвущейся в них язык. — Меня глючит от тебя малявочка. — Нырнул он в этот дышащей и манящей его к неизвестным высотам туман.

В семьях растивших детей время бежит быстрее. Особенно первые периоды: до года, до трёх. Сам торопишь. Всё быстрее и бегом. Скорее бы пополз, потом пошёл, ложку сам взял, на горшок сел и пошло, поехало. За окном падал снег, засыпая чужие обиды и свои тоже на затянувшуюся осень. Устилая пути и дорожки к прошлому и будущему плотным белым слоем, кружились снежинки. Походите, поищите теперь те тропинки, если нужда припрёт. Обрадованный свободе мороз разрисовал причудливыми узорами стёкла. А в дверь весело застучался опять Новый год, украшая жилища, заводя гостей и кружа хороводы.

Кирилл мучился, собирая купленную на ёлочном базаре искусственную сосну. Ему помогал Максим и дело, кажется, сдвинулось с безнадёжной точки. Маша достала старые накопленные ещё с детства игрушки. И они пытались с Юлей как-то разобраться в них. Каждый год она подкупала хоть по несколько новых украшений, но в этом году было не до этого. Ёлка тоже осталась с прошлых лет, но маленькая по меркам Тарана. Он её с ходу забраковал. "Пашку такая мелочь не впечатлит. Куплю большую". Ну и купил. Вот и пытит пытаюсь сложить уже неделю. Живую, по настоянию Маши, дома никогда не ставили. Машке жалко её выбрасывать и она долго переживала твердя: "Убили, домой труп притащили, а потом выкинули". Так и стали ставить искусственную, чтоб не выкидывать труп. Кирилл традиции ломать не стал. Дни шли, а ёлка не желала собираться. "Конструкция на уровне космической техники не иначе как военные побочный продукт на конвейер кинули". — Скрипел он.

— Зря ты всё это затеял. Эта Пашку тоже не впечатлит, — пыталась вразумить Маша, —

он ещё ничего не понимает. Чумеешь только около этой кучи веток.

— Ничего осилим, да сынок? — отобрал он у Пашки ветку, пробуемую на вкус, — зато с шишками и до потолка.

Раздумав всплакнуть по поводу не состоявшегося жевания, малец занялся хождением вдоль дивана. Пашка болтался около отца, цепляясь за дорогой кожаный диван слюнявыми ручонками, а, шлепнувшись, пытался его даже погрызть.

— Вкусовое знакомство пошло, — веселился Максим.

— Кирилл, давай я его заберу, чтоб он тебе не мешал.

— Нормально всё. Иди, занимайся своими делами, цыплёнок.

— Нормально? А это? — ткнула она в вгрызающегося в парадный диван Пашку.

— Э-э, чувачок, это уже лишнее. Нас бабуля за такой ужин веничком по мягкому месту отходит. Причём обоих.

— Бабуля не дойдя до дивана умрёт на пороге, — вздохнула Машка.

Ухмыляющийся Таран, взяв веточку, неосмотрительно пошлёпал сына по памперсу. Сообразив, что это интересно и подползя к куче таких же веток лежащих горкой на ковре, ребёнок, раскидав их выбрал понравившуюся ему и размахивая ею направо и налево не щадя ничего запрыгал от удовольствия на попе. Эта радость продолжалась до тех пор, пока он не шлёпнул себя по моське. Сочный рёв и хохот ребят пригнал, щебечущих на кухне подружек, в гостиную. Смеющийся Кирилл, валяющийся по ковру с всхлипывающим сыном на животе, предстали перед их испуганными глазами.

— Что происходит?

— Макс? — накинулась Юлька на хохочущего парня.

— А? Я с него угораю. Нет, я не могу, — смеялся тот.

— Не пугайтесь. Шлёпнул себя по моське. — Не мог успокоиться Кирилл смеясь. Вот видите, уже ветку жуёт, как верблюд. Всё в рот. А на четвереньках бегает не хуже енота. Кто эти памперсы придумал, такая лафа. Жопку вымыл и ползай полдня.

— Ты на упаковке посмотри, может адрес того гения есть. Благодарственную телеграмму пошлешь. — Скорчила гримасу Юлька.

— Так бы и общался с тобой. Макс, тебе не сказано повезло, — кривлялся Таран. — Вылитая чертовка.

Юлька подпрыгивала от ярости, но при Максе связываться с ним не стала.

— Мы забираем чебурашку, — решительно выловила малого она. А вы мальчики собирайте ёлку. Ша. Такими темпами вы её до старого Нового года не осилите.

— Опасное соседство Пашки и ёлки может трагически закончиться для обоих. — Поддержала подругу Маша. — Смените развлечение, включите телевизор или послушайте музыку.

Какое-то время мальчишка сидел на Юлиных руках тихо, а, освоившись, устроил ей развесёлую жизнь. Требуя водить его за руки по кухни. — Слушай Машка, как ты это выдерживаешь. У меня спина не гнётся. Думаю, мы погорячились, забрав это разлюбозное дитя от папеньки. Приспичило же такому шилу уродиться. Копия родитель. Надо было пожертвовать диваном. Пока он его грыз, всем было хорошо. О, кричит чего-то и, по-моему, тебе.

— Мащ, мне завтра придётся днём поработать. Новый альбом пишем, — кричал из гостиной Кирилл, в надежде докричаться до сидящих на кухне девчонок.

— Получается? — заинтересовалась Юлька.

— Последние вообще классные песни записали. Закончим, принесу, послушаете.

— Машуня, ты выкрутишься без него, может прийти помочь? — предложила она.

— Справлюсь. Наташа каждый день наведывается. Хотя к хорошему быстро привыкаешь. Боюсь проснуться и не найти его рядом.

Новый год самый светлый, самый бесполой и безвозрастный праздник. Единственный в своём роде вызывающий чувства счастья. Опять же, даже подготовка к нему, суэта возле него приносит массу радости и удовольствия. На собранные слои ёлки под визг и улюлюканье малыша вешались тут же игрушки, которые ему хотелось непременно сорвать. Изо всех силёнок тянулся потрогать и, кинув разбить. Он широко открытыми глазами смотрел на упавший и разлетевшийся на мелкие блестящие крошки шар, а потом, глубоко изумлённо вздохнув, заревел, не понимая происходящего. Но, взяв ещё один, уже нарочно кинул и, проследив за его судьбой превратив его в осколки, опять заревел. Кирилл с Максимом всё это приводило, умиляя в восторг и веселье.

— Маш, мы, наверное, уже старые, до нас плохо доходит эта его затея.

— Зачем он их бьёт, если ревёт потом?

— Не могу обещать, что в точку попала, но, наверное, увлекает его и то, и другое. Игрушка ему интересна красотой, яркостью, а в осколках он находит свою прелесть, но одно но..., жаль игрушку. Отсюда и рёв. — Почмокала в залитые горькими слезами щёчки Маша сына.

— Ох, ты мой медвежонок, — умилялся Кирилл, забрав его у Маши и тиская мальчика. — Завтра папа купит тебе ящик таких шариков, и мы их на улице покидаем. Сделаем бум, бум.

— Если папа медведь, то сын непременно должен быть медвежонком, как же иначе. — Съязвила Юля. — Милый папик, ты испортишь дитя. Машенция, ты чего молчишь, какой бум, бум.

— Кирюша, мне, кажется, Юля права, ты делаешь ошибку.

— Не понял, что за наезд?

— Нельзя ему всегда и во всём потакать.

— Девочки мои, он же малюсенький ещё человечек, — вступился за Кирилла Макс.

— К тому же добрый и ласковый парень, — расцеловал карапуза Кирилл.

— Какое от него можно ждать воспитание. — Махнула рукой Юлька.

— Ну-ка сыночка покажи, как ты маму любишь. — Пашка, обняв ручонками за шею, прижался к её щеке. — А поцеловать? — мальчишка с папиных рук, послунял Машкины губы.

— Обхохочешься, чему ещё мог научить Таран, — всё же улыбнулась Юля. — Большой обезьян и его подобие.

— Это ты от зависти, — съязвил Кирилл.

— Моё любимое создание, — забрала Маша сына целуя. — Ах, ты любви обильная обезьянка. Она не могла, вернее, боялась признаться себе, как ей было хорошо. Попав к маме на руки, Пашка полез искать "титю". Маша пыталась отучить сына от груди, как-никак девять месяцев уже. Мальчишка безобразничал, кусаясь. Захватывал сосок зубами и с любопытством в глазёнках смотрел, как у Машки выкатывается слеза.

— Маленький садист, — ругалась Юлька.

Но Таран, сопротивляясь желаниям девчонок, заставлял Машу кормить малыша.

— Корми, пока есть молоко, не дури Машенция. Пусть лопают. Он много из-за болезни

потерял.

Днём за Машу вступилась уже Наташа. С жаром, убеждая брата, что Машкина грудь потеряет форму. Но такой её аргумент мало впечатлил Тарана и тем более склонил к уступкам.

— Голова киселём забита у баб, а не мозгами. Она, что манекенщица, на подиум пойдёт или в плейбое сниматься будет? Назначение бабье рожать и кормить детей. Вот будьте добры и занимайтесь своими делами. А не о формах думайте, вороны.

— Я прямо и не знаю, домострой какой-то. — Возмущалась такому узконаправленному подходу сестра. — Тиран.

— У тебя конструктивное предложение есть? нет, я так и думал. Тогда заткнись.

— Ага, тебя послушать, — горячилась Наташа, — душой потом останешься. Ты бесформенную Машку запросто бросишь и найдёшь вешалку с формами. А у неё такая грудь, что точно в "плейбое" показывать, чтоб все любовались, а ты варвар непременно хочешь всё испортить. Теперь я точно знаю, для чего ты это делаешь. Машину красоту уничтожаешь.

— Это что ещё за разговоры, — кипел Кирилл, — что ты тут несёшь. Очуметь можно. Взяла вещички и на выход. Фьють отсюда. Иди, иди и прямёхонько к двери. Учить пришла, психотерапевт выискался. "Плейбой"... придумать такое. Я вот матери расскажу какие ты журналы просматриваешь...

Оказавшись в момент ока у двери и поняв, что это не шутки, сестра взорвалась:

— Пожалуйста, я уйду, но Машенька, замучавшись, бросит тебя! Так и знай, обормот, вот! — хлопнула она дверью.

Посмотрев ей вслед, Кирилл улыбнулся: - "Как они сдружились с Машей. Это ж хорошо".

Он не успел расслабиться, как дверь опять хлопнула.

— Что происходит? — тут же зашла вместо выбежавшей сестры Юля.

Такого стечения он не ожидал: одну вышер, вторая на пороге.

— А что такое? — прикинулся Кирилл.

Юлька ткнула пальцем, затянутым в перчатку, в дверь.

— Наташа летела красная и обиженная.

Таран покашлял в кулак, не выражая большого счастья её видеть. Но вежливость проявил.

— Да, не ко времени я помянул про психотерапевта, — помог ей снять шубку Кирилл. — Это я, чего-то не подумавши, ляпнул.

Ничего не поняв из им сказанного, Юлиана перешла с ходу к претензиям:

— Не ласково встречаете "граждане". За что Наташку прогнал?

— За язык, и ты пойдёшь следом, если лопотать не по делу будешь. Так что может не вешать пока мех-то в шкафчик?

Юля натянула на лицо кислоту:

— Круто. О чём прения?

Нашла дурака, чтоб Таран ей рассказывал про спор с сестрой. Да чтоб она его сейчас продолжила... Ну уж нет! Дудки! Поэтому он скромно заметил:

— Уже проехали.

Юлька, скрывая свою разочарованность, быстренько отбрехала:

— Значит, меня минует Наткина участь. Ну, ладно поговорим о чём-нибудь новогоднем, красивом. — Обойдя Тарана прошла она в гостиную. Её восклицание показывало, что она до этого "красивого и новогоднего" уже дотопала. — Ой, какая у вас шикарная ель, а почему до

сих пор не собрана, давайте я Максусу позвоню, глядишь общими силами, и доведём до порядку. Машка, привет, — чмокнула она, кормящую грудью Пашку, подругу. — До каких пор ты его баловать будешь. Он же кусается уже. Нахал, ещё и грудь щипает, — накинулась она с ходу на Машу, не замечая её предостерегающих сигналов.

— Ты зачем пришла, — подскочил Таран к ней, таща за собой упирающийся от нехватки шнура пылесос, — тоже ратовать за её снимки в "плейбое"? Это я рано твою шубу в шкаф определил... Внутренний голос подсказывал...

— Откуда он упал? — вытаращила глаза та.

— Что за невезуха сегодня, — продолжал он, включив пылесос. — Чего смотришь, своей глупости аплодисментов ждёшь?

Юлька от обалдения пришла наконец в себя.

— Орёшь чего? Я из-за шума пылесоса вся в растерянности, — хихикнула Юлька.

Перепалка набирала мощь. Он поставив руки в бока давил её мощным торсом.

— Доставай свою норку и шашь домой. Ёлку соберём без тебя. Может даже и с Максусом, но без сорок.

Но Юла не промах. На неё где сядешь, там и слезешь.

— У меня и танкового шлёма вроде на голове нет, — развела руками Юлька, — а всё равно не доходит. Как-то ты странно объясняешься. Всё в сторону уходишь.

— Двигай отсюда. — Напирал он на неё. — Все советы дают. Родите сначала своих, потом учите... Кукушки.

Юлька открыла принесённую с собой коробку шоколада, достала конфету и ленивым движением кинула в рот.

— Прикольно. Как приятно с тобой общаться, умереть ни встать.

Он натянул улыбку и жестоко сказал:

— Я рад. Поторопись.

— Ни фиги себе заявочки, — возмутилась, отмерев, Юлька. — Таран, ты озверел. С чего это я должна идти отсюда интересно, я к подруге в гости пришла. Я всю жизнь, между прочим, сюда ходила. Понял? А ты чего смеёшься подруга? — перекинулась она с него на Машку.

— Идите чай пить вояки. Чайник только поставьте на плиту, я сейчас. Только посажу ребёнка в манеж.

— Если в гости, иди чай пей, а в дела семьи не лезь, — поостыл Кирилл, вернув шубу на вешалку.

Всё компания без проволочек перешла на кухню. Но спор не затих. В этот раз начала Юла.

— Батюшки, какие страсти, — состроила рожицу ему она.

— Поиграй мне в клоуна ещё, — пригрозил Кирилл, включая опять пылесос.

Юля проводила его сердитым взглядом и после того, как показала язык, повернулась к Маше:

— Как с цепи сорвался, — ворчала она и тут же дала исчерпывающий совет: - Тихонько перевяжи и все дела, чтоб "бревно" это не видело.

Маша накрывала стол, а она бегая следом, заговорщически шептала ей это на ушко.

— Инструкции "блин" даёшь? — заглянул Кирилл к ним, уловив её шебушение.

О, Юлька задом, задом и шлёпнулась на стул.

— Я собственно пришла узнать, где вы будете Новый год встречать? — нарочито

громко, чтоб слышал Кирилл, прокричала она.

— И старый провожать..., - ухмыльнулся тот, — а ты не догадываешься психолог, нет, сказать?

Юла подскочила:

— Скажи, скажи...

Таран, чтоб не болтать без дела принялся разбирать пылесос, доставая из него бак с грязной водой, и между делом невероятно спокойным голосом объяснялся.

— Дома, конечно. Куда же с ребёнком-то идти. Американское образование, против нашего ну ни в какие ворота не лезет, — кольнул он её под самый конец с ехидной улыбкой.

Второй раз удачно подпрыгнуть не удалось, стул отлетел и Юлька вскочила:

— Только вот не надо Америку трогать. Ей от ураганов и тайфунов неплохо достаётся, так что уж ты больно-то не старайся добавить. И потом можно твоим отвезти или пусть они тут у вас переночуют, пока вы попразднуете.

Следующим вопросом, он спутал ей карты окончательно:

— Ты замуж не собираешься?

— Это к чему? — не поняла его Юля.

— Рожать тебе пора, большая уже девочка. Глядишь, и соображаловка заработает, второе дыхание так сказать откроется.

Теперь она поняла и огрызнулась:

— Тебя забыли спросить.

А тот доставал и доставал. Раз и опять ковырнул:

— Смотри с этим шоу бизнесом без семьи останешься.

— Ты стал таким противным, — поджала губы Юлька.

— Неужели. Ты мне льстишь. Всегда таким был. Ваша милость плохо меня знала.

Подруге, можно сказать от чистого сердца, несчастной стать помогала.

Юля развернулась к молчаливо попивающей чай Маше.

— Машка, его, что в лифте сегодня прищемило?

Машка, улыбнувшись, подвинула ей печенье и отвернулась. Мол, меня не трогайте артисты.

Кирилл, круто развернув, опять вернулся к теме празднования нового года.

— Чего злишься-то, подумай сама: ребёнок чужих не признаёт, от бабушки отвык, редко видит. Опять же обрветётся, для него это опасно. Нагуляемся ещё, какие наши годы.

Но Юльку так просто не разоружить. Она темпераментно принялась убеждать:

— Годы ветер обгоняют. Так что жить надо сейчас, а не когда-то. Наташу попросите, она его чаще видит.

Таран скосил глаз на Машу и отхлебнул из чашки со вздохом напомнил Юлиане:

— Молодая же девчонка, у неё своя жизнь. Что ж мы её обворовывать будем.

Поняв наконец бестолковость разговора, она отодвинула чашку и развернулась к подруге:

— Маша, я вроде, как бы, к тебе пришла, а разговариваю с продвинутым во всех вопросах Тараном. Ты, может, скажешь хоть что-то.

Машка махнула рукой, мол, разговаривайте себе дальше, главное меня не впутывайте в свои баталии.

— Понятно. Значит, ресторан накрывается. Придём с Максом к вам.

О! Этого ещё не хватало! У него были наметки провести его вдвоём нагишом, на полу и

при свечах. Сказка! Чтоб она сбылась он с ходу принялся отбивать атаку:

— Зачем такие жертвы, — ухмыльнулся Таран. — Вы можете пока себе позволить вольный полёт. Летайте...

Но Юлиана упёрлась и сказка растаяла прямо на глазах.

— Без подруги никуда, — заявила она. — Я каждый Новый год с ней провожу. Думала, опять в клуб пойдём или на худой конец в ресторан.

Таран надеясь ещё на чудо проворчал:

— Чего тебе дома с Максом вдвоём не сидится?

Юлька мечтательно возвела глаза к освещённому люстрой потолку и выдала своё видение предмета:

— Там головокружительные новогодние маскарады. А, чтоб ты понимал.

— Где мне.

— Таран, помнишь, как ты нам два года назад там пел..., а впрочем, ты нам и дома споёшь. Ну, а ты что Машенция, притихла? Не поддерживаешь подругу?

Он бросил умоляющий взгляд на Машу.

— Юля, Кирюша прав, — встряла Маша в их покусывания друг друга.

— О, заговорила. Что тебя задело правильностью из той кучи, из которой он мне только что натрепал, — воскликнула она.

Маша повторила ей то, что сказал уже Таран.

— Вы идите себе с Максимом, пользуйтесь свободой, пока детей нет.

И тут Юлька взревела, как раненный зверь:

— Да, на жирафа она сдалась свобода та. Макс будет рядом. Ты со мной. Это ли не счастье. Свобода нужна тем, кто за решёткой мается, шоколадка моя. Во всём остальном это глупость и враньё. Ведь вот когда нас носит на своих крыльях любовь, мы счастливы. Да, счастливы и именно оттого, что влезает в кабалу, теряя независимость и свободу. Стараясь отдать любимому, как можно больше и даже своё я, не требуя за это ничего взамен. Не спорю, есть женщины, которые считают, что свою свободу отдавать нельзя. Своё я, терять ошибка. Наверное, это тоже в каких-то случаях оправдано и правильно. Но только это уже не любовь. Кто-то сказал, не помню, что свобода спасёт любовь. Чушь. Свобода может спасти только секс, а это не одно и то же.

— Чего это тебя красotka, на такую убойную тему потянуло? — поставил перед ней кофе Таран. — Может коньячку туда плеснуть. Ты не за рулём?

— Замуж желаю. А Максим не предлагает. Сколько ещё прятаться. Я такого карапуза, как у Машки хочу. Чтоб Макс ворчал, расхаживая в домашнем костюме и тапочках по квартире. Он молчит и молчит, а ты тут ещё... — Расплакалась она.

Кирилл тупо смотрел на неё. Вот уж он не ожидал какой нарыв проткнул.

— О, о, — только и смог протянуть Таран, шлёпнувшись на стул. — "всё смешалось в доме Оболонских..."

Маша внимательно посмотрела на подругу, а потом перевела взгляд на Тарана и мягко попросила:

— Кирюша, идите-ка с Пашкой поколдуйте над ёлкой, а то мы к рождеству её только осилим и то, если крупно повезёт. Так и будет лежать сосновый ворох на полу.

Так выпроводила решительно Маша оторопевшего Кирилла из кухни в гостиную.

— Что за лебединое озеро ты себе намалевала, — зашипела она, на Юльку дождавшись ухода Тарана. — Сама как гусыня, напыжилась, ему и не подступиться к тебе, а теперь ещё

ждёт у моря погоды. Скажи ему об этом или останься и всё. А вообще-то, надо учиться понимать и уважать друг друга.

— Стандартные слова, а остаться... не могу-у, — плакала подруга. — Самой вешаться к нему на шею, ломать ему жизнь не по мне. И без него не могу.

Маша трахнула ладонью по столу.

— Бим, бом, загорелся Кошкин дом. Иногда мне кажется наш трагизм в том, что разучились любить. Понимать эту самую любовь. Принимать её и отдавать самому. Мне, кажется, он боится посорить тебя с твоими родителями и сделать несчастной. Ты привыкла к роскоши, а он не может дать тебе этого. Ему, наверное, еле хватает полочки оплачивать счета твоих обедов, ресторанов, клубов и всевозможных поездок.

Юля со всем жаром, пылом оправдывалась.

— Он ничего не говорил и потом мне ничего этого не надо. Я готова стоять у плиты, мыть полы в его квартире, стирать лишь бы он был рядом, — ревела она, размазывая дорогую косметику по несчастному лицу.

— Господи, на кого ты похожа, иди, умойся, — всплеснула руками Маша, выталкивая её в ванную комнату. — Нечего ныть скажи ему об этом.

— О чём? — хныкала подруга плескаясь под краном.

А Маша приткнувшись к косяку ей выговаривала:

— О квартире, что век о его отдельных метрах мечтала, что любишь печь пироги, а без стирки его носков жизни себе дальнейшей не представляешь. И перестань таскать его по дорогим развлекательным точкам.

А та промокая полотенцем лицо ныла:

— Маш, почему у тебя всё так просто. Прилип к сапогу, влюбилась в ту рожу. Позвал, всё бросила, помчала с ним на край света. Забеременела, родила. Припёрся, приняла.

— Я живу жизнью обыкновенной бабы, а ты фигнюльки.

— Чего, чего? — не поняла подруга.

Маша рассердилась:

— Тебе не всё равно, главное чтоб поняла. Хочешь счастья будь счастлива. Влюбилась я для себя. Мне он понравился. Поехала с ним — захотелось. Родила — его кровинка при мне. Живёт с нами, со мной и сынишкой, и, слава Богу. Уйдёт, что ж тут поделаешь. Не привяжу же я его за ногу, и какая в том корысть. Для себя и своим возможностям живу. А ты...

— А я? — переспросила обиженная Юля.

— Ты живёшь по принципу всё выше и выше, как в той старой песни, помнишь? Чудно, только взмах крыльев не хватает. Хочешь не потерять его, притормози. Либо счастье, либо полёт. Выбери себе, что для тебя важнее. Врут те, кто говорит, что это вкуче возможно. В полёте счастья миг, а потом одна усталость, работа заберёт все силы. А, усталому не до счастья. Это те же велосипедисты, что крутят высунув язык педали, страдая, по шоссе. Думаешь, они замечают красоту мест, мимо каких несут их колёса.

— Но ведь есть исключение.

— Непременно! Счастье и полёт возможен только при одном. Если их несёт на крыльях кто-то третий.

— Отец? — догадалась Юля.

Маша согласилась:

— Можно и так сказать в твоём случае. Но если этого не случиться, будь счастлива по его средствам. Это не так уж мало, поверь.

Кирилл, послушав всё это, посмеявшись вдоволь, оценив растираемые сопли и реки слёз, залившие на кухне скатерть, позвонил Макс. Тот нашёлся сразу: - "Алло!"

— Привет, это Таран. Тут у меня на кухне обливается слезами и соплями Юлиана. Произошло чего? Интересный вопрос задаёшь. Замуж за тебя хочет. Серьёзно. Дай ей там тряпку, пускай квартиру драит. Носков скопи побольше. Спрашиваешь зачем? Голубая мечта её, их тебе стирать. Со жратвой старик тебе не так повезло, как с уборкой и стиркой. Туговато придётся. Полезет пироги печь, не очень рассчитывай на съедобность. Правда, сейчас выкрутится можно, полуфабрикатов полно на любой вкус. Советую запастись сосисками и яйцами, большего, она не потянет, но будет стараться. Придётся тебе самому учить милую. Кулинарную книгу подари. Но, старик, скажу я тебе, желание у неё готовить огромное. Я уже тут живот надорвал от смеха. Присоединиться не хочешь? Если временем располагаешь — жду. Что, правда, за беда, почему б тебе не жениться-то? Родители её... Ну и что в этом такого, у всех родители. Одна дочь, не будут же они азартно ерепениться. Это же не минутная дурь у неё. Давно на голову контужена. Они в курсе. В крайнем случаи хата у тебя есть, а уволят, к Александру перейдёшь, одна же контора. У меня ситуация с Машкиными родителями вообще как в детской считалочке. Долетишь, не долетишь. Хорошо хоть не высоко лететь. Всего-то третий этаж. Представляешь, что сначала с ними, а потом со мной будет... Это я отвлёкся от темы. Ну, что тебе сказать, старик, у неё всё на грани фантастики. Мечтает увидеть тебя в домашних шлёпанцах, с газетой на диване, перед телевизором и чтоб непременно ворчал. Я б тебе дал послушать, что она там несёт, но боюсь, засекут. А про карапуза, это вообще насмешка над природой, смешное желание говорю. Ты что ей ребёнка не можешь заделать? Как, как? Как в кино. Выкинь к едрени фени её таблетки или ещё лучше замени на витамины. Так правдоподобнее будет. В жизни не догадается. Зато счастья будет, не донесёт. О, как я придумал. Аж собой горжусь! Одно желание точно сбудется. И совесть её чиста, не ловила тебя на ребёнка. Мало ль, что бывает. Нечаянно получилось. Всякое случается. Никто не застрахован. А что, дед Мороз под Новый год чудо сотворил. Идея, зашибись. Дарю. И так одного за другим, парочку ей, чтоб опомниться от счастья не могла. Как они с Машкой дружат не понятно. Совершенно же разные. Манюня спокойная и молчунья, а Юла взрывная и хороводная. Ладно, закругляюсь. Кончай с работой и дуй сюда. Ёлку соберём. Третий день с Пашкой кручусь, и пару ярусов только осилил. Давай торопись и свою звезду шоубизнеса заберёшь, а то она мне здесь жену распаскудживает. Как? приедешь, узнаешь.

Так начинался день и вот теперь, они уже вечер мучили ту ёлку, то бишь сосну потихоньку добираясь до макушки. Девчонки же ждали с нетерпением, желая повесить на неё сразу ещё и украшения. Пашка вертясь на руках Маши, с сопением оттягивал недовольно её кофточку на груди, пытаясь добраться до "ням, ням" и не найдя хода, опустился до последнего — рёва.

— Машуня, ну не мучай парня, — не вытерпел уже такое принижения мужика Кирилл. — Иди, покорми его.

— Он что голодный? — тут же подлетела Юлька. — Дергает её уже просто так, попить, как мужик пиво. И не лезет, а хочется и жаль вылить.

— Юль, да ладно тебе. — Вступился за малого и Макс. — Есть молоко, пусть пьёт, растёт он.

Юлька, конечно, на шаг отступила, но не сдалась:

— Конечно, три мужика против нас двух запросто перетянут весы. А про Машку кто подумал? Она пойти никуда не может. Вечно мокрая грудь. Пусть кисель пьёт полезно и мать не донимает. Довели. Мужик здоровый уже и всё "тя-тя" подавай. Набаловали.

Она забылась на что пошла войной. Таран откинул инструмент и встал:

— Так, базар окончен. Забирай Максим свою деятельную половину и дуй отсюда. А ты спрашивал, как распаскудживает, вот, посмотрел...

Но Юлька решила гордо удалиться сама не дожидаясь, так сказать, того пинка по которому, как она сейчас понимала, улетела Натка.

— Я Таран сама на выход пошла, без пинка сзади. На, сквалыга, получи свою жёнушку, — подтолкнула она Машку к нему.

Таран расплылся в довольной улыбке.

— Скатертью дорожка, — обменялись они гадостями, мило расцеловавшись.

"Наконец-то эта противная Юлиана за дверью", — вздохнул легко он. Проводив гостей Таран, обняв Машку, отправился помогать ей, наряжать ёлку. Верхние ряды она не могла достать даже со стула, и тогда поменявшись Пашкой и местами, работу продолжал Кирилл, так потихоньку и добираясь до самой макушки. — Маш, у меня предложение. Кончаем наряжать эту красавицу, и быстренько уложив Пашку, посмотрим фильм, говорят стоящий. Я принёс ещё вчера, но что-то очередь до него не дошла...

Покладистая Маша не возражала. Фильм так фильм. Но она благополучно не дошла и в этот раз. Машка стонала под ним не в силах справиться с удовольствием. Потом лежала расслабленная, рядом получая радость от его тепла и держа маленькую ручку на пульте своего счастья.

— Манюня, ты меня так вырубает, — жалился он. — Не могу же я всю ночь быть в боевой готовности, убери пальчики кое с чего.

Поднявшись рано утром и вытащив так и недосмотренный фильм, усмехнулся своим мыслям. Машка опять перевесила все шедевры кино. Фильм надо вернуть, пусть смотрят те, кому скучно. С Машкой не до фильмов, каждый день у самого, как новая серия многосерийного кино. Переложив, чмокающего во сне мальчика к Маше, так он, греясь в тепле матери, проспит подольше, не тревожа её, и одарив поцелуями их обоих, отправился на кухню. Позавтракав, поехал, торопясь на запись. А Машку разбудила пришедшая на помощь Наташа. Глядя на потягивающуюся Машку, она проворчала:

— Чего так долго не открывали?

— Спали. Кирилл ушёл на запись, а мы с Пашенькой спим. Пойдём на кухню, покормлю мальчика, а ты расскажешь, чем занята так была сегодня.

Наташа подхватила ребёнка на руки.

— Ах, маленький мой, соскучился по тётке? — расцеловала она племянника.

— Паша, покажи тете, как ты о ней скучал, — подсказала Маша малышу.

Ребёнок закрыл ладошками лицо и покачал головой.

— А как Наташу любишь?

Пухлая и тёплая щёчка малыша прижалась к щеке девушки, а ручки обняли шею. Наташа не устояла от комплиментов:

— О, какая прелесть! Кто тебя научил, папочка-ласкунчик? Угадала? А тётя-то тебя крошечку, как любит. Подарочек купила под ёлочку. Дед Мороз принесёт. Да, Мороз под ёлочку, — подтвердила она, пытающемуся что-то лопотать Пашке. — Маш, что он говорит?

Маша перевела птичий язык:

— Он тебе про ёлку пытается втолковать. Кирилл вчера с Максом, наконец, собрали.

— Боже мой. А я бестолковая ничего не понимаю. Пойдём, посмотрим вашу красавицу. Ты спрашивала, чем я занята, так вот отчитываюсь. Подрабатываю же на "скорой", попросили. Времени в обрез. Представляешь, вчера по магазинам бегала ног не чую сегодня. Подарки искала. Всего много, а купить нечего. Ты чего так встрепелась?

Маша действительно онемела — Новый год!

— Наташа, я совсем забыла. Конечно же, подарки. Из головы вылетело. Тася, милая, я его уложу после обеда. Ты посмотри, светик, за ним. Надо по магазинам пробежаться. Я на такси. Одна нога тут, другая там. Кашу гречневую с мясом в микроволновке разогреешь. Смесь и кисель в бутылочках. Соглашайся.

— Вообще-то одной страшновато, но раз надо. Хорошо, — уступила девушка. — Осторожно смотри, не несись, как угорелая. Всё будет в пределах допуска.

Побежав с квадратными, разбегающимися от витрин глазами по этажам универмага, Маша накупив подарков, взяла на всякий случай ещё и в запас. Мало ли кто заглянет на огонёк новогодних гирлянд, надо быть во всеоружии. Покрутившись, вернулась на женский этаж подобрала себе несколько обновок и даже новое вечернее платье с туфлями отхватила. Просто захотелось хорошо выглядеть рядом с Тараном. Она уже так давно ничего не покупала себе. Совсем не было желания и времени ходить по магазинам. Она с удивлением смотрела на новые витрины и модели платьев. Прошёл вагон времени, прежде чем она опять попала сюда. Было не до покупок и себя. Паша и его болезни закрыли ей радость, перекроили жизнь и изменили ценности. Заплатив за покупку и поблагодарив услужливых девушек, спустилась на этаж ниже, в отдел "Товары для мужчин". Если купила себе, почему б не обновить гардероб Тарану. Подобрал несколько свитеров, рубашек, белья и носков, удовлетворенно покрутя сумками с покупками, поспешила вниз к такси. Завалив всю эту кучу на заднее сидение, переварив в голове и одобрив, отправилась домой. Шоссе было забито, как мешок семечками автомобилями. Впереди замаячила пробка, и таксист, пробившись на тротуар, нагло пря на прохожих вырулил во дворы, ища обходной путь. Петляя по узким переулкам, забитым сплошь иномарками, машина выскочила у самой студии, где шла запись Кирилла. В этот миг она почему-то подумала о тебе. "Какая удача!" — обрадовалась она. Ей захотелось увидеть его, прикоснуться к его щеке, вдохнуть его аромат, нашептать много-много нежных слов предназначенных только им двоим.

— Тормозните на маленькую минуточку. Я быстро, — попросила суетясь Маша.

Маша и сама не смогла ответить бы себе, за каким лядом её туда понесло. Поздоровавшись со спорящими о чём-то музыкальном ребятами, она огляделась. Не увидев Тарана, поинтересовалась:

— Где его найти?

— Там, — махнул рукой гитарист, на коридор. — В конце...

Маша проследила за рукой и поблагодарив отправилась на поиски. Стоило Маше отправиться по указанному направлению, как на парня налетели все остальные.

— Ты чего, обалдел, Серый, не видишь, в натуре, это ж Машка. Звони ему быстрее.

— Что такого? — отбивался тот.

Стас, сделав страшные глаза, выдохнул:

— Он же там с Ритулей.

При этих словах Серый посмотрел на говорившего. Дошло. И у него опустились руки пшвам.

— Чёрт, я её не узнал. Сейчас, сейчас... Не отвечает, мухомор, — тряс парень телефон.

Маша, торопясь пробежать коридор и найти любимого, толкалась во все двери, их было аж пять. Попадались пустые или закрытые комнаты. Наконец, она увидела Кирилла. Он сидел в кресле, а на нём, верхом, с руками в запахе расстёгнутой рубашки, красивая, полуголая девица. Её колени подпирали ему подбородок. Миг изумления и Маша, вспыхнув, потухла. Извинившись, пошла прочь. В голове кувыркалась мысль: "А ведь мне казалось, что всё идёт хорошо, оказалось до поры до времени или просто игра". Таран, опомнившись и пытаясь привести себя в порядок, догнал её в коридоре. Там, с его длиной ног, и догонять-то её было нечего. Два прыжка, она остановленная и прижатая его прессом, прилипла к стене.

— Стой, стой, мышонок, что ты тут делаешь? — не нашёл он ничего лучшего, как спросить именно это и с неё, а не оправдываться самому.

"Какой интересный вопрос", — проглотила горький комок Маша. Она не могла смотреть на его лицо, в его бесстыжие глаза. Не хватит никаких сил перенести сейчас ни наглых, ни извиняющихся его взглядов. Уставившись в носки своих сапог, она бубнила:

— Извини, пожалуйста, я не хотела мешать. Твоя личная жизнь, она только твоя. Прости. Надо было предупредить, конечно, не подумала. Я глупая просто заехала по дороге из универмага. Решила, что ты обрадуешься мне. В общем, дура. Прости, ради бога, прости...

Таран растерялся: "Что за дела. Вместо того чтоб в рожу ему плюнуть, оправдывается. Кино!"

— Ну-ка, идём, в комнату, — взяв за руку упирающуюся Машу, он потащил её за собой. Девушка в кресле, даже не удосужившись одеться, встретила гостью наглой улыбкой. Машка сдерживалась из последних сил, чтоб не вцепиться в её рыжие космы. "Как здорово я придумала ни на кого не смотреть. Разглядывание носков сапог не так опасно". Ей вспомнилась интеллигентная старушка, прогуливающаяся с ней просто так по скверику, после знакомства на лавочке там же. В таком возрасте некуда себя деть и они с удовольствием общаются с молодыми. Маша катала коляску в которой посапывал Паша, а женщина просто шла рядом и говорила: "Жизнь это вечно не решённая задача по психологии. Сколько будешь жить столько и решать доведётся. Вот, если сейчас в окне вон той вешающей бельё на балконе женщины мелькнёт лицо моего мужа. Я не полечу туда сломя голову". "Почему?" — удивилась Маша. "Да потому детка, что тогда он останется у неё навсегда, а я потеряю его. И вообще запомни. Что как бы вы не ссорились с мужем. Ты должна его всегда кормить и не при каком раскладе не покидать вашу постель", — докончила она. Вспомнив всё это, Машка поняла, что перешла эту черту и потому искала выход из сложившейся ситуации. Вот и придумала — бормоча извинения, с азартом изучать носки своих сапог.

— А ну встань и иди уже, пожалуй, к себе, — выдернул Таран девицу из кресла. — Уступи место моей жене.

Улыбка тут же сползла с лица красотки. Натянув удивление, она шла к выходу, спотыкаясь и оглядываясь.

— Какие-то ты страсти Таран рассказываешь, — скривилась она, захлопнув с шумом дверь.

Молчаливую тишину нарушил Таран. Вид у него был растерянный.

— Маш, сядь, — усадил он её в ещё тёплое после барышни кресло. Но Машка вскочила,

как ужаленная. "Ещё не хватало".

— Я постою.

— Машуня, — взял он её руки в свои, которые она тут же выкрутив, высвободила. — Это совсем не то, что ты подумала. Чёрт, — злился он, пытаясь всё же застегнуть непослушные пуговицы рубашки. — Маш, пойми, ну, ничего она в моей жизни не значит. Одна из толпы. Ты же знаешь, я не святой. Поверь. Ни с кем ничего не было, с тех пор, как пришёл к вам с Пашкой в больницу. И сейчас так...

— Всё нормально. Всё нормально, — заверяла она его, с упорством продолжая смотреть на носки только теперь его ботинок.

Таран готов был биться о стену.

— И чего дались тебе эти ботинки. Что нормально? — разозлился он.

— У тебя своя жизнь. Я не имела право лезть в неё. Лишать тебя свободы. Ты пожалел, а я воспользовалась. Совсем не так тебя поняла. Прости. Обрадовалась бестолковая. Твою уступчивость за что-то большее приняла. — Она не хотела сейчас говорить о любви, даже слово это не желала тут произносить и вот мучилась, сочиняя замену. — Не волнуйся, уже за то, что ты подарил мне Пашу, а потом ещё и спас его, буду до конца жизни ноги тебе целовать. Я всё понимаю. Живи, как тебе хочется. Ты свободен.

Сказав это, Маша попятилась от него. Шаг, два... Его голос останавливает её. Палец впиваются в руку. Он требовал:

— Ты ничего не понимаешь, ударь меня. Разбей тут всё, раскидай, только не говори так и не сверли носа моих ботинок своим упрямым взглядом. Ты гвоздишь меня в пол. Не могу я сразу перестроиться, не Горбачёв.

— Я понимаю. Понимаю, — шаг за шагом отступала она к выходу.

— Что за баба, — постучал он себя кулаком по лбу. — Юлька права я "бревно". Понадобившаяся для этого рука отпустила её, та повернулась и рванула прочь, легко перебирая своими изящными ножками по этой полной несправедливости земле.

Матерясь про себя, Кирилл сорвался вслед за Машей. Пулей пронеслись мимо ошарашенных ребят. Те проводили одного, потом второго...

— Маш, стой. Да, подожди ты, — бежал он за такси, пытаясь поймать за ручку дверцы отъезжающую машину.

Не догнав её, вернулся в студию, злой на себя и ребят. На них проще спустить собак. Своей башкой о стенку биться не будешь. Не было б так жалко, давно уж треснулся.

— Что позвонить запаadlo было?

— Звонили, но видно ты был занят очень, — хихикал Игорь. — Лопухнулся ты Таран будь здоров. Но чего ты паникуешь, тихо же было. Если б моя Верунька так-то застучала, тут бы летали все по подобию Карлсона и даже без моторчика.

Ребята сгрудились ближе.

— Вроде же всё обошлось, не орала, не шумела, может, пронесёт, — подбодрил Серёга.

Как всегда в такие тяжёлые минуты, Таран въехал кулаком в свою собственную ладонь и сморщившись промычал:

— Лучше б орала. Что теперь делать ума не приложу.

— Ты б его прикладывал, когда с Риткой пошёл.

Таран поел их глазами, поиграл богатырскими плечами, развернул грудь... Кое-кто уже попятился, а он, вздохнув глубоко и жутко, сказал:

— Умники мне тоже. Надо делать мальчишник и с холостяцким положением завязывать

на официальном уровне. Если выкручусь, конечно.

— Это уже кое-что, — смеялись ребята, — а то травишь всех. Все в упряжке, а ты хвостом крутишь. Кольцуйся!

Остаток дня голова Кирилла была занята тем, как выпутаться из того дерьма, в каком он оказался и у кого искать помощи. Юлька наорёт и чего доброго ещё больше Машку заведёт. Макс тоже не помощник, Машуня и слушать его не станет. Остаётся только один кандидат... Вечером Кирилл, выезжая со студии, позвонил Александру:

— Сашёк, надо встретиться.

— Кому надо? — недовольно проворчало на том конце связи.

— Мне надо. Дело есть. Нет, ждать не могу. Под горло подвело. Что натворил? Ты догадлив. Приеду, расскажу. Уж натворил, так натворил.

— Мышь проглотил что ли? — хохотнул Саша.

— Хуже.

— Подгоняй.

Сократив совещание и заказав секретарше два кофе и покрепче, Саша пригласил его в кабинет.

— Что у тебя там за криминал, только коротко. Устал, отдохнуть хочу. Ни времени, ни сил не хватает. Хоть ищи срочно дополнительный источник сил и терпения. Секретарша вон где-то вычитала, что японские психологи выяснили, воздействие каких запахов позволяет повысить работоспособность, снизить сонливость...

— И чем они нас на этот раз удивили?

Саша с толком потянулся:

— Вот именно, удивили. Такими свойствами обладают ароматы: эвкалипта, жасмина, лаванды и обыкновенного лимона. Теперь нюхаю, но ни черта не помогает. Наверное, моё перенапряжение больше, нежели тянут эти ароматы.

— Или они действуют только на японцев, — ввернул Кирилл и сразу всунул отвлекающий вопрос: — Зачем тебе пожилая секретарша?

— Для работы, на развлечения я в другом месте нахожу. Но мы отвлеклись. Что там у тебя?

— А мне вот недосуг было подумать над этим... Если совсем коротко, то Машка застала меня с...,- он замялся, подумав, как называется то, с кем был застукан.

Но Саша всё понял и так без нюансов. И выразил это понятие весьма своеобразно:

— У тебя рожа не поцарапана вроде...

Кирилл так обрадовался такому пониманию, что с ходу принялся объяснять:

— В том-то и дело. Если б коготки применила, всё было б в ажуре, а так даже извинялась. Я боюсь. Вернусь, а там сумки у порога с моими вещами. Я без неё и Пашки уже не смогу.

— Извинялась ещё, — развеселился Саша, — ну, сеструха даёт. Ты-то чего так глупо попался?

— Откуда же я знал, что она из дома выползет. Сидела же около сына безвылазно. Да, ничего и не было, клянусь. Она меня за ночь в тряпку превращает. Так, ерунда, липла девчонка из подпевки, притиснул для интереса и чтоб марку не терять.

— Пожалел, стало быть, — смеялся, давясь кофе Александр, — пей, остынет.

Таран страдальчески сморщился:

— В горло ничего не лезет.

У Саши взлетели на лоб брови:

— Таран ты себя в зеркало то видел?

— А что? — напугался тот. — Помада осталась?

Александр схватился за живот.

— Умора!... Ты от своего портрета сильно отличаешься сегодня. Похоже, Машка тебя дурманом напоила.

— Не знаю, что это, но терять её не хочу.

— Ладно, поехали. Проскочим до гастронома, купим торт к чаю и мороженого побольше.

На мороженом Таран застрял.

— Зачем мороженого-то?

— Темнота. Ещё Гиппократ говорил, что мороженое помогает излечивать, вялость, поднимает настроение и успокаивает нервы и даже лечит бессонницу.

— Это тебе тоже секретарша посоветовала? — ввернул Таран.

— Какая разница, лопай и снимай стресс.

Кирилл не утерпел:

— Какие-то она тебе кошмарные советы даёт...

— Погнали. Я первый поеду ты за мной. Разминемся на дороге, встречаемся во дворе.

— Хорошо. Господи пронеси! — промычал Таран. Саша на такие его заскоки только хмыкнул.

Повезло. Ждать никого не пришлось. Они въехали во двор один за другим. Припарковавшись, перешли на дальнейшее планирование.

— Я зайду на разведку, ты жди звонка, — предупредил приунывшего Кирилла Саша.

Кирилл был согласен с любым планом, лишь бы помогло. Похлопав Тарана по плечу и забрав, купленный по дороге торт с пакетом мороженого, Саша поднялся в квартиру.

— Привет сестрёнка, как дела? — осмотрелся с порога он, заглянув даже за дверь и шкаф. Вещей вроде на вынос не было.

— Ты кого-то ищешь? — приложилась к его щеке Маша.

— С чего ты взяла, а где Таран?

— Сказал, что в студии, на записи, — отвернулась она.

— Понятно, новый альбом пишет, про что поёт?

— Про расстрелянные годы.

— О! Пойду племянника посмотрю. — "Похоже, Машка щёлкает зубами, но держится, не кусаясь. Это плохо".

В гостиной были гости. Наташа, сестра Кирилла, возилась с малышом. Они смотрели мультики.

— Добрый вечер, — развернулась к нему от телевизора она.

— Привет Тася, племянника нянчишь? — бодренько потрепал Пашку Саша. Оттуда пошёл на досмотр в комнату сестры, пройдясь и там по всем углам. Облегчённо выдохнул: "Кажется, всё в порядке". Пораскинул мозгами, и решил уж было звонить, но наткнулся на следующую за ним Наташу.

— А вас, какой ветер сюда занёс? — усмехнулась она, с интересом наблюдая за его манёврами.

— По Пашунчику соскучился. Маш, покорми меня ужином. Или, может, Кирилл

подождём?

Сестра тут же отрезала:

— На "может" плохая надежда. Проходи на кухню.

Теребя своё ухо поинтересовался как бы между прочим:

— Чего так?

Маша, расставляя тарелки, нехотя обронила:

— Думаю, тебе его сегодня не дождаться.

— Не понял? — насторожился он.

— Работа, — выпалила она.

— А! Тогда накрывай. Хотел в ресторан, но уже не поеду. У вас покороотаю вечерок. —

Он выглянул в окно, Таран торчал у машины, поглядывая на окна. — Ох, зараза, опять за твой цветок рукой задел. Чего ты его на окне держишь, никогда на нём и цветов-то не видел?

— Алоэ цветёт редко, раз в сто лет. Этот цветок любит доброту и ласку, как и все люди.

Он в буквальном смысле любит и лечит только добрых людей.

— На что ты намекаешь? — напрягся он.

— На человеческие чувства.

— Ты вроде, как бы расстроена? — всматривался он в её унылое лицо, пытаясь вытянуть на разговор.

— Тебе показалось. Замоталась немного. Ездила за подарками. Отвыкла. С непривычки устала, — улыбнулась она, как всегда. — Иди, помой руки.

Подождав пока за ним закроется дверь, Маша посмотрела в окно, во дворе за машиной брата стояла "MAZDA" Тарана. "Понятно рвение братца. Вместо добермана по углам шарил И даже неплохо получалось. Приехал за адвоката. Интересно, как будут выкручиваться дальше".

Закрывшись в ванной и соблюдая все меры маскировки и предосторожности, включив воду, он принялся звонить Тарану:

— С этими бабами крышу сорвёт. — Бурчал он, доводя Кирилла до сведённых скул и остановки сердца.

— Что, плохо всё? — обмер тот.

Но Саша не торопился его обрадовать.

— Пока не знаю.

— А чего бурчишь? — нервничал Таран.

— Так у мужика всё на физиономии написано, а у этих бестий не докопаешься.

Ох как Таран был с ним согласен.

— Тут ты прав, старик.

— Ты давай иди. Сумок собранных я не заметил. Руки намываю, с мылом. На ужин у вас остаюсь.

Вернувшись, домой после трудового дня, Кирилл старался вести себя, как обычно. Поцеловав сестру и поздоровавшись с Александром. (А как же играть, так играть). Двинул к Машке и сразу почувствовал, как при его прикосновении она напряглась. Но за скалку не схватилась и кастрюлю с пюре на голову не одела.

— Во время ты, как учуял вроде бы. Мы только за стол сели, — хитрил Саша, — Маша сказала, что тебя не будет, а ты лёгок на помин, будь здоров и тут, как тут. Домашний человек, это похвально.

— Так получилось. Освободился раньше, — ориентировался на ходу с сочинительством Кирилл.

— Вот я год назад перед Новым годом в Эдинбург попал, пришлось задержаться. Так там традиция такая есть поджидают первого гостя. Если первым, кто войдёт в дом после полуночи, будет мужчина, это принесёт удачу. — Пустился в долгий рассказ Саша, отвлекая внимание на себя. — Гость непременно должен принести с собой в подарок деньги, хлеб или уголь.

— Зачем? — включилась в разговор Наташа.

Не оборачиваясь к ней, Саша продолжал:

— Это символизирует достаток в семье во всём.

А та, ах ты так, раз ему и зуботычину:

— Но получается, что это правило для домоседов?

— Какая ты глазастая, — недовольно промычал он.

— И что дальше? — поторопила она его.

Пришлось рассказывать ещё, хоть и не планировал, но вот на язычок, этой толстухе попался. С вымученной улыбкой он продолжил:

— Шотландцы празднуют это событие с шиком. Начинают гулять с 29 декабря карнавальным шествием, ему на пятки наступает парад фейерверков и дальше новогодний концерт с участием популярных известных музыкантов. Народ балдеет. Я признаться тоже. 31 декабря всё открыто до утра. Гуляй, не хочу! Спиртным можно себя не ограничивать, всю ночь курсируют по городу автобусы с трезвыми водителями. Довезут и выгрузят. Красота!

Маша суежилась около стола, бегая между кухней и столовой с тарелками с едой в одну сторону и грязной посудой в другую. На бросившегося помогать ей Тарана, она старалась не смотреть.

После ужина пили чай и все по очереди играли с мальцом. Заметив скованность брата и Маши, Наташа поднялась.

— Пойду я Машуня. Сладкий мой, тушканчик, давай "чмок- чмок", — расцеловалась она с племянником. — Проводи, — потянула Ната за собой брата

В прихожей не сдерживая ярость, она зло развернулась к нему:

— Я не спрашиваю, что ты натворил. Но видно хорошо вляпался, если Александра притащил, а тот, бросив весь свой бизнес, тебя со всем старанием вытаскивает. Вместо того, чтоб тебе влечь как следует. Думала, показалось. Маша вернулась сама не своя. Жизни в ней нет. А, посмотрев на твои вышивания, поняла, так оно и есть. Но вот, что я тебе, братец-кролик, мой скажу. Это будет твоя самая большая ошибка, если ты из-за своих длинноногих проходных метёлок, потеряешь Машу и сына.

— Ты хоть не ной и так тошно, — отвернулся он от сестры. — Ни хрена, ни в чем же не понимаешь. И что за нюх у баб. Непременно, всё тебе унюхают. "Метёлки, метёлки", ля-ля... ну откуда ты взяла?...

Их содержательный разговор прервал Александр.

— Наташа, подожди, я довезу тебя, — остановил её Саша, торопясь одеться.

— Уже, а я? — напугался Таран.

— Ни пуха тебе, ни пера, Кирюха, — хлопнул тот его по спине. — Крутись. Как говорят, любишь кататься, люби и саночки возить.

Смеющийся Саша, поддерживая Натку под локоть, давно скрылся за дверью, а Кирилл всё стоял и стоял, упёршись лбом в неё. "Что собственно сверлить головой дерево.

Спасательная палочка выручалочка не выскочит. Куда деваться, надо идти. И угораздило же влететь с этой куклой крашеной Ритулей. Сразу к Машке нельзя. Пойду сначала на кухню. Начну с мытья посуды".

Маша топталась у кровати, готовясь купать ребёнка. Её комната была переделана из однокомнатной квартиры. Поэтому при ней была ванная и туалет. Маша всегда радовалась индивидуальным бытовым условиям. Только её, только своё. Ванной это, после ремонта назвать сложно — мини бассейн, джакузи. Пашка восторженно вопил перед предстоящим купанием и Маша торопилась доставить сыну удовольствие, пока Кирилл гремел посудой на кухне. Она специально, оставила там ему работу, занявшись сыном, чтоб маленько пообтёрся, попривык к новой погоде в семье. Спрашивается: что ей делать?! Догадаться не сложно — можно поссориться и не любить друг друга. Только что им это даст?! Счастливее точно не сделает, да и так к потерянному без него времени добавлять ещё один пробел не хочется. Проще сказать, она стала бояться остаться одна. Так точнее. Наверное, настоящая любовь от иллюзии и отличается тем, что человека любишь даже тогда, когда готов его прогладить утюгом. Да, она готова была его растерзать в той студии, но от этого не стала его меньше любить. Машка не успела с купанием, подхватив пацана на руки, он зашёл в ванную вместе с сыном. — Этого ещё не хватало, — вспыхнула она, замирая на полдороги, но промолчала.

— Маша, дай полотенце, — попросил Кирилл, как ни в чём не бывало. — Ты забыла повесить.

Пришлось идти. Зашла отвернувшись. Он плескался в ванной вместе с Пашкой. Протянула, не глядя: - "На!" Забрав ребёнка, ни слова не сказав, ушла. Кирилл, видя такое противостояние, паниковал. Ребята ушли себе, посмеиваясь, а у него кубики счастья не складываются. Когда он вышел, упакованный в банный халат. Маша одевала малыша, а Пашка кормился из бутылочки сам. Лёжа на их широкой кровати и болтая ножками, он знать не хотел, что над отцом висел топор.

— Я уложу, — обнял он нерешительно, замирая от страха её за плечи. Но нет, не отбросила его рук. Не застучала маленькими кулачками по его груди. Даже не обернулась. Так и осталась стоять холодная и прямая. — Иди, покупайся.

Она наклонилась, поцеловала сына и ушла. Но опять же совсем в другую сторону.

"Куда её ещё понесло, — напугался он. — Нет, входная дверь не хлопнула. Ага, возитесь на кухне. Пусть себе... Глядишь, весь пыл с рекламируемыми моющими средствами и водой уйдёт. Хотя, что она там плюхается, я ж всё перемыл. Значит, по второму разу чистоту наводит. Стекло может не выдержать такого перебора".

Машка зашла в душевую рядом с кухней. Там, под горячим потоком душа она расслабилась и дала себе волю. Слезы обиды катились по мокрым щекам, смешиваясь с весело бурлящей водой, и бежали, стекая в низ, в тёмное отверстие под ногами, образуя безумно хрюкающую воронку. Так и жизнь утекает в никуда. Ничего, переболит сейчас и она успокоится. По-другому нельзя. Этим нужно только переболеть и забыть.

Давно спал в своей кроватке Пашка. Задремал и Кирилл. Забывшись, поискал рядом Машу, пытаясь притянуть к себе, но рука прошлась по пустующему холодному месту. Стряхнув сон сел. Сердце скользнуло в пятки. "Муть какая. Где Машуня?" Соскочив с кровати, заскочил в прихожую, проверив её дублёрку, и убедившись, что на месте, побежал по комнатам. Машка спала в кабинете отца на диване. Замотанная в махровую простыню,

поджав под себя озябшие ноги. Постояв у дверного косяка, чертыхаясь и приходя в себя, подхватил на руки и понёс на кровать.

— Дурочка любимая, — шептал он, боясь разбудить, не удержавшись от осторожных поцелуев. Простыня сползла, обнажая голое, замёрзшее тело. — Глупышка, — притянул он её к себе, пытаясь согреть. — Замёрзла вся.

Машке снился сон. В заросшем кусте старой жёлтой акации пел соловей. А она чувствовала, что замерзает. Сковывающий холод расползлся по телу, беря в плен всё новые и новые участки, не позволяя шевельнуть ни ногой, ни губами, чтоб кричать о помощи. А соловушка всё заливался и заливался. "Что же это происходит такое?" — хотелось заплакать от обиды Маше, но вместо слёз выпали льдинки. "Соловей поёт, а меня забирает мороз. Замерзаю несчастная. Ведь такого просто не может быть. Лето, цветёт акация, откуда взяться морозу. Спасите, ну хоть кто-нибудь", — пробовала она крикнуть и не могла пошевелить не послушными губами. Её спасло солнышко, вступившее с ходу в борьбу с морозом, горячим лучиком своим растопившее ледяные губы. Оттаяла грудь и жизнь заструилась по телу живительными реками. Ещё минута и сгорающая Машка пыталась уползти от палящих лучей ярила в тень акации с соловьём. Но хитрое солнышко, скользнув следом, опалило лоно, поиграв горячим пальчиком в щели. Желание с бешеной силой рванулось наружу. "Что я делаю голая, на поляне, в кустах?" — провела она рукой по действительно голому телу и в страхе сжавшем сердце, проснулась. — "О! Это только кровать и рядом Кирилл", — обрадовалась, шепча она, прижимая рукой выпрыгивающее сердце.

— Малышка, я напугал тебя, — виноватые глаза его, совсем рядом.

Машка спрятала улыбку на его плече. Сейчас ей было смешно, а тогда в студии, первым желанием её было всё перебить, перецарапать и хорошо плюнув, в бесстыжую рожу, уйти, хлопнув дверью. Но это было бы скучно и по-бабьи затёрто. А, так перетерпев, Маша заставила его мучиться и страдать. Может быть даже этим, уберёжёт его ухарскую головушку от новых более опасных для её благополучия ошибок и глупостей. "Ведь как старался, даже Сашу в помощь приволок. А я-то ломала голову, каким мылом он будет из этого дерьма отмываться. Выбрал правильный, не проигрышный вариант, Александра. Наверное, уже самое время позволить себя ему уговорить".

— Я не хотел, мышонок. — Его покаянный шёпот, и сыпавшиеся на Машку поцелуи, расслабляли. — Малыш, я только тебя люблю и Пашку. Потерпи, не наказывай меня, детка.

"Что поделаешь, если каждый сантиметр кожи любит его запах, рот, глаза, стриженую голову. Вот эти неутомимые руки, широкую грудь. Как сопротивляться, если таю и горю под его колдовскими пальцами. Обеднить себя, лишит своё тело радости и во имя чего? Чтоб плакать потом холодными от горя и одиночества ночами, упиваясь своей гордостью и обидой. Но ведь я знала, что будет нелегко и около него всегда будут бабы. И он прыгал мячиком из постели в постель. Теперь Кирилл мой, только мой и Пашкин. Он сейчас не врёт, а всё дальнейшее будет зависеть от меня, от моей умной головки. Будет моё счастье продолжаться долго или эта яркая звезда, заглядывающая в окошко нашей спальни, будет искать каждого из нас в своём окне. Мне очень хотелось получить его. Получила. Вот и пользуйся. Держи его, дожимая до нужного мне стандарта", — улыбалась Маша, счастливому Кириллу, следуя своим рассуждениям.

— Я замёрзла, — потёрлась она о его руку.

— Господи, девочка, сейчас согрею маленькую мою птичку, — его руки понеслись по

Маше, разгоняя кровь. Заставляя забурлить её, как незрелое вино. Хмельные поцелуи напоили губы. Машка, стряхнув последние сомнения, принялась жадно пить тот дурманящий хмель.

Усталая, счастливая, она шептала:

— Красивый день сегодня.

— Да, золотко моё.

— Иней причудливой паутиной путается в ветвях.

— Да, паучок мой. Крепче твоей паутины я не встречал.

— А сосны в белых узорчатых полушалках.

— Я люблю тебя.

— Скажи это ещё раз.

— Люблю! Люблю! Люблю!

Маша знала, он не играет и не сочиняет, это самая настоящая правда. Но любовь шального парня не снимает с Машки боевого дежурства у его персоны и не даёт права на расслабление. Она голодным паучком будет всегда на чеку. "Ты голубчик мой попал, — нежилась она в его руках, — в такую паутину, которую трудно будет разорвать!"

А он целовал и оправдывался:

— Машка, как ты меня напугала. Любовь моя, я чуть не скатился с рельсов. Прости меня, детка, — нежил он её пальчики. — Я безумно тебя люблю, котёнок. Не будь жестокой, звёздочка моя, я потихоньку сделаюсь образцовым мужем. Потерпи, не бросай меня.

Слушая его мурлыканье, Маша, пользуясь темнотой, улыбалась:- "Говори себе, говори голубчик, старайся. Ах, как мне это нравится!"

"Нет, так на самотёк процесс пускать нельзя. Надо руку держать на пульте, — металось в его обрадованной голове. — Торопись, срочно, делать ещё одного ребёнка, и без откладывания в долгий ящик. Макса учил, а сам чуть не облажался. Нечего рисковать. Надо тащить её в загс, привязать Манюню к себе детьми и чем больше, тем лучше. А то ведь можно и потерять так-то. Работа у меня такая, что бабы всегда рядом выются. Надо, чтоб надёжно было".

"Раз тянутся руки к женскому, но не моему телу, значит, хватает ещё силёнок. Явная не доработка с моей стороны. Надо исправлять такую ошибку, — сладко улыбалась ему Маша. — Выжать его. Довести до белого колена. Посмотрим тогда, как он со щедрот своих будет отстёгивать ласки другим".

— Хочу ещё, — прошелестела Маша, потянувшись за поцелуем.

— Бог мой Машка, в чём проблема-то. Только пожелай. Пока в аптеку за "виагрой" не бежать, — неосмотрительно обрадовался он, плывя в расставленные Машей сети.

"Тра-ля-ля..." Голова трещала от захлёбывающегося трезвоном дверного звонка. Он сел, с трудом раздирая глаза и никак не желая просыпаться. "Утро, а, кажется, только заснул", — мотнул головой Кирилл, избавляясь от цепко держащего сна.

— Кого леший принёс в такую рань, — ворчал он, натягивая наспех домашние трикотажные брюки, ища голый ногой неизвестно где спрятавшиеся тапочки.

— Иду, иду, — прокричал он, удивляясь нахальству ранних гостей, принявших от нетерпения стучать в дверь. "Если Юлька, точно получит", — разозлился он, открывая запоры.

— В-вы кто? — протёр он глаза, вытаращившись на мужчину и женщину с ворохом

сумок и чемоданов.

Мужики нынче хлипкий народ, так и остались с раскрытыми ртами, вопросительно поглядывая друг на друга. Шок прошёл первым у дамы. Закрыв рот открывшийся удивлением, она открыла его снова и уже для дела.

— Мы здесь вообще-то живём, — потеснила она его, решительно протискиваясь между ним и дверью в квартиру. — А вот ты что тут делаешь? — ткнула она пальцем, затянутым в тонкую перчатку ему в голый живот.

"Вот это залёт, — приходил от неожиданности в себя Кирилл. — Кто б думал о таком подарке. Жили, не тужили, и на тебе такой сюрприз. Это точно Бог за вчерашнее варенье наказал".

— И я живу тут, — не моргнув глазом, отрезал Таран, сообразив, наконец, кто перед ним и убирая сверлящий пальчик тётчи от своего живота.

— Что, что, — заволновалась дама, — это как?

— Как муж вашей дочери.

— Что? Как? Валентин, ты чего стоишь за порогом собственной квартиры, проходи, — взвизгнула она, выводя из оцепенения мужа. — Разбираться, похоже, надо. Ты посмотри на него. Это ж с плаката дочери твоей ненормальной лицо. Только всё хуже, оно живое. — И новый разворот на Тарана. — Чего скажи на милость, ты лыбишься нахал? У меня пока куриной слепоты нет.

— Давайте помогу, — метнулся Кирилл с помощью к отцу Маши, обходя пышущую негодованием тётцу. — Вы берите сумки, а остальное, я занесу.

Захлопнув дверь, Дмитриев протянул руку парню.

— Валентин Александрович.

— Кирилл Таран.

Кирилл развернулся со знакомством к будущей тётце, но она, показав ему спину, понеслась в комнату дочери на разборки. Кирилл не успел сориентироваться и поймать её за хвост шубы, как оттуда донёсся вопль.

— Матерь Божья, Пресвятая Богородица...

— Опля, — кинулся следом, не раздумывая Таран. — Приплыли. Громкость убавьте дорогая тётца. Ребёнка напугаете.

— Что это? — держась за сердце, воззрилась она на кряхтевшего Пашку. Предосторожности Кирилла запоздали, поелозив под изумлённым взглядом новоиспечённой бабки, он сел и смачно заревел.

— Ну, вот разбудили. Зачем же так орать? — недовольно выговорил он ей.

Натянув в темпе футболку и накинув на голую спину Маши одеяло, выхватив голосившего ребёнка из кровати на руки, выпер оторопевшую женщину из комнаты, прикрыв плотнее дверь.

— Пусть Машуня поспит, Вы ей подарки попозже отдадите.

Ох, что тут началось.

— Валя, посмотри что происходит, я с ума сошла или это точно ребёнок. Чей это ребёнок? — с надеждой посмотрела она на Кирилла.

— Внук ваш, похоже, не рады, — ухмыльнулся он, искоса следя за изумлённым тестем. — А мы так старались вам угодить.

— Валя, выгони это недоразумение, — топнула она ногой, плохо понимая происходящее.

Кирилл вытеснил всех подальше, в кухню.

— Успокойся Тамара, — усаживал её на стул, Валентин Александрович, торопясь подать жене воды, хотя сам с трудом приходил в себя. — Новогодний сюрприз. Ты хотела сделать ребятам, Машка сделала тебе. Смотри, мальчонка какой хорошенький.

— Откуда он взялся? — выпив воды, застыла она вопросом на Таране.

— Глупый вопрос, — наклонился он над ней, — оттуда, откуда же и все.

Ответ не заставил себя ждать и был бурным.

— Невоспитанность какая.

Подтютюшковая сына, Кирилл отбивался:

— Первый раз слышу, чтоб жизнь ребёнка не вписывалась в мораль, — опять ухмыльнулся он, добив тещу.

А та металась пытаясь найти всему разумное объяснение.

— Но мы же приезжали и ничего не заметили. Ты разыгрываешь нас. Валя, он смеётся над нами.

— Угу, больно мне надо. Чего паниковать-то. Мы ж не малолетки и на вашу шею не садимся, — заявил Кирилл.

Пашунчик косился на чужих возбуждённых людей и жался к отцу.

— И, правда, Тома. Он уже родился, чего уж теперь. Смотри, как он на тебя смотрит.

Завоевав сердце одного, Таран взялся решать другой вопрос. Повернувшись к тестю, предложил:

— Давайте вещи всё-таки до вашей спальни донесём, а то Машка проснётся, побежит обниматься и влетит в эту брошенную посередь коридора кучу.

Одной рукой держа Пашку, другой, помогая тестю тянуть чемоданы, Кирилл смягчил тещу, таращившуюся на них.

— Давай, я подержу ребёнка, — заявила она.

— Снимите шубу и нагрейтесь для начала. Застудите, маленький он ещё, — не дрогнул под её пристальным взглядом Кирилл.

— Нет, ну, каков, он меня ещё и учит, — побелела она.

— Вы устраивайтесь и выходите на кухню, я завтрак организую и кофе сварю. Там и поговорим.

— Пошёл вон, — хлопнула она перед его носом дверью.

Пашка, до этого сосавший палец, рассмеялся. Ему такая игра показалась забавной. Дверь опять распахнулась.

— Тамара, — придержал жену с новым порывом муж. — Так и сделаем Кирилл.

— Извините, не приглашаю в столовую, мне с Пашкой удобнее у плиты. — Как ни в чём не бывало, продолжил Таран, решив видно доконать тещу.

— Я его пришибу, — попробовала она снять с себя сапог и швырнуть им в него.

Но Таран, не дожидаясь сапога, ухмыляясь во весь свой белозубый рот, слинял на кухню. Где, посадив мальчишку на ковёр и дав блестящую сковороду с крышкой, чтоб гудела, гремела и гроыхала, занялся готовкой. Кирилл приготовил завтрак гостям и сварил сыну кашу. Потом постучав к гостям, пригласил к столу. Увидев, что творит ребёнок, новоиспечённая бабка пришла в ужас.

— Сумасшедший, что ты делаешь? — накинулась она на свалившегося на голову зятя. — А, если он по руке себя стукнет или в голову заедет этой жаровней.

Кирилл, придвинув ей стул, спокойно объяснил:

— Садитесь, не прыгайте так. Уже пережили такой поворот.

— Нет, ты слышал? — повернулась она к мужу, рассматривающего внука.

— Пейте кофе, — угощал суетясь Кирилл.

— Да, подавись ты им, — не оценила его старания тёща. — Валя, он убьёт себя.

Таран обиделся за сына:

— Паша не дурак. Схлопотав раз, знает, самое лучшее, что из неё можно выжать, это стучать. А от кофе зря отказываетесь превосходный рецепт. Вот попробуйте, — подсунул он ей чашку.

Псих конечно давил. Только Кирилл понял, что главное в обращении с тёщей гнуть свою линию, не уступая. Куда ей деваться то, поерепенится и сдастся.

— Зачем ты его в противень посадил? — сдавалась тёща, отхлёбывая кофе.

— Ему так нравится.

— Откуда ты знаешь?

— Рад же.

— Валя, ущипни меня, может, я сплю, — заныла она.

— Давайте я щипну, чтоб без дураков, а то Валентин Александрович пожалеет вас и всё получится не натурально, — хмыкнул Таран.

Заламывание рук и закатывание глаз не помогали, поэтому она тут же огрызнулась:

— Клоун.

— Успокойся, — осадил её муж. — Он прав, они не дети, в конце-то концов. Раз Маша выбрала его, прими и успокойся.

— Но...

— Разберутся они сами со своими жизнями. Попросит дочь помощи, поможешь. У нас теперь вот внук есть. Иди-ка ко мне, — взял он на руки мальчишку. — Первый внук, как не крути. Вот. Дед я твой.

— Я вам не советую его брать, — предупредил Таран, отвлекаясь от плиты. — Ваш дорогой костюмчик пострадает.

— Шут с ним с костюмчиком этим. Тамара смотри, интересный какой малец. Сколько ему?

— Девять. Завтракайте, омлет с ветчиной, гренки, будете?

— Ужас какой, — всплеснула руками Тамара Васильевна. — Пусть она только проснётся, я ей покажу. Она у меня враз узнает, где раки зимуют...

Кирилл с улыбкой посмотрел на воинственную тёщу. — "Так я тебе и дал на растерзание Манюню. Руки коротки".

— Давай, раз приготовил, — не отказался Валентин Александрович, не обращая на слова жены внимание. — А Саша там сюрприза не соорудил?

— Нет, — засмеялся Кирилл, забирая малыша. — Нам бы всем с одним справиться. Ешьте, остывает.

— Он не помешает, — сопротивлялся тесть, пытаясь удержать ребёнка.

— Ошибаетесь и мне его надо покормить. Каша уже остыла. Сейчас бананчика в неё помну.

Наевшись, мальчишка стал работать на зрителя. Плюя фонтаном кашу и колотя по тарелке ложкой, помогая рукой приминать оставшуюся кашу в тарелке. При этом, успевая ногами пинать крышку стола, обеспечивая посуде пляс. Кирилл догадывался, что всё это одобрение у бабули не получит. Так оно и было.

— Вы это зря ему всё позволяете, — поджала губы тёща.

— Ну, что ты, в самом деле, Тamarочка. Маленький же ещё, — умилялся тесть, пытаясь сделать внуку "козу".

— Я вам сейчас скажу сам, чтоб вы Манюню не напрягали, — решил Кирилл сразу выложить про операцию.

— Не тяни, что ещё натворили, — напряглась она. — Говори.

Кирилл, доедая за ребёнком кашу, рассказал:

— Паше делали на сердце операцию. Вот мы и не напрягаем пока его воспитанием.

— Господи, всемогущий, — изумилась она. — И моя девочка всё это пережила. Почему же вы ничего нам не сказали. Забрали б её к себе. Там клиники, врачи, уход.

— Здесь тоже клиники, — оборвал её Кирилл. — И врачи не хуже. Мой отчим оперировал. Мать у меня кардиолог, доктор наук.

Только тёщу было не переубедить.

— Что ты в этом понимаешь? Там аппаратура! — кричала она.

Но Таран не собирался так просто отступить.

— Как раз вот и понимаю. Я тоже бывший кардиолог. Здесь аппаратуры сейчас не меньше.

— Ты ж певец? — не удержалась она.

— Это не простая история. Сейчас да. Певец, — согласился Кирилл. — И не жалею. Иначе бы никогда не встретил Машу. Всё уже сразу скажу.

— Что ещё? — подпрыгнула тёща.

— Пашка у вас парадный диван маленько погрыз.

— Всего лишь, — засмеялся тесть. — Сначала объявился сам. Потом показал сына. Доложил про операцию, а самое страшное событие на сладкое оставил. Да пусть хоть весь сгрызёт. Зубы, наверное, полным ходом режутся.

— Ох, Александр получит на всю катушку от меня. — Накручивала нервные обороты Тамара Васильевна, ища на ком отыграться. — Как он мог. На него оставили девочку. А что получилось? Результат, какой?

— Нормальный результат. Внук вот, — посмеялся муж. — Машка просила, должно быть молчать, вот сыночка и не вводил нас в курс дела. Он помогал сестре Кирилл?

— Да. Полный контроль, как над Ираком.

— Когда он у вас последний раз был?

— Вчера здесь ужинал.

— Вот. Что он Тамара с ней сделает, если у неё свой хозяин есть, — подмигнул он Кириллу.

— Саша ваш. А Машку не мечтайте доставать. Разрешаю, только поздравить. Понятно, — развернулся он к тёще.

— Обалдеть, — завертелась она. — Ты кто такой мне указывать? Валя, он кто такой, чтоб моей дочерью распоряжаться?

— Я её муж. Она моя жена. И обижать её я не позволю.

Она опять заломила руки и взвизгнула:

— Откуда ты взялся?

Муж осторожно поймал её за эти заломленные руки и посоветовал:

— Тамара утомонись. Откуда он взялся, ты не хуже его знаешь, вон ребёнок и тот потешается над тобой.

— Подарки же не купили, ни внуку, ни вот... — Она никак не могла назвать его зятем или даже по имени, просто ткнула в Тарана опять пальцем и все объяснения.

Валентин Александрович рассмеялся:

— Нашла о чём жалеть. Здесь магазины сейчас не хуже Европейских. Поедем и возьмём всё что нужно. Подарки, это ерунда.

Прослушав про подарки, Таран оживился:

— Тем более мы от подарков не отказываемся, да сынок. Ломаем каждый день всё, что не попада. — Заявил Кирилл нахально, глядя ей в глаза.

— Наглец, — отвернулась тёща. — Ты мне портретом хуже смерти надоел.

— Выходит у нас давнее знакомство, — расплылся в улыбке Таран.

— У-у-у. — Взвыла она. — За что так караешь, Господи?! Почему у неё не всё, как у нормальных людей. Взяла и поломала свою жизнь. Переведёт себя на этого кобеля.

Кирилл с Валентином Александровичем, посмотрев друг на друга, рассмеялись. Пашке с радостью поддержал их.

— И этот туда же, чтоб понимал. — Осталась недовольна она внуком. — А мужикам в поддержке не отказал.

Машка проснулась от тишины. "Мужиков нет, значит, в кухни колдуют", — накинув маленькую ночную рубашонку, отправилась туда, куда вёл запах ароматного кофе.

— Вот вам и сонная гусыня, добровольно топающая в котёл, — обрадовался отец её появлению.

О-о! Затормозившая у входа Машка, справившись с изумлением, бросилась наутёк. "Во-первых, одеться, во-вторых, решить, что говорить и как себя вести. Родители перемудрили с сюрпризом сами себя. Что теперь делать?"

— Напугали ребёнка, — смущённо крякнул Дмитриев.

Кирилл, извинившись, устремился за ней, но ребёнок, тянувший ручки к вошедшей матери и не получив внимания, вопросительно посмотрев на отца, заревел.

— Кругом одни обиженные, — усмехнувшись, он посадил ребёнка на руки оторопевшей бабушке. — Нате, впрягайтесь. Я Машку посмотрю.

— Он же плачет, — испугалась Тамара Васильевна.

— Успокойте, — донеслось до неё издали. — Вы же бабушка.

Дмитриев проводив Кирилла. Развернулся к жене и внуку.

— По-моему ты мать на него вызверилась зря. Неплохой же парень. Мальчонку обожает, и Машу любит, — заступился Валентин Александрович за понравившегося зятя.

— Пока ничего не понятно, — отмахнулась та.

— Не упирайся ты и семья хорошая и образование есть. Маша, между прочим, любит его безумно. Зачем же мы будем мешать. Интересно, как она к нему подобралась. Мужик-то фартовый.

— Спроси, — съязвила она.

— Неудобно.

Разговор иссяк. Бабуля переключила своё внимание на ребёнка.

— Смотри, какие игрушечки, — болтала она перед глазами внука колье. — Какие камушки у бабушки. Ой, ушки не трогай. Бо-бо бабе будет.

Дмитриев погладив внука по головке, заметил:

— Подбородок Кирилла и глаза его.

— И рот его. Ничего нашего нет. Весь папенька, — желчно прошипела.

— Ни беда, второй в нашу породу будет, — не сдавался дед, забирая внука к себе. — Иди, потряси чемоданы. Неси всё, что ты ей привезла. Под ёлочку отдохнём, прокатимся по столице, ещё купим.

Смеющийся Кирилл застал Машу мечущейся между ванной, кроватью и шкафом. Она враз пыталась прибраться, помыться, одеться и привести мысли в порядок.

— Не торопись, мышонок, — поймал он её. — Давай покупаемся, не спеша оденемся. Его губы застыли на её вздрагивающем плече. Рука, убрав рассыпавшиеся волосы с шейки, погладила сгорбившуюся спинку.

— Что будет, что будет, — бубнила она, растерянно глядя на Кирилла.

Таран бестолково топтался за ней и рассказывал:

— Успокойся, ничего тебе не будет. Я даже твою мать тёщей назвал, и она проглотила.

Маша аж застыла.

— Не может быть. Не понимаю, как она выжила, увидев Пашу.

Кирилл хмыкнул:

— Орала, не без этого. На меня с сапогом кидалась. Зато сейчас нянчит внука.

— Расскажешь тоже. Мама нянчит, — не поверила она, заправляя постель.

— Маш, мы никакого криминала не сделали. Это наша жизнь. Ты моя жена. Она не посмеет трогать тебя, я её предупредил, что в обиду тебя не дам. А со мной у неё не очень нраву учения получают, ей всё больше хочется меня укусить. По-моему они смирились и уже нормально реагируют на сюрприз. Но, если что, у нас есть моя квартира. Подходящий плацдарм для отступления.

Маша потупилась.

— Я не твоя жена.

Таран обнял её.

— Ты что не хочешь со мной расписаться?

— Посмотрим.

— Не понял. Машуня, ты не шути так.

— Идём, а то Паша опять сирену включил, для него они чужие люди. Хотя нет, я войду на эшафот одна, а ты Сашу предупреди, об их чудесном возвращении. Я со страху забыла о нём.

Бросив по ходу взгляд в зеркало, перекрестившись и помахав ему, она пошла в гостиную. По источающим фон борьбы лицам было понятно, что обстановка не проста и взрывоопасна. Ясно, что она натворила слишком много для их нервов, но ведь это её жизнь... Кажется, ничего страшного и сложного в том, чтоб выйти на их глаза, но ноги, точно клеём намазанные и сердце стучит так, как будто последний раз.

— Папа, мама, — вышла она, наконец-то, к ним, смущённо улыбаясь. Увидев мать, мальчишка сразу же потянулся к ней.

Дмитриев, учитывая торжественность момента, поднялся.

— Маша перевесила все бабкины цапки, — засмеялся отец, передавая внука дочери. Поздравляем доченька тебя с сыном, — обнял он её. — Рады внуку. Молодец. Жаль, только нам не сообщили. Подарки тебе одной привезли, прости. Виноваты. Исправимся.

Павлушка ухватив бабу за понравившееся кольцо, потянул на себя.

— На, мамке своей отдай, раз уж так понравилось, — отстегнула она дорогую вещь,

вкладывая в маленькие ручки внука.

— Пашка урвал, что поярче, — целуя Машу, улыбнулся Кирилл. — Порядок. Саша едет. — Прошептал он ей на ушко, забирая сына. — Сядь, поешь.

— Хотя дать бы твоей матери ремня, за такой вертеп, — сорвалась она на дочь.

Кирилл, задвинув Машку к себе за спину, не добро глянул на тещу.

— Ещё раз прошу вас, затормозить. Мне можете говорить всё, что вам вздумается, но Машке не сметь.

Женщина словно того ждала.

— Как ты со мной разговариваешь, щенок, — вскочила с морем негодования она.

— Тамара сядь. Хватит уже, — потянул её за подол муж.

Но та, не желая подчиняться, встала на дыбы.

— А что он... Она моя дочь.

— И моя жена. Бессмысленно ходить по кругу, — тут же вставил он свои пять копеек.

Звонок в дверь отвлек всех от содержательной беседы.

— Вы тут продолжайте приятную беседу, а я пожалуй пойду встречу, кто-то пришёл, — заторопилась Маша.

Так и есть. Пришла. На пороге стояла улыбающаяся Наташа.

— Как вы тут?... — начала она и сошла на нет: — Ой! На тебе Маша лица нет. Ты из-за Кирилла переживаешь? Мы его сейчас вдвоём прибудём.

— Из-за Кирилла?... О, нет, нет... Родители приехали. Раздевайся. Проходи.

Девушка, снимающая сапоги и собирающаяся всунуть озябшие ноги в тёплые тапочки, застыла:

— Спасибо. Лучше вы к нам. — И помедлив спросила об особо важном: — Кирюха жив?

Маша кивнула в сторону кухни.

— Отбивается.

— И как?

— С переменным успехом. У них с мамочкой войска всё время в боевой готовности. Победитель пока не определился.

Ната взялась за дублёнку и с сожалением вернула тапочки на место.

— Потопала-ка я отсюда, пока ещё мне за компанию не досталось, — засобиравшись она. Но не успела, в холл притянулась вся семья.

— Тя-тя, — полез к ней Пашка, тяня ручки и вырываясь из рук отца к ней.

— Да, тётя Тася, — помог Кирилл ему. — Это родители Маши, а та курносая девушка моя сестра Наташа. — Представил он изучающие друг друга стороны.

— Позволь, но ты только что назвал её и Тасей, и Наташей? — переспросил Дмитриев.

— Это одно и то же. Долго объяснять.

— Она совсем не похожа на тебя, — разобралась с генами с ходу Тамара Васильевна.

— Значит, она вам больше понравится, нежели я. Похожа она на маму, а я на отца. В нашем роду так водится. Паша, если вы заметили, на меня похож, но девочку аисту закажем в Машеньку.

— Валя, что он говорит безумец, — засуетилась теща.

Дмитриев пожал плечами.

— Что в этом такого, мы только час назад с тобой это же мозговали.

— О, значит, у меня есть перспектива, — ухмыльнулся Таран.

Наташа, щипнула брата пониже спины, выразительно вращая глазами. — Думай, что

говоришь балда. Заметив в руках ребёнка дорогую вещь, улыбнулась:

— Кого это он так потряс. Наверное, бабушку.

— Отдай его Маше, это внук ей добыл, — отвела руку Тамара Васильевна.

Отправив в шкатулку кольцо, Маша занялась ревизией холодильника. Она с озабоченным видом перетрясала его содержимое, понимая, что продуктов катастрофически не хватит. Никто не рассчитывал на родительский десант. Придётся отправлять Кирилла.

— Дорогой, тебе придётся съездить в супермаркет, — поманила она его. — Надо сделать закупки. Отдай ребёнка Тасе и собирайся.

— Не вопрос. Днём я сегодня свободен.

— Маша, не суетись, — заметив её волнение, подошёл отец. — Мы с Кириллом слетаем и затаримся. Список напиши, чтоб не промахнулись.

Примчавший Александр застал всех дружно составляющими список продуктов старательно записывающей Маше.

На трезвонивший у дверей звонок, отправилась Натка. Маша догадалась, что то наверняка брат. Так оно и было.

— Привет всем. Убитых и раненных смотрю, нет, — прогудел над ними Саша. — Целый цыганский табор. И ты тут Наташины ручки отрываешь пострел. Сделал он Пашке "му".

— Ф-ф-ф, — пыхтел мальчонка, махая над головой ручками.

— Тебя покатать, — догадался Саша. — Сейчас разденусь.

Александр изо всех сил делал вид, что ничего особенного не произошло и всё в семье в норме и как должно быть.

— Видишь мать, а ты переживала, а всё под контролем, — засмеялся, глядя на таскающего, на плечах племянника Сашу, Валентин Александрович. — Малец всегдатеаев дома выказал. Контролировал Саша, вижу.

— Да уж, весь контроль его в наличности, — только и вздохнула Тамара Васильевна. — Как ты Саша мог допустить такое безобразие и молчать?

Александр, почесав макушку и переглянувшись с Кириллом, засмеялись.

— Прошляпил. Мамуль, это не моя тайна, сестры. Как я мог её выдать. Вот в отношении себя всё, как на духу. И потом прибавление не пропажа, — хохотал он, подмигивая Кириллу. — И опять же кругом выигрыш. Тебе теперь не надо о ней заботиться, у неё есть на это муж.

— Жеребцы. Смешно им, — отвернулась обиженная мать.

— Ну, плакать тоже не с чего пока, — встал на их сторону Дмитриев.

— Мы ж приезжали, и никто не заметил, что она беременна. Где глаза только были. — Никак не хотела мириться она с реальностью.

Дмитриев же стараясь покончить с бесполезным разговором, взял сына за плечо:

— Саша о деле поговорим позже, мы с Кириллом уезжаем за харчами. Есть время, подожди. Нет, вечером за ужином встретимся или я к тебе подскочу.

Семейный улей с отъездом Тарана и Дмитриева успокоился и затих. Саша вёл в гостиной, поя её кофе с коньяком, продолжительные беседы с матерью, стараясь настроить её на оптимизм, а Маша с Тасей, рвались на кухне между плитой и Пашкой. Домработницы пока не было. В суматохе Маша забыла ей позвонить и, предупредив о гостях, попросить прийти пораньше.

— Справляетесь? — заглянул к ним Александр. — Полина Ивановна только завтра придёт.

— Кое-что сейчас подделаем. Салаты покрошим, до завтра протянем. А вот на Новый год надо посчитать едоков. Нас двое с Кириллом, Юлька с Максом, четверо. Мама с папой, шестеро. Наташа ты придёшь или по своему плану гуляешь?

Девушка смутилась.

— Если не прогоните.

Маша загибала пальцы.

— Значит, семь и плюс их с Кириллом родители, девять. Саша, а ты?

— Считай и меня, вон Тасе пару составлю. Ещё не старый, в женихи сгожусь? — шутил он, смущая ставшую пунцовой девушку.

— Десять, не хило, — прикончила подсчёт Маша. — Саша ты куда?

— Мама опять зовёт, пойду, подойду. Лучше её буду занимать я, нежели она будет грузить без Кирилла тебя нравоучениями. — Заспешил он на зов Тамары Васильевны.

Наташа, проводя парня восторженными глазами и поймав на себе улыбку Маши, уткнулась в нарезку. Но отмолчаться не удалось.

— Наташа, он тебе нравится? — кивнула Маша в след удаляющегося брата, догадавшись о Наткиной тайне. Та протяжно вздохнула.

— Что толку-то с того. Посмотри на меня, в таких, не влюбляются. Деревенская Фёкла или Марфушка душка. Ещё и веснушки на носу. А Александр Валентинович мужик конфетка. Около него такие цыпочки сидят. Я видела раз в театре. Он меня даже не узнал, может, постеснялся перед ними с такой, как я общаться. Здесь у вас тоже как на пустое место смотрит...

Но у Маши было иное мнение.

— Цыпочки, милая, для интерьера. Тут он особо блистает манекенщицами. Десяток любовниц. А тут глухо, — постучала она по месту предполагаемого сердца. — Семьи нет.

Всё правильно и красиво, но Ната не верила в сказки.

— Ух, хватила. Маша, на меня он даже не посмотрит в этом плане.

Маша упрямо покачала головой.

— Ты должна заинтересовать его, понимаешь.

— Фантастика, — махнула ладошкой в направлении окна Натка.

Маша сморщила носик. Откинула капусту и всадила нож в разделочный кружок. Глаза её блестели азартом.

— Я знаю как.

— Как? — прекратила нарезку овощей Наташа.

— Шоковую терапию ему нужно устроить, а потом опять будишь сама собой. Стиль сильно менять не будем, но кое-что прикупим. Съездим завтра в одно местечко. А сейчас обещаю, что никогда не скажешь ему, что научила я.

— Клянусь, — торопливо закивала, Тася. — А если не получится?

— Ты ж ничего не теряешь. К тому же за пробу денег не берут... Сделаешь так...,- зашептала она на ушко ей свой план.

По мере этого шёпота, улыбка сползла с лица девушки.

— Он меня убьёт или скажет, что я из дурки, — округлила глаза испуганно она.

Маша повернулась к ней и взяла за плечи.

— Ты хочешь его получить?

Что за глупый вопрос. Ещё как она хочет получить его, ещё как... Но ведь это ж сказки, сон, мечта. Запинаясь она произнесла.

— Да, но это не реальная мечта...

Ох, упрямица! Маша аж топнула ногой.

— Делай, что я сказала. Новый год. Дед Мороз. Бывает, что мечты сбываются.

Наташа свистящим шёпотом объяснила:

— Маш, я боюсь. Это не реально. Александр Валентинович и я.

А Маша, мешая салат, долбила своё:

— Натка, я с плаката начала и Кирилл мой. Очень важно чтоб ты себе нравилась. Ощути себя королевой. Желаеть, чтоб к тебе относились, как к драгоценности, — дерзай.

— Ой, Маша... Я боюсь.

— Хочешь Сашу?

— Ты знаешь сама.

— Давай следуй шаг за шагом моему плану.

— Когда, прям сегодня? — надеясь на оттяжку переспросила та.

— Чего тянуть-то. Бери быка за рога.

— Ой, мамочки.

Маша подбодрила:

— Бабы тужить не должны.

— А что они должны делать?

Ответ был возбуждённым:

— Думать должны. Думать. Уверяю тебя, он мизинца твоего не стоит. И для него иметь тебя, это большое счастье.

— Прямо уж... — порозовели её щёчки. — Ой! Я вспомнила, целоваться же я не умею.

— Тебе и по плану не надо это уметь. Не волнуйся, всё сделает он сам. За тобой только идея.

Всё обсуждено, но Натка ныла:

— Тебе хорошо говорить, а как я с ним встречаться буду потом, ты представляешь...

— Нормально по плану. И вообще, это будет его забота. Я брата знаю.

Лёгкий на помин Саша заглянул к ним.

— Машенция, я отца ждать не буду, вечером заскочу. Паша, пока, — сделал он мальчишке, торчащем в манеже ручкой. В ответ тот, швырнул через борт игрушку и затряс обоими.

— Наташу заberi. Подбрось до института, — попросила брата Маша.

— Как скажете барышни. Собирайся Тася, я подожду.

— Дерзай, — чмокнула Маша девушку. — Сынок помаши дяде и тёте ручкой, и пошли по воздушному поцелую. Пока, пока. А мы отправимся умываться, мыть ручки и баиньки.

Проводив ребят и уложив сына, Маша решила заглянуть к обиженной в пух и прах матери, усердно перетряхивающей свои чемоданы и шкаф. Чем же интересно ещё могла заняться рассерженная женщина. Старые наряды, заменялись с лёгкостью на новые, а те шли на выброс в мешок. Она, наконец, нашла на ком отыграться. Но положительный психологический поток прервала дочь, послужившая очагом возбуждения.

— Мамуля, тебе Кирюша не нравится? — обняла её Маша за плечи, ласково прижимаясь к щеке.

Она вздохнув похлопала по её ладошке.

— Дочь моя, глупая, не послушная. Не в этом же дело.

— А в чём? — готова была слушать Маша.

Мать кинула очередное платье поверх мешка и потеряв к этому интерес. Помолчав минуту заговорила с ней не как с девочкой, а как со взрослой женщиной.

— Такие мужики принадлежат не одной женщине. Ты приобрела себе головную боль, причём на всю жизнь. На него смотреть-то больно, глаза хочется закрыть, улыбаясь идиотской улыбкой. Зачем такой тебе...

— Мамуля, отец тоже не урод, а ты так себе и ничего живёте.

Она поморщилась:

— На моей голове скользим. Я всю жизнь начеку. Ты такой жизни хочешь?... И, заметь, он не артист.

Маша встряхнула головой.

— Я тоже не дура и головой работать умею. А артист, это работа, как и любая другая, и я люблю его. Мне хорошо с ним: днём, ночью, одетой, раздетой, больной, здоровой. Ты понять это можешь?

Она достала сумку и, покрутив её в руках, кинула к платьям — на выброс. Повернувшись к дочери, продолжила:

— Могу, но боль от потери будет такой силы, что ты можешь не выдержать.

— Зачем жить гаданиями, когда есть настоящее и оно моё, — выложила ей Маша свою правду.

Матушка достала более жёсткие аргументы:

— Как ты будешь чувствовать себя, если твой телефон будут обрывать сумасшедшие от иллюзий бабы. Ловить его после концертов, устраивая всевозможные провокации и интрижки. А гастроли, туры концертные, поездки. Ты сердце девочка своё изорвёшь.

— Я отнесусь к этому, как к неприятности на работе. Не вижу я в том проблемы, ну, никакой.

Мать взорвалась:

— Машка, ты сошла с ума. Тебя надо хватать в охапку и увозить. Жаль, что мне эта трезвая мысль не пришла в голову вовремя. Порхала бы сейчас себе, бабочкой, а теперь вот...- ткнула она в игрушку забытую Пашкой.

Маша прижала кулачки к груди. Голос её дрожал обидой и непониманием.

— Мама, но я ни о чём не жалею. Я рада Паше, счастлива с Кириллом, и не хочу другой жизни.

Разговор, готовый перейти в накал, прервали приехавшие мужики, ввалившиеся с многочисленными сумками и пакетами в квартиру.

— Что за шум, а драки нет, — заглянул на дрожащий голос Маши Кирилл. — Как я понимаю, за мою честь грудью стоишь. Сегодня у меня в казино ночное выступление. Приглашаю. Играть не обязательно, а так посидите, отдохнёте. Номера наши посмотрите. Должны же мы знать друг о друге, хоть что-то.

— А Маша? — почти выкрикнула Тамара Васильевна.

— Маша с тех пор, как сделала меня своим мужем, всякий интерес к моей работе потеряла. Интрига, правда, остаётся. Всё время приходится быть на чеку, а вдруг из-за колоны, да и выглянет её мордашка.

Слушая его, Маша спрятала улыбку за его спину.

— А, что и сходим, — поддержал Кирилл Валентин Александрович. — Наденешь свои парижские наряды и пофорсишь. Повод есть, внука обмоем.

— А если няньку нанять?

Маша решительно покачала на материно предложение головой: "Нет!"

— И вот ещё что, дорогая тёща. Я понял, на любимого зятя не тяну, масть не та. Не навязываюсь вам. Забираю семью и ухожу к себе. У меня есть приличная квартира. Не такая, конечно, как у вас, но Машке тесно не будет и на хлеб с икрой, я ей заработаю. Деньги у неё будут, это моя забота. Я понятно всё рассказал или вопросы будут?

— Кирилл, не кипятись. Попридержи прыть, — остановил его красноречие Дмитриев.

— Пусть говорит, — махнула рукой его жена. — Раскомандовался тут. Подумал бы сначала головой, потянет Маша на своих плечах: уборку, стирку, варку и ребёнка. А ведь ещё себя в порядок привести надо и журнальчики французские полистать опять же время найти желательно.

Таран выставил грудь воинственно колесом и запрягал кулаки в карманы джинсовых брюк.

— Другие не умирают. Она тоже из того же теста. Я её брал, не ведая о ваших фирмах и банковских счетах. И потом Машуня обыкновенная девчонка, без закидонов.

Тёща грозно стукнула по туалетному столику кулачком.

— Я дочь не отпущу, пойдёшь один.

— Кто интересно вас спрашивать будет, — поиграл плечами Кирилл.

Она прыгала почти возле него.

— Эгоист!

Они стояли, друг против друга готовые до конца отстаивать свои права на Машу.

— Никто никуда не пойдёт. Включите тормоза. — Встал между ними Дмитриев. — Стороны прошу разойтись.

Не уговорясь, она высовывалась из-за мужа, героически пытаясь добраться до правды, кричала:

— Он ломает ей жизнь. Посмотри на него, какой из него отец и муж. Смех один.

— Тамара, ты не справедлива к парню. Я вопреки тебе считаю, что он прекрасный семьянин, — опять встал, рискуя впасть в немилость жены, на защиту зятя Дмитриев.

Кириллу бы помолчать, но где уж там.

— Я на эталон не нарываюсь, — вскипел Таран, — но дайте мне время. Не получится, обману ваши надежды, тогда другое дело, а сейчас, зачем так Машуню мучить, меня, себя и обстановку накалять.

— Обидно просто, — всхлипнула Тамара Васильевна. — Жили, жили...

Таран тоже прикрутив свою спесь заявил:

— Я её никому не уступлю, и не надейтесь. Но мы можем благополучно мириться друг с другом и терпеть, если постараемся.

— Вот и славно, — обрадовался тесть. — Тамара, а правда, чего ты на него так взъелась. Машка переживает. Она же всё равно его выберет. Ты же со мной ушла. А где, кстати, она? Тут копыя ломаются, а самой виновницы нет.

Маша принципиально ушла от скандала подальше на кухню и копалась себе молчком, разбирая привезённые отцом и Кириллом продукты. Для себя она давно всё решила. Так чего же ещё нервы драть. А Кирилл с мамой такие смешные, всё время, как петухи.

— Я нашла тут такую вкуснятинку, — прокричала она, надеясь быть услышанной

спорщиками, покручивая в руках, коробочку со свежей клубникой.

— Положи, тебе нельзя, — отобрал подоспевший Таран.

— Почему, — удивился вошедший следом Валентин Александрович. — Витамин, пусть лопают.

— Она кормит ещё малыша.

— Дочка, тебе прямая дорога на постамент. Твоя мать еле дотягивала до четырёх месяцев.

Тамара Васильевна притопала за всеми, а как же иначе... Скучно без нотаций и спора. И тут же заявила:

— Зато у меня нормальная грудь, а что с её формами будет? Уже сейчас, как у бурёнки.

Услышав про формы и про Пашкину "титю", Кирилл опять взбеленился.

— Как раз то, что надо мужику, — отрезал он, — есть, на что посмотреть и за что подержаться.

Машка залилась краской, а отец, смеясь, заметил.

— Один ноль в пользу зятя.

В то время, когда у Дмитриевых гремела канонада, Наташа торчала с Александром в пробках. Сидя в шикарной машине, девушка заранее дрожала за предстоящее мероприятие. Она находилась между двух огней. Вернее между двух страхов. Страх номер один — Саша. Можно, конечно отставить всё, но тогда выплывает страх номер два — Маша. Что хуже трудно сказать. Машка наверняка сочтёт её рохлей, и больше никогда не будет помогать. Страх распалял, мешая наслаждаться поездкой. Крестя себе грудь, стараясь так, чтоб не бросалось в глаза и постанывая в такт музыки разливающейся по салону:- "Ой, мамочка. Господи, сжался надо мной, помоги". И хочется и колется.... Можно, конечно, отказаться от всего, но тогда прощай мечта о Саше. Машка же знает, что делает. Кирилл её. А уж какие гусыни возле него кружили...

— О чём ты там колдуешь? — не вытерпел Саша, глядя на шевелящиеся губы расстроенной розовощёкой девчонки.

— Зачёт, — соврала она.

— А! Понятно. Сколько учиться осталось? — спросил так чтоб о чём-то поговорить. Девчонка скучна, сера и неинтересна. Удивительно даже, что у такого шикарного брата, как Таран такая сестра.

— Это год последний. Интернаттура. Место уже есть, у родителей. И на "скорой" подрабатываю, — рассказывала всё обстоятельно Наташа.

Раз ей интересно, дай-ка спрошу ещё. Не молчать же в самом деле.

— Тебе нравится?

Обернувшись в полуоборота, она просто сказала:

— Кому-то надо лечить. Те, что деньги делают, тоже болеют.

Это был явный укол в его сторону. Пока он готовил достойный ответ вынырнуло здание института.

— Вот и твоё образование, — объявил он, припарковавшись под самые ступени.

Наташа, поблагодарив, замешкалась с выходом, не торопясь, осматривая площадку и подбирая подходящее лицо, как это велела сделать Маша, для осуществления сценки. Заметив двух своих однокурсников, направляющихся в их сторону, нырнула обратно в машину.

— Что случилось? — не понял её маневра Саша.

Но Наташа вела себя странно. Даже не оборачиваясь к нему, вдруг объявила:

— Не важно, вас это не касается, просто помогите мне.

В его голосе послышались заинтересованные нотки:

— В чём дело?

— Вдруг вы не осилите...

— Я?! — самодовольно ухмыльнулся он.

И услышал:

— Поцелуйте меня по взрослому, чтоб кое-кто увидел. Я сама не умею, а очень надо и подольше, — трещала она, боясь запутаться и пропустить время. — Я потом всё объясню.

Он недоверчиво похлопал глазами, ища подвоха, но просящие глаза её были ясны и чисты. "Почему бы и непомочь..."

— Да, ради Бога, без проблем, — Саша целовал, пока не устал. Посмотрел, отстранив хватит или ещё постараться, но притихшая Наташа молчала. "Значит, не добрал", — приложился он ещё разок.

Рядом с автомобилем топтались два атлетического сложения студента. Это подошли её ничего не подозревающие однокурсники.

— Клёвая тачка у чувака, — пощёлкал ногтями по стеклу один, заглядывая во внутрь. — О, пардон. Наташка? Ничего себе. — Заинтригованные ребята отошли чуть дальше и встали наблюдая.

Саша старался сообразить в чём дело. Но его воображение буксовало.

— Всё? — усмехнулся он, заметив их маневры, и удивлённо рассматривая смущённую девушку.

— Ещё у машины, если не трудно.

Теперь до Саши начало доходить.

— Мне в удовольствие, может на будущее надо будет, не стесняйся, повторим. — Он проделал с ней только что отрепетированное в машине, ещё и импровизируя по мелочам. Натку на глазах изумлённых парней, обнимали и страстно прижимая, целовали. Причём не хилый мужик тискал на глазах зрителей её. Она бы сама с удовольствием посмотрела на себя со стороны. "Наверное, потрясающее зрелище".

— Это даже больше, чем бы мне хотелось, — прошептала она.

— Я понял, надо кого-то позлить или поймать на крючок, — улыбнулся он, целуя её, уже не по сценарию в покрасневшие щеки.

Ната сама скромность объявила:

— Совсем нет. Отбить охоту одному типу ухаживать за мной. Вон тому, — и выбрав самого привлекательного из однокурсников, она уверенно кивнула в его сторону.

"Саша критически обсмотрел её с ног до головы, — неужели за ней ухлёстывают, — посмотреть же не на что? Но как говорится на вкус и цвет..."

— Не нравится он мне, а слов не понимает, — продолжала, тем не менее, Ната. — Но сейчас увидел, завянет сам. И если можно, не рассказывайте ничего нашим о приключении. Пусть это будет только нашей тайной. Спасибо, было очень здорово!

И сказав всё это, она убежала, помахав ему рукой: "Пока, пока!"

"Смешная, — посмотрел ей вслед Саша, — чем-то Машку напоминает и по возрасту почти такая же. Никогда бы не подумал, что серенькая птичка Манюня отхватит себе такого мужика, как Таран и тот втюритя в неё по самую макушку. Вот глупец. А эта тоже курица

додумалась использовать меня в своих интересах. Ещё ни одна баба не проделывала со мной такое, — усмехнулся он, осознав, что им нагло попользовались. Вот пичужка. Взял и сам лапки поднял осёл". "Спасибо, было здорово", — передразнил он её, издеваясь над собой. Надо же! Малявка, потеснив в его голове дела, заняла порядком времени. — "Чёрт, ведь я спешил".

Тем временем Наташа, забежав в вестибюль здания и найдя укромное местечко, принялась названивать автору этой идеи, то есть Маше.

— Машуня, Машенька, — кричала в трубку Наташа, — я всё сделала, как ты велела. Ай да я! Правда, дрожу зуб на зуб не попадает со страха. Маш, я такая дурра... А он так целуется классно. Может это потому, что я не ведаю, как они вообще целуются. Теперь я знаю, что такое мужчина. — Вдруг она напугалась опять. — Маш, а если он смеяться надо мной будет?

— Не будет, — обнадёжила Маша. — Завтра за покупками с тобой поедem. Будем удивлять его дальше, закрепляя прорыв.

Наташа не сдерживая заклёстывающий её порыв, закричала:

— Машка, я тебя обожаю!

— Главное не переборщить, — посмеивалась Маша.

— Знаешь, первый раз, когда я тебя увидела, показалась, такой безликой. А чем дальше, тем больше, думаю, Кирюха не дурак, что из всех выбрал тебя.

День похрустел морозом, посыпал редким снежком. Зима же. С первыми звёздами, вспыхнули фонари и новогодние гирлянды. Зажглись новогодней сказкой витрины магазинов. Затаив дыхание, Маша смотрела в окно. Вечером Машины родители при параде, отправились с Тараном в казино. Заняв столик недалеко от сцены, приготовились к знакомству с рабочим моментом зятя. Туда же подъехал, удивляясь такой уступчивости матери и Александр. Ребята из группы подтрунивали над Кириллом.

— Старайся Таран, для тёщи святое дело.

Кирилл кривился точно от лимона, который нечаянно случилось раскусить.

— Я б её завязал, в мешок и отправил бандеролью обратно в старушку Европу.

Друзья цокали языками и качали головами. На козырного Тарана такая напасть. Сочувственно, скрывая насмешку, переспрашивали:

— Туго?

Могли бы не стараться, тот не замечал яда, а жаловался:

— С утра бузит. Чудо просто, что Маша в отца, а не в неё.

Ребята не могли не заглянуть в зал. Вывод для Тарана был не утешительный.

— Там такая фурия. На сестру Машки тянет, а не на тёщу. Ты смотри не увлекись...

Таран яростно отмахался.

— Да, уж, рассчитывали на бабушку, божьего одуванчика, а приехала "Ёжка" на метле. — Жалился Кирилл, отбиваясь от друзей.

Серый, прожившей с тёщей пять лет и считающийся спецом по ним, затягиваясь сигаретой, спросил:

— Какого рожна ей надо?

Таран хмыкнул:

— Другого мужа, для дочери.

Пять голосов дружно пропели:

— Ни фиги себе, а отец?

Таран неуверенно протянул:

— Кажется, на моей стороне. — Заметив не верящие улыбки ребят, поспешил добавить: — Нет, точно на моей. Хороший мужик.

Каждый посчитал нужным стукнуть по его руке своей и заверить:

— Тогда она не перетянет, прорвётся.

А Кирилл изливал душу:

— Баба та ещё, себе цену знает. Гонору до Парижа не довезти. Нахлебаемся ещё с ней.

— На долго пожаловали? — стряхивая пепел опять спросил Серый.

— Тесть сказал до Рождества.

Славик присел перед мучившимся парнем на корточки и от души посоветовал:

— Терпи. Не очень огрызайся. А то такую карусель закрутит, что ой, ё, ёй!...

Таран поиграл затёкшими плечами, словно готовясь к отражению новой атаки.

— Это уж, как получится. Такие грозы гремят, только креститься успевай.

— А Машка? — поинтересовался Игорь.

О! Тут все вспомнили об инциденте в студии звукозаписи и тут же окружили Тарана.

— Кстати, и, правда, как Маша то после твоей репетиции с Ритулей?

— Манюня со мной. Пронесло, — расплылся тот в улыбке.

— Дуракам везёт.

Таран не оправдывался, а сказал честно:

— Сам от девчонки балдею.

Коллектив дружно заверил:

— Обойдётся. Споём сейчас ей. Ребят попросим, они её покрутят по залу. Что нам стоит дом построить и деревьев насадить.

Предпраздничный день. Зал гудел переполненный веселящимся народом. Страна отдыхала. Православный люд начал гулять ещё с католического Рождества и сейчас плавно входил в Новый год. Какая разница с чего начинать лишь бы праздник был. Есть повод и душа поёт, а если добавить побольше музыки, песен, то ноги сами колесом пойдут. Заводной хоровод в масках и без них, кружил между столиков, завлекая и разрастаясь новыми силами. Александр, подойдя к сцене, поманил Кирилла, подмигивая, попросил повторить для матери понравившуюся песню. — Понял, — усмехнулся он, прогнётся. Объявил:

— По желанию моей любимой тёщи "Последний снег".

Развесёлая компания в углу зала закрутила головами, выискивая тёщу своего любимчика. А, найдя, приложили силы, чтоб затащить её во всеобщее веселье. "Всё, — обрадовался Таран, — не вырвется!" Тамаре так понравилось эта круговерть, что она осталась хороводиться до конца вечера. Попрошавшись, уехал Саша, а она всё плясала. Нет, Европа, это не Россия, куда им до нас, точно, как до звезды. Если веселимся, то уж точно до упаду и при этом совсем не важно куда упасть. В салат, на пол, в лужу, сугроб или поползти до кровати. Главное, хорошо погулять. Ребята отпустили Тарана пораньше и он, отпахав своё, повёз новую родню домой. У него поднялось настроение. Тёща весёлой покидала казино, весёлой ехала в его машине, весёлой понималась в кабине лифта. Он отпирал ключом дверь, а она мурлыкала. Неужели, лёд тронулся и его ждёт оттепель, мировая...

— Тише, не топайте, как слоны и приглушите звук, — предупредила мужиков Тамара Васильевна.

— Спят, как сурки, — прикрыл дверь в комнату Кирилл. Мирнолюбово по домашнему

спросил: - ужинать будете?

— Какой ужин, это уже почти завтрак. Я спать, а вы как хотите, — зевала, отбиваясь от такой перспективы она.

— Твоя воля, а мы посидим с Кириллом, немножко. Он голодный всю ночь был. Пусть поест, — заливал Валентин Александрович, оправдываясь перед женой и подпихивая её в сторону спальни. — Что тут собственного такого.

— Знаю я тебя... Впрочем, как хотите, но я лично пас.

Таран чуть не ляпнул, что, мол, лично её никто и не оставляет, но, обменявшись с тестем взглядами, вовремя прикусил язык.

Под разогретый ужин и бутылочку откупоренного коньяка, они сидели ещё час.

— На Тамару не обижайся, — высказывал тесть извиняющим голосом. — Она за дочь волнуются. Работа твоя, как бы сказать, опасная.

— В смысле, — не понял Таран.

Он помучил ухо и объяснил:

— Посмотрел я сегодня, бабё от тебя дуреет.

— Вы об этом. Так Машенция в курсе. Спокойно к этому относится.

— Машка, это нечто, — усмехнулся он. — Её бы мать общипала меня как петуха при таких обстоятельствах.

Они налили. Чёкнулись рюмками. Выпили. Таран кивнул:

— Это правда. Я от малявочки сам не свой.

Дмитриев, как бы стесняясь за то, что вторгается не в свою сферу, предложил:

— Знаешь, у меня предложение. наших в Европе и по миру, как нерезанных собак. Хочешь, я дам вам людей, которые займутся вашими гастролями, заработаете хорошо.

— Мы ездили уже...

— Я понял. У вас был не тот масштаб. В обиде не будете.

— Спасибо, поговорю с ребятами.

Они налили и выпили ещё. Закусили кто салатом из овощей, кто котлетами и Дмитриев опять предложил:

— Давай сменим тебе машину.

— Зачем? У меня нормальная тачка, новая.

— Не спорю, но я говорю о другом классе. Свою машину загни в гараж или, что у тебя там имеется в наличии. Пусть стоит хлеба не просит.

— Паркинг под домом. Но зачем?

— Отлично, а тебе я куплю другую. Должен же я подарить что-то тебе за внука и под ёлочку на Новый год. За Машу тоже. Вижу, любишь. Только давай без обид.

Таран даже не думая отказался.

— Нет, это не по мне. Поймите, то не обида. Просто я привык на себя сам зарабатывать.

Дмитриев попробовал разобраться и объяснить свою точку зрения.

— И чего ты такой ершистый. Я ни хотел тебя обидеть. Просто подумал, что надо подарить, что-то стоящее. Хорошо, оформлю её на дочь, а ты будешь ездить. Договорились?

Теперь Кирилл минуту думал и понял, что должен согласиться.

— Уступаю, чтоб только вас не обижать.

Тесть обрадовался такой уступчивости.

— Прекрасно. Давай по последней и спать.

Последней рюмке меньше повезло, нежели предыдущим. Не успели выпить, как в кухню

вползла, потягиваясь и позёвывая, Маша.

— Пьянствуете! Как не стыдно! — забралась она к Кириллу на колени. Повозившись, устроилась на тёплой груди, и надёжно утопая в его руках, погрозила отцу. — Ты зачем Тарана спаиваешь?

— Мы чуть-чуть, — оправдывался тот. Кирилл весь вечер ни-ни. Должен же он немного расслабиться и потом за встречу, знакомство, внука грех не выпить.

— Причин нашёл, что на мели утонешь. Хорошо расслабляетесь, — потрепала она почти пустую бутылку.

— Она была уже наполовину надпита, — прижал Машу к себе Таран, нахально ухмыляясь. — И потом мы пользу для организма делаем.

— Это какую? — пощекотала его Маша.

Таран тут же выкрутился:

— Креветками закусываем. Врачи рекомендуют.

— Правда, правда, я тоже слышал. Хотя бы пару раз в неделю употреблять, — поддакнул Кириллу отец.

— Ой, только вот грузить меня не надо, — не поверила Машка.

Отец темпераментно принялся убеждать дочь:

— Серьёзно. В этом случае риск заболеть простудными заболеваниями снижается в несколько раз!

— Обалдеть с вами можно и несчастных креветок к своей пьянке в оправдание приплели, — всё-таки съела одну поданную Кириллом Маша. Тот тут же подсунул ещё одну: — "Ешь!"

А Дмитриев поглядывая на них, неожиданно спросил:

— Маш, ты мне честно скажи, как ты себе его ухватила? — Конечно, это был ход, просто родитель перевёл в иное русло разговор, Маша это понимала, впрочем возможно действительно был интерес. А Валентин Александрович продолжил: — Нет, начало я знаю. Плакат на твоём сапоге и его благополучное поселение на стене. Вздохи по ночам, это одно. А вот как ты тихая, домашняя правильная на такое безумство, как Таран решилась?

— Проще не бывает, — чмокнула она подбородок Кирилла. — Папуля, я села и подумала. Уж если жертвовать и уступать, стелиться и унижаться, то только перед любимым мужчиной. Суждено плакать, потом и страдать, то знать за что. Одно покрывает другое. А зачастую в жизни всё получается наоборот. С любимым мы стоим насмерть, как Брестская крепость, а потом всю жизнь терпим и прощаем не любимых. Зачем?

Дмитриев пополоסקал в стакане минералку и выпил в себя.

— Туманно, но может ты и права. Как же ты к нему подобралась?

— Я задавила его букетами, — рассмеялась она.

Он помедлил, надо ли ворошить и копать и всё же спросил:

— Что ж не сошлись сразу?

— Он не виноват, — не дала ничего сказать Кириллу Маша. — Запечатав ладошкой рот. — Я не сказала о ребёнке. Ловить мужчину на ребёнке низко. Он бы никогда не узнал, если б не операция. Нужна была кровь. Вот ребята и решились на правду.

— Маша, выручает меня, — отвёл её ручку, целуя, он. — Я виноват и ещё как. Приревновал к Александру. Всё шла хорошо и вдруг моя дурная голова...

— К Сашке, он же брат?

Таран оправдывался. А что ему оставалось.

— Я не знал. Увидел её с Сашей и взбесился. О ребёнке честно, даже не подозревал. Машеньку люблю. Пашку, больше жизни.

— Александр тебе фейс не подпортил?

— Маша не дала, — засмеялся Кирилл.

— Понятно канительщики. Как быстро бежит время, и дочь сидит уже не на моих коленях, а твоих, парень. И не руки отца страхуют её, а другого мужчины. Не заметите и сами, как пронесутся и ваши золотые денёчки. Уже ваш Пашунчик приведёт девчонку и заявит, что жить без неё ему не в радость.

— До этого ещё целая жизнь, — не согласился с тестем Кирилл. — И в этой жизни мои руки моё плечо для вашей дочери будут такими же надёжными, как и ваше. Я обещаю.

Дмитриев насупился:

— Хорошо, что не клянёшься, не поверил бы.

Взволнованный Кирилл вздохнул:

— Клятвы даются в юности на чувствах, а не на мозгах. Мы ещё девочку родим, да цыплёнок, — пожевал он её ушко.

— А не сильно ты разогнался? — вспыхнула Машка.

— Нормально, — подмигнул ему отец. В его годы у меня уже вас двое было. А сейчас молодёжь не активная какая-то, жениться не торопится, детей рожать не спешат. Хоть бы Александра нашего возьми.

— Папка...,- закрыла она ладошками лицо.

— Кирилл отнеси её в постель, измаялась она вся. Малину нам всё равно поломала. Без тебя ведь не уйдёт...

— Вы правы, мы засиделись, — согласился Кирилл. Подхватив Машу на руки. — Не трогайте тут ничего. Я вернусь, всё уберу. Спокойной ночи!

Он нёс её, покачивая на руках, как ребёнка в нетерпении припадая к полуоткрытым губам.

— Машуня, я люблю тебя даже сильнее, чем бы мне хотелось.

— Почему любить много, это плохо. Я ж люблю тебя так.

Таран мотнул в знак не согласия головой.

— Мужикуня нельзя, он становится рабом.

Маша прижалась вспыхнувшей щекой к нему

— Тогда люби, сколько осилишь. — Помолчала. Подумала. Потом тихо-тихо сказала: - Знаю, что любишь. Всегда верила тебе. Иначе бы мы не были вместе.

Он поцеловал её нежно в уголки губ.

— Ты спи, я уберу со стола и вернусь.

Но Валентин Александрович не ушёл, ожидая возвращения Кирилла, и они приговорили, чтоб не пропадала бутылочку до конца. Не обошлось без выговора:

— Долго ты ходил, пара шагов в полчаса уложились. За сколько же ты стометровку бегал?

Кирилл оправдывался:

— Я не подумал, что вы останетесь.

— Чего там слёзы оставлять, — потрепал тот бутылку. — Допить её надо.

Смущаясь каялся и благодарил:

— Спасибо что поняли и не прибили.

— Что уж теперь. Живите. Люби их, да не обижай. Что-то так хорошо пошло, можно и

ещё одну открыть, — разошёлся Дмитриев.

Когда Таран вернулся, Маша спала, и ему ничего не оставалось кроме, как прилечь рядом. Но уснуть оказалось не так просто. Рядом горячая женщина притягивала и жгла.

— Котёнок мой ласковый. Девочка моя сахарная, — ластился он, через минуту подгребая всё же её к себе.

"Что ж, придётся просыпаться, — улыбнулась она где-то там у него под мышкой. — Нельзя же при таком натиске долго прикидываться бездыханной".

Изображая неудовольствие с потягушками, она шептала:

— Неужели всё-таки разбежались и догадались убрать со стола?

— Я разбудил тебя, детка, — обрадовался он. — Я старался тихо, но не получилось.

Маша имея полное право пристыдила:

— Пользуешься темнотой, краска вранья не видна.

Таран засмеялся, прижав Машу к себе.

— Мне так хотелось ощутить твоё тепло на себе, вдохнуть запах твоих волос и трепет маленькой проворной ручки тут, тут и вот тут.

"Прохвост. Так старался не разбудить, что будил по полной программе — веселилась она, пряча лицо". Как тут можно быть бесчувственной и не ответить на такое пламя, как не вспыхнуть, не загореться. И Машка горела.

Пашка поскрипывал, желая поесть, да и памперс сменить не было бы лишним, но на его призывы никто не реагировал. Маша спала, удобно устроившись на Кирилле, как на матрасе. Он сопел, придерживая и согревая руками её на себе. Слыша эти призывы внука, встревоженная Тамара Васильевна побегав под дверь, безрезультатно постучав, вошла на авось. Ребята не проснулись. Маша надёжно прикрывала своим телом Кирилла. А внук в нетерпении затопал на кровати, тяня ручки.

— Голод не тётка и к бабке пойдёшь, а ещё вчера нос воротил от меня. Мамка твоя от этого мужика совсем сдурела, — ворчала она, унося внука и стараясь не смотреть на безобразия, растянувшееся на кровати.

Пользуясь методикой Тарана, то есть, посадив малыша в противень и снабдив гремящей сковородой, сварила ему кашу. Муж застал её усердно дующей на тарелку.

— С чего это ты его кормишь, а где Машка? — подсел к столу он. — Я б тоже чего пожевал.

Она криво усмехнулась:

— Дуй на кашу, а я соберу.

— Кирюха вчера вкусное кофе подавал.

— Сегодня не дожидаться тебе такого, пей, что я приготовила.

— Ушли что ли?

— Спят ненормальным образом извращенцы.

— Это как?

— Пирожком.

— С повидлом, — засмеялся муж. — Хоть стоя, лишь бы хорошо жили. Сейчас разбужу. Он мне нужен. У нас с ним дело есть. Подумай Тамара, что нужно ещё к праздничному столу, чтоб сто раз не гонять. О, а вот и Полина Ивановна пришла. Здравствуйте, голубушка, полез он к ней целоваться.

В кухню действительно, открыв дверь своим ключом не слышно вошла домработница.

Её приход обрадовал Дмитриевых.

— С приездом хозяева, — обрадовалась и женщина их неожиданному появлению и осторожно добавила: — У нас много новостей.

— Уже в курсе, Тамара Васильевна, кормит вон ту новость.

— Полина Ивановна, хоть бы вы намекнули. Мы ж звонили. Приезжали. — Развернулась та с претензиями.

— Спроси ещё, что не мигнула нам по телефону. — Влез Дмитриев. — Машка, наверное, просила.

Та крестясь оправдывалась:

— Ей Бог, так и было. Надеюсь, до вашего приезда всё образуется. Небеса услышали мои молитвы и на ребят любо дорого смотреть. Живут, душа в душу, как голубки. Чего ещё-то желать. Ничего не скажешь, хорошая семья получилась.

— А, что уж упало на нас, то и поймали. — Махнула рукой Тамара, вытирая мордашку внука. — Ничего уже не исправить. Вот он глазёнками хлопает... С наступающим праздником вас, здоровья, семейного благополучия. Мы подарок привезли, сейчас разделаюсь с этой сладенькой мордашкой, — расцеловала она внука, — и принесу. Валя, поговори с Полиной Ивановной о нужных закупках. Список гостей на столе. Приплюсуйте ещё парочку на всякий пожарный.

Решив с праздничным столом, Валентин Александрович отправился под дверь ребят, шуметь.

— Валя, только не заходи, там Машка в таком беспорядке, — кричала ему в след жена.

— Понял не маленький. Я так разбужу. Кирилл, вставай, просыпайся же соня. — Не жалея двери охаживал он её увесистым кулаком. — Так я, поди ж ты, без руки останусь. Схватился он, дую на кулак.

Переложив Машу на подушку, с трудом раздирая глаза, на ходу пытаюсь натянуть штаны, Таран выполз к тестю.

— Что за беда?

— Собирайся, мы ж должны съездить кое-куда. Забыл?

— Куда?... О, ёлы палы, а нельзя отложить это на потом.

— Собирайся, доспит Машка без тебя.

— Иду-у.

Вызвав такси и по ходу сориентировавшись, в какой салон податься, мужики рванули за подарочными колёсами. Таран ходил мимо рядов машин с красным от натуги лицом и козлиными глазами.

— Нет, я так не могу, — наконец отступился он. — Выберете несколько моделей сами, а я среди них определюсь.

— Хорошо, — сдался тесть, — предлагаю вот эти три. Ткнул он в автомобили, от которых расползлись в удовольствии лица продавцов.

— Безумно дорого, а если я побью? — не торопился с выбором, побаиваясь всё же, Кирилл.

— А если, да кабы. Выбирай. Машку сцапал не раздумывая, что девчонку под себя кидаешь. А тут побью...

— Валентин Александрович, — взмолился Кирилл, — это наше с ней дело.

— Может и так, только внук получился моим. Бери, пойдём, Новый год готовится

встречать. Опять же новогодняя скидка приличная.

Возвращались они уже на новых колёсах. Таран балдел.

— Что там говорить, машина класс, ей и управлять не надо, она сама катит и останавливается. Спасибо. Я б и сам купил, но позже, — не в силах скрыть радость лыбился он, — на хату новую собираю. Одному мне было и своего жилья с головой, а семье простор нужен. Тем более Манюня, как не крути, к достатку привыкла.

Дмитриев недовольно покосился на него.

— Вам, что у нас плохо живётся?

— Но вы вернётесь, и мы будем мешать. С Тамарой Васильевной у нас в отношениях тоже ни каток. Банкир из меня не получится, а на меньшее, она лапки не сложит. И потом в гости ходить друг к другу разумнее, чем лаяться на кухне.

Дмитриев попросил:

— Вот когда вернёмся тогда и разбираться будем. А пока прошу тебя, не дёргайся.

— Ладно, — уступил Кирилл.

Валентин Александрович помолчал и неожиданно для Тарана спросил:

— Кирилл, а что с твоим родным отцом, разбежались по молодости?

Таран ответил не сразу. Нужно было время на раздумье. Но всё же ответил:

— Умер, тромб, не спасли. Мне было восемь лет. Он был намного старше мамы, профессор, это его институт и именно в нём оперировали Пашу. А мой отчим был его учеником. Любимым. Входим в дом. Говорят талантливым. Вот так!

Он в знак понимания покачал головой и задал новый вопрос:

— Что ж тебя удуло из медицины?

— Была обида... Хотелось жить самостоятельно, уйти от отчима и матери, а на это нужны были деньги. Метался между дежурствами и выступлениями в ресторанах. На работе массовая затрата сил и энергии, а на выходе ноль, копейки. Хотя одно выступление в ресторане или на вечеринке перекрывало мою зарплату за месяц. Вот и бросил всё. Суют в карманы и там и тут, но брать у больных мерзко, а у жирующих здоровых и богатых... почему бы и нет.

— Не жалел?

— Всякое было.

— Давай в магазин завернём. Полина Ивановна кое-что тут заказала подкупить. Отклонившись от маршрута и подогнав к супермаркету, пройдясь вдоль укутанных праздничной мишурой прилавков, сделали закупки. Причём отстояв огромную предпраздничную очередь. Все же разумные откладывают на потом, вот и стоят часами.

Вернулись в сумерках при первых пробивших сумерки звёздах. Их не просто ждали, а высматривали по окнам. Не смотря на то, что Дмитриев с Тараном по очереди звонили, Тамара Васильевна вся была на нервах.

— Вы где были Валентин? — накинулась на них с ходу она. — С утра умчались, как полоумные и заявили уж по сумеркам.

Дмитриев отменяя все претензии заявил:

— Мы важным делом были заняты.

— И позвольте узнать каким? — не убавила она тон.

— Машину покупали, — растёр он озябшие руки. — Потом же опять ваш заказ выполняли. Очередь, не представляешь какая, полтора часа стояли. Думали уже и машину сопрут, пока мы там до кассы доползли. Даже виноград притащили, не заморозили. Кирюха

догадался в салон положить.

— Ты о чём, какую машину, с ума сошёл, — надеясь, что он шутит, удивлялась Тамара.

— Ребятам в подарок, мы им ничего не привезли. Пусть будет машина.

— Офигеть, — упала на диван Маша. — Папка, у нас же есть Кирюшина. Зачем ещё?

— Я говорил, но... Кстати, эта тачка ни в какое сравнение с моей. Фантастика. —

Разгрузив сумки на кухне, заглянул в гостиную Кирилл.

— Верю, у тебя глаза с блюдце, — приставила Маша к глазам кофейные тарелочки. —

Значит, всё правильно, так оно и есть.

— Пойдём, посмотришь, — потянул он её от переполняющих его чувств и нетерпения.

Ему хотелось поскорее показать чудо Маше, поделившись с ней радостью, которую только что испытал сам сидя за рулём такого автомобиля.

— Надеюсь скорость у неё максимум восемьдесят километров, — подмигнула она отцу. — Выше с тобой можно ездить только спящим.

— Машуня, ты ко мне не справедлива. Критика не серьёзна. Собирайся, мышонок, я тебе всё покажу.

— Иди, иди, — доставь ему удовольствие. За внуком мы приглядим, — заверил отец.

Машина, стояла у подъезда. Кирилл, обведя Машу вокруг, точно возле ёлки, открыл перед нею дверцу. "И почему около машин взрослые мужики делаются детьми. Аж, слюни капают и нос течёт". — Думала она, наблюдая за подпрыгивающим Тараном. Он даже провёз её кружочек, демонстрируя перспективу новых колёс. Не говоря уж о преимуществах салона.

— Да красивая игрушка, — согласилась она, — наверное, дорогая?

— Ты даже не представляешь насколько, — воскликнул он.

Заходить обратно не торопились. Маша прижалась к нему, и они постояли несколько минут под зажигающимися на чернеющем небе звёздами. Щёки хватал лёгкий морозец и крутил ветерок в причудливом танце воздушные, маленькие снежинки. "Как на детской старой Новогодней открытки, — подумалось ей. — И что мне вот сейчас делать с этой красивой телегой? Отказаться и вернуть отцу? На первый взгляд, это было бы самым правильным. Получается так, что он покупает Кирилла для меня. Но, как быть с морем радости и эмоций обоих. Один на седьмом небе, что подарил, второй от самого подарка. Отец страшно обидится. Таран переживёт, конечно, но мои отношения с ним будут другими. Получится так, что я перерешила то, на что он дал добро. Отнять у ребёнка игрушку просто, только потом в нём что-то щёлкает. Психология — страшное дело. Он, как масло сейчас, мажь, на что хочешь. И почему они такие у нас глупые, мужики наши. Сильные, выносливые, упрямые, но дурачки. Хотя во всех русских сказках именно Иван дурачок и оказывается самым умным, но то сказки, а что делать с этим в жизни. — Маша, крутила головой, переводя взгляд с Тарана на машину и обратно. — Звёздочки милые, как же мне решить, может оставить всё, как есть, поблагодарив отца за подарок и все дела. Ну, почему нельзя подарить ему её за Пашу. Не встретить я Тарана, не имела бы и чудика — юдика. С чего я дура придумала, что это плата за меня. А внук, Пашка он, что не в счёт? Нет, нельзя так сразу с налёта сырые мысли вкладывать в язык, можно дров наломать. Пусть, что хочет с этой машиной делает, только б живой возвращался к нам с сынишкой". Таран даже не догадывался, какая угроза висела над его забавой.

— Понравилось, а я что говорил, — по-своему оценил он её молчание, прижимаясь

щекой к её голове.

— Впечатляет. Прошу, не гоняй адреналин. Я не переживу трагедии. Ты сам рос без отца. Не оставляй сиротой Пашку.

— Не паникуй, я хорошо вожу и отлично чувствую машину. Детка, я сейчас перекушу и уеду. Работа. Но к двенадцати буду как штык около вас.

— Отказаться нельзя было?

— Ребятам деньги не в тягость, нам с тобой тоже, а в праздники хорошо можно заработать. Без меня от группы угара такого нет. Не могу их кинуть, понимаешь?

Маша понимала потому и сказала:

— Я подожду. Только не пей, за руль сядешь. Гнать будешь. Я знаю.

— Мащ, дороги же будут пустыми. Все Новый год праздновать за столы сядут. Одни зелёные огоньки такси и свободная трасса. А из-за спиртного вообще не волнуйся, мышонок. На этот счёт у меня строго. Выпил, беру такси. Идём, а то ты начинаешь дрожать.

Маша не торопилась. Сказочный вечер держал в плену. К кому-то прошли пересыпая шутками гости, поздравили их с наступающим. Чудесно!

— Первые звёзды... — прошептала она ему.

— Звёзды, конечно, хорошо, но лучше их считать из окна тёплой квартиры.

— Совсем не романтик.

— Ты ошибаешься, — горячий шёпот обжёг зацелованную морозом щеку. — Хочешь, звёздочку тебе достану и подарю. Выбирай какую?

— Вон ту, — удивляясь его порыву, решила подыграть Маша.

— Яркую или рядом с ней?

— Рядом.

— Без проблем. — Подпрыгнув, он сгрёб с небосвода мерцающую точку. — Вот. Развернул ладонь, на которой блеснуло кольцо с бриллиантом. Ну, бери, угадал?

— Кирюша, это мне? — обомлела Маша.

— Давай пальчик. Я прошу твоей драгоценной руки и в знак своей любви дарю тебе эту, выбранную тобою звёздочку с новогоднего неба.

Маша вытянула подрагивающий пальчик. Получив кольцо, пришедшее в пору, стараясь спрятать от него лицо, поднесла к губам холодный камень. Но Кирилл, заметив таки блеснувшие в её глазах слёзы, принялся сушить их горячими губами.

— Спасибо, малышка, за доверие. Постараюсь быть хорошим мужем.

Они вернулись в кипящую предпраздничными хлопотами квартиру немного возбуждённые от поцелуев и подарков. Под внимательным взглядом Тамары Васильевны каждый отправился по своим делам. Кирилл, готовится к вечернему выступлению, а Маша к сыну.

— О-о-о! — вытянулось лицо матери, заметив кольцо на пальце дочери, — откуда такая красота?

Маша с горделивыми нотками заявила:

— Кирилл подарил.

Мать тут же кинула вызов.

— Он в силах на такую шпукенцию заработать?

— А почему бы и нет. Востребованный певец, раскрученной группы, — заступилась за любимого Маша.

— Что у вас тут за дебаты опять, девчонки? — расплылся в хитрой улыбке, вошедший

Таран.

Они, переглянувшись, молчали.

— А это Вам Тамара Васильевна подарок под ёлочку, — достал он из-за спины упаковку с духами. — И покормите же меня, я голодный, как крокодил.

— Спасибо, — удивлённая Тамара сорвала подарочную бумагу. — Мои любимые.

Откуда узнал?

— С утра обнюхал и вот выбрал нужные.

— Но они очень дорогие и я беру их во Франции.

— В Москве можно при желании найти всё, а у меня оно было. Уж очень хотелось угодить вам.

— Разреши, я тебя поцелую, коли так.

— Хоть десять раз.

Чмокнув раз в щёку, пробурчала:

— Облезешь.

— Значит, моё рвение не достигло цели и слабо оценено. Наверное, флакон был мал. — Хмыкнул Кирилл, принявшись за принесённую Машей еду. Уплетя всё и зайдя на кухню, поблагодарить Полину Ивановну. — Спасибо. Всё очень вкусно. — Потянул Машу за собой.

— Пойдём, проводи меня, — увёл он её под недовольным взглядом тёщи. — У меня есть полчаса, — застыли его губы, горя огнём у неё на ушке.

Маша попробовала отгородиться сыном.

— Паша...

— Тёща всё поняла, иначе не сверлила бы меня так глазами, — умоляли его губы, помогая горящим глазам. — Куда ей деваться посмотрит за внуком. Идём. — Полыхнуло хмельным жаром страсти его дыхание, заставляя уступать ему Машу.

Упакованный в дорогой костюм Таран отбыл на празднование Нового года в какой-то элитный клуб. У Дмитриевых же потихоньку собирались гости. Первой, опередив всех, приехала Наташа. В новом костюме, купленном сегодня с Машей в счёт подарка ей под ёлочку, она страдала не зная, чтоб сделать такое с волнистыми волосами.

— Машуня, как справиться с этой копной? — стонала она.

— Не мучайся. Я тебе тут ничем не помогу, но вот Юлиана, она сварганит тебе причесон, как на показах мод.

Юля пришла, как всегда с шумом. Можно не сомневаться, услышав грохот и возню у входной двери, кто пришёл. Юла прибыла не только с праздничным, фирменным пирогом с киви под желе, но... Ба! Макс и Юлькины родители в одной упряжке. Праздничное настроение, сдобренное счастьем, пенилось в ней шампанским. Главное, чтоб пробку не вышибло, — удивилась такому новогоднему сюрпризу Маша. Есть, конечно, с чего Юльки радоваться, но любопытно, что же всё-таки произошло?

— Вот привела, — извинялась она перед Дмитриевыми, — не захотели без меня и вас идти в клуб.

— Отлично, — обрадовались друзьям они. — Мы и сами хотели пригласить, да побоялись испортить вам праздник. Знаете же наше положение, — поджала губки Тамара Васильевна, намекая на внука.

С сегодняшнего дня они знали, так сказать были в курсе, от того, что в курс их ввела сама Тамара Васильевна и неловко улыбнулись по этому поводу.

Пока все здоровались, представляя Максима, и смеялись, Маша, выловив счастливую Юльку из этого базара, утащила к себе.

— Расскажи, как твои и Макс оказались в одной компании? я чуть не грохнула твой пирог.

— Всё просто. Отец потащил меня по работе в дочернюю фирму, ту, где работает Макс. Он там ему, что-то долдонит, не понимаю я в их делах ничего. Говорит, говорит, а я за спиной его с равнодушным лицом стою и молчу. Ну вот, Макс слушает, я в сторону смотрю или пол. Вдруг, как грохнет отец книгой по столу:— "Сколько можно, сукины дети, из меня идиота делать? У Дмитриевых уже внук большой, а вы всё впустую стараетесь". Это моим, сразу же по приезду, Тамара Васильевна плакалась и упрекала, что ей не доложили про Пашку. Ты же просила, я, естественно, ни-ни. Твоя маман им упрёки сыплет, а у них у самих глаза с куриное яйцо: "У Маши ребёнок?..." Отошли от удивления. Жаба задавила. У вас внук, а у них нет. Тут вы обошли их, а так, может, он и потянул бы ещё с разоблачением.

— Давай дальше, — поторопила смеясь Маша.

— Сейчас расскажу, отчего не потешить... На чём я?... А-а! Ну вот, Макс меня рывком за спину шасть. Задвинул и на отца: "Она моя. И ничего от вас нам не надо". Отец засмеялся и говорит:— "И от благословения отказываетесь?" Вот и вся история. Ты права была подруга. Он всё знал и держал на контроле. Мы женимся!

— Поздравляю. Мы тоже. Смотри, что мне Кирилл подарил, — согнула Маша пальчик.

— Покажи? — метнулась Тася. — Красота!

Переглянувшись, они хором объявили:

— Юля, нам нужна твоя голова.

— В смысле? — опешила та.

— Помоги Наташеньке. Причеши её. Только не переборщи. Всё должно быть, согласно её индивидуальности.

Юлиана мигом смекнула:

— Кого кадрим, колитесь.

Маша не держала кандидатуру в секрете.

— Сашку.

— Фантастики начитались, — скорчила гримасу Юля. — Вы сами то понимаете, надеюсь, что это не реально.

Обняв расстроенную Наташу, Машка упрямо поджала губы.

— Посмотрим.

— На подарок деда Мороза надеетесь?

— Не без этого. Сказки любят все, — настаивала на своём Маша.

Юлька, считая себя дипломированным психологом, тоже.

— Не потянет она Сашу.

Всегда уступчивая Маша в этот раз упиралась:

— Попытка не пытка. Кто учил меня: "Женская инициатива — это не ремесло, которому можно научиться, а искусство, которое можно постичь".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Также верно. Эй, жених, — потрепала она, выглядывающего из кровати, Пашку. — Какой ты нарядный и обслонявиться, ещё не успел. А, где, кстати, твой огурчик — папашка? Садись Тася, будем дерзать, — подвинула она стул, поникшей Наташе. — Так куда слинял Таран, что молчишь?

Маша нехотя ответила:

— Уехал на выступление, в какой-то клуб.

— И ты отпустила?

— Он не мог подвести ребят. Я подожду.

— Сколько ждать собираешься? Ребят ему жалко, а тебя нет?

— Что ты предлагаешь? — сцепила пальцы узлом Машка.

Юлька, радуясь маленькой мести ему, тут же и предложила, а чего откладывать-то:

— Скрутить ему башку. Перетянув гайки на шее или яйца спрятать в мешочек и ниточкой перевязать.

— Я с Юлей согласна, — повернулась Ната к ней. Проявив впервые с не очень любимой ей Юлианой.

— А ты не крутись, — дёрнула Юля девушку.

— Он их закрутит сам, — спокойно отреагировала Маша.

— Ага, дождёшься подснежников в январе. Или двенадцать месяцев пойдёшь искать.

Но как надлежало ответить, Маша подруге не успела, после трезвона звонка у двери, там объявились гости.

— Что там за шум? Присмотрите за Пашей, кажется, Наташа твои родители пожаловали. Пойду встречу.

— Опять выкрутилась, — не довольна посмотрела ей вслед Юля. — Совсем бесхребетная. Твоему братцу она на один зуб. Слопает и не подавится.

Наташа, боясь обидеть, всё-таки та делает причёску, осторожно пыталась встать на защиту Маши.

— Это ты перегнула палку. Маша умная. Я так думаю, что братец не догадывается, что ей уже подавился.

Юлька рассердилась.

— Ага, сейчас. Ещё одна сказки читает. Беги, помогай ей костёр двенадцати месяцев искать. Глядишь, к пенсии повезёт.

Маша не ошиблась. Это были точнюсенько они. Татьяна Анатольевна и Владимир Семёнович взволнованно топтались в холле, знакомясь с новой роднёй.

— Тамара Васильевна, Валентин Александрович, — представлялись Дмитриевы встречая гостей.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила Маша, помогая раздеться и показывая, куда можно повесить одежду. Наташа у меня. Причёску делает. Скоро будем. Папа, мама, возьмите опеку над родными Кирилла.

Не решаясь отказать Тамара Васильевна старалась быть любезной. Про Валентина Александровича и говорить нечего. Дмитриевы повели родню в гостиную, украшенную сосной, собранной всё-таки Кириллом и Максимом, и мерцающую разноцветными гирляндами, знакомить с друзьями. Ёлка сверкала шарами и огнями. На столах горели в канделябрах и светильниках свечи. В соединённой с гостиной столовой накрывался Полиной Ивановной праздничный стол.

— Проходите к ёлке, знакомьтесь. Это наши друзья и партнёры. Нина Андреевна и Станислав Иванович. Их будущий зять Максим, а это наши сваты, родители уже нашего зятя Кирилла. — Старался представить всех Дмитриев.

Последним, прикатил Александр. С мешком подарков и в бородатой маске деда Мороза.

— Где моя маленькая конфетка? Ах, вот он, — пощекотал мальцу животик Саша. — Дедушка Мороз подарочек ему принёс.

Пашка не разобравшись с маскарадом, дал рёву. Знакомый голос Саши скрывала страшная волосатая рожа. Так страшно!

— Паш, ты что? это ж я, — отбросил он маску. Потрогав руками, знакомое лицо малец успокоился и даже лизнул Сашу в нос, проверяясь на вкус.

— Старик, это лишнее. На конфетку, — смущённо бормотал тот.

— Саш, что ты делаешь, он будет сейчас же чумазый, — попыталась отобрать Маша сладость

— Зато счастливый. Не трогай. Отстираете вас много.

— Ребята, давай к столу, — заглянул Валентин Александрович к ним. — Всё готово. Старый год проводим, а то не успеем всё скомкав.

Пашка, блуждая глазёнками по новым и знакомым лицам, жался к матери, решительно не желая ни к кому идти.

— Какой прелестный котик, — умилялась Нина Андреевна. — Мы ж только вчера от Тамары Машенька узнали обо всём. Боже, я чуть сознания не лишилась. Представляю, что ты Тamarочка пережила. Юлька гадкий ребёнок скрывала такую новость.

"Ни черта ты не представляешь, — улыбалась Тамара слушая с улыбкой бредни подруги. — Чтоб представлять, надо пройти через это".

— Какая уж тут новость, — засмеялся Дмитриев, — ребёнку девять месяцев. Но, если честно, мы сами себя лягушачьими лапками в русских щах почувствовали.

— Хватит кормить речами и смущать Машу. Разливайте, — поторопил Станислав Иванович. — А где ваш зять, интересно бы посмотреть? Вы нашего знаете, а мы вашего пока нет. Доставайте субчика.

— И вы нашего знаете. Только не в курсе, что он наш, — процедила, взбешённая его отсутствием, Тамара.

— Будет вам зять, — поспешил заверить Дмитриев друзей. — Поглядывая на родню Кирилла. — Пока достаточно, для дорисовки образа, его родителей, сестры и Маши с ребёнком.

Наташа пристроилась около Маши, помогая с малышом. Александр рядом, слева искоса поглядывая на девушку, делал для себя открытия. — "Чёрт возьми, а она не такая уж и серенькая". Но Наташа, мило улыбнувшись при встрече, совсем не обращала на него ни малейшего внимания. Саша неожиданно для себя обнаружил, что такое, её отношение к нему ужас, как достаёт и даже злит. Все попытки завести разговор с девчонкой не клеились. Отвечая на его вопросы, Наташа тут же забывала о нём. — "Я, что такой неинтересный", — надувал щёки от негодования он, не спуская уже с девушки недовольных глаз.

Маша хитро улыбалась, наблюдая за братом:- "Да ради Бога злись сколько душеньке угодно, только смотри".

Кирилл появился за десять минут до двенадцати. Запыхавшийся, в конфетти и серпантине парень сразу же привлёк к себе внимание бесцеремонно рассматривающих его гостей. Подхватив на руки визжащего от чрезмерного внимания к своей персоне малого, он пристроился, потеснив сестру к Александру, рядом с Машей.

— А ты чего не спишь золотко?! Тоже празднуешь? — его губы пожевали задравшуюся рубашечку на животике мальчонки. — Папка успел к тебе.

— Вот вам и зять! Кирилл Таран, — представил друзьям его Дмитриев.

Звон хрустала, сошедшегося над столом в радостном порыве, развеселил не на шутку Пашку. Он хлопал в ладоши, подпрыгивая на коленях отца. Заливаясь весёлым смехом от восторга, тянулся к бокалу Кирилла попробовать звенящую штучку на вкус. Кирилл дал ему отхлебнуть. Мужичок сморщил носик и замотал головой.

— Кирюша, что делаешь, — погрозила Татьяна Анатольевна.

— Пусть попробует, больше лезть не будет. Что Пашук, не понравилось, в носике щекочет?

В знак согласия, посмотрев обиженными глазами на отца, он дал рёву.

— Не понравилось. На закуси, — вложил в ладошку сына Кирилл кружок колбасы. Заинтересовавшись, тот примолк.

— Вот, а вы сомневались. Закуска понравилась больше, хоть и не так интригует.

— Я их это новое направление в воспитании не понимаю, — вскипела Тамара Васильевна. — То разрешают себе сковородой в лоб дать, то из бокала хлебать. У нас всё было иначе.

— Вы абсолютно правы, — поддержала её и Татьяна Анатольевна, блеснув сердито глазами на сына. — Я поэтому редко и хожу сюда. Как-то зашла, а они позволили ему кашу рукой есть. Он рукой наболтается в тарелке, а потом облизывает пальчики. Увлёкся, вместе с кашей палец закусил, ревёт, а они хохочут. Баловство одно. Насмотрюсь, потом долго переживаю.

Потом били часы. Поздравлял президент. Звенел опять хрусталь и все поздравляя друг друга с Новым годом желали здоровья, счастья, удачи!

От стола перешли к танцам. Пашка болтался на руках отца, веселя гостей умудряясь попадать в такт, махая ручками и крутя головой. Не выдержавшие такого злостного нарушения режима бабушки, забрав орущего в знак протеста внука, унесли укладывать его спать в Машину комнату. Освободившиеся руки Кирилла обняли Машу.

— Потанцуем, мышонок, пока у нас воля.

— Я скучала.

— Мальш, я тоже. Какими причудами судьбы вся эта компашка очутилась на одной сковороде. — Мотнул он головой в сторону родителей Юлианы и таявших рядом с ними в объятиях друг друга Юли с Максимом.

— Зависть заела, — прыснула она смехом.

Такому Таран несказанно удивился.

— К кому?

— К нам. У нас внук, а они опоздали.

— Тут твоя мамочка должна быть довольна. Благодаря нам она обошла свою подругу Нинон. — не удержался от смеха Таран.

— Тише, — посмотрела Маша по сторонам, не слышит ли кто.

Его руки прошили по её моментально выгнувшейся спине, украдкой погладили попу. Маша видела, как вспыхнули его глаза. Он вдруг понял, что под этим тонким струящимся по точёной фигуре платьем на ней ничего нет. Это открытие обожгло его, завладев разумом, принялось сводить с ума.

— Мальш, это не честно, — хрипел он ей в самое ушко. — Я умру.

— Наша комната занята...

— Заскочим на минутку в ванную.

Она благосклонно склонила голову.

Эта пара долго сидела о чём-то молча за столом. Но и она поднялась. Замешкавшийся Александр потянул Тасю за собой.

— Потанцуем?

— С удовольствием, Александр Валентинович, — весело приняла приглашение она. — Танцевать до ужаса люблю.

Александр никак не мог не коснуться этой темы.

— Как дела, успешно проведённая операция принесла плоды?

Наташа краснея дополнительной порцией краски, сочиняла на ходу.

— Точно отрезало, спасибо вам за помощь.

— Очень рад. Мне понравилось. Если там ещё наметятся, какие маневры, то я с превеликим удовольствием.

— Мне тоже, — засмеялась Наташа, — но постараюсь справиться сама.

— Почему мы на вы. "Александр Валентинович?" Для тебя я Саша. Мы с твоим братом ровесники, а ты отправляешь меня в политбюро. Договорились? — не отступал он.

— Будь по-вашему. Ой, по-твоему, — ещё раз покраснев, поправилась она.

Владимир Семёнович вальсировал Нину Андреевну, а Станислав Иванович и Валентин Александрович воспользовавшись отсутствием жён и полной бесконтрольностью, устроились себе вдвоём на уголке стола, поздравляя себя и празднуя, как захочется, и душа запросит. Спиртное развязало языки.

— Валь, мне показался твой зять знакомым?

— Не показалось, точно. Он певец. Ты его по телевизору сто раз видел. В клуб мы его тоже приглашали петь. Знаменитость в своём роде.

— Точно. Ты сказал, я вспомнил. Как же она его добыла? Машка такая же тихоня всегда была.

— О, это целый кинематограф. Девчонки плакат на ногу ветром занесло. Она и вообразила- судьба. Вот и включила всю свою соображаловку, чтоб добыть. Как видишь, смогла.

— Девчонки у нас хрен редьки не слаще. У моей барышни свои заскоки. Одно утешает, вроде парень стоящей из её дури получился.

— Этот тоже не плохой. Женат не был. Бабки имеет, по-своему зарабатывать их может. Машку любит. На ребёнка не надышится, что ещё бабе надо. Пусть живут.

— Давай за девчонок наших, — протянул рюмку Станислав Иванович.

— Мне б Александра женить, чтоб совсем не завяз в холостяцкой жизни, — вздохнул протягивая свою рюмку на встречу вздыхая Дмитриев.

— Пусть наши желания сбудутся!

А Александр танцевал. Шампанское, праздничного веселья хмель, танцующий огонь свеч и близость не доступной девушки заводили.

— Тася, ты видела картину, что привезли с собой мои родители? — шептал он, почти касаясь её ушка.

— Нет.

— Потрясающая работа, я тебе скажу. Идём, я покажу. Она уже заняла своё место в кабинете.

Пропустив её вперёд себя и указав на последний шедевр, пристроился к стене, играя выключателем, включая и выключая свет, пока девушка рассматривала действительно

интересное полотно.

Она на картину, он на неё. Смотрели, смотрели... И его закрутила фантазия.

— А что будет, если я тебя сейчас поцелую, — вдруг заявил он.

Но Наташа, исполняя инструкции Маши, была начеку.

— Зачем. Мне, конечно, понравилось, но то было исключением из правил.

Ничего себе, ему Александру отказывают... Ломается, — решил он.

— И каковы они? — навис он над девушкой горой, выключив свет.

Пожалуйста, если очень хочется, то Наташа расскажет. И рассказала:

— Целоваться нужно любя. Ведь поцелуй, это часть её.

— Халва ты сладкая, — забрав её губы, он сжал объятия. Боясь отпустить, целовал вновь и вновь с жадностью впиваясь, в не целованные, не податливые до мужских ласок губки. Его язык пробившись, через упрямство девчонки, хозяйничал у неё во рту, пугая и заводя. От такого безумства Наташа задохнулась, обмякнув в его руках. Её спас глоток воздуха, понадобившийся Саше для продолжения. Залепив ему пощёчину, она умчалась.

"Ни фиги себе номер, за что? — оторопел тот. — Кому она нужна курица, ещё строит из себя чего-то".

Но Наташа не появилась больше среди гостей, ни через полчаса, ни через час. Гонор потихоньку стёк с него, и встревоженный Саша отправился на поиски строптивой девчонки. Маша, не выпускающая брата из видимости поля боя, улыбнулась. — YES! Чутьё не подвело, и братец клюнул на живца. Это она велела Наташе посидеть и подождать его прихода в своей комнате. Когда расстроенная девушка поведала о поцелуях в кабинете Маше, та сразу смекнула, как надо вести себя Наташе дальше.

— Я на него руку подняла, понимаешь? — всхлипывала обескураженная поцелуем и своим поведением Ната.

Но Маша не только не поддержала её страхи, а и обнимая, успокаивая поддерживала:

— Не переживай. Мало трахнула. Надо было двинуть, чтоб искры петардой вылетали из глаз.

— Он обидится?

— Отдохни, он придёт.

И она не ошиблась. Разглядев дублёнку девушки в прихожей, понял, что искать её надо в квартире. Остаётся одна комната, где он не смотрел, это спальня сестры. Что ж, он войдёт туда. Напрасно она решила, что нашла убежище.

Наташа стояла у окна, рассматривая освещённую праздничными огнями улицу. Гирлянды мигали, обрекая ухающее сердце на непонятные скачки. Легко обняв вздрогнувшую девушку, нехотя проямлил:

— Прости, я не должен был. Хочешь, ударь ещё, я заслужил.

— Вы простите меня, пожалуйста, мне очень стыдно, — ловила она пальчиком огонёк от проезжающей машины по стеклу. — Я не должна была давать повода. Я сама вела себя как дурра...

— Всё нормально, — обрадовался он такому повороту. Покашляв в кулак, осторожно спросил: — Тебе не нравятся мои поцелуи?

У девушки вспыхнули глаза и обожжённые испугом погасли. Сердце то совершенно переставало биться, то готово было выпрыгнуть на пол. Она не сказала, а прошептала:

— Почему, нравятся. Просто я не готова к этому. Я серьёзно отношусь...

— Иди сюда, глупышка, — не дав договорить, прижал её к себе, улыбался парень,

нежно целуя растерянную Наташу в уголки губ. Давай вечером куда-нибудь сходим. У меня есть на примете уютный ресторанчик.

Она буксовала с решением, ей нужен был совет Маши, а для этого нужно время. Вот Наташа, тщательно подбирая слова, и старалась.

— Не уверена, что мне это следует делать. Я не знаток той жизни. Мне надо подумать и родители не отпустят, — хлопала сомневающимися глазёнками она. — Наверное, скорее нет, чем да...

О! Ему опять от ворот поворот. Она просто не знает кто перед ней.

— Тася, ты же уже не маленькая девочка, — скользили его губы на её подбородке, а горящие глаза умоляюще просили. — На худой конец переночуешь здесь, у Маши. Места навалом. Они ни до чего и не докопаются твои родители.

Она вдруг напугалась, что он отступится от неё и согласилась без благословения Маши. Ведь она уже достаточно помучила его, Маша должна быть довольна и не очень ругать её. "Кое что уже получилось, а Юлиана не верила Маше".

— Уговорили.

— Опять "вы", но теперь-то уж чего, — приложился он новым поцелуем к её раскрытым губкам. — Тебя целовать одно удовольствие.

Наташа выставила перед собой кулачки, стараясь всё же удержать объект на расстоянии, и попросила:

— Саша, только не надо при всех. Ну, пожалуйста...

Сашу опять заело. Он просто ноздрями ощущал опасность.

— Почему? — спросил он непонимающе и резко.

Не объясняя, Наташа прижала кулачки к груди и попросила:

— Пусть это будет только нашей тайной. Умоляю!

Ничего не понимая, Александр, хотя бы ради развлечения, соглашается.

— Хорошо, идём танцевать, раз это доставляет тебе удовольствие.

"Машка права и умница, а Юлька ошиблась, Юлька ошиблась, Юлька ошиблась", — трепыхалось, в её пылающем, растрёпанном мозгу.

Они танцевали, играли в шарады и со всеми вместе веселились. Никто ничего не заметил. Никто, кроме Маши. Сияющие глаза, смущение и интерес обоих. "Неужели брат заглотнул крючок, и у них с Наткой получилось..." - волновалась Маша.

Разъезжались гости под утро. Выспавшаяся Полина Ивановна, махнув на расплзшихся по комнатам хозяев рукой, разбирала стол. Не живая от усталости Маша, сбросив туфли, упала на постель. Это выглядело, мол, делайте, что хотите, но без меня. Она больше не могу шевельнуть ни ногой, ни рукой.

— Маш, так нельзя, — теребил её поцелуями Кирилл. — Пойдём, моську хотя бы умоем. Кило краски на тебе, мой желудок столько химии не осилит.

Стянув с неё одежду, затянул в душ. Машка почти спала не в силах даже брыкаться.

— Что ты пила, с чего тебя так разморило? — промокая её простынёй, волновался он.

— Почти ничего, я просто устала и сейчас умру, — отбивалась она от его рук, не позволяющих ей никак уснуть.

— Значит, мы с Пашкой будем носить на могилку цветочки.

— Я убью тебя, если ты найдёшь ему мачеху, — шептала она уже ничего не соображая.

— Понял, — смеялся Таран, подтягивая за подол рубашечки её к себе.

Самое прекрасное в праздниках — это утро! Сколько захочешь валяешься в постели или бесцельно слоняешься по квартире без каких либо угрызений совести, но это, если нет маленьких детей. Но ребятам сказочно повезло, проплясавший до полуночи Пашка, спал почти до обеда. Давая родителям подержать головы подольше на подушках. А потом, ещё проснувшись, продержался какое-то время, потихоньку гнусава и развлекая самого себя. Пока уже выбившись из сил достучаться до кого-нибудь, не заревел рёвом. Пришедшая к Маше за советом Наташа, зашедшая в комнату после бесполезного стука без разрешения, выхватила вовремя бушевавшего ребёнка из кровати.

— Тише, тише, не голоси так. Проголодался маленький. Дела до тебя понятно у мамки с папкой нет, спят без задних ног. Пойдём, тётка тебя покормит и переоденет. Боже мой, как ты не вкусно воняешь. Идём мыться. Переодев племянника, Наташа унесла его в столовую кормить, где Полина Ивановна охлаждала кашу. К вечеру туда выползла и Маша. Нахождение там Наташи не было для неё сюрпризом. Чего-то подобного она ждала. Значит, Саша пригласил куда-то.

— Привет Тася. Ждёшь, ждёшь праздника, потом ночь ешь и сутки спишь. Вот такое удовольствие. Спасибо Натка тебе за Пашку. Что орал?

— А то. На часы посмотри?

Маша повернула голову к старинным напольным часам.

— Ничего себе! — И хитро прищурив глаз, спросила:— Тебя, какой ветер гоняет?

Ната пряча улыбку изображала обиженность.

— Я по делу пришла.

— Сашка позвал куда-то?

— Как ты догадалась? В ресторан, а мне ж одеть-то нечего и вообще, дальше, как себя с ним вести обговорить надо.

Маша, видя каким восторгом пышит Натка, забрала ребёнка, чмокнула в розовую щёчку и бодро заявила:

— Тряпки найдём не беда.

— Где? — заломила та руки.

— Пороемся сейчас с ревизией в моём гардеробе. — Пока шли к этому заветному шкафу, заметила строго Натке:— Смотри не поддайся ему.

Наташа аж замахала руками.

— Что ты, что ты... Я ж не дурра. А знаешь, я сюда, к вам, приду ночевать, чтоб с родителями не объясняться насчёт ресторана. Они мне такой ресторан устроят что ой, ой. Кирюха ж наверняка работать сегодня ночью будет. Маш, можно?

— Без проблем.

Она заглянула в дверь собственной комнаты. Кирилл спал, прикрыв голову подушкой. Она улыбнулась и поманила Наташу за собой. Посадив ребёнка в манеж, занялась вешалками. На одной она забывшись воскликнула:

— Я придумала, что тебе дать одеть. — И тут же испуганно посмотрела в сторону Тарана, но торчащая голая пятка даже не дёрнулась. Она, смотря смеющимися глазами на испуганную Наташу, прижала палец к губам.

— Что? — заволновалась Натка.

Маша выдернула вешалку.

— Вот это моё чёрное платье.

— Я ж в него не влезу, — засомневалась Наташа смерив глазомеров Машку и себя.

— Впихнём, — тихо засмеялась Маша. — Оно трикотажное. Тебе понравится, а сапоги мои из тонкой замши, что выше колен, сюда подойдут. Будешь во! — оттопырила она палец. — Стрижку Юлька тебе сделала что надо. Давай собираться Наташа. Решающий день. Будем кидать братца на лопатки.

Забрав вещи и оглядываясь на кровать со спящим Тараном, они забрав ребёнка перешли в гостиную. Наташа, воспользовавшись свободой, полезла с объятиями.

— Спасибо тебе Машенция, чтоб я без тебя делала. Ты такая золотая... Кирюхи только не говори, а то он ввалит мне, испортив всю любовь.

Маша подтвердила правильность её хода мыслей.

— Тарану знать не зачем. Мужикам вообще много болтать про себя ни к чему.

Наташа замялась, но всё-таки подсев поближе и взяв Машу под локоток, спросила:

— Маша, я сегодня посмотрела, случайно, конечно. Пашка орал, я зашла. Вы с Кирюхой так спите. Нагишом и сплетённые, как мороженые раки. Тебе хорошо да с ним?

Маша покраснела и закрыла вспыхнувшее лицо руками. Но отвечать пришлось.

— Хорошо, но ты об этом пока не мечтай. Сашка сразу потеряет к тебе интерес. Я знаю своего братца. Сама догадываешься, что не модель. Но ты то чудо, которое ему нужно. Взять его можно только умом, добротой и чистотой. Поняла. У него с такими всегда была напряжёнка. Для секса у братца баб хватает.

Заикаясь Наташа всё-таки спросила:

— Маш, а вы с Кириллом, ты ж легла к нему в постель?

Маша застыв на вздохе резкости, всё же мягко пояснила:

— У каждого свой путь. Что соединило одних, раскидает в разные стороны других. У меня разбег был большой, а у тебя всего ничего, днями исчисляется. И потом это он в мою кровать попросился. Боялся, что ребята засмеют, девка из номера попёрла. Вот и уговорил его оставить переночевать. Так и ночует до сих пор.

Наташа восхитилась:

— Здорово. Ты умная.

Маша успокоила:

— Ты тоже. Умная, это никогда у тебя шапка при голове с мозгами, а когда ты этими мозгами пользуешься на всю катушку. Где у вас встреча?

— У сквера. Маш, я, что для секса не гожусь? — распереживалась Наташа.

Маша вручив сына Нате, сбегала на кухню за крепким чаем и подсунув одну из чашек Наташе заверила:

— Годишься и ещё как, он будет захлёбываться тобой, я научу, но сейчас надо своё выдержать. Поняла? Сашка должен добиваться твоего внимания. Тогда он будет ценить тебя, как удачный улов.

— Да? Хорошо! Я постараюсь, — кивала радостно Наташа. — А откуда ты знаешь, как сделать мужчину счастливым?

— И глупым, — отхлебнула Маша чай с мятой. — Таран не ведая того научил.

— Это он не подумавши расщедрился... — хмыкнула Ната. — Давай уж допивай свой чай и подкрась меня, а то опоздаю.

— Иди в комнату Сашки, там и переночуешь, я принесу всё туда. Пашку заведи с собой.

Наташа послушно всё выполнила. Маша теперь для неё царь и бог. Потягиваясь, Маша заглянула в окно. Отодвинув штору, открыла форточку. Захотелось сделать глоток свежего воздуха. Улица была пуста. Она ещё раз сладко потянулась и улыбнулась новому году и

прошедшему дню. "Это точно, что утро после праздничного дня начинается ближе к вечеру. Так безлюдно и тихо. О празднике и прошумевшем над городом веселье напоминают разноцветные конфетти, усыпавшие снег от взорванных хлопушек. Коробки из-под ракет чёрными патронами смотрят в небо. Но достаточно лирики и отступлений, пора сосредоточиться на деле и заняться Наташей".

Когда подкрашенная и переодетая в Машин наряд Наташа посмотрела на себя в зеркало, то зарделась от удовольствия. Со спущенным с голых плеч воротником, чёрное трикотажное платье выше колен, выгодно подчёркивая её красивую грудь, спадало складками на бёдра, перетянутые тонким ремешком. Короткая юбка сидела как влитая, принимая на себя падающую через ремешок ткань. Высокие сапоги из тонкой замши завершали одеяние.

— Отлично. То, что надо. Мне оно великовато, а на тебе чудесно смотрится, — не удержалась от восклицания Маша. Пашка и то запрыгал, крутя пульт телевизора, в обезьяньих танцах.

Ната чуть не расплакалась. Она не верила отражению в зеркале.

— Маша, это не я.

— Старые зеркала не врут. Ты, ты, только рукава до локтя подтягивать не забывай и сумочку бархатную прихвати.

Наташа сделала шаг и вдруг испугалась.

— Мащ, а если я это всё испорчу?

— Не беда об этом не думай. Сейчас вызовем такси и дуй. Если б ещё норковую шубку сюда...

— Ох нет, нет, — наотрез отказалась Ната. И тихо, озираясь на комнату, где спал брат, спросила: — Кирюха где?

— Купается, ты успеешь ускользнуть. Я постель тебе не застилаю, сама это сделаешь. Постельное, вот тут в шкафу. Ну, удачи, — чмокнула Маша её в щёчку. — Я жду твоего возвращения.

Такси застряло в пробке. Ната опаздывала. Добравшись до сквера и рассчитавшись с таксистом, не успела даже оглядеться, как подъехал Саша, ждавший её неподалёку и наблюдавший за её приездом. Перейдя в его машину, Наташа пожалела, что поспешила, не подумавши сесть рядом с ним на переднее сидение. Она смущалась, не находя возможности спрятать оголённые ноги. Платье было очень коротким. А коротенькая дублёночка не хотела тянуться большим размером, как не старайся. Усмехнувшись её бесполезной возне, Саша попросил:

— Оставь, не сочиняй проблему. У тебя красивые ноги. Есть на что посмотреть.

Но, зардевшись, Наташа всё же прикрыла бок ладошкой. Она так была занята своими ногами, что благополучно просмотрела, куда её он вёз. Очнулась, когда парень парковал машину. Помогая выйти, повёл в ресторан, пристроенный к огромному зданию и напоминающий небольшой старинный теремок с высоким в том же старинном стиле, как тогда говорили красном крыльцом. Принимая её не хитрую одежду, он, бросив взгляд на прихорашивающуюся у зеркала девушку, слегка опешил. Сашины брови от удивления взлетели вверх, как два мощных крыла. — "А девочка-то ничего. Не стыдно и друзьям показать. Что грудь, что попа. А плечи обалдеть и самое главное ничьё. Можно по серьёзному приставать".

Весь вечер он трепался, распусая перья перед молчаливой девчонкой. Если б Наташа не

была так взволнована, то точно заметила, что сейчас он больше всего напоминал павлина перед зрителями в зоопарке. Но девушка не поддавалась. "Похоже на мякине её не проведёшь", — озадаченно тёр подбородок он. Лёгкое, глупое охмурение разбивалось об её умные глаза. "Зачем бабе ум, достаточно губ бантиком и стоящих титек", — обмозговывал ситуацию недовольный парень. Глупышка оказалась вовсе не ей. Такую позабавясь не бросишь, будет много хлопот. А до серьёзного он не готов. Считал, что не выгулялся ещё. Тем не менее разговор за столом шёл в одну сторону. Другая просто слушала и хлопала глазами. Не выдержав, он решил прояснить обстановку:

— Детка, ты молчишь, потому, что тебе скучно со мной или не нравится в этом месте? Если второе, то не проблема, идём в другое. Я позвоню, закажу. Так как?

"Уж от этого она не сможет отказаться или отмолчаться", — злорадно думал он.

Она и не отмолчалась. Ресницы вспорхнули, губки раскрылись и она извиняюще прошептала:

— Совсем нет. Просто я впервые в ресторане, немного не по себе.

"Господи, как просто, искренне, без жеманства и кривляний она об этом сказала", — обрадовался Саша. Тут же испугавшись. Значит с девочкой нельзя шалить, а можно только по серьёзному. А зачем ему серьёзные отношения?! Внутренний голос ему подсказывал, что самое правильное это посадить её в машину и отвезти домой. Но нет, упрямство подняло его и, заставило, протянув руку пригласить её на танец.

— Идём, потанцуем, быстрее освоишься?

Играла музыка. Неплохо пел певец. Они танцевали.

— Красивые женщины, — оценила Наташа раскланивающихся с Александром девиц.

"И опять естественно, без зависти и злости, — отметил он, прижимаясь горячими губами к её виску. — Занятный экземпляр. Чистый, как родник. Удивлялся тому, что притянуло как магнитом к Машке Кирилла, а ведь вот это же самое. Соппротивляюсь, торможу, а оно тянет".

— Да, наверное, но ты красивее, — сказал он, сам не понимая себя.

Щёки её вспыхнули:

— Это неправда, я как все.

Чтоб покорить её, он рассказывал о странах, где довелось бывать. Наташа слушала, удивляясь почти соглашаясь со всем, что он сейчас молол. "Наконец-то я нашёл, о чём с тобой говорить. О свете, путешествиях, континентах, — повеселел он. — А то чувствую себя снеговиком с морковкой. Никогда ещё такого прокола у меня не было. Баба разговаривались с первых же минут, но тут пришлось попотеть". Помогла же опять она сама, спросив про волшебный город Фекан в Нормандии. Саша, ухватившись за спасительную соломинку поспешил с рассказом. Так Наташа узнала, что в своё время город был резиденцией герцогов Нормандских. Он рассказал ей о легенде создания церкви Святой Троицы. Согласно ей, крестоносцы, возвращаясь домой из Святой земли — везли с собой сосуд с несколькими каплями крови Христа. Но корабль потерпел крушение, а вот драгоценная реликвия не сгнула в морской пучине. Дерево с маленьким сосудом прибило к берегу Фекала.

— Я поэтому и спрашивала тебя о городе. Ты много ездил. А я читала. Заинтересовалась. Это ведь родина Жанны Д Арк. — Заявила она.

Пожать плечами, было бы равноценно поражению. Выкручиваясь он поспешил рассказать о другом:

— Церковь огромна, массивная и суровая. Рядом с ней дворец Бенедектинцев выглядит

изящным, как ларец эпохи Возрождения. Вытые колонны и ажурные башенки его завораживают. Именно там был открыт рецепт знаменитой настойки бенедектин и кальвадос. Ты пила когда-нибудь?

— Нет, — помотала головой Наташа. — Откуда.

"И правда, чего спросил..."

— Попробуем, у нас всё впереди, — заверил он её. — Хочешь, расскажу про призраков?

— Неужели такое возможно? Сказки...

Таинственным голосом, подгасовывая под него и мимику, он приступил:

— Ближе к ночи мы ходили на руины старинного монастыря в Мортемере. Так там во мраке слышатся удары незримого колокола, созывающего души монахов. Ооо!...

Наташа рассмеялась. Она рассчитывала всё, как учила Маша, продумывая, что сказать и какими жестами сопроводить. Девушка сделала ошибку в одном, дала уговорить себя на второй бокал вина. Скоро Ната, поняв это, и заторопилась домой.

Понятно, что Саша сделал это нарочно, чтоб не умничала.

— Извините уже поздно. Я выпила лишку. Отвезите меня к Маше. Простите, ради Бога Александр Валентинович, за испорченный вечер, но я должна...

Естественно, он уговаривал:

— Ната, не торопись, придумала что-то себе такого. Время детское, всего-то два бокала лёгкого вина...

А она не дала себя уговорить.

— Я себя знаю. Вы оставайтесь, а я пойду, — поднялась она. — Меня качает.

— Одна ты никуда не пойдёшь. Уйдём вместе. Только рассчитаюсь, — подозвал он официанта. — Теперь идём.

— Спасибо. — Она шла, вцепившись ему в руку, по плывущему залу, радуясь, что сапожки на маленьком каблучке.

Он взял у швейцара её дублёнку.

— Я завезу тебя к сестре, не волнуйся. — Накидывая одежонку на её плечи, он прошептал в её горевшее ушко. — Такую красоту должны греть меха.

Естественно, воспользовавшись случаем, он обнял её и легонько прижал к себе. Натка дёрнулась. Он отпустил. Когда они уходили из ресторана, была уже полночь.

Автомобиль катился по свободной дороге легко. Всю обратную дорогу она, стараясь не смотреть на него, молчала. У подъезда сестры ему пришла в голову мысль, зайти попить чаю. "Всё равно вечер пропал. Куда-то ехать поздно, да и от этой халвы отрываться не хочется", — думал он, поднимаясь за ней в квартиру. Маша, от его появления не пришла в восторг. Это уже было лишнее, и в её планы не входило. Покрутившись с девчонками, он попросил сестру постелить в кабинете, раз уж комнату отдали госте. Решив остаться на ночь тоже тут. Маша напрасно старалась его со всем старанием выпереть. Он остался. "Дьявол тебя заberi, — волновалась Маша, — кажется, перестарались. Прёт, как немцы на Москву". Родители не вернулись из гостей, и она беспокоилась за Наташу. Видя, что брат на взводе, старалась страховать девушку, надеясь, что он уснёт. Ходила туда-сюда, пока саму не сморил сон, честно освободивший её от добровольной вахты.

Что же Саша? Он метался по кабинету не в силах уснуть или на что-то решиться. Сестра, как нарочно, занимаясь делами, бродила по квартире. "И чего ей не спится", — злился он. Ненавидя себя за слабость, Саша всё же пошёл. Убеждая душеньку свою в том, что

если Тася не захочет, то ничего и не произойдёт. Неужели он возьмёт девушку против её воли? Да никогда! Но вот это "девушку" его и заводило. Он опытный мужик, имевший с десяток партнёров, не был с девушкой ни разу. А тут не просто девственница, а вообще не тронутый цветок. Что губы, что сама. С губ он уже сорвал бутоны, может... "Ну, хотя бы посмотрю, что с неё убудет, что ли", — убеждал он себя.

Наташа спала, раскинув руки на подушках. Маленькая Машкина рубашка собралась под грудью, оголяя ноги и живот. "Наверное, сеструхина, — подумал он, прикасаясь к блестящей коже, от ночного света уличных новогодних фонарей, проникающих в комнату, на таких же воровских правах, что и он. — Что я делаю нехристь, бежать отсюда надо пока не поздно", — просил его, правильно давая подсказку мудрый голосок копошившийся внутри. Которого, он, естественно, сразу же и заткнул другим:— "Все бабы этого хотят, не ты так другой возьмёт её. Ты этого хочешь? Чтоб она досталась какому-то уроду?" Ну уж нет! Он желал её для себя любимого. Должна же в его списке побед быть девственница... Сухими от волнения губами, стараясь не напугать, он провёл по её пахнущим мятой губам. Натка облизнула губы и повернулась на бок, рубашонка прыгнула, оголив низ груди. Парень не отступил, его губы настойчиво заскользили по нежной руке, обдаваемое жаром девичье тело затрепетало. Наташа села, не понимая происходящего, а увидев, безумные от желания глаза его рядом с собой и дрожащие нетерпением руки, испугалась. Крик изумление так и не вырвавшийся из её губ был приглушен страстным поцелуем.

— Я хочу тебя, не могу ждать, пожалей... — Бессвязный горячий шёпот бил по ушам, наполняя голову обезумевшим от хмеля горячих тел туманом.

— Мамочка. Нет, нет, нет. Ни за что, — отбивалась она, ещё больше его разгорячая.

— Наташа, Наташа, Наташенька, — горячий шёпот перемежающийся поцелуями сыпался на неё фейерверком.

В ней зрело не ведомое до сей поры чувство страсти. Он, встряхнув, резко повернул её к себе и, она увидела его глаза. Он смотрел со страшным желанием, вытеснившим нежность и восхищение. Смесь безумия и животного нетерпения плескалась в них. Для неё перестало существовать всё: эта комната, кровать и Маша с её запретами. Но она смогла выйти из его гипнотической зависимости. Поднатужившись, Натка отвела взгляд. А он наклонился и целовал, целовал... Сашка хотел её каждой клеткой своего тела. Хотел эту девочку так сильно, как никого в жизни. Это желание перекрыло разум.

Обжигающий шёпот поднимал из самой глубины её бабьего нутра горячие потоки, стучащиеся сейчас в висках девушки сотнями молоточков, его кожа жгла живот, и поцелуи пьянили похуже вина. А освобождённая от сорочки грудь уже стонала в его умелых руках. Её же ручки беспомощно металась не в силах чем-то существенным помочь хозяйке.

— Так нельзя, — плакала от страха и бессилия она. Хорошо помня наказ Маши, "нельзя ни под каким соусом". "Она меня убьёт. Я ей испортила весь план". Боялась она гнева Маши уже больше, чем того, что должно будет сейчас произойти. Выпитое вино и близость желанного мужчины кружили голову. Да Александр ничего и не хотел уже слышать. Нетерпение и желание получить желаемое гнало, отключив все тормоза и мозги. Ему не так просто удалось её взять. Дикая девственна девочка, это не готовая к отношениям баба. Ещё не поздно было остановиться, но он пошёл до конца. Применяя все известные ему способы соблазнения, он напирал, и только услышав захлебнувшийся в его губах крик Наташи, понял, что добился своего. А у девчонки сквозь страх билось женское любопытство и самое непонятное это от его рук, на ласки предательски откликалось её тело. "Что со мной

творится", — носилось в пылающей голове её. Только боль привела Наташу в чувство, но то, что, произошло потом, опять кидало её от дурмана цветущей черёмухи до холодного омота. И с прикосновением его губ всё с огромной скоростью неслось в обратном направлении, неся Наташу на облаках к сладкому безумию. В этом бушующем пламени его тела она дрожала не зная, как согреться. Разрывая грудь, kloкотало сердце. — Ты моя. Моя! Наташенька, свет мой, Наташенька... — Горячему шёпоту нет конца. Его руки, губы, голос, ласкали убаюкивая. Стыд за наготу, за случившееся, отойдя на задний план, благополучно рассеялся. Так было хорошо. Но за ночью всегда приходит утро. И вот проснувшись утром, она с ужасом обнаружила его голову на своём плече. Он спал, удерживая рукой её грудь и бесстыдно закинув колено на её живот. Словно демонстрируя ей, что у её тела теперь есть хозяин. "Господи, это не сон. Всё произошло реально. Что я наделала. Ведь я любила тоже, отвечая на его безумства. Машка предупреждала, а я сошла с ума". — Она лежала, не открывая глаз, боясь пошевелиться, пока он сам не проснулся. Больше всего она боялась этого его пробуждения. Не зря боялась. Всё получилось не так, как она мечтала. Схватившись, он сел. И... начал оправдываться:

— Прости, я не должен был. Со мной это впервые.

Как он ненавидел сейчас себя. Он надеялся, что девочка полезет к нему с объятиями, а вышло всё иначе. Бедной Наташе было ещё хуже.

— Со мной тоже, — простучала зубами она, стараясь натянуть на себя повыше одеяло.

Он порычал, массируя голову, и его осенило:

— Скажи, что ты этого хотела, — подступил он к ней.

"Ни жара рук, ни горячих губ и ласковые слова куда-то вдруг враз пропали. — С болью вспоминала ночь Наташа, — а это ведь один и тот же человек. Маша предупреждала, а я дурра..." Она отвернулась, чтоб не видеть сейчас растерянность и страх любимого мужчины, а ещё спрятать от него свои слёзы. Сказала, сдерживая дрожь:

— Хорошо, если вам будет так легче. Я сама хотела.

— Натка, прости, я осёл, — уткнулся он в её плечо.

Она опалила его холодом.

— Вам лучше уйти сейчас Александр Валентинович.

— Понимаю. Я позвоню.

Приложившись к её щёчке и быстро одевшись, он ушёл, воровато оглядываясь по сторонам. Не увидел бы кто. Наташа, поплакав, осталась лежать, завернувшись в одеяло. Легонько постучав, на цыпочках, вошла Маша.

— Ты чего ревьёшь, — обмерла она, предчувствуя беду.

— Угу. Вот, — отвернула Наташа угол одеяла, обнажив на простыне алое пятно.

Маша готова была выскочить из комнаты и рвануть к брату. Ната вовремя схватила её за руку:- "Не надо!" А та цедила сквозь зубы:

— Скотина, завелся, бульдог.

— Я ничего не могла поделать, он силой взял, — хныкала Наташа, уткнувшись ей в плечо.

— Тише. Услышит Кирилл, будет мордобой. Согласись, любую неприятность можно превратить в проблему космического масштаба.

Наташа расстроилась ещё больше.

— А что делать?

Маша взяла себя в руки и заявила растерянной девушке:

— Будем искать и в неприятности положительный момент.

— В смысле?

Маша обняла её за плечи и притянула к себе.

— Шут с ней с невинностью. Любимый мужик взял. Хорошо хоть было?

Натка покосилась, не смеётся ли. Поняв что нет, улыбнулась, но не надолго, слёзы полились ручьём.

— Не помню ничего. Откуда я знаю, как это бывает. У меня, что опыт был, — сопливилась она, растирая по щекам слёзы.

Маша взвилась. Слетев с кровати, метнулась в один конец комнаты, потом в другой. Запал не проходил.

— Ну, братец. Век бы не подумала, что на такое способен. Это он на целку запал. Точно тебе говорю. Баб вагон, а девочки- то и не пробовал. Вот и подурел.

Опомнилась, когда взгляд выловил умоляющие глаза девчонки.

— Я потеряю его, ты ж сама говорила?

Машка двинула кулаком по подушке.

— Ну, уж нет. Мы поборемся. Ты его.

Ната кивнула.

— Он всё время повторял: "Ты моя, ты моя".

Маша опять присела к ней.

— Значит, я на правильном пути. Он первый у тебя. Понимаешь... Не думаю, что захочет кому-то отдать. Скорее всего, и на безумие такое пошёл, чтоб кому-то другому не досталась. Слушай меня. Будет звонить, не отвечай. Встречать, молчком уходи. Только не ругайся и в переговоры не вступай. Пусть мучается, поросся. Это ему не вешалку оттрахать. Покрутится хорёк на шампуре. Главное не упрекай его ни в чём. Они страсть, как это не любят. Сам себя до белого колена доведёт.

Наташа зажмурила глаза и мечтательно покачалась из стороны в сторону.

— Маша, он такой горячий...

— Да, братец мужик что надо, — процедила сквозь зубы та.

А Наташа открыла глаза широко, широко и прошептала:

— Маша, я такая дура, но я его хочу.

— Глупая, доля бабья такая. Хочешь по-другому, лети на Амазонку. Бери копьё, лук со стрелами, садись на коня и гоняй ветер, — гладила девушку Маша. — Пойду, а то Кирюшка слышу, ищет, ещё сюда доберётся, не дай Бог. Собирайся.

На этот раз Наташа не отклонялась от инструкций. Саша звонил. Она молчала. Он встречал у института, она, завидев его издали, ускользала. Александр кипел: "Тоже мне цаца!" Не дозвонившись за неделю, набирал уже просто так номер по привычке и о, чудеса, обрадовался он ответу, но на связи почему-то оказалась Машка: "Алло!" Делать нечего пришлось задавать уместный к такому случаю вопрос:

— Что у тебя делает телефон Таси? Я точно звонил не тебе.

Сестра тут же превратилась в одуванчик.

— Я поняла братик. Она спит с Пашей у меня. Помогала ей перевести статью в журнале по её профилю. Тебе она зачем?

Он помялся. Трубка помолчала. Потом попытала. Но пришлось открываться:

— Пары не имеется. Хотел поездку предложить, на недельку на море. Спинку погреть.

Представляешь, здесь снег, а там пляж.

Она представляла. Но скучно- равнодушным голосом промурлыкала:

— Пустое, Натка не поедет.

— Почему это?

Маша аж зевнула изображая, как ей скучно с ним говорить.

— Такие замуж выходят, а не мужиков ублажают за вознаграждение. У тебя же кандидаток, как муравьёв. Брось клич, кто за полчаса уложит вещички, тот и поскачет с тобой.

Александр недовольно проворчал:

— Какая ты умная. Задержи девочку. Я подъеду, спрошу её саму.

Маша отключилась. Долго задумчиво смотрела на горячий от накала телефон. Он измучил уже и себя и её своим видом. Терзался бедняга. Наделал делов. А теперь, то вроде повеселее смотрит, когда видно убедит себя в чём-то, как вот сейчас на солнышко её везти, а то снова вдруг скиснет и не находит себе места. Так-то оно братик, нацепил себе заботу!

— Что там? Что там? — прыгала около Маши Натка.

Передавая телефон, рассказала:

— Срочно нужна ты прямо позарез, на море везти собрался.

— Кошмар, — сцепила руки замком на себе она. — Что мне делать? Он мне ночью снится. Я не устою. Вот придёт, в железное кольцо рук возьмёт и всё...

У Маши взлетели вверх брови.

— Не ерунди. Я тебе не устою, — пригрозила она. — Вы мне без надобности Александр Валентинович и точка. Поняла?

— Звонят...,- испуганно вскочила та.

Пригладив волосы, Маша приказала:

— Бери Пашку и марш, в столовую попой его, в общем, будь при деле и естественнее.

Открыла дверь. Точно братик, во всей красе и как всегда при параде. Перешагнул и коробку с тортом Маше в руки- раз. Пакет с фруктами на вторую- два. В щёчку забыл чмокнуть, вернулся и — чмок!

— Ух! Привет Машенция, это тебе фрукты, торт. Поставь чай.

— Спасибо, проходи в столовую. Проводить или сам найдёшь? — съязвила она не в силах сдержаться. "Раз добивается, значит, запала. В противном случае получил бы своё и отвалил. Не так просто выбросить из сердца то, что расположилось там. Ну что скрестим клинки, братик!"

Заметив в гостиной Нату, он наигранно весело помахал, прокричав "привет", забрав племянника у неё, передал Маше.

— Твоё. Держи. Мне надо с Наташей парой слов перекинуться. — Взяв за руку, утянул девушку в кабинет.

Только хлопнула за спиной дверь и пошло, поехало.

— Ты, почему сбрасываешь разговор? — подтянул он Наташу к себе. — Я соскучился, детка.

Но Наташа вела себя строго по инструкции.

— Отпустите больно, Александр Валентинович.

— Что? Валентинович? Молчишь!?! — не то, не понимая и спрашивая, не то констатируя, вспылил он.

А она своё:

— Отпустите.

К себе больше не прижимал. Растерялся. Но и отпустить не отпустил.

— Отпущу, когда всё скажу, а то убежишь. Не рвись и больно не будет.

Ната вздёрнула подбородок и выпрямилась:

— Хорошо, я слушаю.

Он помялся, слова, что приготовил, так просто не желали сваливаться с языка.

— В общем так! Можем же мы на недельку слетать на солнышко, погреться на песочке.

Поговорим спокойно там. Обсудим...

Девушка покачала головой.

— Без меня, пожалуйста, Александр Валентинович.

Он взбесился. Никаких эмоций. Ни срыва, ни упрёка, ни улыбки... ничего...

Пробежался из угла в угол и снова встал столбом.

— Виноват, но не жизнь же у тебя забрал, — приподнял он её подбородок, дотягивая до своих губ. Наташа, чтоб не отступить от инструкции Маши, сжала губы и закрыла глаза. — Что за дура. Ну, и что мне делать? Запал я на тебя. Хочешь шубу куплю самую дорогую, машину, квартиру? Отдельно от родителей жить будешь.

Остановили его красноречие, бегущие по щекам девушки слёзы.

— Паровоз, что я несу, — схватился он, прижав её к себе. Его губы осушили пылающее стыдом и гневом девичьё лицо. Он знал, как разговаривать с другими женщинами, что предложить им, но не соображал, теряясь с ней.

— Извините, я пойду. Мне лучше не слушать, а то я вас возненавижу, — всхлипнула Наташа.

"Кретин, на что надеялся. Маняша права, её не купить. Ну и хрен с ней. Подумаешь, принцесса со снопом". Он отпустил. Оделся и ушёл не попрощавшись. Об этом известила сердито хлопнувшая дверь.

Маша сначала сунула нос, потом видя, что брата нет, вошла.

— А теперь пойдём пить чай, — обняла Наташу она. — Торт нормальный принёс, не пожлобился, я попробовала. Не пропадать же добру. Всё перемелется. Он будет наш.

— Нет, Маша, он совсем ушёл, — плакала она.

— Ерунда! Не расстраивайся ты так. Это он с больной головы наплёл про подарки. Беситесь, не знает, через своё я, как перепрыгнуть. Надо же всем знать, что дарить и как умаслить, а с тобой растерялся. Всё сразу предложил. Цени. Видишь, как ты подорожала.

Ната улыбнулась:

— С тобой всё просто. Послушаю, и от сердца отступает тоска.

А Машу озарил уже новый план действия.

— Ах, братец, держись. На войне, как на войне, кто кого. Как ему несчастному признать, что он не лучше других, а может ещё и похуже.

— Маш, зачем ты так на него, — заступилась за Сашу Наташа.

— Заслужил. Нос выше. Мы его умоем. Рыбка плывёт прямёхонько в сети.

— Это тебе надо было быть психологом, а не Юлиане.

Маша рассмеялась.

— Я доморощенный экземпляр, а Юла дипломированный. Всё проще простого. Я брата хорошо знаю. Сейчас разъярённый лев снимет "белобрысую вешалку" в каком-нибудь агентстве и на песочек забываться. Приедет отдохнувший, посвежевший, без чёрных мыслей, обгладывающих его нутро, о тебе. Думающий, что всё в прошлом, ан нет, не тут — то было,

мы его мордой в грязь, ляп! И поймёт он родимый, что в прошлом осталась, как раз голубая волна с золотым песочком. Ну, может, быть парочка ныряющих дельфинов и щёлкавших зубами акул, это смотря, куда закатится он и ассортимент рыбёшки резниться.

Прошли грозной поступью рождественские морозы. Родители с радостью вернулись из укрытой снегами холодной страны в более тёплую Европу. Ездил провожать их в аэропорт один Кирилл. Маша с малым, попрощались дома. Не успели помахать одним ручкой, как прикатил с южными подарками сияющий Александр, но, увидев, как бы не нарочно зашедшую к сестре Наташу, тут же сник.

— Что и требовалось доказать, — хихикала Маша, подмигивая той. — Приплыл опять к тому же причалу.

Заметив мигание и хиханьки девчонок, очень не понравившиеся ему, Таран напустился на них:

— Я что-то пропустил? Вы с чего всё хихикаете и хихикаете? Какие у вас такие секреты? А ну выкладывайте, веселушки...

— Да, вот..., — тянула Маша время, соображая, что придумать, чтоб выкрутится и, ругая себя за несдержанность. — Я Наташе жениха нашла. Хороший парень, дипломат. Работает в Испании.

О! Александр откинулся на стул и внимательно уставился на сестру.

— Ты чего плетёшь, — не поверил Кирилл. — Из дома не выходишь, а нашла где, в форточку влетел. Правду выкладывайте хохотушки.

— Как на духу, — не дрогнула Маша, приложив руку к груди. — По телефону позвонил. Вместе же учились. Номер-то моего телефона не изменился. Пригласила, пришёл. Увидел Наташу, она ему понравилась. Вот теперь и достаёт её ухаживаниями и предложениями.

Но реакция Тарана, которая ломала все планы, их смутила.

— Отлично, без меня мужчин приглашаете. Как это вы тут додумались однокурсников принимать разлюбезная Мария Валентиновна? — наехал на неё Таран.

— Было, каюсь, — не моргнула глазом за ложь она. — Но понравилась-то Наташа.

— А пришёл к тебе... — тут же уточнил Таран.

— Успокойся, — дёрнул его за футболку, усаживая на место, Саша. — Пыхаешь, как газовая горелка. Куда ей с ребёнком, — прошипел он.

Маша обиженно поджала губы: "Вот уж не ожидала, как с ума сошёл". А Кирилл, поняв, что погорячился с ревностью, перекинулся на сестру, не желая сам того, подыгрывая им.

— Ты чего кочевряжишься. Сколько будешь принца ждать. Чем тебе этот не угодил, раз ещё и дипломат, мир посмотришь. Вот упёртая, — пожаловался он Саше. — Сколько ребят привозил, не та масть. Чего ждёт не понятно, сама же не мисс Вселенная. В девках останешься, коза, — рассказывал он ей о её перспективе.

Подняв глаза на Сашу и поймав его растерянный взгляд, Натка, вскочив со слезами на глазах, торопливо одевшись, унеслась. Расстроенная Маша тоже ушла, хлопнув дверью столовой. Один Пашка любил их обоих, слюнявя по очереди то Кирилла, то Александра, радостно таскаясь с рук на руки.

— Какой-то ты брат голубой, — съязвил Саша, вытирая платком слюни со щёк.

Раскатистый мужской хохот разлетелся по квартире, достигнув Машкиных ушей.

— Ещё и ржут козлы, — всхлипнула она, забившись в свой угол, чтоб отойти от обиды и полистать журналы.

А Кирилл, сбегав ещё раз на кухню за чайником и разлив горячий кипяток по чашкам, покаянно вздохнул.

— Да-а. Чего-то меня занесло, обидел и сестру и Машеньку.

— Ревновать меньше надо, — озлился Саша.

— Я ревную? — вспыхнул тот. Но тут же стух. — Хотя, может, ты и прав, на что мне дался тот однокурсник её. Знаю же кретин, что только на меня стучит её сердечко. Но с другой стороны... Начал говорить ей о втором ребёнке- в штыхи. Рассказывает о фигуре, о маленьком ещё ребёнке.

— А если она права. Пашка мал ещё. Отложи годочка на три.

— Не фига. Я насел. Она обещала родить. А тут представляешь, обнаружил контрацептивы и понял, что она меня обманула. Что если она меня собралась бросить из-за этого дипломата?

Саша задумался.

— Никогда Маняша ни с кем не встречалась, я тебе точно говорю. Сидела книжки читала. Иностранной зубрила, по репетиторам бегала, да на пианино брэнчала. Откуда она этого дипломата выкопала непонятно, ещё и для Наты.

Кирилл одёрнул.

— Ну и фиг с ним, ты- то чего переживаешь?

— Собственно ничего, — засуетился Саша. — Пойду я. Отдохнул, в дела впрягаться надо. И не торопите вы Тасю с замужеством. Сама себе кабалу найдёт. Машка нашла вон тебя. И та не останется без камня на шею.

— Что-то я не врублюсь, чем я тебя не угодил? — поперхнулся Таран.

Саша пошёл на попятную.

— Это я больше про себя разговорился, нежели о тебе, проводи до двери.

— Ладно, забегай. Пойду Манюне ранки зализывать. В уголок, поди, забила и страдает.

Пашка стоял, раскачиваясь у стула, шлёпаясь на перевесившую попку и опять поднимаясь. Его руки стучали по крышке, как по барабану.

— Иди ко мне, — поманил Кирилл сынишку. — Не трусь хомячок, отлепляйся. Самая пора ходить. Не бойся, ну.

Но практичный малыш, покачавшись без упора, предпочёл сесть на устойчивое место.

— Нет, так не пойдёт. Давай сначала. Иди к папе, — поставил он его опять на попа. — Давай не дрожи, золотко моё. Папины руки на страже. Папа подхватит. — Ползал на карачках перед ним Кирилл.

Покачавшись, Пашка сделал шаг, другой, третий.

— Ух, здорово, — присел над племянником и Саша. — Мужик уже.

— Маша, — заорал Кирилл, — Машенька, Паша пошёл.

— Маняша бегом... — вторил ему Саша.

Кинув журналы и забыв обиды, Маша подлетела к ним.

— Где, покажи?

Оба махали руками, а малой заразительно смеялся.

— Вот только что. Давай сынок, покажи мамочке, как мы ходить умеем.

Пашку вернули на место отсчёта и поманили опять уже втроём. Малыш постояв, подумав к кому из трёх идти, дошёл до середины и сел, по — видимому так и не решив к кому податься.

— Философ, — хохотнул Саша. — С вами весело, но пора и честь знать. Пока.

Денёчки катились ровно. Ничего ни с кем не происходило, ни хорошего, ни плохого. Просто жили, как шли по дороге. Вперёд. Шаг за шагом. После того залёта в студии Кирилл долго был "пай — мальчиком". Но однажды он приехал домой пьяный в стельку. Сил хватило только на то, чтобы кое-как снять одежду, причём всю, не осилил он только носки. И не приняв ванну, свалился на кровать. Естественно на живот. Маша поморщилась. От него пахло женскими сладкими духами, а вся шея и щека пестрела губной помадой. Поднятая с пола рубашка была в ней же. "Не сдержался, подлец, опять "зажигал" с бабами". Душа наполнилась гневом. Красивое, мужественное тело любимого, обнажённая попка не возбуждали. Чтоб отвлечься ушла на кухню, сварила себе кофе, сна не будет всё равно. Подумав, включила телевизор. Показывали одни постельные сцены или зазывали погадать на судьбу гадалки. По всем каналам. Мерзость! Впрочем, какие претензии в три часа ночи. Она с брезгливостью выключила ящик познания и развлечения. Что делать? Что делать? Глаза бегали по шкафчикам и полкам, как будто могли там что-то найти в помощь. Вдруг её взгляд остановился на баночке с перцем. О! Маша вытянула банку и пошла в спальню. Заглянула. Кирилл спал мертвым сном. Видел ли он сон, она определить не могла, потому что лицо его, утонувшее в подушке, издавало сопение и свист. "Отлично!" Подкравшись, она раздвинула пальчиками половинки розовой попки и всыпала перец. "Вот так, милый!" Сползла с кровати и вернула баночку на место. Выпив ещё чашечку кофе с шоколадом, вернулась в кровать. Какой сон? Не до сна занимал вопрос: "Что будет?" Минуты тянулись мучительно долго. Ей даже показалось, что несмотря на выпитое кофе она уснёт и ничего не увидит. Но уже в следующее мгновение, он заёрзал, а поёрзав сел. Потом кубарем скатился с кровати и выкатывая глаза орать. Маша щёлкнула выключателем на настольной лампе и свесилась к нему:

— Что с тобой дорогой?

"Дорогой" ошалело посмотрев на неё сначала на четвереньках, потом и во весь рост рванул в ванную. Когда Маша, придушив смех, спустя пять минут пришла туда он с усердием, обливая себя гелями, мыл свои гениталии и попу. Маша стояла рядом и не просто смотрела на него, а и задавала умные вопросы: где был и с кем? от кого мог заразиться? отравиться?

— Перебрал, виноват. Банкет. Машуня, это- в последний раз, — выдохнул он. — Ничего не было, клянусь. Облизали суки только... Ооо! Что это со мной было?

Маша, проявив чуткость и сострадание, помогла добраться милому до постели и даже смазала детским кремом горящие места.

А Александру вдруг ни с того ни с сего напомнила о себе та, что сопровождала его в последнем недельном отдыхе. Естественно, он не привык к таким поворотам судьбы, давно уж забыв о её сосуществовании. Одноразовый экземпляр, сколько их было и скольким ещё предстоит скрашивать его одиночество. Но девица торопила и настаивала на встрече. "Интересно, откуда у неё мой номер телефона". — Соображал он, привычки не имею, где попало оставлять. Собираясь провести вечер в бильярдном зале, назначил встречу там. Саша редко пользовался, как и все члены, их семьи услугами охраны. Особенно, если на горизонте маячили дамы. И это сыграло не в его пользу. Не успел он, закрыв машину сделать и десяти шагов, как нарвался на нож профессионала. Пока окружающие сообразили, почему упал и что происходит. Время играло опять же не на его стороне. Вызвали "скорую", милицию.

Только время шло, а ни те, ни другие не появились. Собравшийся народ гудел: - Не спешат наши медики! Подохнешь, ни одна зараза не объявится!. Так и не дождавшись никого, а, узнав в пострадавшем постоянного и богатого посетителя, дирекция клуба вышла сама ловить случайную неотложку. Трогать или самому везти раненого никто не решался. Наконец, повезло, так и не увидев на горизонте безнадежно опаздывающую вызванную, тормознули мчащуюся мимо куда-то на вызов "скорую". Наташа, подбежав к раненному и узнав в распростёртом без признаков жизни человеке Александра, побелела. Но, собравшись в свой медицинский комочек, профессионал взял верх над убитой горем женщиной, принялась за дело. Сашу погрузили в машину и развернули в сторону института, сообщив в диспетчерскую о случае. Мигая синим маячком и, завывая безумной сиреной, "скорая" неслась вперёд. Толпа у клуба посудачив постепенно стала рассеиваться. А Саша, болтаясь в салоне неотложки, охрипшим голосом кричала в трубку дозвонившись до отца:

— Или ткани сердца задеты, или где-то очёнь рядом. Били наверняка, дыхание слабое. Делаю всё, что в моих силах, возможное и невозможное, но, что я могу. Везу в институт. Задержи дневную бригаду. Готовьтесь к операции.

Кинув трубку в карман, бросилась к нему.

— Сашенька, миленький, не умирай, — ползала она около него. — Уже скоро. Ещё чуть-чуть. Потерпи родненький. Держите кислород. Я вколю ему сама. Чёрт, руки дрожат, — ругалась она, пытаясь попасть в вену.

— Успокойтесь Наталья Владимировна. Вы ж видите, какой удар. Только Бог ему сейчас помощник, — попробовала привести её в чувство медсестра.

— Не говори так, — визжала Наташа, — он не умрёт.

— Раз рука у убийцы по какой-то причине дрогнула, значит, есть у жизни шанс. Молись.

Передав раненого хирургам, Наташа, обессилено прижавшись спиной к грязной машине и уткнув голову в его окровавленные вещи, заплакала.

Подъехавший отец, не общаясь, понёсся в операционную. Татьяна Анатольевна отведя дочь в сторону, посоветовала ничего не говорить пока Маше, но предупредить Кирилла.

— Хорошо, я так и сделаю, — согласилась Наташа.

— Мамуля помогите, спасите его. Как всё плохо, почему так? — рыдала она.

— Возьми себя в руки, это сердце, удивительно, что он вообще ещё жив. Где ты его нашла?

Перемежая рассказ всхлипами, говорила:

— Случайно, гоним на вызов, вдруг люди тормозят нас. Смотрю, Саша лежит. Ножевое ранение. Кровища. Я не смогу работать. Мне надо побыть тут, — кинулась она к матери.

— Не дури, езжай, тебя сотни людей ждут. Ему сейчас только хирурги опытные и хорошие специалисты нужны, а там видно будет. И почему тебя это так волнует? Ну-ка смотри мне в глаза. Тася, ты с ума сошла, — начинала понимать, в чём тут дело Татьяна Анатольевна.

Та не отпиралась.

— Полюбила, что уж с этим поделаешь.

— Он не для тебя, глупенькая, — горячо возразила, пожившая на этом свете, мать.

— Ну и пусть. Сколько операция продлится?

— Часов шесть, не меньше, если не больше. Сердце отключать придётся.

— Хорошо, я постараюсь доработать. Я понимаю, что людям ожидающим помощи, не

до моих личных проблем. Хотя ты, мамочка, ничегошеньки не понимаешь...

Наташа болталась в "скорой", выезжая на вызовы гипертонических кризисов и инфарктов, а душа осталась там, в институте, у стола, где колдовал над безжизненным телом Саши отец. Она, не переставая, звонила в приёмную, справляясь об Александре, но операция ещё шла, и ей никто ничего не мог сказать. Утешало одно, если оперируют, значит жив. Кое-как выловив Кирилла, на сцене они работают без телефонов, Наташа прокричала в равнодушную трубку: - "Сашу почти убили. Я знаю, что я дура. Операция идёт уже пять часов на сердце. Отец делает. Маше не говори".

Кирилл подъехал к концу операции. Татьяна Анатольевна о происшедшем толком ничего не могла рассказать. "Привезла Наташа, а вообще-то это не её смена, просто попросили подменить".

— Содержательный рассказ, — сжал кулаки он.

— Чем богаты, как говорить. Скоро Таська подъедет, поспрошай сам, — обиделась та.

Кирилл растерянно говорил:

— Ничего не понятно. Говорили ему, чтоб не пренебрегал охраной, деньги надёжные сейфы любят. Нет же своё... и, наверное, к бабёнке какой-то шёл. О чём я говорю, глупость всякая в башку лезет, — вскочил он. — Лишь бы обошлось.

— Будем ждать, — взяла его за руку мать.

— А что нам остаётся, — развёл руками он.

Конечно же, дождались. Хлопнула дверь и появился один, потом второй, третий... От усталости хирурги еле держались на ногах. Владимир Семёнович сам подошёл к ожидавшему у дверей Кириллу.

— Надо ждать. Сделали, что могли. Кровь нужна. Придётся говорить с Машей. Её подойдёт, мы Пашкину карточку посмотрели.

Кирилл только и смог спросить:

— Где он.

— Откатали в реанимацию.

— Я гоню за Машкой. Вы остаётесь?

— Остаёмся сынок, — кивнула мать.

— Давай Кирилл поторопись, — подтолкнул его отчим.

— Сейчас, сейчас... что-то я хотел. О! Значит, захвачу продукты для вас. Поужинать и позавтракать. Может ещё чего прихватить?

— Обойдёмся, поторопись.

Кирилл мчал по пустым ночным дорогам, продумывая со всех сторон разговор с женой. Как не крути, а что тут придумаешь. Горе и беда никому спокойствия не приносит, в какую обёртку их не заматывай. Вот и он старался как лучше, но напугал до полусмерти. Маша растерялась от такого известия. У неё падало всё из рук и совсем не слушались ноги. Кирилл, в темпе метался по комнатам, собирая малого, слаживая в пакеты еду для отчима и матери. Торопил Машку, возившуюся с тряпками, не в силах натянуть на себя ничего.

— Машуня, поспеши. Нас ждут, — наседали Кирилл, помогая застегнуть сапоги. — Давай руки, оденем дублёночку. Где шапка? вот она. Всё на месте, — осмотрел он её. — Вперёд!

— Кирюша, он точно живой? — всхлипывала она. До неё потихоньку доходил смысл случившегося несчастья.

Кирилл изо всех сил старался ободрить и дать надежду, только плохо у него это получалось.

— Живой, живой. Сама подумай, зачем мёртвому кровь. Ох, мышонок, мой мышонок... всё будет хорошо.

С приближением рассвета трассы заполнялись транспортом, быстро добраться в обратную сторону не получилось, хотя Кирилл и знал, что их с нетерпением ждут, но рисковать сыном и женой он не мог. Машу сразу же увели, а Кирилл, передав продукты матери и раздев сына, вымеривал с ним коридоры и холл шагами. Недоспавший Пашка капризничал, время тянулось медленнее тягучих сериалов. Сменившаяся с дежурства Наташа пролетела мимо обескураженного Кирилла к Саше и больше уже не отошла от него. Ничьи уговоры не помогали. Две любящие, самые близкие женщины сейчас боролись за него. Сестра, чья кровь бежала по его сосудам и Наташа. И только Маша знала, что для неё, Наташи, значит этот парень. Кирилл сам, на руках, перенёс Машу в палату. Пашку забрав и изрядно повоевав, кое-как уботала Татьяна Анатольевна в своём кабинете. Так что он сполна мог заняться Машкой.

— Пей, — налил он ей стакан кагора.

Она жаловалась:

— Мне плохо.

— Будет ещё хуже, если вредничать не перестанешь. — Он влил в неё напиток, и приказал: - А теперь ешь.

Она капризничала:

— Спать хочу. Оставь меня.

Кирилл разворчался.

— Машка, не лезь огурцом на вилку. Это может быть не последний забор. Тебе нужно бегом восстановиться. Давай ешь, малышка.

Она жевала через силу. Страшась спросить, всё же решилась:

— Кирюша, что произошло?

Он пожал плечами:

— Отвезу тебя домой и сгоняю к клубу. Перегоню с ребятами Сашину машину и поговорю с людьми. В органы заскочу, поинтересуюсь, быть может, они, чем порадуют.

Она смахнула слезу.

— Фирмы. Корпорация. Что делать, я ничего в этом не смыслю?

Он погладил её руки.

— Уже позвонил Максиму и отцу Юлианы. Решили, что Макс пока встанет у руля. У него говорят — зам ушлый парень, но рисковать не стали. Станислав Иванович одобрил. Родителям решили пока ничего не сообщать.

На что маша сжимая кулачки прошептала:

— Раз без охраны значит свидание, поймали на бабе. Господи, мужики такие идиоты.

Кирилл, понимая её правду, всё же поморщился.

— Маша, мы ещё ничего не знаем. Главное, чтоб он жил.

— Да, да, конечно... — засуетилась она. — Наташу покормите, она на святом духе там сидит.

— Ты права, малышка, хорошо хоть Натка свободна и может около него сидеть. Я по возможности буду её подменять.

Маша, слушая Кирилла, думала о том, что мужики, точно слепые котята. Именно

поэтому они любовников своих жён, как правило, прохлопывают, а женщина сразу улавливает наличие соперницы. Поднимет она шум или проглотит, это уже другое, но учует непременно. Кирилл так ничего не понял о сестре и Александре.

Так и было, не понял. А Наташа находилась при Саше неотлучно. "В неё словно вселился бес", — жаловалась мать Кириллу. Оттащить её от него, отчаявшись в бесполезности такого мероприятия, уже никто не предпринимал попыток. Она спала там же на кушетки, почти отказываясь от еды. Мать, не понимая такой её жертвы, пыталась повлиять на девчонку, но с упрямством дочери справиться не могла.

— Наташа, это даже не прилично. Смеяться же все будут. Мало ли в кого мы влюбляемся. Но зачем такие жертвы и потом такое твоё поведение насторожит людей. Ты этого хочешь? — затолкав её в кабинет, с жаром втолковывала ей она.

— Мне всё равно, — стояла на своём, усталая Наташа.

Упорство девушки было вознаграждено. Первого, кого увидел Саша, придя в себя, была она, Наташа.

..таташа, — проглотив первые буквы, выдавил из себя вместе со стоном он, пытаясь дотянуться до неё.

Она прося, наклонилась к нему низко, низко.

— Молчи, умоляю. Молчи...

— Прости меня...,- шептал он сухими губами.

Девушка волновалась за его здоровье и, пытаясь ограничить разговор, просила:

— Господи. Да замолчи. Тебе нельзя говорить.

— Ната, не уходи, — умолял он.

Наташа и не уходила:

— Папа, — метнулась она к вошедшему отцу, — он пришёл в себя.

Профессор разворчался:

— Зато ты ноги протянешь. Теперь, надеюсь, вернёшься домой. Сделала себя добровольной сиделкой. Ему это надо, рассердится ещё?

Но раненный и не думал сердиться.

— Не трогайте её, — разжал запёкшиеся губы Саша.

— Давай парень живи. Травинкой и берёзкой ещё успеешь стать. Наташа вон сюда жить переселилась, а это не порядок. Девушка в одной палате с голым мужиком, — пошутил он.

— Жениться придётся не иначе, — улыбнулся Саша. — Как я к вам попал?

Профессор осматривая его по ходу объяснил:

— Если коротко, то Наташа привезла. Это тебя и спасло. Попади ты в обыкновенную "скорую", то веночек бы уже купили на могилку и слезу выдавили. А что там произошло тебе виднее. Милиция уже замучила звонками в надежде с тобой переговорить. Дело за малым, в сознание не приходил.

Счастливая Наташа, не слушая брзжание отца и отойдя к окну, торопилась сообщить хорошую новость Маше.

— Пусть Кирюха бульон привезёт и что-нибудь лёгкое. Сообрази сама. Сок надави свеженький. Маша, ты плачешь? Не плачь, родная, он будет жить.

— Это от счастья, Сию минуту вызвоню Кириллу. Он уехал разбираться с этим безумным нападением.

Действительно так и было. Кирилл объехал все точки, которые могли дать хоть какую-

то информацию о нападении. Все примерно сходились в одно. Шёл в бильярдный клуб от машины. Видимо ждали. Встретил человек лицом к лицу. Прохожие там редки. Ударил и пошёл дальше за угол. Александр упал. Пока схватились, убийцы след простыл. Описание кое-какое есть, но в картотеках ничего похожего не значится. Скорее всего, наёмное убийство.

Хорошая новость о Саше застала Тарана в дороге, развернув машину, понёсся в институт. Но Машка, остановив эту его прыть, потребовала заскочить домой. Забрав бульон и еду, он помчал к Александру. Улыбающаяся Наташа, выхватив термос с бульоном, организовала тут же кормление раненого. Саша, послушно открывая рот, глотал еду.

— Сашёк, ты нас так напугал, — пожал слабые пальцы друга Кирилл, — поправляйся. Машка привет передаёт. Мы здесь все ночевали и дневали. Хорошо, что обошлось. Я задам вопросы, ты ответь, пожалуйста. Это очень важно переговорить нам до милиции.

Тот кивнул. Кирилл с ходу полез с вопросами:

— Случайность или у тебя была встреча?

— Встреча.

— С кем?

Саша молчал, посматривая искоса на копошащуюся рядом Наташу, не торопился с ответом.

— Ну-ка, выйди отсюда. — Сообразил выпереть сестру Кирилл. — Меньше знаешь, крепче спать будешь.

Недовольно оглядываясь, Натка вынуждена была уйти. Саша рассказал как оно было:

— Из агентства дама. Я заказывал её для последней поездки в край вечного лета.

— Кто назначил встречу?

— Она.

— Ты с ней отношения поддерживал после поездки?

— Зачем. Это ж сам понимаешь, разовый заказ. Я и думать-то забыл.

Кирилл ухмыльнулся, мол, знакомая картинка и он поступал так же.

— Ясное дело. Давай данные птички. Есть мысль, что это не случайное нападение, а тебя пасли.

— Не помню. Лариса... фамилии не помню, возьми у моего секретаря. Она занималась билетами и путёвками.

— В общем, так... У меня есть нормальный частный детектив. Он занимался одним нашим делом. Я нанимаю его. На милицию надежды большой не возлагаю. Увязнут они в этом дерьме. Поправляйся, давай. Пойду, сеструху позову, а то бульон остынет. Она тебе не надоела, может нанять профессиональную сиделку? — участливо спросил он.

Александр воспротивился:

— Оставь всё как есть.

Кирилл пожал плечами:

— Тебе виднее.

Наташа мяла, отваренную Машей рыбку, перемешивая её с картофельным пюре. Кормя и поя парня с ложечки. Принеся соковыжималку в палату давила из свежих фруктов и овощей соки. Обтирала влажным полотенцем тело и, несмотря на его сопротивление, таскала утки. Он лежал в дорогой палате со всеми атрибутами цивилизации. Наташа спала на диване, отказавшись покинуть его. Уставшая спорить с ней Татьяна Анатольевна махнула рукой на дочь: - "Делай, как знаешь. Дождёшься, что сам прогонит. Успокоишься".

— Наташа, прости меня. Я виноват, — поймал вечером Саша её руку.

— Ничего подобного, я сама этого хотела. Не переживай, пожалуйста. Ты только об этом и твердишь, не хватало ещё, услышит кто.

А он не веря шептал:

— Меня жалеешь. Нарочно это придумала. Я знаю, чтоб не мучился.

— Глупый. Вот! — Прижалась она неумело губами к его потрескавшимся губам, застеснявшись своего порыва, выбежала из палаты, наткнувшись в дверях на Кирилла.

— Чего это с сеструхой? Чуть с ног не свалила, летела, как Марадонна за мячом.

— Привет! — протянул ему руку Саша.

— Как жизнь? Впрочем сторонний вопрос, вижу, что лучше. Цветёшь. Завалили тебя тут цветами и фруктами.

— С фирмы народ был. Секретарь приезжала. Затарила под завязку. Наташа не успела разложить, — отчитывался тот.

— Следователь был? — спросил Кирилл.

— Был. Я про встречу не сказал. Шёл в клуб и всё.

Кирилл оглянулся на дверь и таинственно заговорил:

— А у меня новости. Сука эта из агентства фьють, слиняла. Детектив проверяет, с кем она дело имела до тебя и после. И вот ещё что я тут подумал, детектив, между прочим советует тоже. У чужих продукты не берите. Давайте будем осторожными. Правильно говорят, бережёного, Бог бережёт. Только домашнее, своё ешьте. От сослуживцев вот это через секретаря передавали, больше никто не подваливал?

Саша пытался приподнять голову.

— Да. Вообще ж никому не говорили, что я пришёл в себя. А что?

Кирилл перевёл разговор на секретаря.

— Анна Павловна? Хорошая женщина. Где ты её добыл?

Александр рассказал:

— Отец организовал из своих совковских коллег.

Таран, стараясь действовать по инструкции, попросил:

— Давай перепроверим, извини.

— Зачем?

Но Кирилл, не слушая его, набрав нужный номер, уже вёл с секретарём разговор.

— Анна Павловна, это Таран беспокоит. Мы вчера с вами беседовали. Приятно, что узнали. У меня вопрос такой. Вы к Дмитриеву приходили, продукты сами лично покупали или ещё кто-то поучаствовал. Молочное не ваше, кто передал говорите, Фролов. Это кто? Первый зам. Александра Валентиновича. Я понял. Служба безопасности интересуется, — подмигнул Саше он. — Мало ль что думаем, раз попытку сделали, могут и ещё попробовать. Спасибо Анна Павловна за информацию. Прошу не говорите об наших разговорах никому. Ни о вчерашнем, ни о сегодняшнем. Договорились?

Отключившись, возбуждённый, он повернулся к Саше.

— Понял Сашёк, всё молочное выбрасываю. Наташа, — сунул он пакет вошедшей девушке, ну-ка выбрось это в мусор. И ни у кого чужих ни-ни. Уразумела?

— Не глупая же. Отнесу. Может, кто из нянечек возьмёт.

— Что угодно делай, только ни сама, ни Саша, чтоб ни прикасались.

— Хорошо.

Наташа, пожимая плечами, ушла, а он проводив её наклонился к Саше:

— Саша, давай охрану у палаты поставим. Опасно. Маша беспокоится, а у неё нюх, как у гадалки.

Александр поморщился. Такая возня ему была не по душе.

— Не будем пока в криминал впадать. Может, всё проще простого. Баба за что-то мстит или случайность.

— Смотри, дело хозяйское. Натка вернулась. Я поехал. Малого надо на прививки завтра свозить. Машуня уже ультиматум сегодня выдвинула, так что завтра я перед работой только заскочу.

Так и было ультиматум. В детской поликлинике, построенной ещё в хрущёвские времена, негде было яблоку упасть. "Интересно, о чём думали архитекторы, проектируя такой лабиринт", — чертыхнулся Таран. Узкие коридоры, забитые родителями и детьми, стонали и гудели разноголосыми малышами. Узрев такое дело, Пашка с ходу бросился в знакомство. Сидеть на руках, ни за какие коврижки он не захотел, никакие уговоры не действовали. У рослого Тарана ныла спина от беготни с ним. Бултыхаясь ещё на слабых ногах от одного к другому, колесил он, по коридору улыбаясь всем подряд малышам. Особенно он умилялся около нарядных девочек, пытаясь попробовать яркие платяца на вкус. "Как-то ты сынок неправильно ухаживаешь. Девочек целовать надо, а не наряд их жевать", — хмыкал он. Сменившей Кирилла Маше было значительно легче бегать за не уклюже мотающимся мальцом. Страхуя сзади, либо за руку, которую он с визгом выдирает, не желая принимать помощи, она рулила с ним по узкому пространству.

— А ещё удивляются, что у нас футбол, как пуговица на толстом животе неудачно из петли вылетает. Набегаются пацаны с малолетства по узким коридорам, в больницах, детсадах и школах, так потом уже на широком поле не знают, что и делать. Попался бы мне этот архитектор.

— Потерпи, дорогой, — улыбалась Маша, жалея мучающегося в три погибели сложенного Тарана.

— Ага, ещё полчаса терпения и я эту контору на вилы подниму. — Взвыл Кирилл, ловя бегущего на четвереньках сына по коридору.

— Тише дорогой. Тише. Скоро наша очередь и мы заходим.

— Красиво сказано. Мы заползём туда тройкой, на четвереньках подталкивая сзади, друг друга.

Звонок взволнованной Наташи застал Кирилла, спешно упаковывающего Пашку после получения прививок и орущего во всю мощь.

— Если б ты знал хомячок, за каким мёдом мы тут стояли, то полз бы со всех рук и ног в противоположную сторону, — посмеивался Таран, включая телефон. — Алло!

— Кирюха, дуй к нам, тут такое случилось, — кричала, глотая буквы, сестра.

— Живы все? — ёкнуло сердце

— Наши да, — был получен короткий ответ.

У Кирилла отлегло.

— Я понял. Уже едем.

Поторопив Машу, мило беседовавшую с детским врачом, помчал к ребятам. С чертыханиями, объезжая заторы добрались кое-как до института. Поток машин не рассчитанный на ширину и качество наших дорог тормозит сам себя. "Как здорово в этих новых машинах! — устроилась Маша поудобнее, с задремавшим сыном. — С этими жуткими

пробками, когда приходится долго ждать, такая прелесть. Ведь и так сидишь, как на гвоздях, злишься, кажется, быстрее получится добираться на метро, нежели колёсами, а комфорт скрашивает жизнь, — не раз радовалась отцовскому подарку она. — Как не крути, а удобно".

— Кирюша, что там? — решила спросить она.

— Пока не знаю.

Она не поверила.

— Ты скрываешь от меня правду.

Кирилл попытался объяснить, но вышло непонятно:

— Нет, малыш. У Сашки кавардак, но где собака зарыта, не понял. Он жив, это главное.

По коридорам бежали, как на стометровке. Обрадованная внуку Татьяна Анатольевна, утащила сокровище в свой кабинет. Наташа, в нетерпении бегавшая по палате, кинулась к брату.

— Представляешь, у нас умерла нянечка, — зашипела она ему на ухо.

— Ну и что? — не понял Кирилл. Разочарование вытесняло панику.

А Наташа опять ему:

— Она забрала пакет с молочными продуктами, что выбросили мы вчера. Блин, братец, да, доходи уже быстрее. Секретарь ему принесла, а ты отправил меня выкинуть его в мусорный бак.

Тут до Тарана, как и желала того Ната дошло.

— Ты кому-нибудь сказала об этом? — заикаясь и тоже шёпотом, спросил Кирилл.

Та на всю силушку замотала головой, точно она у неё была лишняя.

— Нет, что ты.

Кирилл походил по просторной палате. Наташа побегала за ним. Решив для себя главное, он подсел к Саше.

— Всё Сашёк. Хочешь, не хочешь, я вызываю охрану. Натка, если что, парни будут за дверью.

Та послушно кивнула.

— С чего такие убойные меры ведь всё хорошо? — насторожился Саша. — Или что-то произошло и вы мне не сказали? О чём Тася тебе так злое шептала?

— Сейчас придёт детектив, и мы всё тебе выложим, — не торопился раскрывать карты Кирилл.

Дозвонившись до детектива, он попросил срочно приехать.

— Продолжение имеется, — ввёл он его в курс дела.

Понятно, что то была не случайность. Сашу пытаются убрать. Кто и за что? Кирилл считает, что причина в бизнесе. Но что скажет специалист...

Охрана и детектив прибыли почти одновременно.

— Антон, — представился парень лет тридцати шести, среднего роста и привлекательной наружности Александру. Он на правах хозяина пригласил:

— Присаживайтесь. Чем порадуете так сказать?

Он присел в кресло. Откашлялся.

— Выяснил на счёт... — он покосился на Наташу, не зная, кто это и что можно говорить, а о чём промолчать.

— Ната, иди с Машей пообщайся. Толай, толай без возражений, — отправил сестру без церемоний Таран.

Наташа обиженно поджав губы вышла, плотно прикрыв за собой дверь: "Получите!"

— Пока ясно только одно, она была связана с вашими конкурентами. Дробинина знаете? — Получив утвердительный кивок Саши, он пошёл дальше:— Ну, вот я так и знал... В оборот его клешней, она попала после вашей поездки. Но сегодня я узнал ещё такую деталь. Дама была связана с Фроловым.

— А причем тут мой зам, может быть совпадение? — свёл брови, которые тут же образовали канавку между ними.

Кирилл раз кольнуло, второй...

— Ага, сейчас, — завопил он. — Чёрт, так лопухнуться. Йогурты, что я выбросил. прислал тоже он, — хлопну себя не жалея по ноге Таран.

— Что с этим ещё? — сразу насторожился Антон.

Кирилл выложил:

— Женщина, которая их забрала умерла.

Детектив опустил кулак на столик.

— Это уже многое проясняет.

Таран, пройдясь по палате, встал у окна.

— Что общего у господина Дробинина и зама Саши? — упёр он взгляд в детектива.

Тот пощипал подбородок, но ничем не обрадовал:

— Пока не знаю. Охрану выставите у палаты и будьте осторожны. Действуют нагло, наверняка. Так играют только когда большие деньги на кону.

— Только вот в какой игре? — развёл руками Таран. — Тычемся, как слепые котята, попадём, не попадём, на ощупь идём.

Но Антон с ним не согласился.

— Ну не так уж всё и плохо. Одно покушение отбили. Надеюсь, никто не знает, что Александр Валентинович поправляется?

— Мы чётко выполняем твою инструкцию, балансируя между смертью и жизнью. Поэтому попросили и передачи не приносить, — заверил Кирилл.

— Максима предупредите, чтоб, внимательнее с новыми контрактами и перечислением денег был, — попросил Саша, — если что пусть звонит, только не из кабинета. Фролов? никогда бы не подумал на него. А может сбег. Бывает?

Детектив криво усмехнулся, мол, проверим и тут вдруг вскочил:

— Спрятать надо Анну Павловну, если ещё не поздно. Про йогурт только она знала. Он уберёт её. Жалко. Она служила верой и правдой отцу, потом мне и никогда ничего не требовала для себя.

— Балда. Это ж так просто, почему я сам не догадался, — выругал себя Кирилл. — Но я сейчас не могу. Мне Машу с малым надо домой забросить.

Антон посмотрел на часы и приказал:

— Я сам съезжу. Пишите адрес.

Саша указал в сторону тумбочки.

— В телефоне возьмите на тумбочке.

— Надо же какая штука. Компьютер карманный. Сколько же он стоит, не иначе полмашины? Давай ты сам, а то я и пользоваться-то такой техникой не умею. Моя тоже не простого десятка, надобность такая, но гораздо проще.

— Я тебе его подарю, распутай только это дело. Пока ничего не понятно, — пообещал Саша.

А детектив выговаривал им.

— Что ж вы оба ничего мне про секретаршу-то не сказали, олухи. Тебе не за чем там светится Таран. Личность твоя хоть и на любителя, а узнаваемая, — предупредил его Антон. — Желтая пресса завтра же такое намалюет, что ой, ё, ёй.

— Гони к секретарше не базарь, а то я места себе на этой кровати не найду, — попросил Саша детектива. — Хорошая женщина, жаль будет, если беда случится. Помести ко мне на квартиру, вот возьми ключи.

Раздав инструкции парням, заступившим с дежурством у палаты, Кирилл увёз семью домой. Антон опоздал. Анны Павловны не было на работе. Дома никто не подходил ни к телефону, ни к двери. Что-то подобное Антон и предполагал. Потому и не спешил лезть туда сам нелегально. Из квартиры явно просачивался запах газа. Обеспокоенные соседи вызвали газовую службу и милицию. Антон один из первых вошёл в квартиру, хозяйка которой была мертва.

— Скорее всего, убийство, — предупредил служивых, детектив. — Отравление, имитация.

— Не лезь парень, такое "убийство" каждый день случается. Несчастный случай. Проще не бывает. Использование газовой плиты не по назначению, то есть для обогрева. — Деловито пресекла посторонние рассуждения милиция.

Антон не стал спорить, у каждого свои задачи и знание предмета. Двинув за трупом в морг, сообщил уже по ходу новости Кириллу.

По скорому, приготовив ребятам обед, Таран помчал обратно в институт. Страсти кружат вьюгой совсем близко. Лучше быть рядом с Сашей. Зайдя в палату, застал Наташу сладко спящей, сидя на стуле, уткнувшись в плечо Александра. Саша затёкшей рукой, как мог, поддерживал девушку, чтоб, сползя, не грохнулась во сне на пол.

— Ты чего опять пригнал? — встретил вопросом Кирилла он.

— Еду привёз, — кивнул он на пакет.

— Кирюха, перенеси её на диван, рука затекла, — попросил Саша его.

— Разбудить надо было барышню. Мучаешься, не знаю зачем, — сетовал Кирилл, укладывая сестру на диван.

Но Саша не поддержал его нападок.

— Она и так не понятно, какими силами держится. Ведь день и ночь около меня. Пусть поспит. Жалко стало. Совсем с лица спала с такой жизнью.

— Ничего с ней не станется молодая. — И тут Кирилла осенило:— Слушай, мне кажется, эта чебурашка влюбилась в тебя? Иначе чего ей торчать тут. Вот глупая...

— В меня, что нельзя влюбиться? — сдержал смешок Саша.

— Не путай меня. Я ж не об этом. Просто ты и она. Но, похоже, у неё мозги до этого не дотягивают. Больно ей будет, когда в действительность въедет. Ты как-нибудь поделикатнее с ней... Вот глупышка.

Саша оборвал его трёп.

— Хватит не по делу балалайкать. Что там с моим секретарём?

Так и быть Кирилл переместил разговор в интересующую Сашу область:

— Так нет больше Анны Павловны. Опоздали. На сутки опоздали. Дела кровавые около тебя. Знаем убийцу, а взять не можем. Вывернется и ещё больших бед натворит.

Саша расстроился. Ему было жаль ни в чём не повинную преданную фирме женщину.

— Плохие делишки, набери мне Макса. Я всё-таки надеялся, что это ошибка.

Выполнив просьбу, Кирилл протянул ему телефон:

— На, общайся.

Приложив трубку к губам, он хрипел:

— Макс. Ничего не говори и только слушай. Я в курсе насчёт Анны Павловны. Переведи своего секретаря. С Фроловым ни жу-жу. Пригласи специалистов, Антон тебе посоветует, кого взять, проверь клопов везде, только тихо. Прослушки непременно должны быть. Думай из-за чего они так стараются. Что мы просмотрели, а они унюхали. Непременно что-то должно пахнуть хорошими бабками. Возьми охрану и осторожнее, прошу тебя. Ты им тоже, как кость в горле сейчас.

— Пиастры, пиастры, — разозлился Таран. — Людская жизнь ноль, мусор. Похоже ты прав Макс перелопатил им все планы. Рассчитывали, тебя уберут, Фролов займёт твоё место. А кто ж ещё то. Вышло, как всегда не так. На-ка, выкуси, вместо тебя сел Макс. Второго убирать побоятся, прокол получится. Всех непременно насторожит новое ЧП. Итак, уже напетляли. Секретаря вне плана пришлось нейтрализовать.

— В голове не укладывается, почему? — морщился Саша пытаясь пошевелиться.

— Нос твой, наверное, ему не понравился, — съязвил Кирилл. — Пойду, посмотрю, кого-то несёт, — поднялся он на стук в дверь. — Что там хлопцы?

Те сунули пакет.

— Да, вот, санитарка передачу принесла. Говорит, передали. Сами разбирайтесь, что с ней делать.

Кирилл отвлёкся от принесённого пакета на звонок телефона в палате. Кивнув охране соглашаясь. — Поставьте на стул, разберусь. Алло, да палата Дмитриева. Кто у аппарата? врач. Пакет? принесли пакет. И тут до Кирилла дошло... Подскочив к пакету, он швырнул передачу в форточку. Раздавшийся через секунду взрыв и посыпавшиеся на нижних этажах стёкла прояснили картину.

— Не оторвались, а могли слетать на Луну, — вытирая дрожащими руками лоб, пытался шутить Таран. — Представляешь, что бы сейчас с палатой было?

— Уф. Вот это напор. Как ты сообразил? — выдохнул Саша.

— Ребятки, — попросил он, вбежавшую охрану. Больше ничего не берём, ни у кого, чтоб не подавиться угощением. Мед персонал обыскивать. Особенно с тележками. Сгоняйте кто-то один вниз. Узнайте, что там пострадало.

— Сейчас тут милицейские машины серенады выводить будут, — приходя в себя от изумления, проямлил Саша.

— А мы причём, кто видел, что он из нашего окна выпал. Пусть ищут террористический акт, — глумился, над случившимся и собой, Кирилл. Чуть не влипли.

Бедная Наташа, разбуженная взрывом и звенящими стёклами, ошарашено озиралась, не в силах спросонья понять происшедшего.

— Ребята, что-то упало?

— Не знаем Ната, охранник побежал разведать. Грохнуло где-то, — финтил Кирилл.

— Сон хороший снился, перебило, теперь не помню.

— С чего ж решила, что хороший? — съязвил Кирилл.

— Легко было. Отстань, чувствую, что хороший и всё.

— Ты даёшь, детка! — улыбнулся и Саша.

Стараясь не показать озабоченности, ребята пересмеивались. Кирилл вышел в коридор, переговорить с вернувшимся охранником, позвонить Антону, рассказать о сюрпризе в пакете

и проконсультироваться на дальнейшие действия. С каждым днём становилось всё горячее.

— Фролов же наверняка узнает, что взрыв прогремел не по назначению. Киоск смело газетный. Хорошо хоть рабочий день кончился. Обошлось без жертв, — пояснял он ситуацию детективу.

— Будем пасти, не паникуй. Он придёт сам. Предупреди охрану. Думаю, на этой недели всё кончится. Я докопался до причины.

— Антон, в чём соль?

— Публичное уничтожение. Подсунут контракт. Естественно, с липовыми партнёрами. Комар носа не подточит. Машина у них завертелась. Остановить они уже её не в силах. Эшелоны с химией в пути. Подготовили всё таким образом, что обдeldывают свои делишки, ставя предприятие под удар, и линяют, разоряя корпорацию подчистую. Я еду. Жди, переговорим.

В палате ждали. Наташа, приведя себя в порядок, пробовала накормить привезённым братом ужином, начинающего привередничать в еде, Александра.

— Надоело всё безвкусное. На пару. Я жареной картошки хочу и мяса с корочкой.

Девушка кормила и приговаривала:

— Ешь, что хороводом наготовили и ту, какую, врач приписал. Выздоровеешь, по ресторанам будешь шастать.

Тот морщил нос:

— Слово-то какое "шастать". Отгулял я своё. Наташенька, я домашних обедов хочу. Выходи за меня замуж, — поймал он её за руки, притягивая к себе.

— Больному юмор прощается, ешь, не капризничай, — не придавала она его словам никакого значения.

А он не собираясь отступить гнул своё:

— Я понимаю не романтическая обстановка и всё такое, я встану и сделаю, как полагается в таких случаях. Но ответь, пойдёшь за меня? Это-то сделать можешь сейчас.

Отправляя ему новую ложку с пюре в рот, она вздыхала:

— Остынь. Ты через неделю меня бросишь. Это я тебе в больничной палате королевой показалась, особенно, когда уколы леплю. А выйдешь, глаза разбегутся опять от баб. Моя звезда и потухнет, — улыбнулась не весело она.

Сашу это приводила в уныние:

— Ната, мне тяжело тебя слушать?

А Наташа ему раз и ещё ложечку мятой картошечки и ещё вот это:

— Или ты решил осчастливить меня в благодарность за уход?

— Наташа? — обиделся он.

А она ему опять:

— Не старайся, ты мне ничем не обязан.

А он:

— Зачем ты так?

Маша с новой ложкой у его рта караулит:

— Вот встанешь, тогда и поговорим. Может, к тому времени сменишь ориентир.

— Девочка моя, — поймал он её руку опять, но разговору помешал вернувшийся

Кирилл. И с ходу:

— Самому ложкой пора работать, набаловала ты его сестра.

Наташа тут же показала ему язык, а Саша пробурчал:

— Завидно. Попроси Машка тебя покормит.

Кирилл тут же заметил:

— О, коготки уже выпускает, пора ему лыжи отсюда смазывать.

— Мне и тут неплохо, — отворчался Саша.

— Натка, смотри за медперсоналом, ты их знаешь в лицо. Заметишь чужого, шуми громче. Задание поняла? — Тут же раздал Кирилл новые инструкции.

Та взяла под козырёк, мол, есть! Но проворчала:

— Поняла. Обязательно надо по мне утюгом чугунным пройтись.

Уже в двери обернулся и щурясь от смеха, предупредил:

— Не скрипи, уже ушёл. Не доводи Саньку до икоты своими медицинскими закидонами.

Дождавшись захлопнутой за Кириллом двери, Саша, ухватив за халат, подтянул Наташу к себе.

— Ты не отважишься дать мне ответ.

Наташа молча рассматривала носки своих туфель.

— Молчишь, ничего в бабах не понимаю, если не нужен, зачем всё это, — обвёл он рукой палату. — Столько усилий, времени и энергии затрачено на меня. Приговорила себя быть сиделкой, зачем?

Она отвернулась.

— Ты просто куражишься надо мной, — с горечью высказал он.

Сердце носилось от пяток до груди и обратно и колотилось, колотилось, колотилось...

— Дурак. Столько нагородил. Выходит я права, всё-таки из благодарности решил меня осчастливить, — воспользовавшись его заминкой, отошла она к окну.

— Опять песня старая звучит, про травку и козлика. Тася, в чём дело? Никогда ни одной женщине не делал предложение. И на тебе, не понятный отказ. Повернись ко мне лицом. Я с кем разговариваю. Ну-ка иди сюда, чего ты сбежала. Хорошо, тогда я встану сам, — откинул он одеяло.

Этого ещё не хватало, что за ребячество.

— Нет, нет, — подлетела к нему она, — я уже тут.

Он смотрел прямо в глаза и требовал ответа.

— Почему всё так?

Наташа вздохнула и, глядя мимо него, на картину на стене, как будто обращаясь к розовощёкой парочке на саях, мчащихся на тройке по снежной дороге, говорила:

— Я люблю тебя давно. Но замуж не пойду за тебя.

Теперь Саша уж совсем ничего не понимал.

— Здрасьте вам. Это как понимать?

— Ты не любишь меня, выпалила она.

Он рассмеялся:

— Откуда такой сногшибательный психоанализ, ты ж не Юлька?

— А тут и не надо быть специалистом по психотерапии. Всё ясно и так. Ты постеснялся сказать даже главные в таком вопросе слова.

Саша быстренько соображал, что для такой девицы, как Ната главное: "Наверняка тоже, что и для Маши!"

— Я люблю тебя, люблю, — эти? Готов повторить тебе тысячу раз. Люблю тебя,

девочка моя, люблю, понимаешь. И этих слов тоже никому не говорил. Тебе вот детка. Потому-то они так не просто мне даются.

Конечно же, Наташа не поверила и закрыв лицо руками разрыдалась:

— Это неправда. Меня нельзя любить. Я не манекенщица и не красавица. Всё ложь.

— Детсад. Любовь приходит ниоткуда. Зачастую не стучась. Она или есть или её нет. Иди ко мне. Куда ты опять уползла. Не провоцируй меня, на шантаж, — пригрозил он Наташе. Которой ничего опять не оставалось делать, как присесть на кровать.

Сесть села, но прошептала:

— Корона, конечно с моей головы не упадёт, если я посижу рядом, но мне трудно поверить в реальность происходящего.

Саша взяв её ладошку и приложив её к сердцу, заговорил:

— Прелестно. Будем считать, что я исключение из правила. Люблю тебя маленькую сумасшедшей любовью. Дальнейшая моя жизнь не интересна без тебя и не предполагается. Хочу, чтоб рядом была мягкая, добрая, тёплая женщина, сопящая по утрам в моё плечо. Чтоб сидя на работе, хотелось позвонить домой и услышать твой голосочек. Вечером почувствовать, как рученьки твои взлетят петлёй на мою шею. Лететь, спешить домой хочу, а не лазить по клубам и кабакам. Не отказывайся от моего предложения, если любишь. От любви не отказываются, детка. Не мучай не себя, не меня. Не обедняй нас. Поправлюсь, я тебе обещаю, мы всё наверстаем. И вздохи при луне и прогулки до зари. Я понимаю. Ты девочка ещё. Тебе хочется, как в книжках и фильмах. Будет всё, потерпи.

О, теперь она поверила и заторопилась:

— Нет уж. Лучше на висящую луну будем смотреть сквозь бельевую прищепку с балкона, а зарёй любоваться из окна. Взяв его руку в свои, приложила она к горевшей щеке. Хватит приключений.

— Спасибо, малышка, — потянулся он к её губам. — Объявим о помолвке?

— Давай подождём выписку.

Выписку действительно ждали, как манну небесную. Каждый день давался нелегко. Ночью Наташа палату просто запирала изнутри. По прикидам и предположениям детектива рассчитывали, что попытка устранения будет в дневное время, но Наташе так было спокойнее. Охрана сидела себе с внешней стороны на стульях или бродила по коридору. Кирилл с Антоном тоже находились постоянно в небольшом удалении от палаты. Такие жёсткие меры принимались не спонтанно. Вскрытие секретаря, на котором он присутствовал, подтвердило догадку Антона. Женщина была отравлена ядом. Причём пила она с явно знакомым человеком. Бутылка стояла откупоренная на кухне. Себе она, на такое дорогое удовольствие денег бы пожалела. Вино было одно из редких и не дешёвых. Значит, принёс гость. Сашу был шанс спасти, только охраняя и страхуя самим. Оказалось, беспокоились и нервничали не напрасно. Он пришёл действительно днём и сам. Маскируясь под врача. Наташа не узнав, и проявив любопытство, забеспокоилась:

— Вы кто, откуда, я вас не знаю?

Столкнувшись с препятствием, он попробовал отбрехаться от назойливой сиделки, мол из другого отделение на подмене, и пройти к спящему Саше. Но упрямая девчонка заступила ему дорогу.

— Не пуцу, пусть вас представит мой отец, раз вы по подмене.

Поняв, что миром не одолеть, а шум ему не нужен. Стукнул её в лицо кулаком, пытаюсь

вырубить одним ударом. Наташа, сделав неудачную попытку увернуться, подняла шум, выплеснув ему в лицо заранее приготовленное на этот случай лекарство. Этим спасла, ворвавшихся в палату на её крик ребят от пуль. Бросив оружие и вопя от боли, ничего не видя, он крутился, как ужаленный на месте. Саша проснувшийся от идущей борьбы и крика Наташи, тарачил спросонья, без какого либо понятия глаза. Наташа, всё ещё закрывая его собой, голосисто крича, с кем-то яростно и явно не на равных борясь. Влетевшие в палату на помощь ребята, скрутили кинувшего оружие и держащегося за глаза от боли мужика. Сдёрнув с которого повязку с лица и нахлобученную на лоб шапочку, Кирилл узнал Фролова. На его лице просто было написано: "Ай да мы!"

— Фи, ля комедия, — воскликнул Антон. Надо решить следующий вопрос- вызываем мы милицию или нет и что говорим в обоих случаях.

— Прилетел ворон поклевать? — прошептал Саша.

— Так хорошо везде шёл, без следов и такой облом, — язвил Антон, проверяя карманы.

— Сашёк, какие гости зашли тебя проведать, — Кирилл держа его руки замком, тоже не сдержался от выражения своего состояния.

А тот орал мотая головой и матерясь. Но на его вопль не обращали внимания.

— И гостинец принесли, закачаешься, — потрогал носком полуботинка оружие Антон.

— Сеструха, ты как? — подал Кирилл платок Наташе. — Нос опухнет. Хорошо ему курносому досталось. Руку не выбил?

Натка морщась, в знак проверки, покрутила рукой.

— Больно, но кажется, обошлось.

— Иди, умойся. Вся в крови. Вон как орёт, народ собирает. Сейчас наши защитники заявятся. На готовенькое всегда безотказные. Бардак.

Антон занимаясь "гостем" поддакнул:

— Да, медики опередили наши рассуждения, вызвав любимую народом к нашему шалашу...

— Что с Натой? — заёрзал Саша, пытаясь повернуться к ребятам.

— Ничего оклемается, сестра дралась, как тигрица, — заверил его Кирилл.

— Это точно Александр Валентинович, с тебя ей шоколадка. Заработала, — подмигнул, появившейся в дверях душевой, Наташе и Антон.

— Чего вы оба несёте, девочка пострадала, а они хохмят, — рассердился Саша.

— Мы по-доброму, — улыбнулся Антон. — Понимаем, что этот цыплёнок спас не только тебя, но и нас, не дав продырявить этой суке. Молодцом девка. Плеснула ему в зенки дрянью какую-то. Он слепым котёнком сейчас загибается.

Тот опять завопил:- "Промойте каналы глаза. Терпения нет, как печёт..."

— Нормально, — рявкнул Кирилл. — Полезно для организма.

— Ох, и кадра ты Сашёк пригрел. Ещё и пушкой балуется. Не желаешь спросить у него, за что он тебя так отблагодарить старался? — скосил в сторону Саши Антон глаза.

— Потом. Сейчас видеть его не могу, — отвернулся Саша.

— А мы с тобой Антон не такие привередливые. Возьмём и спросим. Потому как может такой возможности и не представится, если сейчас его менты заберут. Побеседуем Фролов? — потрянул Кирилл воющего от боли пленника.

— Промойте глаза падлы, — жалобно скулил тот.

— Я тебе сейчас промою за падлов. Ещё в одно место залью. Чтоб с двух сторон саднило. — Не выдержал детектив. — Время у тебя уже нет Фрол. Дробина не даст тебе

шанса жить, как ты сам надеюсь, понимаешь. Я кликухи правильно назвал? Молчишь? У Дробинина руки деньгами растягиваются, попадая во все щели и до невероятных высот. За решётку не глядя, заползёт, ты и передачку не успеешь получить, как ноги протянешь.

Пленник задёргался.

— Хватит грузить, — заговорил тот. — Что будет со мной, если скажу?

Антон переглянулся с Сашей и уверенно объявил:

— Отпустим, на что нам отстой. Правда, не сейчас.

— А ментам, что скажете?

— Наколбасим, не твоя забота. Говори своё, — заверил детектив.

— Хорошо... я расскажу...

— Притормози Фрол с разговором. Куда его пришьёшь. — И развернувшись к Тарану, сказал: — Пусть пишет. Дай ему, Кирюха, бумагу. Натка, вырви из твоего конспекта. Пиши шутник. Так будет надёжнее. А то у нас то одно доказательство не подходит, то другое... А письменное признание — надёжный способ.

— Я не вижу ничего, — заныл тот.

Кирилл держа "гостя" за шиворот, повернулся к Наташе:

— Сеструха, приложи ему бинтики. Пусть поморгает.

— На, пиши, — хлопнул Кирилл, перед Фроловым листок, сунув самого его на стул. — Нет, не понимаю я чего-то. Мимо меня проносится такой поворот. У тебя же всё было Фрол. Хорошая должность. Бабки стоящие. Голова не дурная. Перспектива опять же. Как можно было Сашу продать? Я могу оправдать Дробинина этого. Пробился наверх братан. Нахватал, а дальше умишко не тянет. Ему б людей с головой найти, создать им условия, пусть трудятся, деньги ему зарабатывают, а его понесло другим путём. Отобрать. Кинуть. Обчистить конкурента в свою пользу. У него голова так работает. А тебе это зачем.

— С Фроловым как раз всё и просто Кирилл, — следя за неровными строчками письма, выплывающими из-под дрожащих рук Сашиного зама, вздохнул Антон. — Заплатили ему, ещё больше обещали. По крупному срубить решил. Проигрался Фрол. Да, азартный любитель он, а вы и не в курсе Александр Валентинович. Долг большой у него, а бабок таких нет. Проценты пошли капать.

— Долг Дробине? — догадался Саша.

— А как же. Только напрасно надеялся Фрол, не дали бы ему ничего. Дробине хвосты не нужны. Он чистым хочет быть.

Александра передёрнуло. Его бледные щёки порозовели.

— Не чистыми-то методами.

А Антон продолжал "раздевать" Фролова:

— Такие и стараются. В подставного дурачка с тобой сыграли. Долг шулерством сработали.

— Врёшь. — Вскочил тот.

Но Антон двинув его под ребро усадил на место.

— Такой уж он конопатый. За хорошие хоть бабки продался Фрол?

— Нормальные. Что со мной будет? — охая пробубнил он.

— Посидишь в подвале, — сообщил Кирилл, присматриваясь к Антону, шушукующемуся с Сашей. Затем Антон вышел. Фролов проводил его взглядом и спросил:

— В каком?

— Не в тюремном. Здесь. Рядом с моргом, — ухмыльнулся Таран. — Соседство что

надо, молчаливое. Кирилл прочитав бумагу застегнул на клиенте наручники.

— Я жмуриков боюсь, — заскулил тот.

— Надо же какая нежная душа. Кто людей жизни, падаль лишал, — вскочил вновь

Таран.

Но вернувшийся в палату из коридора Антон приостановил его прыть.

— Не психуй, пойдём, подстрахуешь меня, отчим твой договорился там с ребятами, присмотрят чучело это. Ты понял Фрол, тебе же лучше отсидеться. Так, что давай не рыпайся.

— Вставай, пошли, — приподнял его Кирилл.

— Руки ему надо замаскировать, чтоб наручники в глаза не бросались, — подсказал Саша, ему со стороны оказалось виднее.

— Кинь Ната, полотенце на них и пошли к чёрной лестнице, — проворчал Таран.

— Где это? — засопел Фролов.

— Я пинка дам, определишь безошибочно направление, — рывкнул, взвинченный Кирилл.

Антон, выглянув в дверь, позвал:

— Давай, Кирилл двинули. Я прикрою.

— Эй, ребята, вы тут быстро разобрались, а как мне с ментами беседовать? — приподнялся Саша.

Антон, пропустив мимо себя процессию, задержался:

— Отдашь им оружие, руками проследи, чтоб никто не лапал его. Расскажешь о нападении. Охранник один остаётся, поможет тебе красочно сочинить. Бегали, мол, догоняли. Бились, но утёк. Не выть же теперь из-за этого на луну. Дробинина не будем раньше времени пугать. А мы пойдём, жмурикам соседа подселим.

Так и выкручивались. Наташа, демонстрируя разбитое лицо. Саша, указывая на валяющееся оружие, и охранники, оставшийся в палате и сопровождающий Фролова до места отсидки рассказывали битый час о происшествии прикатившей милиции. Переплетая правду с вымыслом, писали объяснительные. В общем, объясняли, как было дело. Каким способом тот проник в палату, почему пропустила охрана. Что помешало убийству. И чем объясняется побег. Написав и подписав кучу бумаг, все остались довольны. Одни, что обманули и, наконец, выпроводили. Другие, что получили столько свидетелей и объяснений.

— Им некогда бороться с преступностью, их бумаги задавили, — пожалел ребят из милиции Саша.

— Давай попьём чайку, мы заслужили, — взялась за чайник Наташа.

— Да уж, плели, как детектив писали.

После звонка Саши об уходе ментов, ребята вернулись.

— Ничего себе пристроились, — приткнув на горячий чайник озябшие руки, веселился Кирилл. — На улице мороз плясать заставляет, а они чаёк попивают себе.

— Оставь полчайника подержаться мне, — придвинул, руки и Антон. — Промёрзли маленько.

— Как там наш "больной"? — хихикнула Натка, держась за дёргающееся при смехе вспухшее лицо.

— Отдыхает с тихим соседством. Ему полезно о загробной жизни подумать. — Выбрав чашку по больше, налил себе кипятка в растворимое кофе Кирилл.

— Александр Валентинович, вы прочли то, что он там наваракал? — отхлебнул чаёк

Антон.

— Антон берите печенье, — пододвинула вазочку к парню Наташа.

Саша с ненавистью откинул листок.

— Ознакомился. Планы были мощные. Ещё шаг и потери были бы катастрофические. Максу позвонил. Теперь знаем где искать, и что исправлять. Думаю, всё обойдётся.

— Выявить вовремя болезнь, поставить правильный диагноз, это всегда шанс для больного. — Разлила ещё по разу кипяток по кружкам ребят Наташа, пододвинув им на выбор, коробку с рядками уложенными пакетиками чая и банку кофе.

— Что нас ждёт, детектив? — спросил мешая чаепитию Саша.

— Думаю, опасность миновала. Дробинин сам оголён сейчас, на открытый налёт вряд ли решиться. Времена перестрелок прошли. Хочешь делать деньги, интеллигентно выгляди.

— Его шаги в такой ситуации, как наша, можно запрограммировать?

— Скорее всего, Александр Валентинович, клиент за бугор свалит и затаится.

— Саша, что с этим субчиком, своим замом, делать будешь? — не утерпел Кирилл, вклинившись в их разговор.

— Подержите немного, пусть катится. Скорее бы уж выползти отсюда, устал лежать. На воздух хочу. Снежок увидеть. Февральский морозец вдохнуть.

Кирилл не удержавшись, хохотнул:

— Нашёл о чём жалеть. Я тебе сюда запросто могу даже сугроб притащить.

Своей болтовнёй он встревожил Нату.

— Братец, ты смотри и вправду такое не утвари. Кто интересно тут то таяние собирать будет.

— Я как букет его в таз посажу, — хохотал сообразительный Кирилл.

— Вам смешно, а я домой хочу, — проныл Александр. — Ничего хуже нет больницы.

— Есть кладбище, — сказал серьёзно Кирилл. — Поедешь дней через десять. Мама сказала, — обнадѣжил он.

Антон, отодвинув чашку, подсел к раненому.

— Арестанта Александр Валентинович выпустим только после вашей выписки не раньше. Пусть помёрзнет сволота. А по правилам так посадить бы эту сволочь. Пусть на нарах попарится. Но дело хозяйское, конечно. Вам виднее.

— Вообще-то, засиделись в гостях. Нам пора и мы пошли. Отдыхайте, — чмокнул Кирилл в щѣчку сестру.

Антон тоже поднялся. Охрана осталась за дверями.

Наташа приложилась пылающей щекой к прохладным доскам двери. Неужели все страхи позади. И Саше не надо больше бояться за жизнь.

— Полежи со мной, — попросил он девушку, сразу же, как она закрыла за ребятами дверь. Нервы расшатались. Успокой меня, — хитрил Александр.

Наташа скептически отнеслась к просьбе.

— Так я тебе и поверила. Придётся потерпеть мальчику с колыбельной, пока не покупаюсь. Тебе тоже водные процедуры принять самое время. Закончу со своим, займусь тобой. Готовься.

— Малыш, я всегда готов, как солдат к увольнению. Когда твоя тёплая ручка вольно гуляет по моему телу, я балдею.

Наташа тут же погрозила ему.

— Болтунишка. Она по делу гуляет. Не задерживай меня.

— Тогда включи телик, я футбол посмотрю, — попросил он. — Ты как к нему относишься?

Она вздёрнула носик.

— Терпеть не могу, Взрослые мужики пинают друг другу ноги, валяются в грязи, расшибают лбы мячом, тараня друг друга. Не понимая такого удовольствия. По моему разумению, это те же собачьи бои.

Его запечённые болезнью губы растянула улыбка:

— Да? а я вроде бы ещё и мяч там заметил.

Он с нетерпением ждал её возвращения. Девушка, переодевшись в шёлковый короткий халатик, вышла из душевой с тазиком тёплой воды и маленьким полотенцем. Для Саши сигнал — водные процедуры. Но пока Ната предоставляла ему возможность поговорить о футболе. В её вопросах сквозила ирония.

— Насмотрелся? Скольких уже на носилках унесли?

Саша опять принялся защищать любимую игру:

— Вообще то, они там за мячиком бегают.

Девушка же иронии не оставляла:

— Это они ловко прикидываются. Главная их задача, это вывести, как можно больше игроков противника из строя.

— Что-то мне под таким ракурсом не приходило в голову смотреть футбол, — ухмыльнулся Александр.

Тазик встал на табурет и она приказала:

— Поворачивайся на бок. Начнём со спины.

Её маленькие ладошки скользили по его заветренной коже, Саша зажмурился от удовольствия. Растерев спину жёстким полотенцем, она перевернула его, собираясь продолжить процедуру. Сашина рука бесцеремонно нырнула под халатик.

— Больной, вы точно выздоравливаете, — Наташин ледяной голос, охлаждая, совсем не понравился Александру.

— Ты обиделась? Я думал, мы всё решили.

— Саша, ты б не торопился нагонять упущенное, поостынь пока, тебе точно всё это вредно.

Ага, сейчас. Не мытьём так катаньем парень искал в такой обороне лазейку. Он принялся канючить.

— Что будет с того, если я поглажу твои ножки или грудь. Даже появятся полезные эмоции для выздоровления.

Как тут не уступишь. Маша растёрла ещё раз его. Вылила воду. Только потом подошла вновь:

— Раз полезные, тогда, конечно, придётся полежать. Осторожно подвигайся.

— Наташа, Наташенька... — горячо и бессвязно, шептал он.

"Как Маша оказалась права и так здорово, что она права, — улыбалась Тася, алея от горячего его шёпота и неосторожных рук. — Ведь, если бы не Маша, век его ей не видать. А так вот мурлыкает рядом, а большего-то мне и не надо".

Как хорошо, когда для счастья мало надо или всего достаточно. А у Машки всё не, слава богу. Её опять подкарауливал сюрприз. Да какой! Она нашла в кармане куртки Кирилла презерватив. Розовенький пахнувший земляничкой. Причём она в карманах по собственной

инициативе не рылась, знаки неверности не искала. Просто обнаружилось это случайно. Сам послал, за забытым в кармане телефоном. Сходи, мол, будь лапушкой. Сунулась в один, потом в другой, ища аппарат, и вытащила совсем неожиданную находку. Вспыхнув тревожным неприятным жаром, обожгла ревность. Решивший помочь замешкавшейся Маше, Кирилл застал её растерянной. Словно поймана на краже, она краснела. Неловко спрятав за спину руку, она старалась не смотреть на него.

Но он ничего не заметил. Вопрос его был по делу.

— Ты нашла? Что так долго-то?

— Да, — мотнула она головой, стараясь ничего не говорить. Голос непременно выдаст.

— А там что? — отвёл он её руку. На разжатой ладошке розовел пикантный пакетик. —

Это откуда?

Вот это да! Маша обалдела.

— В кармане твоём было, — прошептала она.

Кирилл не напрягаясь почесал макушку.

— Неужели? ребята черти, наверное, прикололись. Машка, ты такая напуганная стоишь, смешная. Точно замёрзший, взъёрошенный воробей. Не удачно время для развода выбрали, я с Сашей занят был до маковки. Завтра выписывают его, ты в курсе?

Маша опять кивнула, боясь открывать рот. Бекать и мекать не очень хотелось. Хвост трубой держать тоже не очень-то получается.

Кирилл же притянул её к себе.

— Детка, ну всё проехали. Успокоилась. Если б я знал, что он там, точно уж не послал тебя за телефоном. Умирают, наверное, сейчас от смеха, как ты мне поддаёшь. Им и в голову не приходит, что ты, моя кралечка, ругаться не умеешь. А самому учить тебя этому, кайфа нет.

Машка, притиснутая к его груди, молчала. Слова не желали во всклоченной голове собираться в предложении.

Поняв, что с места её просто так не сдвинуть, он подумывал подхватить её на руки, но пока занял деловым разговором:

— Машенция, ну что ты, в самом деле. Скажи мне лучше, как ты считаешь, может, Саше предложить у нас пожить? Что он там у себя один будет куковать? А у нас и сытно, весело и уход же опять.

Отпустило. Поднатужившись, она смогла говорить.

— Хорошо, только думаю, ты ошибаешься, — прижалась она к нему. Но, подумав, решительно закинув руки на его шею, забралась, подхваченная сильными руками и, поёрзав устроилась на его широкой груди.

Угадала! Надо же он только подумал взять её на руки, а она уже прыг!... Ах, да Маняша!

— Котёнок, если это тебя так завело, я завтра разбросаю их по всей квартире, — прошептал он сверкая в задоре глазами.

— Разбросай, — укусила его за ушко Маша, сжав покрепче пальчики.

— Запросто... — но получив от неё ещё знаки ласки и любви, играючи зарокотал: — Ой, тихонько, ты меня задушишь, — поспешил он в спальню.

Машкины руки, шустрыми змейками заползая под одежду, ловко орудуя, освобождали его тело от вещей. Время от времени он просил: — Пуговицы пожалей, — или — замок, проказница, сломаешь. Шальная девчонка, ну держись. — Сорвался, не вытерпев, он. Долгий, жадный поцелуй слил губы и безумные тела в немыслимой пляске жаркого огня...

Александр о таком, даже мечтать ещё не приходилось. Но дело плавно и верно шло к выздоровлению. Саша волновался считая каждый день. Вот и настал он, день его выписки. Собранные вещи в коробках и сумках сиротливо стояли, дожидаясь своего часа за дверью у стены. Консилиум врачей и долгожданное заключение. Настал такой желанный для него час. Всё позади, он едет домой. Остаётся каких-то полчаса до приезда Кирилла и больницы он помашет рукой. Долежался до предела, за окном уже проклёвывается весна. Он посмотрел, на притихшую Наташу, только б не передумала она. Нахохлилась, как цыплёнок на ветру. Конечно, боится, он понимает её, сейчас бедной девочке придётся открыть всё родителям, Кириллу. Безусловно, он постарается больше взять на себя, но уж как получится. Слишком неожиданно для всех то, что сейчас собрались ребята им сообщить.

— Всё обойдётся, Наташа, не дрожи. Ты взрослая девушка. Сама себе хозяйка, — ободряюще улыбнувшись, осторожно притянул он её к себе.

С Кириллом пожаловали и родители Наташи. Проститься с Александром и отдать выписку с рекомендациями.

— Сашенька, надеемся, больше к нам не попадёшь с таким злодейством, только в гости, — погладила парня по плечу Татьяна Анатольевна.

— Я и в этот раз не собирался. Но...

— А ты куда намылилась? — строго посмотрела она на нахохлившуюся дочь.

— Что ей тут теперь делать, — не желая того, помог Кирилл сестре. Пусть топает в институт, совсем забросила подготовку к экзаменам. — Наташа посмотрела на него и ничего не сказала. Саша тоже молчал, ожидая зацепки. А тот продолжал: - Если с официальными медицинскими справками и инструкциями покончено, тогда давайте грузиться. Саша, поедешь к нам с Машей, отпадает проблема ухода.

Мысленно поблагодарив Кирилла, Саша заговорил:

— Спасибо за заботу, но я еду домой.

Кирилл уверенный, что этот вопрос не обсуждается оторопел.

— Это не серьёзно, старик. Подумай, как ты справишься. Нет, нет...

Только Саша перебил его.

— Нормально. Жена позаботится.

Все молчали, не серьёзно отнесясь к такому заявлению.

— Ты скажешь тоже жена. Кто? — не понял ничего Кирилл. — Откуда у тебя она. Ерунда какая-то, тебе оперировали сердце, а не голову с чего такая фантазия.

Саша поднялся, разговор пошёл серьёзный.

— Я забираю Наташу. Прошу вас не перечить и отдать мне её руку.

"Вот это да!" — удивился Таран.

— Ты что рехнулся, — не смог скрыть растерянности он.

— Саша, правда, что за шутки, — не выдержал и Владимир Семёнович.

— Серьёзнее не бывает. Владимир Семёнович и Татьяна Анатольевна, я просил Наташу быть моей женой, и она дала согласие. Теперь вас вот прошу, по правилам сватовства, её руки.

— Что же это такое? — пришла первой в себя Татьяна Анатольевна. — Как же это?

— Ну, дела. Машенция удивится, — сел на стул Кирилл, не зная вообще как на такую новость реагировать.

В палате нависла гнетущая тишина.

— Хорошо, пусть так, — опомнился отец. — Зачем же с этим спешить. Поправишься, всё чин чинком сделаем, свадьбу организуем.

Саша поддерживая Нату под руку, объявил:

— Владимир Семёнович, время ничего не изменит.

Но тот так не считал и взялся рассказать Саше своё отношение к его затеи.

— Как хотите, я против. Решительно против. Скрепя сердцем согласился, чтоб она здесь с тобой была. Родственники, как ни как. Маша не могла, ребёнок маленький время и силы забирает. Уступил, а это, уже ни в какие ворота.

— Папка, я поеду с ним, — тихо прошептала Ната, крепче вцепившись в Сашу.

Но отец был неумолим.

— Я не вижу причины ехать тебе сейчас с Сашей. Понимаю, палата сблизила вас как-то. Даже могу предположить, что у вас появились какие-то чувства. Но надо подождать. Всё проверить. Скорее всего, это пройдёт. Закономерность, больные часто влюбляются в лечащих их докторов.

— Владимир Семёнович...,- сделал попытку объяснить Саша. Но Наташа прервала его, проявляя, завидное упрямство повторила.

— Как хотите, но я поеду с ним.

— Натка, ты что обалдела? — влез Кирилл. — Саша просто не знает, как от тебя отделаться. Благодарность его задавила.

— Не о чем говорить. Я как отец, имеющий на тебя пока ещё права, запрещаю тебе это делать.

Кирилл, ничего не понимая, наблюдая за спокойно улыбающимся Сашей, боялся уже ещё разочек и влезать. "Пусть отец с матерью разбираются со своей съехавшей с рельсов доченькой. Ссориться с Сашей ему вроде как бы не резон", — думал он, тербя подбородок.

— Он тоже имеет на меня права. Я его женщина, — заявила вдруг Наташа.

Таран, пивший из стакана воду, поперхнулся.

— Как это понять? — схватила за сердце мать. — Твоя фантазия не имеет границ.

— Что ты несёшь, — вспыхнул и теряющий терпение отец. — Он почти трупом был, откуда женщина.

Саша, обняв девушку, поцеловал в губы, dokonав тем самым доктора наук.

— Всё началось не в больнице, а гораздо раньше. И Наташа давно моя.

— Ничего не понимаю, — забегал отец около них.

— Матерь Божья, — закрыла рот ладонью от изумления мать. — Как ты посмела?!

Таран посматривал то на одного, то на другого. Он должен был как-то прореагировать, о чём-то сказать...

— Наташа, — не выдержал Кирилл. — Ты уморишь родителей. Умрут от разрыва сердца в расцвете лет прямо в своём институте.

— Обойдётся, спасут. Я еду с Сашей.

— Так, успокоились все, — повысил голос Александр. — Откуда такое сопротивление. Я не устраиваю вас, как зять? Вы считаете меня не достойным вашей дочери?

— Господи. Да не в этом же дело. Неожиданно всё просто. Ты и Наташа, разные люди. Я уже и не знаю, что ещё говорить, — обвела взглядом Татьяна Анатольевна палату, останавливаясь на Кирилле.

— На меня не рассчитывайте, — поднял руки он. — Меня гложат смутные сомнения. Не была ли Маняша в курсе всего этого. Уж очень она была уверена, что Саша к нам не

поедет.

— У Маши в противоположность от вас есть глаза, — пробурчала Ната, ища защиту в Сашиних руках.

— Будем считать, что весомых возражений против моей кандидатуры не просматривается. Значит, вопрос исчерпан. Наташа моя жена.

Куда денешься, поохали, поахали и смирились. Проводив ребят до машины Кирилла, помахали вслед удаляющемуся средству передвижения рукой. Таран всю дорогу удивлялся, поглядывая в зеркало на лучащихся счастьем влюбленных. "Ничего себе судьба играет в орлянку. И кто знает, где любовь поймает сердца. Подумать не мог, что простенькая Наташа, завоюет такого завидного жениха. Как мог Саша запасть на сеструху и когда? Всё ж крутилось на глазах и никто не засёк их шуры-муры. Почему никто, а Маша? Глазастая Машка всё рассмотрела. Ох, поговорим ведьмочка дома". Перенеся вещички ребят до квартиры. Кирилл, смеясь, пожелал счастливых снов на новом месте. "Звоните, не пропадите молодожёны. Ну, дела!" — никак он не мог поверить в такой необычный конец больничной истории.

Да и как тут поверить. Он удивлялся до самого дома. Припарковав у подъезда машину, понёсся домой.

— Маша, Маша, где ты? — искал он её по комнатам, вернувшись переполненный впечатлениями.

— Чего ты шумишь? — появилась она само спокойствие из кабинета. — Разбудишь Пашку.

А Таран с ходу принялся выяснять так волнуемый его вопрос.

— Скажи, ты всё знала, да? Конечно, знала. Глупый вопрос. Ведь ты даже не удивилась, не увидев рядом со мной Саши.

— Дорогой, что же тут такого не обычного. Они хорошая пара. На мой взгляд, он достоин её. Наташа будет ему чудной женой.

Кирилл опешил:

— Он?

— Конечно и потом твоя сестра именно та женщина, которая сделает его счастливым мужиком.

ОН не мог без подковырки:

— Когда ты это интересно успела понять?

— С первой их встречи, — был её ответ.

Он докружил её до дивана. Плюх.

— Я начинаю тебя побаиваться, ты всё видишь. Это ты сестре в голову вбила мысль, что он ей по плечу. Я знаю её, она б никогда в этот котёл не полезла.

— Не преувеличивай, — потёрлась она о его грудь. — И потом что плохого, когда все счастливы, всем хорошо.

Ему так не хотелось проигрывать, и он вспомнил:

— Но с презервативом в кармане ты прокололась.

Маша была очень серьёзной. Даже намёка на улыбку не наблюдалось.

— Не думаю. Это не может быть шутка ребят. У них нет причины меня злить. Тем более они знают обо мне всё. А вот зазнобушке, какой-нибудь бывшей, в самое варенье. Будь осторожен. Думаю, это не последняя её попытка скомпрометировать тебя.

Кирилл не поверил в такое предупреждение.

— Ерунда.

— Твоя воля, — Маша пожала плечиком.

— Скажи лучше, что ты там, в кабинете делала? — заинтересовался он, уже не первый раз заставая её в этой части квартиры.

— Журналы читала, — не моргнув глазом, соврала она.

"Журналы читала?" Заинтригованный Кирилл не очень поверил в такое скорое объяснение. Интересное кино, почему их надо читать именно в кабинете, а ни в спальне, ни в кухне, ни ещё где... А именно в кабинете у компьютера. Надо приглядеть за ней. Что-то тут не так. Кирилл присматривался две недели, а потом, запаниковав, начал следить и прямой дорожкой побежал к Саше за советом или помощью. Пока ещё сам не знал точно.

С порога, оттерев сестру с её:- "Чего ты прискакал?" Он так и заявил:

— Сашёк, дело есть? Помощь твоя нужна.

— Опять Машка поймала? — увидев квадратные глаза Кирилла, ухмыльнулся тот.

— Ага, всё наоборот, — изобразил руками нечто Таран.

— Не тормози.

— Рад бы. С Машкой странные вещи творятся, — жаловался раздосадованный Кирилл.

— Например? — не поверил, зная сестру, Саша таким байкам. — ну давай, давай шевелись. Такое обвинение... У меня аж мурашки по коже.

— Доказательства? Вот слушай... Звонит, прячась в ванной или по комнатам. Уходит не говорит куда. Когда меня нет, просит присмотреть за малышом Наташку и сама ходу.

— Старик чепуха какая-то. Мало ли куда ей сбегать надо. Любят они по магазинчикам таскаться, куда от этого деваться, бабы же.

Кирилл вскочил и замахал руками. Александр, еле успевал за ним следить...

— Угу, магазин, сейчас. Я проследил. Берёт такси и катит себе до определённого места.

— И что? — усмехнулся тот.

Таран помолчал и выдал:

— Там ныряет к какому-то типу в машину.

Теперь Саша не знал, что и думать. На всякий случай спросил:

— Тебе ничего с пылу жару не кажется?

Одно плеча взлетело вверх.

— Да, вроде нет. Уже месяц присматриваюсь и две недели за ней наблюдаю. А что, если она меня разлюбила и кого-то нашла. Помнишь, про дипломата рассказывала, а вдруг это он?

— Совсем сдурел. Чего ты сочиняешь. Машка тебя разлюбила? Бред несёшь. Не смей меня, а то швы разойдутся. Тебя током от гитары или ещё чего электрического последнее время часом не било, знаешь, бывает? — хихикал Александр.

— Но факт же бесспорный. Садится к какому-то типу в тачку. Сам видел.

— И долго сидит? — видя, что Кирилл злится, поддержал разговор Саша.

— По-разному.

— Чем же они там занимаются?

— Не знаю. Иногда там сидят или катаются. Но каждый раз он отвозит её домой, — рассказывал свою болячку тот.

— Что просто катаются? — ухмыльнулся Саша.

— Откуда мне знать как. Просто или нет, — вспыллил Кирилл.

Саша с целью успокоения проговорил:

— Катаются, не трахаются. Никто ещё не придумал водить и заниматься сексом одновременно. И потом не знаешь, узнай. Зажми её с поличным, — и посоветовал.

— Думаешь? — заручился Кирилл поддержкой.

Саша тут же сдал сестру с потрохами.

— Обидится ещё один раз. Мало ли было. Отлюбишь. Таран, кто б знал, что ты так скакать будешь из-за Маняши. Знаешь, старик, ревновать — надрывать здоровье. Слышал, учёные пришли к выводу, что ревность наносит сильный удар по организму. А у тебя эта дурь часто проскальзывает.

Таран отмахнулся:

— Ерунда. У меня голова трещит, а он сочиняет...

А Александр, мало обращая внимание на треск его головы, продолжал:

— Ревнивцев мучает жуткая головная боль, что у тебя и происходит, а ещё болит живот. Он у тебя болит?

— Юморист.

Не отвлекаясь он добавил ещё порцию страшилок:

— Но это не всё, доканывают его бессонница и приступы тревоги. Смотри, у тебя всё это имеется в наличие, ты обречён.

— И это друг называется, — обиделся Таран.

— Подумай, стоит ли так увлекаться собственной женой, превращая себя почти в труп. — Посмеивался Саша.

— Ладно, если облажаюсь мирить тебе придётся, — решился Кирилл, не принимая его хиханьки всерьёз.

Всё это они обсуждали полушёпотом, часто оглядываясь на дверь- не подслушивает ли Натка. Но та топталась в кухне и в их разговор не влезала.

Боясь передумать, заторопился привести выбившуюся из-под контроля ситуацию в норму. Поднявшись, отправился на выход.

— Ты куда братец, а обедать с нами, — перехватила его у входных дверей Наташа.

— В следующий раз.

Ната тут же нырнула в кабинет.

— Что это с Кирюхой, на себя не похож? — спросила она, удивившись, у Александра.

— Пчёлка укусила, — уронил он голову на бок смеясь.

— А пчела это Маша? Что он ещё там отчудил?

Ох уж и отчудил! Всем известно, что информация — главное в мире оружие и с ней, как и с любым другим убивающим оружием, желательно обращаться очень осторожно. Но Кирилл не внял этому. Таран, не откладывая шпионское дело в долгий ящик, на следующий же день застукал Машку с поличным. Тем более случай выдался подходящим. Загадочный спутник высадил её у метро, а не повёз, как обычно к дому. Только она покинула таинственную машину, Таран в секунду взял её на свой борт.

— Кирилл? — удивилась она, даже не успев испугаться. — Что ты тут делаешь?

— А ты?

Машка вздрогнула.

— Садись в машину, — рявкнул он, пугая её таким напором. Она молчком влезла в

шикарный салон подаренной отцом машины, которая с шипением подвизгивающих шин погнала домой. Грубо вытащив её из двери, подтолкнув к подъезду. Маша со страхом оглядывалась на разъярённого Тарана, не ожидая ничего хорошего и закусив губы от обиды, понеслась вверх. Он догнал её в лифте уже у двери. Маша, залетев в холл, вжалась в стену, прижимая к груди маленький портфельчик, и закрыв глаза, ждала развязки.

Его разъярённые глаза сверлили как раз его.

— Дай сюда, — вырвал он сумку из трясущихся рук Маши.

Замок портфельчика открылся от рывка, и ковёр устлали высыпавшиеся документы.

— Пожалуйста, не надо? — попросила Маша, не смея открыть глаза, и каждую секунду ожидая удара. "Он похож на разъярённого быка", — носилось в её голове.

— Что это? — покрутил он листы на непонятном языке.

Поняв, что досталось портфелю, а ни ей, расплющив глаза, Машка, кинулась защищать бумаги. Прикрывая и собирая, она коршуном кружила над ними.

— Не трогай, это важные документы, — выхватывала она из-под его ног, глотая слёзы, разлетевшиеся листы.

— Объяснись? — напирал он. — Кто этот мужик. Что означают ваши катания на машине. Что вот это в конце — то концов?

Вышедшая на шум Наташа, присматривающая за Пашкой, обомлела, увидев такие разборки брата.

Она с ходу вступила в бой за подругу.

— Ты что с башни Кремля упал? Я вчера ещё смотрю братец не в своей тарелке. Сегодня вообще коррида.

— Не лезь, — отпихнул её Кирилл.

— Прямо сейчас и побежала. Устроил тут допрос.

— Рви отсюда, сказал, — бесцеремонно подтолкнул он её на выход.

Но сестра вывернулась. Не собираясь ему подчиняться.

— На, Машенька, — подала Натка ей собранные листы. — Работает она, дубина.

— Где, зачем? — потерял ориентацию Кирилл.

— На фирме одной, братец клюнутый.

— Машуня, — кинулся он к ней, — тебе, что денег не хватает?

Сестра собранной стопкой постучала по его голове:

— Какой ты осёл и за что тебя Маша любит, — не выдержала Наташа.

— Отвянь.

— Дундук, — покрутила у виска палец Ната.

— Ушла отсюда, быстро, это моё дело, — налетел он на сестру.

— Напугал, умру сейчас от страха. Чтоб ты Манюню терзал.

— Закрой рот, сорока. Я вот никак не догоняю, — переключился он от сестры до Машки. — Маш, зачем тебе такая канитель? Денег, только скажи, если на что-то надо.

— Спасибо, не надо... — не подняла головы Маша, укладывая листы в портфельчик.

Но дело этим ещё не кончилось. Таран взял её за локоть.

— Что это за мужик?

— О, с этого и начинать надо было, — обняла Наташа всхлипывающую Машу. — Кто во что, а мой братец в корень смотрит.

— Натка, сгинь.

— Начальник. Он же старый, — расплакалась Маша.

— Ну не осёл ли. — Поглаживала её по спине Наташа. — Взрослый же мужик, а глючит по полной.

Кирилл отбивался на два фронта.

— Цыц, у меня, репей, — это досталось сестре. — Манюня, зачем тебе это, детка? — а это уже касалось Маши.

Девушка подняла на него свои измученные глаза.

— Не могу я только быть Машей. Мне ещё немного нужно. Я не напрягаюсь, чуть-чуть. Но мне нужно работать, чтоб не забыть языки. Не сердись так. Ведь ничего плохого я не делаю.

— Скрывать-то на кой надо было? — простонал он, припомнив всё, что с пылу жару натворил.

— А ты бы разрешил? — влезла опять Наташа.

— Боялась, — прошептала Маша.

— Устроил тут самосуд. Вот объявит тебе Маша карантин. Допрыгаешься, — пригрозила ему разъярённая Наташа.

Таран и без советчиков побаивался уже того же.

— Притормози с советами. Иди лучше кофе свари.

Но Натка сощутив разъярённые глазки, пригрозила:

— И слабительного туда для некоторых зануд кину.

— Кыш, — замахал он на сестру руками.

— Маша беда с тобой. Я уже себя рогатым почувствовал. Земля под ногами закачалась. Кровь выграла...,- прижал он её к себе. — Малыш, не делай больше глупостей. Я стал ревнивый, как чёрт. Саша целую лекцию о вреде ревности прочитал. Никогда за собой такого не замечал. С тобой, как бес вселился. Прости котёнок.

— Машка, не прощай его, — высунулась с советом из кухни Натка.

— Что это делается такое, чума болотная. Помолчать можешь, — пошёл он на сестру, заставив спрятаться её обратно.

— Оставь Нату, — вцепилась в рукав его Маша.

— Больно надо. Думаю, мы с Сашей придумаем, как тебе помочь. Вернёшься на полставки на свою должность. Так же будешь исполнять работу домашним вариантом и завозить. С Пашкой я помогу. Такой вариант тебе подходит?

"Ещё бы!"

— Да, спасибо. Ты лучший. — Запрыгала она около него, забыв об обидах. — Я люблю тебя.

— Вот и славно малыш. Идём пить кофе. Есть хочу ужас как. Отдохнуть же опять надо перед работой. Ох, Машка, Машка, как же ты меня развела, проказница. — Закружил он её подхватив на руки.

— Так то лучше, — улыбнулась Наташа. — Садись, аника — воин, а то со шпионской деятельностью отощал бедный. Мне вот интересно, что с тобой будет, если мы с Машкой начнём тебя пасти, а?

Таран пугая сестру завращал и так большими глазами.

— Типун тебе на язык.

— Сто первый километр братец, не иначе, — подмигнула Маше Натка. — Молчание знак согласия.

— У меня на глупые вопросы времени нет, — отмахнулся он от сестры, как от

назойливого комара.

— Естественно. Зато Машуню караулить наскрѐб до макушки.

— Собирайся и чтоб одна нога тут, другая возле Саши. Пока я тебе хвост не прищемил.

Отдохнуть, как планировал перед работой, не удалось. Проболтав за кофе с девчонками, повѐз сестру теперь уж в её дом, то есть к Саше. Вечернее выступление было не из лёгких, першило немного горло, и Кирилл несколько раз забежал в гримѐрку, чтоб пополоскать его. В один из таких заскоков, он ещё раз убедился в правильном направлении течения Машкиных мыслей. Бывшая его любовница, срезав свой белокурый локон, со спокойной совестью упаковала в его вещи. Чик и там!

Мимо такого свинства Таран пройти не мог.

— Опля. Я то думал ребята прикалываются, а это ты мне жизнь решила повеселить. За что так-то уж? Про любовь не говори, не поверю. В наших отношениях всё было предельно ясно. Собственно и не было никаких отношений. Так побаловались по скуке и по пьяному делу раз пять. Значит, жаба задавила или нанял кто?

Ситуация накалялась. Помешал разговору вызов на сцену. Убегая, Кирилл погрозил даме кулаком. Вероятно означающий, — не попадайся мне на глаза. Легко отделавшись, девица исчезла.

"Откуда и как Манюня могла догадаться про подставу?" — ломал он голову. К концу выступления подъехал Антон. Поговорили о расследовании, по делу о покушении на Александра. "Дробинина взять не удалось, — рассказывал он. — Почувяв неладное, бывший конкурент смылся за кордон. Достать его оттуда было не таким уж простым делом. Саша махнул рукой: "Чѐрт с ним пусть катится. Больше не сунутся. Повезло, пусть живут, пока Бог на них верѐвочку не завяжет. Он сам на своём бизнесе поставил крест. Все наработки сжѐг как солому. Кто теперь с ним из порядочных людей свяжется. Ведь не важно, как ты пришѐл в бизнес важно, твоѐ поведение и ходы в нём. Репутация, это пол успеха. Сам себе хвост прикусил, а я в Магадан никого отправлять не собираюсь. Много чести из мрази Фролова мученика делать". — Передавал детектив решение Саши. — Дело хозяйское, — развѐл руками Антон тогда на это. — Перестрахуйте только все дела, к которым имели доступ эти двое". Кирилл собственно ничего другого от Саши и не ожидал. Рассчитавшись с ним за работу, Таран пригласил парня в ресторан, в котором работал сегодня: "Там и пообщаемся между делом".

— С удовольствием. Вечер свободный. Как там устроилось с твоей сестрой, много же пропустила в институте?

— Что, ты не в курсе разве? Вот дела. Она же с Сашей ушла. У них оказывается, давнѐ любовь была. Он и объяснялся в её учебном заведении, договариваясь о хвостах. Теперь это уже его проблемы. Схватил, пусть тащит.

— Жаль, — ляпнул, с сожалением Антон.

Кирилл присвистнул:

— С чего такие вздохи только не говори, что тебе Натка понравилась.

Антон смущаясь помялся.

— В прочем-то да, не отрицаю. Но с Александром мне тягаться не с руки.

— Ну, лягушки на просушке. Удивил ты меня.

Антон тянул:

— Приятная, ласковая девушка.

Кирилл согласился с этим.

— Это так. Счастливей её не найдёшь сейчас человека. Вместо глаз две яркие звезды.

— Правильно, что бабе ещё надо для счастья, пусть у неё всё будет. — Вздохнул Антон. — Не везёт мне на путных, никак.

А вот Саше повезло! Белые руки Наташи, лебедями взмывая к его шее, крепко держали, лаская любимого Сашеньку. Её губки, пахнувшие лесной рябиной горькие и сладкие одновременно скользят по его лицу, рвясь ко рту. Наблюдая за ней, он удивлялся, почему раньше не замечал в ней такой красоты. Всё на яркую упаковку глаза пялил. Скинул ту упаковку и что? Скучно. Пусто. Холодно. С Наташей всё по-другому. Тёплая, домашняя, горячая. Получилось так, что он согрелся у её огонька, а упаковку уже потом приобрёл. Когда одел, этот драгоценный камушек в золотую оправу, сам обалдел, красивее не бывает. "А ведь проезжаем, проносимся мимо таких, даже не взглянув. Не ведаем дуралеи, что именно они и делают тебе дом, уют и семью", — думал он, обнимая Наташу в мчащейся по Москве машине.

— Девочка моя, давай распишемся. Чего тянуть. Ты что свадебного путешествия не хочешь?

— Наверное, хочу, но надо привыкнуть мне к норковому манто и сумке стоимостью годового моего заработка сначала. Не сердись. После экзаменов Саша, хорошо?

— Малыш, твои родители охотниками на меня смотрят, словно я волк, сожравший их красную шапочку, и им не терпится меня пристрелить.

— Фантазёр, — чмокнула она его в губы. — Маша с Кириллом и Юля с Максом тоже почти готовы к официальному решению своего вопроса. Мы хотим это организовать вместе.

— Пусть будет так, как уж вы решили. Вместе с Машей так вместе. Только ей то какой резон тянуть интересно?

— Ждёт, чтоб Пашка немного подрос. И лета тоже. Мы уже и наряды присмотрели.

— Это что по полной программе гулять будем, с мальчишником?

— Если такое желание есть, почему бы и нет, — скосила в его сторону глаза она. — К тому же у вас такая мощная группировка собирается.

— Ох, да не хилые женихи сдаваться идут, — прижал её к себе Саша. — Можем и погудеть.

— А мы?

— И вы можете развеяться, так сказать, устроив девичник.

— Здорово. С Пашкой самое то.

— Дома посидите, — хмыкнул довольный Саша. — Тоже неплохо.

— Ты прав, закажем музыку, позовём стриптизёров...

— Эй, ей. Без шалостей. Пашку в штопор вводить не надо. Вам лишние эмоции ни к чему. Это мы другое дело.

— Как заботливо, я тронута. Всю тяжесть мероприятия берёте на себя, а мы дома у телевизора, — смеялись глаза Наташи.

— Так уж матушка природа устроена. У мужика крылья и полёт.

"Вот Машка узнает, вы у неё полетаете, — мстительно скривилась она. — Она вам головную боль организует, прилепив по грузилу к тем крыльям. А она непременно узнает по тому, как я ей это скажу".

Машу же донимали телефонные звонки. Доброжелатели предупреждали, советовали и

даже рекомендовали проверить сигнал. Маша благодарила, обещала быть и ничего не делала. Понимала, что всё чья-то мерзкая игра. Она для себя давно решила, что с поступающей до головы через уши информацией надо обращаться бережно, то есть перефразируя старую поговорку: "Семь раз услышь — один раз скажи". Пришлось не мало приложить усилий, чтоб не узнал Кирилл. Бежала к телефону, стараясь схватить трубку первой.

— Машенция, ты чего дёргаешься, — вопрошал он, видя её суету.

— Извини, так, получается, — старалась не смотреть на него она, боясь выдать ложь.

Но когда Маша не успевала, и трубку брал он, на другом конце провода молчали. Раз, два, три, четыре, пять, — считал он. Хотя и пару раз хватило, чтоб у ревнивого Тарана опять полезли мысли ни в тот огород:— "Что за чёрт. Теперь вроде, как бы и все тайны по боку. Работа есть, что ещё? Не Машка, а сплошные загадки. Как тут догадаться, в чём собака зарыта? Нет, самому мне тут точно не докопаться. Манюня стоит, как боксёр перед боем и ещё одной глупости с моей стороны она может не простить. Лучше нанять Антона. Он быстрее и без обид раскрутит. Его учили на это".

Встретились в кафе. Заказали кофе. Детектив уплёл кусок торта, Таран, держа вес и фигуру, отказался. К тому же ему больше пришлось говорить, а для этого рот должен быть свободным. Антон, выслушав горячий бред Тарана, рассмеялся:

— Смешного ничего не вижу, — обиделся тот. Тебе не всё равно за что бабки получать. Тем более без стрельбы и опасности, а сумма не меняется.

— Я понимаю, — старался сдержаться детектив, — просто тут такое дело. Я не должен, конечно, разглашать дела клиентов... Но у вас самое что ни на есть наложение одного на другое.

— Ты думаешь, я что-то понял? Объяснись...,- взорвался Кирилл.

Тот не разбежался вот так сразу, не выжил всё на блюдечко. Доел торт, допил кофе... Таран его чуть самого не съел, когда тот, вымотав его терпение, милостливо заговорил:

— Значит так... Несколько дней назад позвонила Маша и попросила помочь в одном деле...

— Уже интересно, — похлопал глазами Кирилл.

— Кто-то звонит и рисует на тебя картинки из небылиц. Она долгое время на это не реагировала, но женщина становится настойчивой и даже агрессивной.

— Почему же мне-то она ничего не сказала?

— Решила, что не стоит этому уделять много внимания. Ты тут не причём. Кто-то плетёт тебе лапти. Тебе скажи, ты не в меру горяч, понаделаешь шуму, спугнёшь. Теперь понятно? — подозвал официанта детектив и заказал ещё кофе себе и плавающему в думках Тарану.

— А что она предполагает? — вспомнив историю с презервативом и локоном, поинтересовался Кирилл.

Антон не знающий Машу так, как Кирилл, пожал плечами:

— Конкретного ничего. Впрочем, нет, выдвигает три версии.

— Выкладывай не тани, — поторопил встревоженный Кирилл.

— Кто-то из бывших любовниц.

— Одна, — загнул он палец.

— Деловой завистник.

— Два, — за первым крючком встал второй.

— Безумные фанатки.

— Всё? — похлопал он по трём загнутым пальцам.

— В принципе так. У тебя у самого никаких идей поэтому, пахнущему дерьмом, поводу нет?

Кирилл отхлебнул принесённое вновь кофе и проговорил:

— Были мелкие пакости. Но я как-то наплевательски к этому отнёсся, спустив на самотёк. Поймал на горячем, подумал всё, инцидент окончен.

— Что?

Таран каялся. Можно сказать чистосердечно выложил:

— Подбрасывала одна дама всякую ерунду в карманы, чтоб Машку завести. Поймал на локоне волос. Срезала стерва с себя и в мой карман.

Антон тут же вытянул записную книжку:

— Давай данные, хотя может так случиться, что она этим и ограничилась.

— Зачем голову ломать, поставь прослушку, по голосу узнаю, — предложил он.

— Не обязательно. Читать текст с листа может один, а придумывать эту заварушку совсем другой, но ты прав давай попробуем. Выхода нет, как хвататься за всё. Там видно будет, что нам это даст. Сам-то не припоминаешь, кто у тебя такой больной на голову был?

Таран прошёлся лапицей по голове.

— Ничем родная не помогает. И если б было, давно уже взорвалось. Почему сейчас?

— Завистники были? может, в группе кому дорогу перешёл или ещё где в шоубизнесе?

Это такое болото, я тебе скажу.

— Я и сам знаю про болото. Ничего не приходит на ум.

Детектив протяжно вздохнул:

— Плохо, значит фанатки, а этот народец не предсказуем.

— Что же делать? Машку без присмотра нельзя оставлять, — забеспокоился Таран.

— Буду следить, — обещал Антон.

Таран опять отхлебнул кофе и уставился на Антона, как будто тот должен был ответить немедленно на все его вопросы.

— Больше ничего не остаётся. Что могло их на такое толкнуть, по-твоему?

Тоже приложившись к кофе, Антон предположил:

— Может, спровоцировали слухи о твоих серьёзных отношениях с женщиной. Приготовления к свадьбе. О ребёнке могли пронюхать.

Кирилл перевернул чашку на блюде и пожал плечом.

— Вроде не афишировали мы ничего. Живём тихо, никого не трогаем.

— Шила в мешке не утаишь. А тут жена, ребёнок.

Таран вспыхнул:

— Чего моя жизнь должна кого-то волновать.

— Ты буйволом не прикидывайся. Тысячи баб слюнки глотали, бегая индейцами за тобой. Томно вздыхали и на что-то надеялись и вдруг тью-тью, уплыло обожание в одни руки.

Кирилл махнул рукой.

— Представляешь, сам весь в пуху, куда не развернись, а Машенцию чуть опять не заподозрил. Ох, когда-нибудь пройдётся она по мне половником, — веселился Кирилл.

Антон съязвил:

— Легко отделаться фрукт хочешь.

Теперь Таран подозвал официанта и заказал кофе обоим и кусок торта Антону.

— Всё-таки Машка, это что-то. Откуда у неё такой нюх? — воскликнул он.

— Дар божий. Ей бы детективом быть, — хмыкнул Антон.

У Тарана полезли брови на лоб, как по лесенке.

— Ага, молоток, подскажи ещё. Вот умник! У неё и так голова полна дури. Лучше думай, как эту дичь словить. Прошу только Машки не ляпни о том, что я в курсе.

— Таран, а, по-моему, ты пасуешь перед ней, — прищурил глаз детектив.

— Боюсь её потерять, так точнее. — Вздохнул Кирилл. — У тебя вообще-то, какие отношения с бабами?

Детектив разделяваясь со вторым куском торта тоже вздохнул:

— Был женат. Работа дурная не уберёт, а может, не тот был выбор. Искал, чтоб ноги от ушей, лицо как с обложки журнала.

— Нашёл и как? — скривил губы Таран, заранее предчувствуя ответ. Сам такой же был.

Антон осторожно вытер салфеткой губы. И рассказал "как".

— Никак. Пройтись с ней одно удовольствие. В след завистливых взглядов не счесть, а жизни и тепла нет. Семьи не светит, уюта тоже.

— Дети есть?

— Нет. Фигуру берегла.

Кирилл грохнул его по плечу.

— Тогда нечего жалеть.

А тот тоже взялся каяться.

— Не скажи, как заколдованный круг. Вот ведь по уму-то наступил, раз на грабли и беги от них куда подальше. Ан, нет. В глаза лезут опять такие же длинноногие красотки. Ну почему так. Почему умная вроде бы башка натывается на такой товар. Это что судьба?

Кирилл отмахнулся, какая, мол, ещё судьба.

— Это называется, заело.

— Ты же смог из такого бабьего хоровода Машу выбрать, а уж, какие фурии бёдрами качали. Не позарился. Почему у меня такая аномалия.

— Это она меня дурака выбрала. Плакат наш рекламный, с моим профилем по середке, ей на сапог приляпался, вот и она пошла на пролом, решив, что судьба наводку дала. А я сейчас волнуюсь, как бы этот сон её про осенние листочки не кончился раньше времени. Мой тебе совет, доверяй любящей тебя бабе, а потом посмотришь, куда та тропинка тебя выведет. Потом понравилась же тебе моя сеструха, а она не эталон красоты. Правда, поздно ты разглядел её, Санёк увёл, но ведь это уже не голливудское направление.

Он допил кофе и вздохнув поднялся:

— Вернёмся к нашим баранам. Пишем голос?

— Без вопросов.

Они вышли из кафе и, настроенные на дело, простились.

Но первый блин оказался комом. Запись ничего не дала. Кирилл никого не узнал. Надоевшая до чёртиков напряжённость вынудила Машу пойти на встречу. Антон уже в последний момент засёк тот её не обдуманый шаг, помогла опять же прослушка. Сообщив Кириллу о встрече, детектив летел в небольшое ничем незаметное кафе "Лакомка". Машка сидела с тремя девицами, внимательно слушая их претензии, но, не собираясь безумию уступить. Поняв бесполезность затеи, девицы вытащили бутылочки с кислотой. Антон с подоспевшим Тараном, еле успели перехватить руки готовые плеснуть в лицо Маши страшную жидкость.

В борьбе пострадали руки гангстерш. Пришлось вызывать милицию и "скорую". Антон

отправил Машу с Кириллом подальше с глаз, чтоб не щёлкали фото аппараты, перед их носами равнодушно выполняя, чей то заказ. Решил разбираться сам. Приехавшая на вызов молодая оперативница терялась перед опытом Антона.

— Антон Родионович, но они говорят совсем другое, — робко настаивала она. — Посмотрите, что они пишут. Известный певец. Его жена.

— Кому поверили, швабрам этим. Откуда тут, в забегаловке, певцу взяться, да ещё известному. Не верите, запрос сделайте, нет у него никакой жены.

Девушка морщила лоб и постоянно отдувала непослушную прядь волос, упрямо падающую на лицо.

— Для чего же они всё это сочиняют? — пыталась добраться до сути она.

— Фейерверка хотят, вот и придумывают. Видите, моя рука пострадала так же, как и их. Всё предельно ясно.

— Причина? — вопрошала она.

Он присматриваясь к ней, объявил:

— Решили отомстить мне. Наши тропинки пересекались.

— Как им удалось заманить вас? — не могла скрыть сомнения она.

— Проще не бывает. Наняли меня. Я и прикатил. Это была наша первая встреча, — потешался он над девчонкой.

— Вообще-то, я не знаю, что и сказать, — терялась оперативница.

Он пристально смерил её намётанным глазом и предложил поднимаясь.

— О чём тут говорить, забираем дам, и поехали.

Девиц погрузили и повезли в участок. Антон специально увязался следом. Дома скучно. Срочного ничего нет. А там ждёт приятный вечер с милой длинноногой девушкой. "И что ей надо в этой грязи: романтика завела, теперь деваться некуда. Может, по благу затолкали. Ей бы в библиотеке сидеть или детишек учить", — не спускал он с неё удивлённых глаз, сидя напротив, в маленьком кабинете. Вечер писали протокол, пили кофе. Выезжали уже вдвоём на новые вызовы. В общем, Антон отдежурил всё дежурство, как полагается, предложив и на будущее свою помощь.

Кирилл торопился увезти Машу подальше, от злосчастливого места. Несясь по Москве, к дому крутил головой в её сторону стараясь убедиться, что с ней всё в порядке и она жива и здорова.

— Тебя точно не задело, малыш?

— Ни капельки.

Ну раз ни капельки он взялся за воспитание:

— Как тебя угораздило принять их предложение, ты ж не мартышка?

— Надоели. Тебя вот насторожили. Подумала, опять будешь на себя рога примерять.

— Машка с чего ты такая глазастая?

— Смотри на дорогу, а то разобьёмся в лепёшку.

Дорога дорогой, но ведь не терпится узнать:

— Чем они там тебя грузили?

Маша нехотя рассказала:

— Просили отступить от тебя. Но думаю дело в другом.

— В смысле?

— Я им нужна была лишь для того, чтоб вывести тебя из равновесия.

— Почему же ты думаешь, что главные тут не фанатки, ведь всё указывает на такое

развитие ситуации? — насторожился он.

— Считаю, что это сценарий. Их просто беззастенчиво используют.

— Машка в чём дело, ведь всё понятно и просто, в какие закоулки тебя понесло?

— Вот именно разыграно, как по нотам, не придерёшься ни к чему, но одно но. С фанатками я б договорилась. Мы б разошлись подругами. С этими нет. Понимаешь, правда состоит не в том, что человек тебе выдаёт, а в том почему он это делает.

— Что тогда?

— Твоя работа.

Кирилл не верил своим ушам. Отойдя от обалдения принялся возражать.

— Ерунда. Там нет ничего.

Маша спокойно принялась объяснять:

— Ты в группе номер один. Значит, есть конкурент и завистник.

— Несёшь, сама не знаешь что. — Сказал, а сам задумался. "Маша не ошиблась ни в чём, что, если второй вокалист решил забраться на вершину. И таким путём вывести меня из строя. А, что похоже. Добраться до информации, о моём семейном положении, могут только свои кадры. К Машкиному номеру телефона тоже. Пока я возился с Сашей, он перехватил часть репертуара. Ему это понравилось. Глупец не учёл, что слушатель идёт на меня. Хоть треть репертуару, но я был. Стоп, а что если эта моя треть его и устраивает. Вот вам и ля-ля тополя. Шустрый оказался малый, а мы то радовались, что неплохого парня нашли".

— Не понятно, как ты там с Антоном оказался, — прервала его разбег мыслей Маша, — опять мужской дух искал?

Покряхтев, Таран не признался. Пробубнив обиженно:

— Не слепой же я, — он замолчал до дома.

На завтра, он о своём разговоре с Машей рассказал Антону. Встретились они в скверике. Молодые мамы катали коляски и ловили своих распалившихся чад. Кирилл и Антон прохаживались по дорожкам. Кирилл выложил весь прогноз Маши. Сражённый, тот задёргался. Именно эту версию они и не взяли на учёт, заиклившись на фанатках. А ведь оперативница убеждала не спешить... Ох, уж эти бабы!

— Я всё проверю. Девушки пока в наших руках. Знаешь, вполне возможен такой вариант.

— Такая лажа, что ой, ой... Слышал там, на подиуме модели друг дружке пакости делают, стриптизёры, но чтоб так и со мной? — страдал Таран. — И главное мы столько проработали вместе и вдруг такое... опять же группа без меня затухнет.

— Кто знает, возможно, он тоже это понимает, поэтому и выводит тебя частично, а не всего. Выманили они сейчас Машку, изувечили. Ты б ездил с ней по больницам, лечил, с малым крутился. Он на подмене.

— А, девок наказали бы за хулиганство. Что возьмёшь с сумасшедших, — подхватил Таран.

— Как она до этого дотямила? — не мог поверить детектив.

Таран помучил ухо.

— Спроси что полегче. Я с ней и так как куропатка на вертеле со всех боков смолюсь.

Антон же хитро морща глаз вопрошал:

— Что там с вашими свадьбами. Я в нетерпении. Мальчишник, надеюсь, не замнёте?

— Саша там мудрит. Думаю, организует.

— Ох, гульнём.

Гульнём? Всё может быть. Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Выбирались и шились наряды. Смотрелись залы и площадки для банкета, утрясались списки приглашённых гостей. Концертные номера. Ведущие и прочая ерунда. А сколько времени ушло на подгон меню. Это вообще целая история. Беременная Юлька, так и не понявшая, откуда свалилась на неё такая Божья благодать, начинала уставать от этой свадебной суеты.

— Маш, может, плюнем на банкет, распишемся и привет.

— Ты хорошо придумала. Родители едут мои. Твои и Наташины ждут, не дождутся. Другьям, тем вообще начхать на нашу роспись, главное оторваться, погулять...

Их спор и деловые рассуждения прервала примчавшаяся с круглыми глазами Наташа.

— Маша, родненькая, придумай что-то скорее.

Но Маша осадила её:

— Глубокий вдох сделай. Вот так. Теперь говори.

Она не говорила, а строчила:

— Они мальчишник организуют. Я думала Саша шутит, а вчера слышу, договариваются.

— Ты ничего не перепутала? — застыла Маша.

— Пусть делают что хотят. Оторвутся последний раз, — равнодушно махнула рукой Юля.

— Юлька вольна думать, что ей вздумается, а я не согласная, — губы девчонки подрагивали. — Маш, ты умница. Придумай на них какую-нибудь холеру.

Но Маша с "холерой" не торопилась. Она, осторожно прощупывая почву, спросила:

— Наташа, может, Юля права. Пусть пузыри последний раз попускают. Видимо, бедные, несчастные мечтают вдохнуть последний глоток свободы перед тем, как поставят кабальные печати в паспортах.

Обиженная Ната выдала всё, что знала, по полной программе:

— Если б только пузыри... Они номера сняли. Саша путан заказал.

— Что???

— Как???

Подскочили обе. Ооо!

— Давай всё сначала, — приказала Маша.

Сначала так сначала, она запросто рассказала:

— Собираются смотреть стриптиз. Потом снимают номера и ждут заказанных девочек.

Маша сразу перешла на деловой тон.

— Название отеля и контору по девочкам, помнишь.

— Отель где-то за городом. А контора кажется "Мальвина". Я ещё посмеялась, каждый Буратино получит по Мальвине.

— Подслушивать нехорошо, — съязвила Юлька. — Хотя пойти и дать им по мозгам колотушкой, чтоб на всю оставшуюся жизнь запомнили надо.

Маша, ломая их убойный настрой, объявила:

— Успокойся. Убивать никого не будем. Но запомнят...

— Машка, ты придумала, что мы с ними сделаем? — обрадовалась Натка.

— Похоже, им не повезёт, — усмехнулась и Юлиана.

Маша собрала всех трёк вокруг себя. Настоящий бабий заговор.

— Разделим задание на троих. Мы кто? — дирижировала она.

Дружный хор известил:

— Бабы.

— А бабы что? — выспрашивала веселясь Маша.

А девчонки ей на два голоса:

— Кудесницы. Если не царевна лебедь, то царевна лягушка.

— Умница Наташенька. Юлька займись отелем. Изучи дорогу. Узнай номера.

"Мальвину" я беру на себя, — раскидала Маша вопросы.

— А я? — заволновалась Наташа, почувствовав себя обделённой заданием.

— Присмотри за Пашкой и договорись с Полиной Ивановной.

— Хорошо. Машенция, а что мы будем с ними делать? — тут же захотела она узнать судьбу мужчин.

Но Маша не торопилась открывать карты.

— Посмотришь. Весело будет, обещаю. Мы повеселимся, а они запомнят на всю жизнь тот свой мальчишник. Юля, попроси помочь нам твою знакомую из вашего шоу бизнеса. Она баба заводная. Я думаю, не откажет, — прошептала она ей данные особы на ушко.

— Здорово, — понравилась идея Юльки. — Я поговорю. И как мне это самой в голову не пришло.

— А мне сказать забыли? — обиделась Наташа.

Юлька чмокнула её в щёчку.

— Для тебя сюрприз будет. Самой же интереснее поучаствовать в нашем празднике.

— А у нас будет праздник?

— Безусловно.

— А у них?

— Одна беготня, — заверила Маша. — Ах, братец и Таран, вы ещё поваляетесь в ногах...

— Нет, а Макс, — крутилась расстроенная Юля. — Представить не могла. Номера. Путаны. Улёт. Ладно, эти два, каждый в своём роде. А он на их фоне мне вообще положительным казался.

— Чего тебя так удивляет. За компанию и жид удавится, слышала такое. — Поболтала нервно рукой перед Юлькиным носом Натка. Маш, ну не томи, скажи, что ты придумала.

— Обещаю, запомнят надолго. Пьём кофе и берёмся за дело, время в обрез.

Время действительно было в обрез. Маша, найдя ту фирму, предоставляющие секс услуги и получившие заказ от ребят, долго убеждала её хозяйку, что она вовсе не из карательной конторы и ничего плохого не собирается причинить ей и её "труженицам". Причём оплатит всё в тройном размере. За заказ, костюмы и маски особый тариф, а если ещё они будут так любезны согласиться провести консультации, то оплатила бы и это, не скупясь. Деньги, как всегда сыграли решающую роль. Не отказали за особую плату разумеется пройти с ними и теоретический курс обучения древней профессии. Обрадовавшись Машкиной щедрости, они же предоставили название и адрес отеля, список номеров тоже не забыли приколоть. Так что Юлке не пришлось играть в разведчицу там с персоналом, добывая их. Владение информацией, это уже полпобеды.

Ребята в намеченный день, с утра весело суетясь, перезванивались. "Договариваются на вечер", — поняли девчонки. Ну, ну! С сумерками под благовидным предлогом слиняли из дома. Каждый сочинил своё враньё. Наташа предупредила, что поедет к Маше. Александр одобрил такое дело. "Ага, закрутилось, — потирала руки Юля, приехав с Наташей к Маше. — Где они?"

Та доложила:

— Собрав друзей, отправились в стриптиз бар. Натка, не теряй времени, накрываем нам стол.

Подхватив Пашку, она озабоченно осведомилась:

— А Полина Ивановна, с Пашкой как?

— Вызвала. Она уже на подходе. А мужиков наших пасёт профессиональный агент.

Девчонки ошалели.

— Машенция, ты что детектива наняла?

— Ничего подобного. Подружка Антона. Вера. Настоящая оперативница и при исполнении сегодня. Она нам помогает. Он меня познакомил с ней, а я воспользовалась этим знакомством. У неё дежурство, так какая ей разница где...

Но Юле требовалось уточнить и она, не отклоняясь от накрывания стола, полезла с вопросом.

— А кто она?

— Оперативник. Профессионал. Помнишь дело с фанатками, напавшими на меня. Она на вызов приезжала. Там они потом с Антоном разобрались. Глупых девчонок подставили. Ключик от этой истории у второго солиста из группы Тарана был.

— Машка, куда тебя понесло, — напугалась Наташа. — Настоящий оперативник, это же серьёзно.

— Если свои пожалеют, то Антон нам точняк башки посшибает, — поддакнула и Юля.

— Это, если узнает. А мы возьмём и не скажем, — смеялась Машка.

Юлька, поиграв ножичком, как шпагой, тут же вставила неплохую мысль.

— Сдаётся мне, мушкетёрами были переодетые бабы.

— И девиз один за всех и все за одного, — чисто наш девиз. Мы, как водится за кухарку, и за прачку, и домработницу, и няньку. В общем, кругом одна за всех.

— За любовницу и кормилицу, — добавила Натка к Юлиным перечислениям. — Так что Маша права. Одна за всех и они все за неё одну.

— У нас точно понесло коней, — посмеявшись, уточнила Юля. — Пойду, открою, кажется, Полина Ивановна пришла.

Приход домработницы вызвал шквал радостных эмоций. Пашка под контролем и всё намеченное осуществиться.

— Ура! Полина Ивановна подстрахует, а пока с нами побалдеет, — веселилась Наташа. — Юлька ты боишься?

— Ни капли. Сегодня репетировали с путанами, мне понравилось. Я ему устрою ночь любви. Маш, я зелёный костюм беру, чтоб желчью ему отдавало всю жизнь, — подскочила она к Маше, вынесшей наряд для путан.

— Под крокодила маскируешься? — заметила она.

— Да уж зубами я перед его носом пощёлкаю. Натка, а ты серебристый примерь. Тебе пойдёт. Кто бы подумал, что ты Сашу так окружишь. Молодец!

— Маша думала, — хохотала Натка. — Беру серебристый, уговорили. Получилось не хило, — покрутила она костюмчик.

Юля повертела свой наряд ещё разочек и осталась довольна.

— Отлично! Вот, что значит, к их моделям применить вкус. Пошили прекрасно.

— Мы что в таком непотребном виде прямо и поедем? — скривилась Наташа.

— Накинем пиджачки, и будя. Маша, ты точно в красном хочешь?

— Ну.

— А если нас по дороге остановят. Представляете, что будет. Полна машина путан.

Маша выставила перед собой ладошки: "Без паники!"

— Всё под контролем. Мы поедем с сопровождением. Не паникуй Наташа.

— Вера? — воскликнула та.

— Угу.

— Как тебе удаётся всё продумывать до мелочей, — восхищалась Ната. — Талантище.

— Раз уж разговор о мелочах зашёл... Можно будет рожу клиенту за особую плату поцарапать. Позвони, узнай прејскурант Машуня? — кровожадно усмехнулась Юлька.

— Кому как повезёт, так и выкручивайтесь, — съязвила Машка. — Главное, чтоб маски с вас раньше времени не сняли.

— Как они могли на такое безобразие пойти... Нет, что не говорите, а в моей голове подобный рецепт мальчишника не укладывается? — потухла враз Наташа.

— Что вы с наших борзых хотите, девочки, — вздохнула Юлька. — Если Европейские мужики и те обнаглели. Считают "худшим из зол" и по хит-параду плохих поступков кстати тоже, проведённому по предложению исследователей признано — обжорство. На втором месте — чрезмерные траты. На третьем — пренебрежение друзьями и семьёй. "Хождение налево", по мнению мужчин, — вовсе даже не зло. Измена любимой — в самом конце списка. Как вам такой поворот?

Наташа приговорила:

— Скотство.

Маша же усмехнулась:

— Им там в той Европе делать не фи́га, как только такой фигнёй заниматься. Наши мужички рассказали бы им одно, а сделали совсем другое. Вся их наука с опросами у нас пробуксовывает.

— Да, что пить, что баб любить наши Европе не ровня, — вывела заключение Юлиана.

— Девчонки, — заволновалась Наташа, — Что, если мы перепутаемся и я, к примеру, к Максу затаранюсь или Кириллу. Представляешь, что будет?

Все замолчали, обдумывая ситуацию. По тому, как все молчали, сказала Маша:

— Не должно. По паспортам номера заказаны. Но если что пойдёт не так, импровизируйте.

— Ох, я не знаю, — затянула Наташа.

— Всё, без паники. Мы справимся, — прищыкнула Маша.

— Натка, что ты, правда, такая паникёрша, — обняла её Юлька. — Я так вся в азарте. Лучшего развлечения и не придумаешь. Нам все завидовать будут. Так, шампанское поставь на место, — переключилась она по ходу. — Идём на дело с трезвой головой.

— Зачем же вы бутылки на стол выставили? — не поняла Ната.

— Гости будут.

— Вау!

— А, сейчас сюрприз. Наш девичник продолжается. У нас гости. Раз, два, три. — Оповестила Маша.

На три... Звонок в прихожей застав девчонок врасплох принудил вздрогнуть. Праздничные фокусы начинались.

— Что это, кто это? — подскочила Наташа.

— Опля! — смеялась Маша, запуская известного всей стране стриптизёра с женой.

— Ну, ничего себе, — ахнула Наташа, наблюдая, как Юлька миленько целуется с гостями. Понятно, знакомые всё лица. Шоу бизнес.

— Спасибо, родная, что не послала нас к чёрту, — ворковала она с женой стриптизёра. — Натка, собери, спрячь подальше наши костюмы. Скоро коррида начнётся.

Гостей раздели, расцеловали и пригласили к столу.

— Проходите. Присаживайтесь. Мы вас ждём. Не знаю, как благодарить, — суетилась Маша.

— О чём разговор, бабья солидарность выиграла, надо помогать. Он не в курсе, что его ожидает, — прошептала она Юли. — Уговорила для подруг. Где ему переодеться?

— Я провожу. — Развеселилась Юлька. — Ты молоток.

— Надеюсь, не порвут ваши бобики его? — щебетала гостья.

Юлиана примерилась к его бицепсам и хмыкнула:

— У него мощные кулаки отобьётся.

— Ах, ладно, отработаю, — прыснула заинтригованная гостья. — Маш, через сколько они будут тут?

— Успеем и стриптиз посмотреть и посидеть. Юля налей гостье, — обратилась она к вернувшейся подруге.

— А вам? — не поняла таких хитростей со спиртным гостья.

— Мы на дело идём. Сухой закон. Пей не смотри на нас, вино прелесть.

— Кто им сообщит о стриптизе у вас? — загорелась происходящим гостья.

Девчонки зашептали ей:

— Полина Ивановна через полчаса позвонит Кириллу и распишет в красках с безобразиях творящихся в доме, если он, конечно, сам раньше не позвонит справиться о нас с Пашкой. Тогда опять же она подойдёт к телефону и пожалуется на разврат.

— Не будем о грустном, веселимся девочки, — хихикала Юля. — Смотрим стриптиз.

Через двадцать минут позвонил Кирилл. Обычное дело, он всегда звонил часто, оказавшись вне дома. Полина Ивановна не жалея слов и красок, напела ситуацию. Подействовало потрясающе, Таран, даже не дослушав, бросил трубку.

— Маша, по-моему, они уже срываются сюда, — прошептала она, подойдя к ней.

— О, это, похоже, Вера звонит. — Схватила Маша свой мобильный. — Извините, я на минутку отойду.

Выскочив в кухню, она кричала:

— Вера, я вся внимания. Поняла, едут. Втроём. YES! У нас девичник. Мы веселимся с самым лучшим стриптизёром! Спасибо!

— Девчонки всё идёт по плану, — объявила она вернувшись. — При шуме у входной двери, прячься, — прошептала она гостье на ушко. — Тебя наши бараны видеть не должны.

— Постараюсь, оправдать доверие.

Они примчали раньше ожидаемого срока. Она еле успела улизнуть. Взбешённый Кирилл, увидев веселящихся за накрытым столом девчонок и хлопавшего в ладоши стриптизёру Пашку, онемел. А, разглядев в стриптизёре примелькавшееся лицо, налился кровью.

— Похоже, кровушка в нём сейчас играет, как у быка, — шепнула Маше Юлька, прикрывая ладонью рот. — Впору кричать караул.

С ходу, никого не видя кроме играющего мускулами тела. Таран, вцепился в ничего не

подозревающего стриптизёра. Саша с Максом бросились их разнимать. Стриптизёр не хилого десятка парень, не менее удивлённый Кирилла таким приёмом, отбивался по полной программе. Остановила кавардак его жена, ловко схватившая за руку Тарана.

— Уймись, бульдог.

— Пусти. Что ты тут делаешь? — отпихивался он.

— Притормози свой пыл. Мужа в гости привела, кто ж думал, что тут такой тайфун налетит. Девичник гуляем.

Таран мигом на половину остыл. Про то что девчонкам понадобится девичник он не подумал. Это меняло всё дело. Но только ровно наполовину. Маша смотрит мужской стриптиз — что за дела?! Он решительно против. После такого выброса энергии слабый смешок, робко прошелестевший над побоищем, перешёл в дружный хохот. С часик посидели все вместе. С азартом, обсуждая происшедшее.

— Их стриптиз уже накрылся, а вы посмотрели. — Загорелась общим делом гостья, щебеча Юльке. — Вы такие умницы! Я в восторге!

Но к часу ночи, кандидаты в мужья, взволнованно поглядывая на часы, засобирались. Девчонки не удерживали. Катитесь. Всё равно дальше отеля не закатитесь.

— Что дальше? — пыталась перед уходом девчонок, заинтересовавшись происходящим, гостья. — Скажите, не томите. Мне же интересно. Я же дальше не участвую.

Маша, переглядываясь с подругами, не спешила раскрывать секрет, но обещала:

— Завтра Юлька позвонит и расскажет. Мы ещё и сами не знаем, во что это выльется.

Та возвела руки к потолку.

— О, придумали. Я до завтра умру. Давайте быстрее пока муж ушёл в машину, колитесь.

— Юля расскажи в двух словах.

Та зашептала на ушко:

— Пойдём в отель вместо заказанных на ночь путан

— О! Лучшего развлечения мне ещё не встречалось. Как я вам завидую. Как завидую...

— А говорят сумасшествие не заразно, — не поняла Натка гостью.

Оказывается, заразиться можно какой угодно дурью, только пожелай. Девчонки ехали "на дело" в Юлькиной машине. Под прикрытием милицейских фар. Вера впереди с сиреной. За ней рулила Юлька. В позаимствованной из отцовского парка машине, с девчонками в салоне. Машка шла даже не одёргивая, как это было с робкой Наташей пиджак. Она знала, что красива в этом ярком наряде, а уверенность и злость придаёт ей особый шарм. С большим трудом, сдерживая огромное желание расцарапать ему лицо, запустив ногти под кожу, чтоб почувствовал боль, она постучала в скрывающую его сейчас от неё дверь.

Ожидая их приезда, Кирилл смотрел в окно. Он видел, как подкатали путаны с сопровождением милиции. "Ничего себе дела поставлены. Менты на довольствии у бабочек. Вот так оборот". Сейчас она войдёт, а он ещё не знает, нужна ему эта ночь или нет. Перед глазами ещё стояла Маша, с восторгом смотревшая на стриптизёра. Хлопавший в ладоши сын. Умная девка, с какой стороны не смотри, сама стриптиз посмотрела, девичник устроила, а им всё удовольствие сорвала. Пришлось оплатить друзьям праздник, оставив одних веселиться, а самим ретироваться. Он ни сколько не удивится, если это она велела Полине Ивановне "выдать тайну" происходящего.

Открыв дверь, он впустил девицу. Она, сбросив пиджак, шагнула к нему. Он стрельнул глазами по ней, стараясь вырвать главное. Красный, едва прикрывающий лифт на красивой

груди, бикини. Из красного атласа высокие сапоги на стройных ногах завораживают. Перчатки выше локтя и маска опять же из красных перьев закрывающая большую часть лица, опутывает женщину тайной. В лунном свете, заполнившем комнату, зловеще горел её наряд. Руки в тонких перчатках носились по его одежде. Губы горячили кровь.

— Подожди не гони, я ещё ничего не решил, — отстранил бабочку он. — Не торопись, давай посидим.

Чего торопиться-то, Маша присела. Опять же успокоиться не лишнее. Взяла с приготовленного подноса бокал вина, отхлебнула, чтоб унять дрожь. В ней сейчас боролись две женщины. Жена радовалась отсрочки, а женщина, что сюда пришла, желала реванша. Как оно будет?!

Таран откашлялся и полез с объятиями и разговором:

— Почему ты мочишь, разговор не входит в ваши обязанности? Не бойся, я заплачу. Получишь всё, как полагается, не сомневайся. Просто у меня последние деньки перед свадьбой. С друзьями решили устроить мальчишник, отказаться оказалось слабо. И вот сейчас с тобой, я не решил ещё ничего для себя. Нужна мне эта ночь или нет. Неужели это так смешно и непонятно? — защищался он от не понравившейся ему её улыбки, пробежавшей по губам. Чтоб спрятать её, она смущённо отхлебнула ещё глоточек и, поставив бокал, решительно подошла к нему, обиженно отошедшему к окну, встав за спиной. Кусаться и царапаться совсем расхотелось. "Подарить что ли ему эту последнюю холостяцкую ночь", — улыбнулась она, своим мыслям, согласовывая решение сама с собой. Маша, соблазняла не торопясь, применяя все выученные у путан на консультациях приёмы. Таран честно боролся, но сгорел в красном пламени её рук. Машка вошла в азарт. Любопытство подзуживало. Как же интересно посмотреть каким "макаром" он будет любить чужую женщину. А Кирилл не понимал себя. Почему его так тянуло к этой шлюхе. Как смогла так ловко обволакивать и гнуть его, эта путана. Не давая думать, она уводила его в мир наслаждения и грёз. Он уже не вспоминал о своём сомнении "надо ему это или нет" отдавшись в ловкие руки искусительнице. "Что я делаю?" — ещё попытался он предпринять попытку остановиться у последней черты, но сброшенные её бикини не дали ему этой возможности осуществиться. Он уступил, бросаясь в объятия красных перчаток с головой. Такого с ним ещё не было. Часы тикали, ему не хотелось расставаться. Но, она поднялась. Оделась и протянула руку за оплатой. Он засуетился, прося остаться. Обещая удвоить и утроить гонорар, но она, вытянув руку, остановила его на безопасном расстоянии. Он протянул деньги. Путана покачала в знак протеста головой.

— Что тогда? — не понял Кирилл.

Её палец упёрся в кольцо на его руке.

— Кольцо хочешь?

Путана кивнула головой в знак согласия.

"Машкин подарок, — подумал он. — Нельзя". Куда там снял и отдал. Шальная ночь, такая киска!

— Хорошо, — сдался он. — Но ты мне позвонишь. Мы должны ещё увидеться. — Подал он ей вместе с кольцом визитку.

В её глазах застыл насмешливый укор. Если б могла она надавала ему сейчас пощёчин. Но как ревновать сама к себе Машка не знала. Что делать, когда одна половина сердца разрывается от радости, что одолела его, а другая от боли, за то, что Кирилл сдался путане. Да ещё так запал.

— Сними маску? — шагнул он, пытаясь достать Машу. Но, она, метнувшись, выскользнула ужом из номера за дверь.

Бежала по ступеням бегом. Выскочила и стараясь не оглядываться на окна, знала, что смотрит, пошла к машине.

Посмотрев, что Юлькино авто пусто, — значит, девчонки ещё работали. — Пошла к Вере в милицейскую. Туда он не сунется.

Та, изнемогая от нетерпения, встретила вопросом:

— Как прошло?

— Вот, расплатился, — разжала она ладошку, демонстрируя кольцо. — Между прочим, я его ему подарила. И что тут сделаешь, за себя же не прибьёшь. Как не пыли, а кольцо в семье осталось.

Два мента, Вериных напарника, слушая рассказ Маши, угорали от всего этого спектакля. Ну, как можно так натягивать мужиков. Они что ослепли там. Однако прятали то своё возмущение в свой карман. Получив от Машки хорошие деньги, молчали себе, смеясь над своими лопухнувшимися собратьями. Деньги перевешивали бабью глупую выходку, а куда деваться от этой проклятой жизни. Опять же всё равно дежурство, какая разница, где сидеть. В конторе с какими-нибудь уродами или здесь за весело похрустывающие ассигнации, смотря этот концерт. Просто обидно, конечно, за так проколовшихся ребят.

— Маш, неужели он даже не заподозрил? — удивлялась Вера, качая головой.

— Чтоб заподозрить, надо включить голову, а ему некогда было. Он как рыба крючок с хода заглотнул.

— Кошмар. Ужас, — прыснули менты.

Ещё б не ужас с такими приколами. У Юльки всё шло, как по маслу. Постучала. Вошла. Приложилась к бокальчику и фруктам, но дальше чуть всё не испортила. Взъерошенная такой наглой изменой, она почти выдала себя. Схватив Макса за причиндалы с такой силой, что он полчаса ловил катившиеся из глаз слёзы. Во-первых, он никак не мог понять такого агрессивного поведения ночной бабочки и потом обидно, ведь ничего не успел ни сказать, ни сделать. Но, поразмыслив, решил, что там, в конторе путан, что-то перепутали и прислали мазохистку. "Если решили греховодить, то чёрт с ним, надо же и это попробовать когда-нибудь так почему не сейчас", — решил он. И терпел.

К удивлению обрадованной Юльки, Макс ничего не понял. Ещё и принял её за какую-то извращенку. Ах, раз так!

— погоди, — мстительно шептала она, уложив его, привязав за ноги и за руки к кровати, как это видела в фильмах. Вытащив ремень из висевших, на стуле его же брюк. — Гад, ещё и аккуратно всё развесил приготовившись, — кипела она, лупя, по чему попало, пока не устала. "Ты узнаешь, где раки зимуют!"

Помахав ремнём и перерезав держащие его ленточки. Юлька протянула руку со справедливым требованием позолотить ручку. Обрадованный Макс, что так дёшево отделался и Юльке не изменил и погудел, — протянул баксы. Но путана, заартачилась, показывая на браслет. "Хрен с ним с браслетом", — рискнул он, только бы катилась поскорее.

Когда Юлька рассказывала это Вере и Машке, машину от смеха трясло. Менты не выдержав икоты, выпадали из неё, вытирая от хохота глаза. Усидеть от такого прикола уже было просто не возможно.

— Натка не сможет, — забеспокоилась Маша за опаздывающую подругу.

— Не с её опытом провести Сашу, ты Машка права, — согласилась с подругой и Юлиана. — Он открыл её это точно. Поэтому она и опаздывает.

Так и было. Саша очень скоро заподозрил неладное с девственной путаной. И когда Наткино тело задрожало под его рукой, он, сдернув маску, скрывающую лицо девушки, включил свет.

— Вот это да, — тянул он, с трудом приходя в себя. — Что бы это значило? Впрочем, стой, угадаю сам. Те две Маняша и Юлиана. Ведь так, стрекоза? Краска на твоих щеках подтверждает мою правоту. Придумала, конечно, всё Машка. Нет, я тебя не спрашиваю. Просто констатирую случившееся. Разведка у вас поставлена на высшем уровне. Вам бы всем троим в ФСБ над безопасностью страны мозговать. Ну, сеструха! Стриптиз, малявка, не дала посмотреть, в квартире ловушку устроила. Знала, что Таран, как разъярённый бык поскачет. И здесь путан купила. Не жизнь у Кирилла будет, а пороховая бочка. — Хохотал он. — Это ещё вопрос кого из них придётся поддерживать и кому грудь для слёз подставлять.

— Ты жалеешь, что вместо путаны пришла я, — ухнуло сердце у Наташи. — Не переживай. Позвони, вызови кого хочешь. Я уйду. — Она старалась говорить беззаботно, но голос предательски дрогнул. Боясь, чтоб не расплакаться, она вскочила с кровати и бросилась, торопясь собираться. Думать не могла. Боль сжала сердце. Всё ошибка, ошибка, ошибка, — стучала кровь вагонными колёсами в висках.

— Стоп, стоп. Натусик, не пыли, — перехватил он её у двери. — Ерунда какая. Девочка посмотри на меня. Посмотри, не упрямясь, я сказал.

Он поднял ей подбородок и заглянул в глаза.

— Вы свободны Александр Валентинович. Не надо так нервничать. — Захлёбываясь слезами, но твёрдо заявила она.

Саша рассмеялся её ребячеству. Не сделав ни малейшей попытки отпустить.

— Пустите, — дёрнулась она. — И извините за маскарад, и испорченный вечер.

— Ты не уйдёшь отсюда, — улыбался он, заступив дверь.

— Это не решение нашей проблемы. Наш больничный роман подошёл к концу. Подругому просто не должно было быть. Есть конец у книжки, у фильма, у дороги. Я ждала каждый день, каждый час. Знала, будет он и у меня.

Александр не принимал всё сказанное всерьёз.

— Наташа, ты ребёнок. Не так мы с этим мальчишником сделали, это понятно. Но пойми мы все трое взрослые мужики, привыкшие к свободе. Да, дорогая, не легко расставаться с ней и привыкать к каким-то там обязывающим рамкам. Я слишком долго жил вольной птицей. В один день меняются только в кино. Поверь, эта купленная ночь ничего не значит. Не больше бутылки вина. Не можешь ты ещё пока любить, как профессионалка.

— Мог бы меня научить, как Кирилл Машу, а ты путан нанимаешь, — всхлипнула девчонка.

Но Саша талдычил своё, оправдывая мальчишник.

— Давай без преувеличений. Последний же раз решил. Пойми, жена никогда не сможет делать то, что делают они.

— Мне что, в контору эту наняться, или репетитора взять?

"О! Что за новости... Какой ещё репетитор... В самый раз идти на попятную и выкручиваться".

— Не надо меня забрасывать палками. — Он попробовал прижать Наташу к себе. — Не

сердись, детка. Прости. Как мне заслужить твоё прощение, а?

Наташа нашла как.

— Не говори брату и Максиму сегодня об этом ночном шоу.

— Клянусь, — приложил ладонь к сердцу он улыбаясь.

— Спасибо, — поднялась, направляясь к двери, Наташа. Но оклик остановил её:

— Э куда. А работать, кто будет. Ты сюда, зачем пришла.

— За меня будут беспокоиться, неудобно заставлять девчонок ждать, — отбивалась она.

— Ничего не знаю. Деньги заплачены, заказ оформлен. Машке противной полезно попрыгать на нервах.

Поняв, что ей не отбиться, Наташа уступила. Она на удивление Саше любила так, как учили пуганы.

— Это что такое, малыш, где ты набралась?

— Нас учили в той конторе, — чуть не плакала объясняясь Ната.

— "Мальвине"? — уточнил обалдевший Саша.

— Да. Мы несколько дней ходили туда на консультации. Они объясняли, как это делают пуганы.

Саша не вскочил на кровати, а взлетел.

— Это чёрт знает что.

Ната пожала плечами.

— Лекция, как лекция. Очень доступно объясняли.

Побежав, Саша плюхнулся рядом и погрозил в сторону окна, быть может Маше.

— Если Кирилл не отстегает Машку ремнём, это сделаю я. Ну, сеструха.

— Помни, ты обещал, — напомнила она ему о данном слове, уходя.

— Могила, — чмокнул он её в губы. — Расскажи кому не поверят.

Наташа пришла последней, безнадёжно опаздывая и переживая.

— Александр расколол тебя? — подала Маша ей руку, помогая забраться в салон.

— Да, но он обещал ничего им не говорить.

— А у нас, Натуся, всё тип-топ, — порадовала её Юлька. — Мне даже посчастливилось своего отстегать.

— Прикольно. У меня ничего не получилось.

— Мы догадались. Не тужи, они эту ночь надолго запомнят, — погладила её ладошку Маша.

— Хватит болтать. Прощаемся с Верой и едем, — поторопила их Юля. — А то я уже спать хочу и зла страшно. Ох, я и устрою ему утром сексуальные эксперименты.

Ой-ё-ёй, что будет! Вера сопровождала девчонок до подъездов. Высадив Наташу с Машей и проводив их до квартиры, поспешила доставить последнюю. Юлька уехала домой под охраной ментов. Расстроенная Натка (лишилась романтический иллюзий) ещё в машине попросила разрешения у Маши переночевать. Домой, то есть к Саше идти не желала. Не разговаривая, боясь показаться беспомощной, она, поспешила быстрее уйти с её глаз, а уткнувшись в подушку, разрыдалась. Она опять находилась в той же комнате, где его стараниями и стала женщиной. И опять та же боль и разочарование сжигали её.

Но Маша не слепая, видела, какой вернулась Наташа от Александра. Понятно, произошло неприятное что-то для Натки, и девушка это пытается скрыть. Почувствовав неладное, Маша решительно вошла к ней.

— Наташенька, что случилось? Что у тебя пошло не так? — погладила она девушку по вздрагивающим плечам.

Та с трудом сквозь всхлипы выговорила:

— Он не любит меня, всё ложь.

Маша постаралась разобраться.

— Давай по порядку. Он тебе сказал это?

Слёзы из Наташиных глаз лились уже ручьями.

— Я сама всё поняла. Ему нужна взрослая женщина. Опытная. Которую бы он мог уважать.

— Пока ничего не понятно.

— Маша, что с меня возьмёшь. Глупышка, малышка. Разве что для рождения детей использовать или приспособить для создания тепла в семье...

— Натуся, девочка, успокойся. — Гладила её по голове Маша не находя слов для утешения. Самой в пору поревесть.

— Уж и не знаю я теперь что лучше. Жить в неведении или знать правду, — всхлипывала та.

Помолчали. Каждый думал о своём. Потом Маша спросила:

— Скажи мне, как ты к нему относишься?

— Люблю больше жизни, но что ему с того. Саше другая любовь нужна, — заливала она подушку слезами.

Маша осторожно, ладошками пошлёпала её по спине.

— Кончай этот рёв слонов. Давай-ка поговорим по бабьи. Без него ты сможешь?

— Нет.

— Значит, надо думать головой и стараться постепенно делать из себя ту особу, про которую ты только что так красноречиво описала. Ничего страшного нет, — улыбнулась Маша.

— Я не смогу.

— Глупости. Любишь, борись за мужика. Бросай, только когда не нужен. Вот смотри, — показала она ей кольцо.

— Что это? — удивилась рассматривая Наташа. Где-то я такое же видела...

— Кольцо Тарана. За работу расплатился.

Наташа прижав ладошки к щёчкам, аж прекратила плакать. Своё горе рядом с Машиным показалось маленьким.

— Боже мой!

А Маша продолжила своё повествование:

— Подёргался малость и лапки откинул. И что по твоему мне с ним делать теперь? И это ещё не вся песня.

— Что же ещё то? — не знала на сколько ей пугаться ещё Наташа.

Маша достала второй трофеей.

— Смотри, визитку дал. Новых встреч хочет.

— Какой гад.

— Ты права, такая обворожительная свинюшка, — процедила сквозь зубы Маша.

— Маш, что ты с ним будешь делать? — осторожно спросила Наташа, уже волнуясь за брата.

— Отчекрывать яйца точно по времени.

Брат, братом, но Наташа почти обиделась за весь женский род. Сколько же можно спускать.

— Удивляюсь твоему терпению. Неужели тебе не хочется пристукнуть его.

Но Маша её уверила, что тоже не прочь поточить коготки.

— Аж, облизываюсь, как хочется. Сейчас зайвится, баклажан тушёный. Посмотрим, как себя будет вести. Может, ещё и на свидание сбегая, но тогда я ему точно устрою, как Юлька Максу мазохизм.

— Как это?

Пришлось Маше рассказать про фокусы Юлианы.

— Привязала и ремнём, а за работу браслет забрала.

— Угореть можно. — Несчастливая Наташка смеялась сквозь слёзы. — Маша, сколько смотрю на тебя, удивляюсь, ты же никогда не сорвёшься на Кирюшку, не накричишь. Мужики же толстокожий народ. Уж после его выходки с твоей работой-то можно было голос подать, а ты молчком всё принимаешь. Почему так?

— Всё не так. Они не настолько толстокожи, как пытаются казаться. Они переживают такие же эмоции, как и мы. Только у нас это на рожицах написано и на языках, а они не проявляют своих чувств, всячески маскируя и скрывая их. Им когда-то внушили, что мачо не плачут. Вот они во всю и стараются соответствовать образу. Но они по природе не злопамятны и очень быстро обиды, причинённые им, забывают. Поэтому они и не придают, особого внимания обидам нанесённым нам. А не шумлю на Кирюшу по одной причине, люблю. И знаю, что он меня любит. Так зачем же рвать её, терзать и издеваться. Тогда уж лучше сразу разбежаться.

Наташа вытерла слёзы и даже высморкалась в маскарадный костюм и задала вопрос:

— Машка, откуда ты всё это знаешь?

— Наблюдаю, читаю, думаю...

— Я тоже думаю, но у меня так не получается. Маш, а как ты его заводишь?

— Это не минутный разговор.

— Машенька. Расскажи.

— Когда в квартире много горизонтальных поверхностей не обязательно отправляться на кровать. Душ, ванная, дерзай. Чудно, когда быстро и за десять минут до гостей или на одной ноге при них надёжно прячась в ванной.

— А в гостях? — раскрыла рот от удивления Ната.

— Если хочется. Там тоже есть ванны на запорах. И не стесняйся говорить о том, что ты хочешь. В этом нет ничего стыдного и неправильного, но зато тебя ждёт потрясающий сюрприз. Мужчинам безумно нравится, когда женщина наслаждается собой.

— Неужели, никогда бы не подумала?

— Тише. О, пришёл. Потопал в спальню. — Комментировала доносящиеся шорохи Маша. — Не нашёл меня на кровати. Бросился на поиски. Ага, стоит, соображает. Нашёл. Пс свету под дверью додумал. Идет сюда. Сейчас мы увидим кристально чистые глаза Тарана.

Маша ошиблась. Пока он мотался из комнаты в комнату, в них появился испуг. Таран действительно бегал по квартире. Сначала с ленцой, но после встречающей его пустоты накручивая обороты. Наконец он схватился за последнюю дверь...

— Что происходит? — удивился Кирилл, застав Машу не в своей комнате в постели, да ещё с заплаканной Наташей.

Раз так хочет узнать, расскажем. Маша отстранилась от Наташи и выпрямилась.

— Ничего особенного. Наташа не имеет больше желания выходить за Александра замуж.

— Чего? — опешил он.

— Чего слышал, — отвернулась от него сестра, — уткнувшись Маше в плечо.

— Ты что сдурела. С чего на тебя накатило? — вытаращил глаза он. Правда, успокаиваясь насчёт отсутствия на постели Маши. Сопли Наташи вполне уважительная причина, а он подумал уже бог весть чего...

— Это теперь так называется? — вздёрнула носик Маша.

— Вы о чём? — насторожился парень.

— Промыть глаза, — тут же огрызнулась Натка.

Кириллу самое время задуматься. Что он и сделал. Следующий вопрос был как раз на тему:

— Какая вас собака укусила?

И тут Маша, решив подкинуть огня, сделав шаг от Наты в сторону него, очень серьёзно заявила:

— Правильно она делает. Я вот тоже думаю, не поторопились ли мы с тобой дорогой.

— Тю. Вас точно надо показать врачу, — крутил он в голове, что бы это могло значить.

А Машка покачала страдальчески головой, мол, ах как сожалею, и отрезала:

— Похоже, действительно поспешили.

— Что ты имеешь в виду? — ушёл от её взгляда он, обрадовавшись телефонному звонку Саши, прервавшему, неприятный для него разговор. Он с чувством орал в трубку:— Да я. Здесь она. Ревёт. Замуж за тебя не хочет. А хрен его знает, что происходит, сам в непонятках. Сплошные сюрпризы. Тут вот ещё Машка взбрыкивается. Приезжай, разбирайся сам, мне точно не до сеструхи. Своё бы не потерять.

Возбуждённый ночной встречей, он ехал домой в смутном состоянии, как будет всё дальше. И вот сейчас, вдруг опять, вытеснила, оттёрла, ночную нимфу Маша.

— На чём мы остановились? — отложив телефон вернулся он к девушкам.

— На кольце твоём.

— А что кольцо? — дёрнулся он, пряча руку в карман.

— Не вижу кольца, — усмехнулась Маша.

— Потерял где-то... — сочинил первое же попавшее на ум враньё он.

— Потерял? — зловеще переспросила сестра.

— Причём тут оно к нашему разговору? — заартачился Кирилл.

Он не сводил взгляда с Манюни. По её лицу текли слёзы. Это всё ему переставало нравиться.

— И, правда, совсем не причём, — криво усмехнулась Маша. — Может, поищем вместе. А вдруг найдём.

"Это ещё зачем?!"

— Вот придумала. Горит что ли? — буркнул он.

— Идиот, — зло бросила ему сестра. — Какой идиот.

Ничего не понимая, Таран попробовал встать в позу обиженного.

— Я не понял что происходит? за что палки сыплются на меня ещё и с двух сторон?

Лучше б ему ту обиду не изображать.

— Это случайно не твоё? — развернула Маша, сжатый кулачок и на ладошке блеснуло

его кольцо. — Голоса не слышу. Так да или нет?

Если б из-под кровати выполз крокодил и подмигнул ему, он бы не так удивился, как этому кольцу. "Что за проделки рогатого?" — крутилось в голове. Никакого подходящего объяснения мало-мальски реального не падало на ум. А уж про то, чтоб говорить и не шло речи. Получалось только нечленораздельное мычание.

А Машка сунула в его деревянные руки "пропажу".

— На, возьми, свою пропажу. Рассказать где нашла или ты сам вспомнишь, место потери.

— М-м-м...

— Понятно. Не вспомнил. По крайней мере, вижу, что стараешься. А так. — Всунула Маша в кольцо визитку, а на лицо приложила, ловко поданную Натой маску.

— М-м.

— Поразительно плохая память. Даже с наглядным пособием не выхватывает из своих запасников. Ай-яй-яй!

Таран сел на кровать, попав сестре, в аккурат на ноги, от чего она взвизгнула. Он вскочил и заметался по комнате. Кирилл всё ещё не мог сообразить — откуда у Маши всё это? Подъехавший Саша с усмешкой наблюдал за происходящим. Наконец не выдержав хихикнув, посоветовал:

— Врубайся быстрее Таран.

— Куда? — лицо его выражало бесконечное отчаяние.

— Твоя последняя путана Машка, — ухмыльнулся Саша.

— М-м. — Опять замычал он.

— Видишь, уже буквы выговариваешь, — скривилась Наташа. — Скоро он Машу объяснительную начнёт писать.

— Ни фига себе фитиля, — отмер Кирилл. Обалдело таращась на Машу. — Я так не могу.

— Я тоже. — Непреступно глянула она на него.

— Ты всё знал? — развернулся он к Александру. Наконец-то найдя кого сделать виноватым.

Но тот, подняв руки вверх, сразу заявил:

— Откуда?

Таран взревел, решив доискаться правды. Весь вид его напоминал ужаленного коброй аборигена. Найду и хвост откушу.

— Кто это всё подстроил? — вопрошал он.

— Хороший вопрос? — хмыкнул Саша.

А Тарана осенило.

— Конечно Маняша. Мог бы и не спрашивать осёл, — носился по комнате кругами, ругая себя он.

— Это точно, — хмыкнула Наташа. — А разве тебе не это я говорила. Он самый с ушами и хвостом.

Он не мог сообразить, как выпутываться из этой ситуации. Биться об стену, падать в ноги... К Маше он боялся даже подходить.

— Саша, закрой ей рот, а то я за себя не ручаюсь, — решил он отыграться на сестре.

Но тут отмерла Маша.

— Вышли вон отсюда оба, — предупредила она, выпирая оболваненных ребят.

— Нет, что это за дела. Свинство какое-то, — упёрся Кирилл лбом в закрытую перед его носом дверь.

— Ты на счёт "свинства" не очень-то. Пошли, ляжем у тебя. Утром разберёмся. Пусть уснут. Малыша ещё разбудим.

Но Кирилл, почуяв опасность, никого слушать не хотел. Расчищая дорожку, он с жаром кинулся в объяснения.

— Манюня, пойми ты, мы мужики, иногда хочется побыть одному. Может быть даже просто погулять где-то. Очень важно чтоб женщина понимала это.

— Посидеть, понаблюдать...,- пропела за дверью Маша.

— Правильно, когда хочешь ты всё понимаешь, — почувствовал он крылышки за спиной.

— Потрахаться, — докончила она ту песню.

— Нет, стой, ты о чём... Всё не так... Манюня?...

Саша, привалившись к косяку, наблюдал. Он считал, что по такой горячке можно ещё больших дров наломать и до утра лучше всем остыть.

— Мальчишник получился, во! Как бы свадьбу не пришлось отменять, — ухмыльнулся он, бесполезности стараниям Тарана.

Тот вмазал кулаком в дверь.

— Да уж, зашибись погуляли.

Чтоб действительно не разбудить малого, от закрытых дверей пришлось уйти. Они торчали на кухне, хлебная кофе и домучивая друг друга.

— Я тебя насчёт сестры предупреждал?...предупреждал.

— Как это называется? — пылил Кирилл. — Кинула, как фраера. У тебя не сестра, а акула кровожадная.

— Ты сейчас из-за чего больше расстроен. Машка кинула или свидание с путаной накрылось.

— Свидание точно пшик, лопнуло. — Встал, как вкопанный Кирилл. — Ты не представляешь, что я ей нёс там.

— Неужели нельзя было узнать Машку Таран, с твоим-то опытом?

— Бред. Чего ты ржёшь? Все, между прочим, из-за тебя искуситель. — "Последний раз гульнём". Гульнули.

— Только вот не надо искать чужой огород, — быстренько отмахался Саша. — У каждого своя голова на плечах.

Подковыривая Сашу, чтоб плохо не одному было, Кирилл рассказывал:

— Машка хоть хлопнула мне кольцо на лапу и дала пинка, а Натка рыдала навзрыд без остановки. У меня смутное предчувствие, что свадьба наша накрылась. И помочь разгрести наше дерьмо некому, замешаны все трое.

Саша свёл брови и, засунув руки в карманы брюк, покачался с пятки на носок.

— Не гаркай, что произошло за эти часы, я ж Наташу уболтал?

— Да, что-то не похоже? — съязвил Таран.

— Она всё поняла вроде. Договорились... — пожимал тот плечами.

— А ты не понимаешь? Нет? Машка.

Сашка вспылел и вспылыв он попёр на Тарана.

— Кто обещал ей второго ребёнка организовать?

— Сам ничего не пойму. Таблетки давно на витамины заменил, — развёл руками он.

— Воз и ныне там, — уколол Саша.

— Говорю же, самому удивительно...

— Таран, тебе что, помощники нужны?

— Панты не гоняй.

— Тогда выруби её для начала ещё на пару лет. Она в этой банде за мозговой центр, — прошипел Саша.

— Поучи ещё, — огрызнулся Таран.

А Саша ухмыляясь плёл.

— Британцы вывели формулу, по которой определяется самое удачное время для интима.

— И зачем им это?

— Спроси. Представляешь, учитывали пол, время суток, когда обычно возникает желание и средняя частота занятий любовью, — продолжил он.

— Бредятина.

— Вот. Считали, считали они и пришли к выводу, что "жаворонкам" больше подходит утро, а "совам"- поздний вечер и ночь. Как тебе такая постановка вопроса? — Хохотал Саша. — Может, подкинуть график?

— Меня не спросили, я бы им сказал, что мне абсолютно наплевать на их науку и на то, что они там считают, лишь бы моя тёпленькая девочка была рядом.

— Иди, забирай сестру. Спят уже, наверное, настрадавшись. Я под бочок Наташи на тёплое место лягу.

Но бравый Таран трусил, причём даже не скрывая этого.

— Я один боюсь. Пойдём вместе.

— Вот до чего дошли, смех один. С охраной ходим. И это маленькие пичужки расстарались.

— Весело ему? — огрызнулся Кирилл.

— Над собой потешаюсь. Влипли, как мухи в суп. Ой! — вскрикнул Саша наскочив на вставшего столбом Тараны. — Ты чего?

— Думаешь, обойдётся? — с надеждой протянул Таран

— Совсем рехнулся. Надо чтоб обошлось. Ты Машенцию терять не хочешь, хоть и зараза она. Я Натусю тоже. Значит, пошли стараться.

Чтоб стараться их найти ещё надо... Вопреки прогнозам ребят, кровать была пуста. Из приоткрытой двери ванной доносились взволнованные голоса девушек. Потоптавшись в нерешительности и поняв, что события разворачиваются, совсем не так как они предполагали, ребята, теряясь в догадках, заглянули туда. Первым сунул голову Кирилл, следом, почувствовав безопасность, подтянулся и Саша. Наташа, придерживая голову Маши над раковиной, не скупясь, поливала её лицо и грудь холодной водой.

— Машенька, детка, что с тобой? — оттёр Таран сестру. — Уйди я сам.

— Н-не-зна-ю. Мутит. — Выбившись из сил, упала на его руки Маша.

— Нервное истощение, не иначе. Всю ночь не спать, гоняя по городу. Хорошего из того безумства точно уж не будет. — Ворчал он, унося её в спальню.

Наташа с Сашей, не сговариваясь, поспешили следом.

— Осторожно не болтай её, — наставляла Наташа брата.

— Топали бы вы, отдохнуть, мадам, пока и вас не скрутило, — цыкнул, он на сестру.

Но Машка, дыхнув запах его туалетной воды, соскочив с его рук, понеслась опять до ванны.

— Э, да, это она беременна, Кирюха? — пришёл в себя Александр. — Она и Пашкой. когда ходила, меня с запахами туалетной воды доставала.

Таран обалдел.

— Не может быть, иди ты?

— Точно тебе говорю, — хлопнул его по руке Саша. — Амба!

Наташа, выслушав их горячий шёпот и подивившись на довольные лица брата и Саши, схватившись, нырнула к Маше докладывать новость. Послушав Наташу, Маша напугалась. — Не может такого быть, я таблетки пила.

— Вот-вот. Юлька тоже пила. Ты опять же. У меня задержка. Я своё, с беременностью не связывала, а сейчас гуси-лебеди вырисовываются.

— Аисты, — простонала Маша.

— Какая разница, блин, вся соль в том, что они в клюве принесут.

Маша хлебнула из ладошки воду.

— Что же это получается?

— Сговорились, получается. Пилюли же наши они просто подменили. Ловко провели нас. Получается — один, один.

— Ты иди, я подумать должна, — выпустив Наташу, Маша за её спиной заперла замок.

— Маш, может не надо? — простонала она в закрытую дверь.

— Я отсюда ни ногой, пока не решу, что делать. А ты иди, Ната, отдыхай. Всю ночь колобродим, — донеслось до её ушей.

Кирилл поздно метнулся к двери, замок зловеще щёлкнул перед самым его носом.

— Манюня, не дури. Выползай оттуда. Пашку разбудим, — просил вмиг повеселевший от хорошей новости Кирилл.

— Что вы натворили? — закипела и Натка, накидываясь на брата.

— Две воинственные бабы на меня одного, это многовато. Давай поделимся Сашок. Вы чего тут рты разинули? Заберите свои отвалившиеся челюсти, выпавшие глаза и идите себе, — накинудся Таран на сестру с Сашей.

— Дудки, тебе, — вспыхнула Наташа на брата. — Это ты их подначил, больше некому братец-кролик. Пилюли подменить они уж никак не додумались бы, а ты медик. И что ж теперь нам делать, все планы наши поломал?

— Убери от меня эту сумасшедшую, — отбивался Таран, прячась за Сашу.

— И правда, Натуля, — поймал тот её, — идём спать, тебя это не касается.

— Даже очень касается. Я два года хотела подождать, а что теперь.

— С этого места и поподробнее. — Онемел Саша.

— Тебе это ни к чему. Если всё верно и будет ребёнок, то он мой.

— А ну-ка идём отсюда. — Подхватив, упирающуюся Натку на руки, он носком ботинка, закрыл дверь за собой.

Проводив их, Таран с новым энтузиазмом принялся за Машу.

— Маш, выходи. Смешно ей Богу. Чего уж теперь-то.

Машка молчала.

— Манюня, вредно же для ребёнка такие нервные перегрузки, закругляйся с обидами, и пойдём, снимем стресс. На пределе же оба и ребёнок обрадуется нашей любви.

Но из-за двери вместо понимания донеслось:

— По-твоему не получится. Завтра же сделаю аборт, если это правда.

— Тогда сиди там. Я тебя сам не выпущу, — прижал он спиной дверь.

А Маша бубнила:

— Это тебе не поможет. Ребёнка не будет.

Таран страшно нервничал.

— Манюня обхохочешься с тобой. Зачем ты меня пугаешь, не сделаешь же этого.

— Смешно ему! — возмущалась, всхлипывая, Маша.

— А как же к этому маскараду ещё-то можно относиться.

— Маскараду? — вскричала она.

— Разве нет? Оттрахала, как хотела, а сейчас ещё и мордой в стену лупишь.

— Ах-ах, какая я не хорошая.

— Машка, двое детей теперь будет, думать головой надо.

— Вот и думай, тебе полезно, но без нас.

— Машенька, — стонал он.

— Слышать тебя не хочу, катись к своей пугане.

Таран сполз по двери на корточки- дождался.

— Вот это да! Я понял, ты нарочно меня провоцировала, чтоб потом избавиться от меня несчастного.

— Что? — рассерженная Маша распахнула дверь, чтоб самой лично глянуть в его бесстыжие глаза и даже может быть плюнуть.

В этот раз Таран был начеку.

— Ап! — поймал он её, только такую реакцию и провоцируя. — Всё, всё, без кулачков, а то отобьёшь, болеть будут. И мне с фингалом не совсем в тему на сцену лезть.

Забрав Машку в плен своих больших ручищ, тем самым, обезопасив себя и её, он делал попытки целовать, но Машка попробовала защищаться. Но быстро выбилась из сил.

— Скажи спасибо, что я рожу твою там не располосовала и нос не откусила, — пригрозила она любимому.

— Машенция, — это не честно. Я ж сопротивлялся, как мог. Тело узнало твои руки и поддалось, — шептал он, торопясь заласкать девушку.

— Ах, не честно?

— Ну. Я тоже могу на вилку полезть. Ты провела ночь в номере с мужчиной.

— Что, что? — постаралась выбраться из его рук Маша.

— А как ты думала?

— Кирилл, пусти, — попросила она, устав с ним бороться. — Ты просто издеваешься надо мной.

— Скажи, что ты пошутила на счёт аборта?

Маша помолчала, а потом, придав голосу твёрдость, сказала:

— Я рожу этого ребёнка, но тебе придётся собрать вещи и уйти.

"Вот это да!"

— Как уйти, на сколько? — вытянулось у него лицо.

— Навсегда, — твёрдо заявила она. — Это будет цена его жизни.

У Тарана сносило голову, он уже ничего не понимал.

— Балдёж. Маш, не мучай меня, как пацаны без отца будут.

— С чего ты умник решил, что будет мальчик? — уколола она.

— Пацан. Точняк, — выпятил грудь он.

— Да-а. Познания такие откуда? — усмехнулась Маша.

— Раз Саша говорит, что у тебя те же симптомы... Машенька, золотко, давай мириться.

— Специалисты великие. — Отвернулась, чтоб не смотреть в дышащее рядом раскаянием и растерянностью лицо его она.

— И я без тебя не смогу. Всё ж ясно как божий день.

— Кому ясно?

— Всем, что я тебя страсть, как люблю.

— Не знаю, мне пока ничего не понятно.

Таран каялся. Причём каялся своеобразно, стараясь остаться как бы и не виноватым.

— Сама ж голову задурила. Я и поплыл.

— Надо было спасательный жилет взять, а проморгал, тони теперь на серединке, — отрезала она.

— Машенька, это точно перебор, за что наказывать-то? — ныл он.

— Не понимаешь?

— Машенция, кончай привередничать, — поймал он её ушко. — Ты ж любишь, зачем так всё ломать. Хочешь, на колени встану...

Маша, пропустив его крик души мимо ушей, прочитала ему лекцию о любви.

— Знаешь, дорогой, все беды от любви, — сказала она, рассматривая его виноватое лицо. — Залюбливаем детей, мужей... Наверное, всего должно быть в равных пропорциях. Я уже прошлый раз для себя всё решила.

— Решила, что? — напрягся он.

Почему бы и не сказать, она сказала. Пусть слушает, если так хочется.

— Ещё одна длинноножка и всё.

— Так не считается же этот случай, — окрылился Таран.

Но Маша так не считала.

— Позволь узнать, почему?

Только Таран бил по фактам.

— Не было же никого. Одна ты. Не можешь же ты за себя, меня казнить.

— Неужели? — прищурила она глаза, — а путана?

— Не один нормальный суд не признает твоих аргументов, — резко повернулась она к нему.

— Но факты...

— Факты, как раз и говорят, — перебил он Машу, — что не было измены.

— Тогда я пойду в ненормальный...

— Маш.

— Я уши заткну, — произнесла она раздражительно.

— Машка, хватит измываться, никому я мальцов своих не отдам и тебя тоже. Сама же не сможешь без моих рук, — пробежался он в подтверждении своих слов по её телу. — А без этих губ, — припал он к её груди. Не теряя времени и воспользовавшись замешкавшейся Машкой, найдя её губы, дорвался до бесконечного поцелуя.

Она с трудом отдышалась.

— Отстань.

— Девочка моя, ты довела меня сегодня до больничной палаты не меньше. — Выдыхал он, на вздохе припадая опять к её горячим засасывающим губам. — Машка любовь моя сумасшедшая. Ведьмочка любимая... Машенька!

Безумный шёпот нарастал по мере того, как улыбающаяся своим мыслям Маша повторила ему в точности ту ночь, что так завела его в отеле.

О! как коротки в таком безумстве ночи! А тут ещё долго разоспаться не дал Пашунчик, требующий внимания и еды. Засунув голову под холодную воду, Кирилл кое-как раскрыл глаза:—"Нет, это не отдых. Пять минут удовольствия и ночь нервотрёпки. Сажусь на цепь и завожу собаку. Любота. Валяешься себе на травке, а она рядом бегаёт. Хвостиком виляет. Тебе рада. Опять же за её любовь никто не бранит и пинка дать не собирается. Ой, какая собака, — вспомнил он события прошедшей ночи. — Машуня, кажется, беременна вторым. Этот и на четвереньках по траве побегает и полижет. Зато два года можно быть спокойным. От чего спокойным, от Машки? Ерунда. С ней всегда надо быть начеку".

— Что ты тут колдуешь? — зашёл в кухню, позёвывая, Саша. — Давай кофе сваргань.

— Завтрак пытаюсь организовать и мальчика покормить.

Пока то да сё, Таран налил ему чашку кефира. Тот поморщился, но всё же выпил.

— Давай поддержку, — забрал у него после кефирчика- то Пашку он. — Помирились?

Таран был односложен:

— Почти.

— Чего так слабо? — всунул шпильку Саша.

— Аборт грозит сделать, — проныл Таран дую на молоко.

— Ай-яй-яй.

— Один приятный момент за вчерашний вечер, беременность Манюни и ту пытается отобрать, — вздохнул Кирилл не обижаясь на свояка. — На пей своё кофе, только осторожно, чтоб Паша на себя не опрокинул.

— Два, это не тормоз. Больно-то не расслабляйся. Три Валерию не остановили, — произнёс задумчиво, попивая себе кофе ухмыляющийся Саша.

— Значит, будем до пяти бить..., чем я её ещё могу удержать около себя? — Размахался в масштабах Таран.

Саша сложил многоэтажный бутерброд и заметил Кириллу:

— Это ты круто помечтал. Второй раз твоя блестяще проведённая операция с таблетками не покатит.

— Придётся мозги приложить, — взялся за чашку с кофе Таран.

— Чего ты так паникуешь Кирюха? она ж любит тебя до чёртиков. Дурь твою и ту всю любит.

— Ох, не знаю. Бережёного Бог бережёт.

— Очуметь с тобой. А идея с таблетками на ура прошла. Наташа, кажется, тоже в положении.

Таран поморгал длинными ресницами.

— С чего ты так решил, она сказала тебе?

— Я по Маше смотрю. Её ж беременность на моих глазах прошла. Сопливость, раздражительность, сонливость.

Таран, забирая сына из Сашиных рук, хохотнул:

— Это ты брат загнул, после того, что мы натворили, эти симптомы у любой бабы появятся.

— Не лишай меня удовольствия своей болтовнёй. Есть ещё одно, — задержка. Так, что рожать они будут с небольшим сроком разницы все трое. Твоя идея сослужила нам всем добрую службу.

— Ай да мы! — ржал Таран. Пашка, поддерживая отца, тоже заливался. Правда, не понимая по какому поводу.

— Ой, доболтались... Собирайся, в аэропорт пора ехать, — глянув на часы, заторопился Саша.

— Зачем? — беззаботно жевал Кирилл. И вспомнив:— Ох, горох с укропом. Дошло Родителей твоих встречать. А мою дорогую тещу. Которая, если б могла меня поджарила, щедро засыпав тем укропом.

— Так на твоей поедем? — выгнул бровь Саша, уточняя средство передвижения.

— Ага. Счас! Я за руль после ночной продолжительной беседы не сяду. Давай свою коняку.

— Не жалься и так вижу, что тяжело пришлось.

О, Кирилл, услышав сочувственные нотки, тут же принялся жаловаться.

— Не то слово. Такое было, такое было... Ты-то, как выкрутился, бодренько выглядишь и выспался, смотрю?

Саша похвастался:

— Обещал, что из всех увеселительных заведений, один буду посещать только сауну.

— Зашибись. Это она не подумавши, согласилась. Забыла, наверное, что в воде русалки водятся. Ничего ей Машка подскажет, — подкинул желчи Таран.

— Убавь громкость. Правда ещё сестричка услышит, накроется и сауна. Вот помянул не ко времени.

После кухни они, не прекращая разговора, перешли в ванную, где брились, мылись и говорили дальше. Кстати Таран вспомнил про Макса.

— О! Сашёк, позвони-ка Максу, он там живой. Вчера какой-то квёлый был. А, если учесть все последующие события, то на выходе может быть всякое.

— Ты прав, Юлиана темпераментная мадам. Могла запросто пришибить, — согласился тот.

Максу дозвонились не сразу. Разбуженный звонками он уполз на кухню, забрав телефон.

— Да слушаю, — буркнул он недовольно в трубку.

— Раз язык, слух в норме и телефон не разбит о твою голову, значит живой. — Хохотнул Саша. — Думаю, ты уже в курсе событий вчерашней ночи.

Макс обещал:

— Что вам рассказать. Стойте. Сейчас перейду в ванную и тогда распишу во всех подробностях.

Макс, воспользовавшись отсутствием рядом Юльки, поведал свою историю, начиная с отеля и путаны- мазохистки, до замотанного на одно пикантное место Юлькой ему браслете.

Дружный радостный хохот, что досталось не только им, но и Максу, пожалуй, даже покруче чем им, развеселил даже Пашку. Он весело хохотал с ними вместе, похлопывая в ладоши.

— Ты Макс переплюнул нас с Кириллом. Оттянулся на всю резинку. Раньше проституток, не имел что ли?

— Обыкновенные бабы были. Обходился, без путан. А тут такое свалилось за компанию. Откуда же я знал, что вы там заказали.

— Нет, я умру, прям здесь, сейчас, — хохотал Таран, держась за живот. Спроси у него всё цело.

— Почти. — Хмыкнул Максим. — Предупреждение только получил.

— Делись какое. Саше вон разрешили в сауне плавать. Мне гайки закрутили так, что резьбу сорвало, что ж тебе?

— Если ещё раз влезу в дегустацию путан, сделает яичницу, сами знаете из чего. Но мне хватило по уши такой экзотике в отеле.

— Ну-ну. В следующий раз советую не брать тебе с собой ремень, может больше повезёт. Мы поехали в аэропорт. — Смеялся Кирилл, держась за скулы. — Ой, не могу. Скулы свело. Мальчишник закачаешься!

Да уж, мальчишник удался. Но, слава Богу, что все остались целы. Полдня ушло на поездку в аэропорт и цыганский табор дома. Всю дорогу тёща допытывалась, не разбежались ли пары. Лелея надежду услышать, наконец, что дочь свободна от балалаечника, как она называла Кирилла. Потом была встреча родителей с дочерью и внуком с длинными разговорами, поцелуями, разбор подарков уже в квартире. А тисканье подзабывшего их внука и беседы о предстоящей завтра церемонии навели Валентина Александровича на блестящую с его стороны мысль, которой он тут же решил поделиться с ребятами.

— Как-то не по правилам всё. Надо мальчишник организовать, — восторженно предложил он, ожидая аплодисментов. — Саша и Таран, поперхнувшись, закашлялись. — Простыли что ли? побереглись бы перед свадьбой.

— Подавились, — объявили они и пошли на попятную. — Вы уж как-то там давайте без нас со Станиславом Ивановичем.

Но Дмитриев воспротивился такому не порядку.

— Так не пойдёт. Маша, Наташа, отпустите их под мою ответственность. Мужики всё-таки свободу теряют.

— Если так жалко. Могут и не терять, — сладко улыбнулась Маша, обводя взглядом вытянутые лица ребят.

— Маш, это уж чересчур ты загнула. — Обнял дочь отец. — Женщина столько не теряет, идя на брак. А они вольную жизнь — раз. Деньги в твой карман потекут — два. Свободу, ты на часы будешь смотреть, на сколько опаздывает и почему — три.

— И так до бесконечности, — съязвила Наташа.

— Я согласна сто процентов с тобой папочка, женщина, естественно, только приобретает. Загибай пальчики. Головную боль, за мужа, за ребёнка, за распределение семейного бюджета. За закупку продуктов, уборку, стирку, глажку, варку и основная работа тоже никуда у неё, как правило, не девается.

— Машка, дочка, ну что ты какая. Должны же мы нашим мужским коллективом посидеть, в конце-то концов.

Кирилл с Сашей, почуяв удачу, напряглись. Их закатившиеся глаза вернулись в место своей постоянной дислокации. Они в рот почти смотрели Дмитриеву. Выторгует или нет?

— Ради Бога. Разумеется, — не спуская с лица сладкую улыбку, согласилась с отцом Маша, всё же искоса глянув на ребят. Чего бы и не отпустить, тем более под вашу ответственность. У них опыт большой. Они вам чудный праздник устроят. И весёлый стриптиз бар покажут и где путан найти посоветуют.

Кирилл крякнул, покосившись на Сашу, теребившего свой подбородок. Машка явно водила их по лезвию бритвы. С ловкостью факира, чиркая у горла.

— Зачем же такие крайности. Мы люди интеллигентные. Одеваем дорогие костюмы и в наш клуб поедem.

— Интеллигентные? — зловеще повторила за ним Маша, только нажимая на знак вопроса.

— Безусловно, — не понял её намёков отец. — Цыган закажем. Погуляем, как полагается, проводим их холостую жизнь.

— Нас что взаправду отпускают? — Саша, не веря такому счастью, вопрошающе смотрел на девчонок. Таран вообще ни на что, не надеясь, скромно помалкивал. Говорите себе, говорите...

— Да, скатертью дорога. Может, случится так, что вас на наше счастье те цыгане и украдут, — пожалала плечами Маша.

— Нет, вы идите, а я не могу. Там послышалось не хорошее что-то на счёт цыган. С неё станется, она организует... — заволновался Кирилл.

— Что ж, это с вами девки наделали за это непродолжительное время. Какое-то у вас паническое состояние, — изумился Валентин Александрович. — Полгода, не виделись и какие поразительные перемены. Собирайтесь чудики. Ваших барышень остаётся стеречь Тамара Васильевна.

— Только стереги их мамуля повнимательнее, чтоб среди пляшущих цыганок ненароком не оказались, — ввернул Саша.

Пока не передумали, Таран бегом оделся. Пока собрался тесть, он был уже готов.

— Валентин, идите уж. — Выпроваживала их Тамара Васильевна. — Вам ещё надо дать возможность переодеться Саше, заехав к нему.

— Успеете, заедете, вечер только начинается. — Поправила Машка причёску, посмотревшись в зеркало. А мы тоже скучать не будем. Найдём чем развлечься. Да, Ната?

— Конечно, прокатимся, стриптизик посмотрим, — поддакнула ей та.

— Я от неё шизею, — подскочил Таран, вернувшись от двери. — Я остаюсь.

— Кирилл, не дури. Она нарочно тебя заводит. — Погрозил дочери кулаком отец. — Машка, не ломай нам всю рыбалку.

— Вы её просто не знаете. Она точно пойдёт или чего похлеще отчудит. — Прочно оседлал стул он. — Идите одни.

Маше стало, совсем, весело от этой его паники. Неужели Таран боится. Чтоб голосно не захохотать Наташа отошла, отвернувшись к окну. Плечики её всё же вздрагивали. Обняв Кирилла за шею, Маша, поиграв, прикусила ему ушко.

— Иди, я пошутила.

Не веря своим ушам, он смотрел на неё, пытаясь по губам угадать правильность слов. Забравшись к нему на колени, она понежила его губы лёгким поцелуем.

— Ребята, — взмолился отец. — Кончайте телячьи нежности, время тикает.

— Иди, я буду ждать. — Прошептали её улыбающиеся губки на его горевшее ушко.

— Манюня, ты лучшее, что у меня есть. Я тебя люблю, — заторопился он.

Дважды упрашивать, точно не пришлось. Мужики слиняли, как рисунок на рубашке от белизны. Правда, не забыв захватить с собой загостившуюся Наташу до дому.

Тамара Васильевна бдительно наблюдая за сим спектаклем, заподозрила явный подвох.

— Что это твой Кирилл такой весь правильный, прям как икра на хлебе. Зёрнышко к зёрнышку? — не скрывала она своего сарказма.

— Икринка к икринке ты хотела сказать. Я беременна и он беспокоится о моём здоровье и о здоровье малыша.

— Машка, ты сдурела, — побежала она за валерьянкой. — Зачем? Дикость, какая. Ты ж

не необразованная, забитая барышня. Про предохранения тебе, что слышать не доводилось?

— Таран хотел. Я подчинилась.

— Срочно надо принять меры. — Забегала маменька. — Такого нельзя допустить.

Маше бы уговориться, но она разошлась.

— Почему. Ему хочется иметь большую семью, пусть будет.

Но та слушать ни об чём не желала.

— Мужик наплетет, не донесёшь, голова-то у тебя есть...

— Мамуль, ты же сама видела, как он боится потерять этого ребёнка. Аж, от гулянки отказался. И что плохого в детях?

— И в кого ты бестолочь такая уродилась? Разве можно с таким мужиком на себя плевать. Ты подумай только, во что ты превратишься.

— Мамочка, я сама разберусь со стихийным бедствием по имени Кирилл Таран. Лучше меня ситуацией всё равно никто не владеет.

— Бросит ведь.

— Уплывёт, что ж дети его останутся. Я люблю этого парня, понимаешь. Но голову на полку не кладу, я тебе это обещаю. Что ты так заранее волнуешься. Никто ж не знает, что там нас ждёт за поворотом. На машине гоним и то с опаской заглядываем, а по жизни без тормозов идём. Так уж устроена она, вперёд не заглянешь. Я хочу быть счастлива с ним сейчас. Каждый час, минуту. А там, в будущем, что уж будет, то и буду есть.

— Машка, Машка, горе моё. Это ж надо так в мужика втюриться, — обняла она её, прижимая в тревоге к груди. Тревога за дочь обжигала сердце. А Маша ласкаясь говорила:

— Не вижу в этом ничего постыдного. Мне нравится любить так. Я счастлива.

Через час покидав в пакет красный наряд путаны и оставив сына на оторопевшую бабушку, Машка вызвав такси исчезла.

Разрывался телефон. Кошачий голосок промурлыкал, что ему самое время подняться в комнату 25. Обескураженный Таран почесал трубкой за ухом, но ясности это не прибавило. Оглядываясь на друзей, отправился по наводке. Вот и комната. Дверь распахнулась и Кирилл поправил упавшую челюсть. За порогом стояла путана в красном. "Ни фиги себе!" Тонкими пальчиками затянутыми в красную перчатку, она, цепко ухватив его за галстук, перевела через порог. Он пяткой закрыл дверь.

Мимо проходила жена стриптизёра, работающая на их вечеринке. Вернув изумлённые глаза на место, она механически набрала номер Юлианны. Через час возбуждённые Юлька с Наташей ворвались в номер с Тараном. Тот еле успел прикрыть собой партнёршу. Наташа с ходу и долго не мудря с кулаками накинута на братца. Дав возможность Кириллу побыть рыцарем и получить пару тумачков, Машка сняла с лица красную маску с перьями.

— Ась! — оторопела Юлька.

— Маша?! — выдохнула Натка.

— Подурели совсем, — разворчался Таран. — Белены объелись.

— Как романтично! — закатила глазки виновница паники. — Надо и себе такое устроить.

Тут уж Кирилл оторвался.

— О! ещё одна с глазами и хвостом... Пошли вон.

Девчонки с хохотом выкатились в коридор: — Ну, Машка!

Домой она вернулась с ними. Всю дорогу пересмеивались. Пашка спал.

Мужики отпустили вожжи по полной. Погуляли, на все силёнки. Приползли домой на хорошем подпитии. Тихо расползаясь по комнатам. Маша, дождавшись бесчувственного тела Тарана, с такими болями пропивающего пол ночи свою холостяцкую свободу, стаскав его под душ, уложила на кровать, последний раз до утра посмотреть сон про волюшку. Кирилл даже не мычал. Ехать за рулём было некому и они, взяв такси, оставили свою машину у клуба.

— Хорошо, что до такси доползли, — охала всю ночь Тамара Васильевна, приводя мужа в чувство. А этот с чего так набрался...

— Ох. Я, наверное, умру. — Стонал он, но уже по своему похмельному поводу.

А она подавая таблетки и воду бурчала:

— Не те уже годы, чтоб так-то звенеть. Как можно было так нализаться. Они же молодые, а вы три старых дурня от них не отставали. Станислав и отец Наташи тоже лежат головёшкой. А впереди церемония бракосочетания, роспись, банкет, что с тобой делать не придумаешь.

Но к назначенному часу все были на ногах. Валентин Александрович, даже успел, вызвав такси, съездить за своей машиной. В свадебной мишуре лимузинах с озабоченным народом в праздничных одеждах, процессия покатила по шумным улицам. Юлия с Наташей в белых нарядах невест, а Маша в розовом хорошо сидящем платье. Маленькая атласная шапочка с цветком венчала головку вместо фаты, что красовалась на головах подружек. Пашка ходил по рукам бабушек и дедушек, не понимая происходящего и стараясь из всех силёнок попасть на руки наряженных родителей.

Благодаря тому, что были приняты меры по сохранению тайны церемонии, обошлось без шума прессы и чужих глаз. Только сугубо свои. Близкие и родные. Знак любви поцелуи, обмен кольцами и печати в свидетельствах о состоявшемся браке удостоверили народ, что на земле любовь приобрела статус семьи.

— Па-па, ма-ма, — скороговоркой выпалил Пашка и захлопал в ладоши под общий смех и аплодисменты.

— Вот и всё дети выросли, выучились, пристроились каждый, найдя своё плечо. — Облегчённо вздохнул Валентин Александрович. — Очень за Сашу боялся, а он такую чудесную девушку присмотрел. Так что мы с тобой мать теперь вольные птицы.

— Не спеши крылышками махать. Это только начало. Машка беременна другим.

— Как?

— У Тарана спроси.

Больше книг на сайте - Knigolub.net